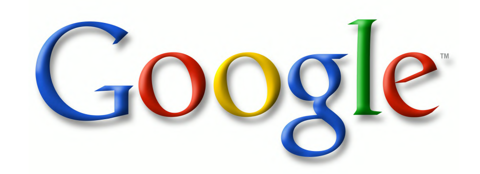
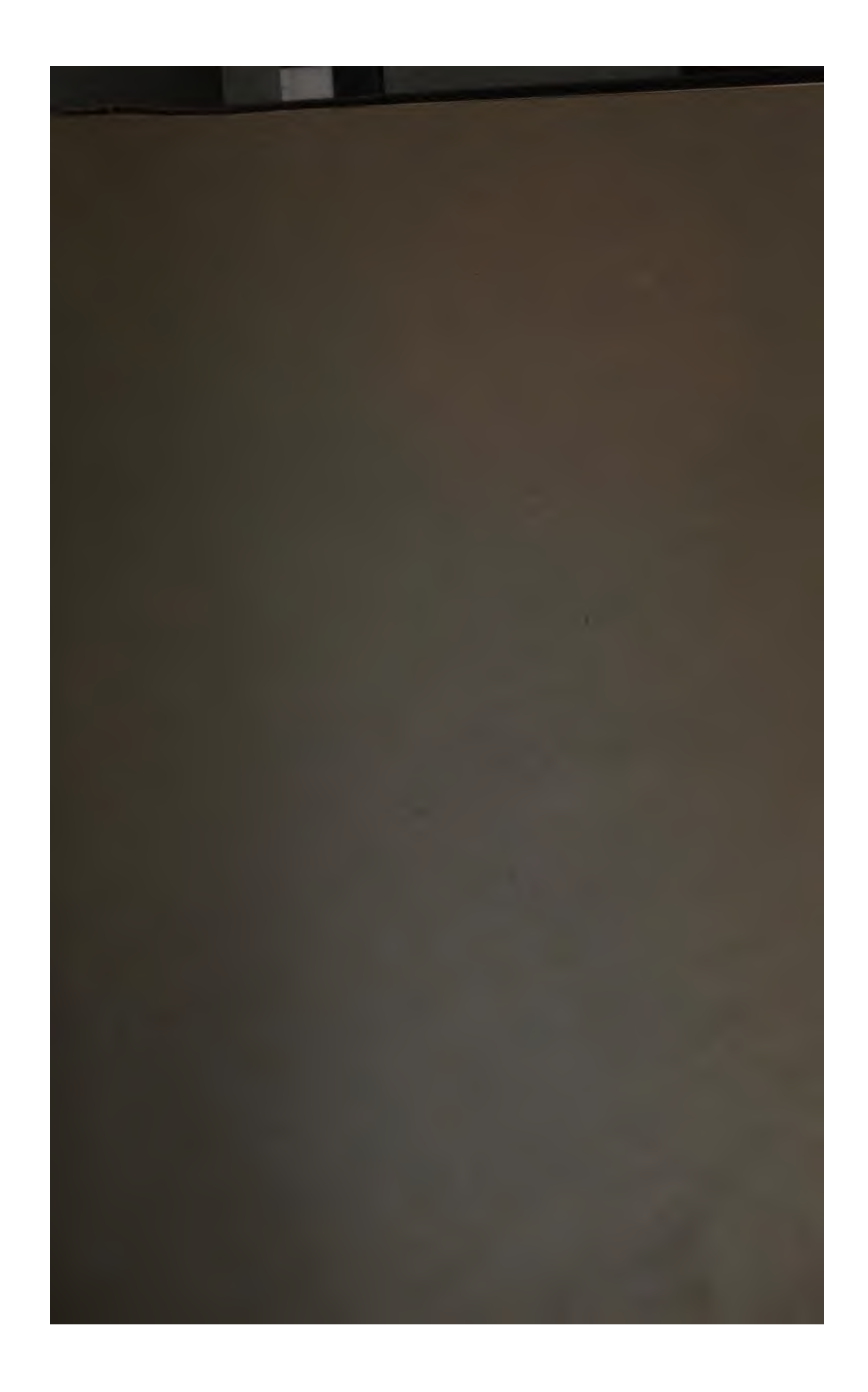

Google

Stankevich, Aleksandr V.

ТИМОФЕЙ НИКОЛАЕВИЧЪ

ГРАНОВСКІЙ.

(БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ)

А. СТАНКЕВИЧА.

МОСКВА.
Типографія Грачева и К., у Пречистенскихъ воротъ, д. Шиловой.
1869.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ДРУЗЬЯМЪ И БЫВШИМЪ СЛУШАТЕЛЯМЪ

Т. Н. ГРАНОВСКАГО.

Для предлагаемаго читателямъ «Біографическаго очерка» мы пользовались, какъ матеріаломъ, перепискою Т. Н. Грановскаго съ разными лицами. Кромѣ того, мы пользовались еще немногими, оставшимися послѣ Грановскаго бумагами, замѣтками о немъ покойной жены его, изданными сочиненіями Грановскаго, воспоминаніями друзей и указаніями людей, знавшихъ покойнаго въ разныя эпохи его жизни. Наши личныя воспоминанія о Т. Н. Грановскомъ относятся преимущественно только къ послѣднимъ годамъ его жизни.

Изъ лекцій, читанныхъ Грановскимъ въ теченіи пятнадцати лѣтъ не сохранилось ничего письменно и весьма мало въ печати. У его слушателей не сохранилось также сколько нибудь отчетливыхъ записокъ его чтеній, и потому въ нашей книгѣ мы могли обозначить только общими чертами характеръ профессорской дѣятельности Грановскаго. Для такой характеристики пользовались мы современными печатными отчетами о публичныхъ чтеніяхъ Грановскаго и воспоминаніями и указаніями его слушателей Въ Европѣ

вождавшій его въ этой поѣздкѣ, вывезъ съ Кавказа яркія воспоминанія о воинственныхъ Черкесахъ, объ ихъ оружіи, разсказывалъ слышанное о подвигахъ ихъ, и при такихъ разсказахъ хватался самъ за ножъ. Военное поприще сдѣлалось мечтою его дѣтства. Эта мечта возникала въ немъ, какъ увидимъ, и послѣ въ различныя эпохи его жизни и вслѣдствіе различныхъ поводовъ. Въ ребяческіе годы Грановскій не отличался избыткомъ физическихъ силъ и здоровья; онъ былъ худъ, блѣденъ и обыкновенно казался сосредоточеннымъ и задумчивымъ, но любимыя игры мальчика выказывали въ немъ зародыши дѣятельныхъ, подвижныхъ наклонностей, бодраго и бойкаго нрава. Онъ любилъ строить и брать крѣпости, предводительствуя строемъ своихъ сверстниковъ, былъ охотникъ добывать птицъ изъ гнѣздъ на высокихъ деревьяхъ, ловить голубей. Пѣтушій бой былъ зрѣлищемъ, за которымъ ребенокъ слѣдилъ съ страстнымъ увлеченіемъ. Мальчику было девять лѣтъ, когда скончался дѣдъ его.

Въ однообразной жизни семьи Грановскихъ произошла большая перемѣна со смертію старика. Домъ ихъ оживился частыми посѣщеніями гостей, сами они часто живали въ Орлѣ, гдѣ мать Грановскаго принимала многочисленныхъ посѣтителей у себя и много выѣзжала сама. Она любила развлеченія и общество, но только она одна заботилась также и о воспитаніи своихъ дѣтей, хотя ея собственное образованіе было очень незначительно.

Мальчикъ Грановскій началъ свое ученіе у разныхъ учителей изъ иностранцевъ, остававшихся въ Россіи послѣ войны 1812 года. Въ ученіи его не было никакой послѣдовательности, никакого плана. Оно велось отрывочно и случайно, но уже въ дѣтствѣ Грановскій не только бѣгло говорилъ по французски, но могъ объясняться и на англій-

чтенія многихъ замѣчательныхъ ученыхъ и профессоровъ сохранены и изданы ихъ учениками. У насъ они исчезаютъ безъ слѣда въ литературѣ. Въ этомъ отношеніи чтенія Грановскаго постигла участь общая почти для всѣхъ лекцій профессоровъ, занимавшихъ университетскія каѳедры въ Россіи.

Значительная часть писемъ Грановскаго, отрывки которыхъ читатель встрѣтитъ въ нашей книгѣ, написана на французскомъ языкѣ. Это, за немногими исключеніями, письма къ дамамъ и къ его роднымъ и двоюроднымъ сестрамъ. Французскій языкъ объясняется здѣсь привычнымъ его употребленіемъ среди тѣхъ лицъ, для которыхъ назначались письма. Письма Грановскаго къ своей невѣстѣ писаны также по французски, но къ женѣ онъ уже писалъ по русски.

Полная, отчетливая біографія лица послѣ немногихъ лѣтъ со времени его кончины, когда значительная часть среды, съ которой было тѣсно связано его существованіе, живетъ еще не въ одномъ преданіи, представляетъ важныя и не всегда устранимыя затрудненія. Если нашъ біографическій очеркъ не заключаетъ въ себѣ отчетливаго изображенія жизни Грановскаго вмѣстѣ со всѣми отношеніями, всей обстановкою его жизненнаго поприща, то, смѣемъ надѣяться, покрайней мѣрѣ сохранитъ отъ забвенія главныя черты его нравственнаго образа, его дѣятельности и его участи, по крайней мѣрѣ можетъ со временемъ послужить матеріаломъ для біографіи Грановскаго. Кромѣ этой надежды къ изданію «біографическаго очерка» побуждаетъ насъ и личная наша обязанность.

дѣтьми хозяевъ дома. Способностями своими онъ превосходилъ всѣхъ товарищей по ученію, между которыми пользовался нѣкотораго рода авторитетомъ и былъ прозванъ ими *профессоромъ*. Его быстрыя способности и замѣчательная память признавались всѣми его наставниками и были радостью матери, которая любила разсказывать о его успѣхахъ, но мальчикъ краснѣлъ и убѣгалъ, услышавъ похвалы себѣ. Въ дѣтскихъ забавахъ Грановскому также принадлежало первое мѣсто между другими дѣтьми: онъ былъ распорядителемъ и изобрѣтателемъ ихъ увеселеній, шутками и остротами оживлялъ дѣтскій кружекъ; особенно любилъ онъ играть *въ гости* и угощать посѣтителей. Присутствіе дѣвочекъ въ числѣ гостей замѣтно оживляло его; въ ихъ обществѣ сильнѣе выказывались его веселость и находчивость.

Когда мальчику исполнилось 13 лѣтъ родители отвезли его въ Москву. Его помѣстили здѣсь въ частное учебное заведеніе Кистера. Въ этомъ пансіонѣ Грановскій учился два года, оставаясь впрочемъ въ теченіи этого времени очень долго дома всякій разъ какъ пріѣзжалъ въ семью свою на вакаціи. Какими способностями ни былъ одаренъ мальчикъ, онъ немногому успѣлъ научиться въ пансіонѣ. Въ послѣдствіи, готовясь въ Петербургѣ къ вступленію въ Университетъ, онъ долженъ былъ усиленными трудами и уроками учителей пріобрѣтать то, что было упущено въ его ученіи ранѣе. Успѣхами своими во французскомъ и англійскомъ языкахъ онъ обязанъ былъ домашнему воспитанію. Въ пансіонѣ онъ не научился даже нѣмецкому языку, хотя заведеніе содержалось нѣмцемъ. Нельзя не замѣтить, что уже въ школѣ Грановскаго отличала способность, не оставлявшая его и въ послѣдующей жизни, способность быть центромъ соединенія, примирителемъ враждующихъ наклон-

масшествія, и будущее наслѣдство внука и на этотъ разъ неожиданно исчезло. Помѣшанный старикъ помѣщался въ Погорѣльцѣ въ особенномъ флигелѣ. Онъ съ удовольствіемъ допускалъ къ себѣ только одного внука, котораго ласкалъ и любилъ по прежнему. Мальчикъ умѣлъ ловко пользоваться своимъ отношеніемъ къ больному: если случалось ему какъ-нибудь напроказить, онъ скрывался въ комнаты дѣда. Родители мальчика, опасаясь раздражительности дѣда, неотваживались взять его оттуда, и ребенокъ, къ страху своей матери, иногда по нѣскольку дней оставался подъ покровительствомъ помѣшаннаго. Т. Н. Грановскій въ зрѣломъ возрастѣ любилъ припоминать тѣ обстоятельства, которыя выказывали некрасивыя черты его ребяческаго характера. Такъ онъ разсказывалъ, что у родителей его была служанка сварливая и часто бивавшая дочь свою Агашу, на куклы которой онъ посматривалъ не безъ зависти. Вотъ, баринъ, говорила ему Агаша, когда мать забьетъ меня до смерти, вамъ достанутся мои куклы, и онъ нетерпѣливо ждалъ и думалъ: когда же мать забьетъ Агашу и когда достанутся ему ея куклы? Однажды съ толпою крестьянскихъ мальчиковъ осаждалъ онъ устроенную ими крѣпость. Онъ карабкался по лѣстницѣ, когда одинъ изъ мальчиковъ, отдернулъ ее, и онъ, свалившись на землю, ушибся такъ, что болѣлъ довольно долго послѣ этой осады. Онъ никому неоткрывалъ причины своего ушиба, но умѣлъ извлекать для себя пользу изъ случившагося: онъ обращался къ виновнику своей болѣзни съ требованіями различныхъ услугъ, добывалъ черезъ него лакомства, заставлялъ его исполнять всѣ свои желанія, зная, что тотъ не могъ отказать ему ни въ чемъ изъ опасенія открытія его вины.

Больнаго дѣда Т. Н. Грановскаго возили для леченія на кавказскія минеральныя воды. Шестилѣтній внукъ, сопро-

вождавшій его въ этой поѣздкѣ, вывезъ съ Кавказа яркія воспоминанія о воинственныхъ Черкесахъ, объ ихъ оружіи, разсказывалъ слышанное о подвигахъ ихъ, и при такихъ разсказахъ хватался самъ за ножъ. Военное поприще сдѣлалось мечтою его дѣтства. Эта мечта возникала въ немъ, какъ увидимъ, и послѣ въ различныя эпохи его жизни и вслѣдствіе различныхъ поводовъ. Въ ребяческіе годы Грановскій не отличался избыткомъ физическихъ силъ и здоровья; онъ былъ худъ, блѣденъ и обыкновенно казался сосредоточеннымъ и задумчивымъ, но любимыя игры мальчика выказывали въ немъ зародыши дѣятельныхъ, подвижныхъ наклонностей, бодраго и бойкаго нрава. Онъ любилъ строить и брать крѣпости, предводительствуя строемъ своихъ сверстниковъ, былъ охотникъ добывать птицъ изъ гнѣздъ на высокихъ деревьяхъ, ловить голубей. Пѣтушій бой былъ зрѣлищемъ, за которымъ ребенокъ слѣдилъ съ страстнымъ увлеченіемъ. Мальчику было девять лѣтъ, когда скончался дѣдъ его.

Въ однообразной жизни семьи Грановскихъ произошла большая перемѣна со смертію старика. Домъ ихъ оживился частыми посѣщеніями гостей, сами они часто живали въ Орлѣ, гдѣ мать Грановскаго принимала многочисленныхъ посѣтителей у себя и много выѣзжала сама. Она любила развлеченія и общество, но только она одна заботилась также и о воспитаніи своихъ дѣтей, хотя ея собственное образованіе было очень незначительно.

Мальчикъ Грановскій началъ свое ученіе у разныхъ учителей изъ иностранцевъ, остававшихся въ Россіи послѣ войны 1812 года. Въ ученіи его не было никакой послѣдовательности, никакого плана. Оно велось отрывочно и случайно, но уже въ дѣтствѣ Грановскій не только бѣгло говорилъ по французски, но могъ объясняться и на англій-

дѣтьми хозяевъ дома. Способностями своими онъ превосходилъ всѣхъ товарищей по ученію, между которыми пользовался нѣкотораго рода авторитетомъ и былъ прозванъ ими *профессоромъ*. Его быстрыя способности и замѣчательная память признавались всѣми его наставниками и были радостью матери, которая любила разсказывать о его успѣхахъ, но мальчикъ краснѣлъ и убѣгалъ, услышавъ похвалы себѣ. Въ дѣтскихъ забавахъ Грановскому также принадлежало первое мѣсто между другими дѣтьми: онъ былъ распорядителемъ и изобрѣтателемъ ихъ увеселеній, шутками и остротами оживлялъ дѣтскій кружекъ; особенно любилъ онъ играть *въ гости* и угощать посѣтителей. Присутствіе дѣвочекъ въ числѣ гостей замѣтно оживляло его; въ ихъ обществѣ сильнѣе выказывались его веселость и находчивость.

Когда мальчику исполнилось 13 лѣтъ родители отвезли его въ Москву. Его помѣстили здѣсь въ частное учебное заведеніе Кистера. Въ этомъ пансіонѣ Грановскій учился два года, оставаясь впрочемъ въ теченіи этого времени очень долго дома всякій разъ какъ пріѣзжалъ въ семью свою на вакаціи. Какими способностями ни былъ одаренъ мальчикъ, онъ немногому успѣлъ научиться въ пансіонѣ. Въ послѣдствіи, готовясь въ Петербургѣ къ вступленію въ Университетъ, онъ долженъ былъ усиленными трудами и уроками учителей пріобрѣтать то, что̀ было упущено въ его ученіи ранѣе. Успѣхами своими во французскомъ и англійскомъ языкахъ онъ обязанъ былъ домашнему воспитанію. Въ пансіонѣ онъ не научился даже нѣмецкому языку, хотя заведеніе содержалось нѣмцемъ. Нельзя не замѣтить, что уже въ школѣ Грановскаго отличала способность, не оставлявшая его и въ послѣдующей жизни, способность быть центромъ соединенія, примирителемъ враждующихъ наклон-

ностей и направленій. Между школьными товарищами его были два, несхожіе нравомъ и неладившіе другъ съ другомъ. Пріязнь или непріязнь къ одному изъ нихъ раздѣляла всѣхъ остальныхъ на двѣ партіи, между которыми часто возникали споры и несогласія, достигшія до рѣшительнаго разлада между двумя сторонами въ то время, когда Грановскій еще не возвращался изъ дому, гдѣ проводилъ вакацію. Возвратясь въ школу, онъ примирилъ враждовавшихъ руководителей обѣихъ партій и возстановилъ единство въ раздѣлившемся школьномъ обществѣ. Баумгартъ и Соловцевъ, изъ за которыхъ возникали распри, были оба близкими его пріятелями въ пансіонѣ, и это отношеніе онъ сохранилъ къ нимъ и въ послѣдствіи. Отправившись домой на вакаціонныя мѣсяцы послѣ двухлѣтняго ученія въ пансіонѣ, Грановскій уже не возвратился туда. Отецъ, погруженный въ лѣнь, безпечный и занятый только карточною игрою, забывалъ, что сыну нужно продолжать ученіе. Три года мальчикъ оставался безъ учителей, безъ руководителей въ занятіяхъ. Онъ мучительно чувствовалъ свое положеніе, но напрасно ждалъ перемѣны его. Послѣ онъ всегда съ сожалѣніемъ вспоминалъ о томъ, какъ безплодно проходили его лучшіе для ученія годы. Въ это время онъ пристрастился къ охотѣ и проводилъ дни съ ружьемъ въ рукахъ по полямъ и болотамъ. Онъ скучалъ отъ праздности, и когда подъ руку ему попался какой-то учебникъ геометріи, онъ принялся за него отъ скуки и изучилъ эту книгу. Скучная жизнь въ Погорѣльцѣ оживлялась нѣсколько для Грановскаго, когда онъ посѣщалъ Орелъ или живалъ тамъ съ матерью. Въ Орлѣ онъ познакомился съ французомъ Жонью, о которомъ послѣ вспоминалъ какъ о довольно пустомъ человѣкѣ, признавая однакоже, что общія мѣста и громкія фразы, произносимыя французомъ, не остались безъ

вліянія на его мысль и его нравственныя правила. Устами француза произносились рѣчи и понятія цивилизованной націи, и мальчикъ, которому былъ уже шестнадцатый годъ, почувствовалъ различіе ихъ отъ того, что̀ слышалось вокругъ него, среди полуобразованнаго общества, среди сосѣдей и помѣщиковъ, посѣщавшихъ Погорѣлецъ. Въ Орлѣ же Грановскій подружился съ образованнымъ и умнымъ воспитанникомъ Нѣжинскаго лицея Колышкевичемъ. Послѣдній былъ гораздо старѣе Грановскаго лѣтами, но его пылкій нравъ и благородныя требованія отъ жизни возбуждали большое сочувствіе въ сердцѣ его молодаго друга. Жизнь Колышкевича проходила въ борьбѣ съ нуждою и разными неудачами, въ борьбѣ, которой онъ не вынесъ и въ которой не устоялъ нравственно. Грановскій долго не хотѣлъ вѣрить такой перемѣнѣ въ другѣ своей молодости и съ сердечною болью вспоминалъ о ней въ позднѣйшіе годы. Грановскому было 16 лѣтъ, когда его мать должна была ѣхать для полученія наслѣдства въ Малороссію, куда сопровождали ее и дѣти. Они посѣтили Нѣжинъ, гдѣ жила семья родной сестры Анны Васильевны. Здѣсь, въ домѣ тётки, Грановскій познакомился съ француженкой M-lle Герито. Это была дѣвушка очень красивой наружности, отличавшаяся привлекательною добротою и участливостію. Герито была нѣсколькими годами старше Грановскаго, но ея красота и привѣтливость внушили скоро юношѣ дружескую къ ней привязанность, скрѣпленную позднѣе благодарностію Грановскаго за участіе и заботы, которыя находили со стороны Герито его осиротѣвшія по смерти матери сестры. Въ бесѣдахъ и шуткахъ съ новой знакомой провелъ юноша нѣсколько веселыхъ дней въ Нѣжинѣ. Однажды ему вздумалось угостить свою пріятельницу конфектами, но у него не было ни копѣйки денегъ. Изъ цѣнныхъ вещей были

у него только недавно подаренные ему часы. Недолго думая, онъ продалъ ихъ жиду за пятнадцать рублей (ассигн.), и конфекты были куплены. Разсчетъ также мало управлялъ поступками и желаніями Грановскаго въ юности, какъ и въ послѣдующей его жизни.

Возвратясь изъ Малороссіи въ Орелъ, юноша, остававшійся по прежнему безъ постоянныхъ занятій, не упускалъ ни одного изъ Орловскихъ баловъ, съ увлеченіемъ предаваясь танцамъ и безпечному веселію. Въ зиму 1829—1830 годовъ ему рѣдко случалось ложиться въ постель ранѣе пяти часовъ утра, но какъ бы поздно не возвращался онъ домой, его встрѣчала здѣсь мать, которой онъ довѣрялъ всѣ свои юношескія впечатлѣнія. Между тѣмъ дружескія его отношенія къ Герито поддерживались перепискою между ними. Въ шутливыхъ письмахъ къ пріятельницѣ Грановскій подписывался пасторомъ, какъ былъ почему то прозванъ ею въ Нѣжинѣ, а о себѣ сообщалъ извѣстія, какъ о третьемъ лицѣ. Въ слѣдующемъ году (1830) Герито поселилась въ семьѣ Грановскихъ, сдѣлавшись наставницей сестеръ своего пріятеля. Здѣсь Грановскій давалъ ей уроки русскаго языка, а по вечерамъ читалъ ей и матери переводы французскихъ романовъ, а какъ Герито еще плохо понимала русскій языкъ, то онъ многое переводилъ ей на французскій à livre ouvert. У юноши установились съ пріятельницею какъ бы родственныя отношенія. Она называла его mon neveu, а онъ ее ma tante. Такъ продолжали они называть другъ друга и въ позднѣйшей переепискѣ между ними [1]).

[1]) Это обстоятельство подало поводъ къ ошибкѣ покойнаго П. Н. Кудрявцева, который въ прекрасно начатой имъ біографіи Грановскаго (Русск. Вѣстникъ 1852 года) принялъ часть писемъ послѣдняго къ Герито за письма къ его теткѣ. Такимъ образомъ отноше-

Мать Грановскаго теряла болѣе и болѣе всякое вліяніе на мужа, который, можетъ быть отъ праздной жизни, часто бывалъ не въ духѣ и начиналъ съ ней споры безъ повода и цѣли. Она напрасно убѣждала его позаботиться о воспитаніи и участи сына. Докторъ Каспари, жившій въ Орлѣ и бывшій близкимъ человѣкомъ въ семьѣ Грановскихъ, совѣтовалъ безпечному родителю, отправить юношу въ Дерптъ и оставить тамъ на произволъ судьбы, предсказывая, что онъ самъ найдетъ свою дорогу; но и эти совѣты оставались безъ послѣдствій. Наконецъ однакоже отецъ рѣшился отправить сына въ Петербургъ на службу. Сынъ желалъ избрать для себя военное поприще, но просьбы матери и надежда въ гражданской службѣ скорѣе достигнуть возможности быть полезнымъ семьѣ своей, измѣнили его намѣренія. Въ январѣ 1831 года семнадцатилѣтній юноша простился съ родными и съ пріятельницей своей Герито. Всѣ подробности минуты разставанія съ матерью, съ которой Грановскій уже не свидѣлся послѣ, живо сохранились въ памяти его во всю жизнь. Незадолго до отъѣзда изъ Погорѣльца, исполняя просьбу Герито, онъ оставилъ ей на память о себѣ слѣдующія строки, производящія впечатлѣніе поэтической элегіи, переложенной во французскую прозу:

J'obéis, puisque vous le voulez; puisque vous croyez qu'un morceau de papier peut consolider un souvenir. Celui de ma tante ne s'attacherait-il qu'à cette feuille?.......

La mémoire ressemble aux eaux argentées par les rayons de la lune; tant qu'elle brille elles conservent son image, mais d'épaisses vapeurs obscursissent le ciel; et la glace inconstante ne porte plus l'empreinte de l'astre des nuits.

нія Грановскаго къ Герито раздѣлились, въ изложеніи П. Н. Кудрявцева, между двумя лицами, изъ которыхъ одно не существовало въ дѣйствительности.

ностей и направленій. Между школьными товарищами его были два, несхожіе нравомъ и неладившіе другъ съ другомъ. Пріязнь или непріязнь къ одному изъ нихъ раздѣляла всѣхъ остальныхъ на двѣ партіи, между которыми часто возникали споры и несогласія, достигшія до рѣшительнаго разлада между двумя сторонами въ то время, когда Грановскій еще не возвращался изъ дому, гдѣ проводилъ вакацію. Возвратясь въ школу, онъ примирилъ враждовавшихъ руководителей обѣихъ партій и возстановилъ единство въ раздѣлившемся школьномъ обществѣ. Баумгартъ и Соловцевъ, изъ за которыхъ возникали распри, были оба близкими его пріятелями въ пансіонѣ, и это отношеніе онъ сохранилъ къ нимъ и въ послѣдствіи. Отправившись домой на вакаціонныя мѣсяцы послѣ двухлѣтняго ученія въ пансіонѣ, Грановскій уже не возвратился туда. Отецъ, погруженный въ лѣнь, безпечный и занятый только карточною игрою, забывалъ, что сыну нужно продолжать ученіе. Три года мальчикъ оставался безъ учителей, безъ руководителей въ занятіяхъ. Онъ мучительно чувствовалъ свое положеніе, но напрасно ждалъ перемѣны его. Послѣ онъ всегда съ сожалѣніемъ вспоминалъ о томъ, какъ безплодно проходили его лучшіе для ученія годы. Въ это время онъ пристрастился къ охотѣ и проводилъ дни съ ружьемъ въ рукахъ по полямъ и болотамъ. Онъ скучалъ отъ праздности, и когда подъ руку ему попался какой-то учебникъ геометріи, онъ принялся за него отъ скуки и изучилъ эту книгу. Скучная жизнь въ Погорѣльцѣ оживлялась нѣсколько для Грановскаго, когда онъ посѣщалъ Орелъ или живалъ тамъ съ матерью. Въ Орлѣ онъ познакомился съ французомъ Жонью, о которомъ послѣ вспоминалъ какъ о довольно пустомъ человѣкѣ, признавая однакоже, что общія мѣста и громкія фразы, произносимыя французомъ, не остались безъ

вліянія на его мысль и его нравственныя правила. Устами француза произносились рѣчи и понятія цивилизованной націи, и мальчикъ, которому былъ уже шестнадцатый годъ, почувствовалъ различіе ихъ отъ того, что̀ слышалось вокругъ него, среди полуобразованнаго общества, среди сосѣдей и помѣщиковъ, посѣщавшихъ Погорѣлецъ. Въ Орлѣ же Грановскій подружился съ образованнымъ и умнымъ воспитанникомъ Нѣжинскаго лицея Колышкевичемъ. Послѣдній былъ гораздо старѣе Грановскаго лѣтами, но его пылкій нравъ и благородныя требованія отъ жизни возбуждали большое сочувствіе въ сердцѣ его молодаго друга. Жизнь Колышкевича проходила въ борьбѣ съ нуждою и разными неудачами, въ борьбѣ, которой онъ не вынесъ и въ которой не устоялъ нравственно. Грановскій долго не хотѣлъ вѣрить такой перемѣнѣ въ другѣ своей молодости и съ сердечною болью вспоминалъ о ней въ позднѣйшіе годы. Грановскому было 16 лѣтъ, когда его мать должна была ѣхать для полученія наслѣдства въ Малороссію, куда сопровождали ее и дѣти. Они посѣтили Нѣжинъ, гдѣ жила семья родной сестры Анны Васильевны. Здѣсь, въ домѣ тетки, Грановскій познакомился съ француженкой M-lle Герито. Это была дѣвушка очень красивой наружности, отличавшаяся привлекательною добротою и участливостію. Герито была нѣсколькими годами старше Грановскаго, но ея красота и привѣтливость внушили скоро юношѣ дружескую къ ней привязанность, скрѣпленную позднѣе благодарностію Грановскаго за участіе и заботы, которыя находили со стороны Герито его осиротѣвшія по смерти матери сестры. Въ бесѣдахъ и шуткахъ съ новой знакомой провелъ юноша нѣсколько веселыхъ дней въ Нѣжинѣ. Однажды ему вздумалось угостить свою пріятельницу конфектами, но у него не было ни копѣйки денегъ. Изъ цѣнныхъ вещей были

у него только недавно подаренные ему часы. Недолго думая, онъ продалъ ихъ жиду за пятнадцать рублей (ассигн.), и конфекты были куплены. Разсчетъ также мало управлялъ поступками и желаніями Грановскаго въ юности, какъ и въ послѣдующей его жизни.

Возвратясь изъ Малороссіи въ Орелъ, юноша, остававшійся по прежнему безъ постоянныхъ занятій, не упускалъ ни одного изъ Орловскихъ баловъ, съ увлеченіемъ предаваясь танцамъ и безпечному веселію. Въ зиму 1829—1830 годовъ ему рѣдко случалось ложиться въ постель ранѣе пяти часовъ утра, но какъ бы поздно не возвращался онъ домой, его встрѣчала здѣсь мать, которой онъ довѣрялъ всѣ свои юношескія впечатлѣнія. Между тѣмъ дружескія его отношенія къ Герито поддерживались перепискою между ними. Въ шутливыхъ письмахъ къ пріятельницѣ Грановскій подписывался пасторомъ, какъ былъ почему то прозванъ ею въ Нѣжинѣ, а о себѣ сообщалъ извѣстія, какъ о третьемъ лицѣ. Въ слѣдующемъ году (1830) Герито поселилась въ семьѣ Грановскихъ, сдѣлавшись наставницей сестеръ своего пріятеля. Здѣсь Грановскій давалъ ей уроки русскаго языка, а по вечерамъ читалъ ей и матери переводы французскихъ романовъ, а какъ Герито еще плохо понимала русскій языкъ, то онъ многое переводилъ ей на французскій à livre ouvert. У юноши установились съ пріятельницею какъ бы родственныя отношенія. Она называла его mon neveu, а онъ ее ma tante. Такъ продолжали они называть другъ друга и въ позднѣйшей перепискѣ между ними [1]).

---

[1]) Это обстоятельство подало поводъ къ ошибкѣ покойнаго И. И. Кудрявцева, который въ прекрасно начатой имъ біографіи Грановскаго (Русск. Вѣстникъ 1852 года) принялъ часть писемъ послѣдняго къ Герито за письма къ его теткѣ. Такимъ образомъ отноше-

Мать Грановскаго теряла болѣе и болѣе всякое вліяніе на мужа, который, можетъ быть отъ праздной жизни, часто бывалъ не въ духѣ и начиналъ съ ней споры безъ повода и цѣли. Она напрасно убѣждала его позаботиться о воспитаніи и участи сына. Докторъ Каспари, жившій въ Орлѣ и бывшій близкимъ человѣкомъ въ семьѣ Грановскихъ, совѣтовалъ безпечному родителю, отправить юношу въ Дерптъ и оставить тамъ на произволъ судьбы, предсказывая, что онъ самъ найдетъ свою дорогу; но и эти совѣты оставались безъ послѣдствій. Наконецъ однакоже отецъ рѣшился отправить сына въ Петербургъ на службу. Сынъ желалъ избрать для себя военное поприще, но просьбы матери и надежда въ гражданской службѣ скорѣе достигнуть возможности быть полезнымъ семьѣ своей, измѣнили его намѣренія. Въ январѣ 1831 года семнадцатилѣтній юноша простился съ родными и съ пріятельницей своей Герито. Всѣ подробности минуты разставанія съ матерью, съ которой Грановскій уже не свидѣлся послѣ, живо сохранились въ памяти его во всю жизнь. Незадолго до отъѣзда изъ Погорѣльца, исполняя просьбу Герито, онъ оставилъ ей на память о себѣ слѣдующія строки, производящія впечатлѣніе поэтической элегіи, переложенной во французскую прозу:

J'obéis, puisque vous le voulez; puisque vous croyez qu'un morceau de papier peut consolider un souvenir. Celui de ma tante ne s'attacherait-il qu'à cette feuille?.......

La mémoire ressemble aux eaux argentées par les rayons de la lune; tant qu'elle brille elles conservent son image, mais d'épaisses vapeurs obscursissent le ciel; et la glace inconstante ne porte plus l'empreinte de l'astre des nuits.

нія Грановскаго къ Герито раздѣлились, въ изложеніи П. Н. Кудрявцева, между двумя лицами, изъ которыхъ одно не существовало въ дѣйствительности.

De retour dans votre patrie, sous le beau ciel de la France, vous oublierez la triste Russie et ses sauvages habitants; les roses des plaisirs ne fleurissent point au milieu des neiges du nord. Triste et sauvage, comme mon pays et mes compatriotes, je serai oublié comme eux.

Mais si déja courbée sous le fardeau des ans, au moment de quitter le sentier de la vie, vous reportez un dernier regard sur ceux, qui l'ont parcouru avec vous, si vous donnez un dernier souvenir à ceux, que vous aimiez et qui vous aimèrent, serez vous assez injuste pour me retrancher du nombre [1]).

На пути въ Петербургъ Грановскій долженъ былъ провести нѣсколько дней въ карантинѣ (кажется въ Твери), который былъ учрежденъ по случаю появившейся холеры. Между многими путешественниками, находившимися здѣсь вмѣстѣ съ нимъ, былъ какой-то господинъ изъ отставныхъ военныхъ. Онъ предложилъ юношѣ съиграть отъ скуки въ карты. Осторожность и недовѣрчивость при встрѣчѣ съ

---

[1]) Я повинуюсь, потому что вы этого хотите, потому что вы думаете, что листокъ бумаги можетъ закрѣпить воспоминаніе. Воспоминаніе моей тетушки будетъ ли связано только съ этимъ листкомъ?.....

Память подобна волнамъ, осребреннымъ лучами луны; покуда она сіяетъ онѣ сохраняютъ ея образъ, но густые пары затемняютъ небо, и измѣнчивое зеркало теряетъ отраженіе свѣтила ночей.

Возвратясь въ свое отечество, подъ прекраснымъ небомъ Франціи, вы забудете печальную Россію и ея дикихъ обитателей; розы радостей не цвѣтутъ среди снѣговъ сѣвера. Печальный и дикій, какъ моя родина и мои соотечественники, я буду забытъ, какъ они.

Но если, уже склонясь подъ бременемъ лѣтъ, готовясь покинуть путь жизни, вы бросите послѣдній взглядъ на тѣхъ, кто проходилъ его вмѣстѣ съ вами, если вы подарите послѣднее воспоминаніе тѣмъ, кого вы любили и кто васъ любилъ, ужели вы будете такъ несправедливы, что исключите меня изъ числа ихъ?

людьми никогда не были качествами Грановскаго. Охотно принявъ предложеніе, онъ остался въ проигрышѣ, хотѣлъ отъиграться, и проигралъ всѣ свои деньги. У него оставалось еще собраніе старыхъ золотыхъ монетъ, подаренное ему матерью; онъ захотѣлъ еще разъ попытать счастья, но и они быстро перешли въ карманъ ловкаго партнера. У Грановскаго не осталось даже денегъ на продолженіе поѣздки до Петербурга. Проѣзжій купецъ, замѣтившій смущеніе юноши, добродушно ссудилъ его необходимой суммой вмѣстѣ съ совѣтомъ не играть въ карты съ незнакомыми людьми. Довѣрчивость Грановскаго часто возбуждала столько же поползновеній пользоваться ею, сколько участія и желанія со стороны людей, иногда едва знавшихъ его, ограждать его отъ обмановъ. Пріѣхавши въ Петербургъ юноша поселился въ домѣ родной ему по матери тетки. Онъ чувствовалъ себя одинокимъ среди многолюднаго города и былъ тревожно занятъ мыслію о выборѣ служебнаго поприща, которое, думалъ онъ, должно опредѣлить всю его будущность. Въ февралѣ нежданно скончалась тетка, въ которой онъ находилъ друга и совѣтника; участь его тогда должна была вполнѣ зависѣть отъ его собственнаго рѣшенія. Пораженный кончиною единственнаго лица близкаго ему на чужбинѣ, онъ скорбѣлъ не за себя. Elle n'est pas à plaindre, писалъ онъ объ умершей, une femme comme elle ne pourrait être malheureuse là-haut, mais ses cinq orphelins! [1])

Весною 1831 года Грановскій, съ помощію какого-то друга его матери, опредѣлился на службу въ департаментъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Дни его съ этого времени проходили въ опредѣленномъ порядкѣ: утро онъ про-

---

[1]) О ней не должно сожалѣть—такая женщина, какъ она, не можетъ быть несчастлива въ высшемъ мірѣ, но ея пятеро сиротъ!

водилъ на службѣ, переписывая бумаги и дѣлая переводы. «Я скоро стану, увѣдомлялъ онъ сестру, писать по французски лучше, чѣмъ по русски, ибо въ департаментѣ все пишу французскими буквами [1]). Возвратясь изъ департамента домой, все время до вечера онъ посвящалъ чтенію и занятію нѣмецкимъ языкомъ, въ которомъ впрочемъ долго еще не сдѣлалъ бо́льшихъ успѣховъ. Вечера онъ проводилъ иногда во французскомъ театрѣ, иногда въ кондитерскихъ или же посѣщалъ въ это время своихъ товарищей по службѣ. Въ письмѣ къ сестрѣ онъ просилъ не смѣяться надъ его посѣщеніями кондитерскихъ, «ибо въ здѣшнихъ кондитерскихъ можно найти всѣ журналы русскіе и много иностранныхъ». «Изъ всѣхъ здѣшнихъ удовольствій публичныхъ, писалъ онъ ей, нравится мнѣ французскій театръ. Въ русскомъ былъ только одинъ разъ; съ удовольствіемъ посѣщалъ бы его чаще, но дорого—не по карману, а французскій соединяетъ пріятное съ дешевизной» [2]).

Казалось все шло благополучно въ жизни молодаго чиновника министерства иностранныхъ дѣлъ въ теченіи четырехъ или пяти мѣсяцевъ его службы, но вотъ его родители получаютъ нежданную просьбу отъ сына, просьбу позволить ему оставить службу и вступить студентомъ въ университетъ. Впечатлѣнія столицы, чтеніе, новыя встрѣчи съ людьми, не остались безъ вліянія на даровитаго юношу. Онъ скоро и мучительно началъ чувствовать недостаточность своего образованія и своихъ познаній. Мать съ радостью соглашалась на просьбу сына; отецъ не одобрялъ его намѣренія, но и не сопротивлялся ему. Въ іюнѣ Грановскій уже подалъ просьбу объ отставкѣ.

---

[1]) Письмо къ сестрѣ, весной 1831 года.
[2]) Письмо къ сестрѣ, весной 1831 года.

Сильное стремленіе къ образованію вело уже юношу къ будущему его назначенію, еще для него неизвѣстному. Рѣшеніе его трудиться было твердо, хотя онъ понималъ всю трудность запоздавшаго ученія. Лѣтомъ 1831 года онъ пишетъ къ Герито, шутившей надъ измѣнчивостію ѐго плановъ: «Mais croyez-moi, je ne change pas d'idées aussi souvent que peut-être on le croit. Maintenant je désire étudier. C'est encore de l'inconstance, direz-vous,—entrer au service, être bien, et vouloir le quitter au bout de quelques jours; c'est aller vite. Mais attachant beaucoup de prix à l'opinion de ma bonne tante, je la prie d'attendre quelque temps avant de me proclamer inconséquent, et si au bout de deux ans je reviens à Pogoreletz aussi sot et ignorant que jadis, alors—il est impossible de vaincre sa destinée, du moins on peut lutter avec elle, et je le ferai» [1]).

Юношу постигла около этого времени тяжкая утрата: въ іюлѣ скончалась его мать. Ударъ, нанесенный этою утратою, проникъ глубоко въ сердцѣ его: у него не было слезъ, онъ сохранилъ способность къ обычнымъ разговорамъ съ встрѣчавшимися людьми, былъ повидимому покоенъ, но онъ прекратилъ на долго свою постоянную переписку и съ сестрою и съ Герито, бросилъ свои занятія или же принимался за трудъ съ отвращеніемъ. Не зачѣмъ и трудиться,

---

[1]) Но повѣрьте, я не такъ часто мѣняю свои намѣренія, какъ, можетъ быть, это думаютъ. Теперь я хочу учиться: это опять непостоянство, скажете вы,—вступить въ службу, быть въ хорошемъ положеніи, и покинуть ее послѣ нѣсколькихъ дней,—не опрометчиво ли это. Но придавая большую цѣну мнѣнію моей доброй тетушки, я прошу ее нѣсколько подождать прежде чѣмъ упрекать меня въ непостоянствѣ. Если черезъ два года я возвращусь въ Погорѣлецъ такимъ же [illegible]омъ и невѣжей, какимъ былъ прежде, то...... Нельзя одолѣ[illegible]бу свою, можно по крайнѣй мѣрѣ съ нею бороться, и я буду [illegible]оться.

казалось ему, если мать не увидитъ его успѣховъ. Когда минуло около трехъ мѣсяцевъ послѣ ея кончины, сынъ пишетъ Герито: «Je croyais cependant la rendre si heureuse dans ses vieux jours!—Je m'en sentais la force. Du moins il me reste cette consolation que son fils sera toujours digne d'elle» [1]). Тогда же онъ пишетъ сестрѣ: «прежде я всегда писалъ домой съ удовольствіемъ, а теперь послѣ всякаго письма, мною написаннаго или полученнаго отъ васъ мнѣ становится гораздо грустнѣе». Онъ говоритъ объ отцѣ: «для него должны мы жить въ ожиданіи соединенія съ *нею*» [2]). Дни идутъ, и онъ признается своей пріятельницѣ: «de jour en jour l'ideé qu'elle n'est plus devient plus accablante. Que deviendrai-je sans elle! Ma mère était ma Providence ici-bas» [3]).

Со смерти матери положеніе Грановскаго въ Петербургѣ сдѣлалось очень труднымъ. Отецъ забывалъ о немъ и не высылалъ ему денегъ. Грановскій жилъ въ одной квартирѣ съ Соловцевымъ, своимъ товарищемъ по пансіону; у нихъ былъ обѣдъ на общіе расходы. Скоро у Грановскаго не стало совсѣмъ денегъ. Скрывая это отъ товарища, онъ отказывался обѣдать съ нимъ подъ предлогомъ, что бывалъ приглашенъ на обѣды знакомыхъ, и часто голодалъ. Участь сестеръ, оставшихся въ деревнѣ безъ матери, съ безпечнымъ отцемъ, возбуждала въ немъ постоянныя заботы и опасенія. Ему было еще восемнадцать лѣтъ, но онъ чув-

---

[1]) Письмо къ Герито 23 сентября 1831: А я думалъ дать ей столько счастія въ старости... Я чувствовалъ въ себѣ силу для этого. Покрайней мѣрѣ мнѣ остается утѣшеніе, что сынъ всегда будетъ достойнымъ ея.

[2]) Письмо къ сестрѣ В. 23 сент. 1831.

[3]) Мысль, что ее нѣтъ болѣе дѣлается невыносимѣе съ каждымъ днемъ, что станется со мною безъ нея! Моя мать была моимъ провидѣніемъ на землѣ.—Письмо къ Герито. 9 октяб. 1831 г.

ствовалъ, что кромѣ его теперь некому было заботиться объ осиротѣлыхъ сестрахъ и меньшемъ братѣ его. Горячо благодаря Герито за попеченія о матери въ ея послѣднія минуты, онъ умолялъ ее не оставлять сестеръ: «ma tante, писалъ онъ ей, croyez-moi, la bénédiction des morts ne se perd point—croyez-moi: ce que vous avez fait pour elle dans ses derniers moments, ce que vous faites encore pour ses enfants ne sera point perdu... N'abandonnez pas mes pauvres soeurs. Je sais bien tout ce que cela doit vous couter, tous les désagréments etc. etc., mais ce sera un bienfait, dont sans doute vous ne serez point récompensée ici, mais une plus belle récompense en serait le prix» [1]). Грановскій писалъ отцу о своемъ желаніи отказаться въ пользу сестеръ отъ имѣнія въ Малороссіи, достававшагося сыновьямъ по смерти матери. Отвѣчая Герито на ея похвалы великодушію его намѣренія, онъ находилъ въ нихъ преувеличеніе. «Parmi mes vices l'avarice ne se trouve point, писалъ онъ ей, j'espère pouvoir faire quelque chose de plus pour mes soeurs» [2]). «Une fois tranquille sur leur sort, говорилъ онъ о сестрахъ и братѣ, je ne penserai plus à rien, car pour moi je saurai me suffire» [3]). Заботы брата о люби-

---

[1]) Вѣрьте мнѣ, благословеніе мертвыхъ ненапрасно; повѣрьте мнѣ, все что вы сдѣлали для нея въ ея послѣднія минуты, все что вы дѣлаете еще для ея дѣтей не будетъ забыто..... Не покидайте бѣдныхъ сестеръ моихъ. Я хорошо знаю чего это должно вамъ стоить, всѣ непріятности и пр. и пр., но это будетъ благодѣяніе, за которое вы не будете вознаграждены здѣсь, но за которое воздастся вамъ лучшей наградою.

[2]) Письмо къ Герито 22 декабря 1831. Между моими пороками нѣтъ скупости. Я надѣюсь сдѣлать что нибудь болѣе этого для моихъ сестеръ.

[3]) Успокоившись на счетъ ихъ участи, я не буду заботиться ни о чемъ болѣе, ибо въ томъ что касается до меня я съумѣю справиться самъ.

мой сестрѣ простирались и на мелочныя потребности ея туалета. Онъ исполнялъ ея комиссіи въ Петербургѣ, покупалъ для нея гребни, серьги, бисеръ, справлялся о женскихъ модахъ и увѣдомлялъ сестру какія носятъ таліи и какіе рукава въ платьяхъ, какая въ нихъ отдѣлка [1]). Нѣжная любовь брата силилась своими заботами замѣнить осиротѣлой сестрѣ мелочныя материнскія попеченія. Онъ часто писалъ ей, спрашивая о всѣхъ подробностяхъ жизни, о занятіяхъ и развлеченіяхъ, онъ оскорблялся и огорчался, если она съ своей стороны медлила отвѣчать ему или когда отвѣты ея почему нибудь не доходили до него. Его горячая любовь къ сестрамъ была нераздѣльна съ памятью объ ихъ общемъ, лучшемъ другѣ: «бываете ли вы на могилѣ маменькиной, пишетъ онъ сестрамъ черезъ годъ по смерти матери. Когда нибудь и мнѣ Творецъ позволитъ помолиться на гробѣ ея» [2]).

Съ осени 1831 года Грановскій началъ готовиться къ экзамену на вступленіе въ университетъ. Онъ трудился настойчиво, думалъ приготовиться самъ безъ посторонней помощи, но къ горю своему, почувствовалъ, что ему необходимы учителя для латинскаго языка и математики. Кромѣ расходовъ на одежду и квартиру нужно было платить за уроки, покупать книги, а на все это у юноши не хватало средствъ. «Волосы дыбомъ становятся, когда подумаешь сколько денегъ нужно мнѣ», писалъ онъ сестрѣ [3]). Онъ въ это время жилъ вмѣстѣ съ Кристофовичемъ, и вмѣстѣ они терпѣли большую нужду. Грановскому часто приходилось питаться только чаемъ, да картофелемъ, отъ чего замѣтно терпѣло его здоровье, но онъ шутя надъ своимъ

---

[1]) Письмо къ сестрѣ 8 дек. 1832.
[2]) Къ сестрѣ въ началѣ августа 1832.
[3]) Къ сестрѣ 4 янв. 1832.

положеніемъ, увѣдомлялъ сестру, что подвизается въ истребленіи чаю хуже Орловскаго купца. При совершенномъ безденежьи встрѣтилъ онъ Свѣтлый праздникъ 1832 года, не имѣя даже надежды хорошо разговѣться [1]). Въ это тяжелое для юноши время деревенской другъ Грановскаго Герито предложила ему свою помощь, но онъ отклонилъ ее, горячо благодаря за предложеніе; ему легче было сносить всякія лишенія, чѣмъ принять деньги отъ женщины, которая сама могла нуждаться въ нихъ. Между тѣмъ отецъ не присылалъ денегъ или присылалъ ихъ въ такой суммѣ, что Грановскій не могъ ею уплатить даже долги, которые долженъ былъ сдѣлать. Такую присылку онъ нерѣдко сопровождалъ упреками сыну въ расточительности. «Je voudrais qu'il vînt à Pétersbourg pour voir l'enfant prodigue», писалъ огорченный сынъ сестрѣ, но тутъ же прибавлялъ, что впрочемъ будетъ покорнымъ сыномъ во всемъ, что̀ отъ него зависитъ [2]). Онъ, какъ легко замѣтить по письмамъ его, пугался всякаго невольнаго раздраженія противъ отца, слѣды котораго подмѣчалъ въ своемъ сердцѣ, и стараясь обмануть самъ себя, направлялъ его на другія лица. Не получая долго писемъ отъ сестры, онъ пишетъ ей, что по смерти матери только одинъ отецъ помнитъ его и принимаетъ въ немъ участіе, тутъ же прибавляя однакоже: «заброшенный сюда, безъ знакомыхъ, почти безъ связей, я долженъ, неимѣя рѣшительно никакихъ средствъ, прокладывать себѣ дорогу, и въ добавокъ питаться утѣшительною мыслію, что дома обо мнѣ забыли, какъ будто о гостѣ, который погостилъ и уѣхалъ навсегда» [3]). Заботы, опасенія, скудная пища и разныя лишенія подѣйствовали разрушительно на

---

[1]) Письмо къ сестрѣ 30 марта 1832.

[2]) Къ сестрѣ 17 апрѣля 1832 г.

[3]) Къ сестрѣ. Лѣто 1832 г.

здоровье Грановскаго. Весною 1832 года въ немъ оказались признаки сильнаго груднаго разстройства [1]). Ничто однако же не отклонило его отъ избраннаго пути: съ помощію какого-то профессора онъ выхлопоталъ себѣ позволеніе съ января этого года посѣщать лекціи въ университетѣ, пользовался, сколько могъ, уроками учителей, а всего болѣе учился самъ. Часто онъ просиживалъ надъ книгами ночи до пяти часовъ утра. Онъ уже тогда любилъ трудиться ночью, и послѣ оставался вѣренъ этой привычкѣ. Его глаза начали сильно страдать; оказалась необходимость въ очькахъ, но онъ долго не могъ собрать денегъ на ихъ покупку. Не смотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства онъ приготовился къ экзамену. «Peut-être, à dire sans vanité, писалъ онъ Герито уже въ іюнѣ, mes connaissances sont-elles plus que suffisantes pour que je puisse être admis» [2]). Въ августѣ Грановскій девятнадцати лѣтъ отъ роду вступилъ студентомъ въ юридической факультетъ Петербургскаго университета. Этотъ, а не иной факультетъ былъ избранъ имъ, вѣроятно потому, что онъ неимѣлъ достаточныхъ познаній въ древнихъ языкахъ, какія требовались для вступленія въ словесный факультетъ, а къ занятіямъ математикой не чувствовалъ охоты. По крайнѣй мѣрѣ нельзя не замѣтить, что лекціи профессоровъ юристовъ неоказывали вліянія на направленіе его занятій въ университетѣ. Студентъ Грановскій продолжалъ трудиться надъ сво-

---

[1]) Je vous dirais que je suis devenu infirme comme un octogénaire, que j'avale maintenant de grands verres de pectorale, et que pour peu que cela continue j'ai l'espoir d'être étique.—Къ Герито, 6 марта 1832 года.

[2]) Мои познанія, скажу безъ тщеславія, можетъ быть болѣе, чѣмъ удовлетворительны для того, чтобы я могъ быть принятъ (въ университетъ).—Къ Герито, іюнь 1832 г.

имъ образованіемъ, но книги и чтеніе по прежнему оставались у него главными для того средствами. У него уже были нѣкоторыя знакомства въ Петербургѣ; онъ посѣщалъ иногда семейства прежнихъ провинціальныхъ знакомыхъ своихъ, переселившихся въ столицу [1]), и принималъ участіе въ танцахъ на вечерахъ у нихъ, но онъ не хотѣлъ и не могъ тратить много времени на забавы и разсѣянія. Онъ любилъ оставаться болѣе всего въ семьѣ Кристофовича, съ которымъ жилъ вмѣстѣ и гдѣ находилъ много дружескаго участія среди невеселыхъ обстоятельствъ своихъ. Матеріальное положеніе его, по прежнему, было очень тяжелымъ и затруднительнымъ. Денегъ присылаемыхъ отцомъ далеко недоставало даже на необходимыя нужды студента, и поневолѣ приходилось дѣлать долги. «Je travaille de manière à n'avoir point de reproches à me faire dans la suite, et mes progrès ont répondu jusqu'à présent à mes efforts, mais le papa me laisse dans une position bien génante», читаемъ въ письмѣ его къ Герито [2]). «J'ai fait des dettes pour vivre et non pour m'amuser», признается онъ ей же [3]). Иноda онъ надѣялся существовать безъ помощи отъ отца. Въ декабрѣ 1832 года онъ уже разсчитывалъ получать по двѣ тысячи рублей (ассигн.) въ годъ отъ какого-то редактора за работу въ его журналѣ, но предпріятіе и вмѣстѣ его надежды не сбылись [4]). Грановскій уже не видѣлъ средствъ оста-

---

[1]) Въ перепискѣ Грановскаго съ сестрою и Герито онъ говоритъ о Можайскихъ, Храповицкимъ, Зиминыхъ и др.

[2]) Я работаю такъ, чтобы не за что было упрекнуть себя въ послѣдствіи. Успѣхи мои покуда соотвѣтствовали моимъ усиліямъ; но папенька оставляетъ меня въ очень затруднительномъ положеніи.—Къ Герито 17 января 1833 г.

[3]) Я дѣлалъ долги не для того, чтобы забавляться, а для того, чтобы существовать.—Къ Герито, 12 іюня 1838 г.

[4]) Письмо къ Герито 10 декабря 1832 г.

ваться студентомъ. На юношу находили минуты отчаянія. Онъ возвращался тогда къ своимъ дѣтскимъ воинственнымъ мечтамъ. Въ декабрѣ ходили слухи о войнѣ, и онъ писалъ сестрѣ: «si du moins cette guerre venait plus vite, j'irais me faire tuer du moins, car cela devient au dessus de mes forces» [1]). Являлась у юноши и мысль о самоубійствѣ. Замѣчательно, что эта мысль, являвшаяся въ Грановскомъ въ тяжелые часы его послѣдующей жизни, мелькала въ немъ уже въ эпоху первой молодости. Она не была въ юношѣ слѣдствіемъ болѣзненнаго состоянія, признакомъ слабости и недостатка силъ для борьбы. Напротивъ, она была у него слѣдствіемъ сильныхъ стремленій къ задачамъ и цѣлямъ жизни, безъ достиженія которыхъ существованіе теряло для него смыслъ и цѣну. Среди безвыходнаго положенія, въ которомъ находился, онъ пишетъ своей пріятельницѣ: «il faut avoir mon caractère pour pouvoir lutter, comme je le fais, contre les mille et mille desagréments, privations etc.—et je vous dirai franchement que si cela dure longtemps je me brûlerai la cervelle. Je sais que cette phrase vous paraîtra impie et Dieu sait quoi, mais c'est de sang-froid que je vous écris, sans la moindre exaltation; j'ai bien médité ce qui me reste à faire et à moins de quelque circonstance imprévue je dois en finir par là. Je n'ai que vingt ans, mais j'en ai assez vu. Si j'avais le moindre espoir d'être utile à ma famille—mais non, car mon père lui-même m'en ôte les moyens. Je ne pourrai pas même finir mes études avec ce qu'il m'envoie. Et que serai-je alors, pensez-y, à vingt ans sans place, sans attestat, avec quelques connaissances qui me seront plutôt nuisibles qu'utiles, car elles ne feront qu'aiguillonner mon

---

[1]) Хоть бы скорѣй эта война. Я бы по крайнѣй мѣрѣ пошелъ искать смерти, а то нѣтъ силъ терпѣть болѣе.—Къ сестрѣ 8 декабря 1832 г.

ambition sans la satisfaire. Et d'ailleurs mes connaissances ne sont que superficielles àprèsent. Mieux vaut rejoindre ma mère—elle priera pour moi, si j'ai commis un crime par là» [1]). Юношу смущало опасеніе, что и въ будущемъ, кромѣ труда изъ за хлѣба, не предстоитъ ему никакой лучшей цѣли: «je travaille autant que je puis, писалъ онъ Гериго, pour devenir un jour écrivain à deux mille francs par an; noble but n'est-ce pas?.... Je vois tant de sots coquins parvenus au premier rang que souvent l'envie me prend ou de devenir scélérat, ou de me brûler la cervelle—je ne réponds de moi que pour le premier—je crois qu'il me serait impossible d'être scélérat, mais pour le second—autre chose. J'attendrai quelques années, mais si le sort n'a rien à me donner pendant ces quelques années je lui ferai la révérence—le suicide n'a rien de contraire à mes croyances religieuses; je crois d'ailleurs qu'il vaut mieux avoir pour juge Dieu que les

---

[1]) Надо имѣть мой характеръ, чтобы быть въ состояніи бороться, какъ я дѣлаю, съ тысячею и тысячею непріятностей, лишеній и пр., и скажу вамъ откровенно, что если это продлится еще долго—я застрѣлюсь. Я знаю, что эта фраза покажется вамъ безбожною и Богъ знаетъ чѣмъ, но я пишу вамъ въ спокойномъ состояніи, безъ малѣйшей экзальтаціи. Я много обдумывалъ, что мнѣ остается дѣлать, и если только не встрѣтятся какія нибудь непредвидѣнныя обстоятельства, я долженъ кончить этимъ. Мнѣ только двадцать лѣтъ, но я довольно насмотрѣлся. Если бы я имѣлъ малѣйшую надежду быть полезнымъ своей семьѣ, но нѣтъ, отецъ мой самъ лишаетъ меня средствъ къ тому. Я даже не въ состояніи кончить университетскій курсъ при тѣхъ средствахъ, которыя онъ мнѣ даетъ, и въ такомъ случаѣ что станется со мною? Подумайте, въ двадцать лѣтъ, безъ мѣста, безъ атестата, кое съ какими познаніями, которыя будутъ для меня скорѣе вредными, чѣмъ полезными, только возбуждая мои стремленія, но не удовлетворяя ихъ. Впрочемъ мои познанія теперь такъ еще поверхностны. Лучше для меня послѣдовать за матерью—она будетъ молиться за меня, если я совершу этимъ преступленіе. Къ Гериго 2 іюля 1833 г.

hommes. La seule chose qui m'attache à la vie c'est l'espérance d'être le soutien ou du moins de faire quelque chose pour ma famille—je saurai l'être. Vous trouverez cette page bien sombre, ou bien ridicule—riez en, si cela vous plait; mais je puis vous assurer que je ne l'ai pas copiée d'un roman,—elle est de moi» [1]). Положеніе сестеръ и брата, остававшихся съ отцемъ, постоянно озабочивало студента. Грановскій напрасно напоминалъ отцу о необходимости для брата начать ученіе. Онъ желалъ бы взять его къ себѣ въ Петербургъ, чтобы руководить его воспитаніемъ, но что онъ могъ сдѣлать для него, бѣдствуя самъ среди дорогой жизни въ столицѣ. Герито, остававшаяся при его сестрахъ по смерти матери, лѣтомъ 1833 года выходила замужъ, и онъ со страхомъ думалъ объ одиночествѣ сестеръ. Желаніе Грановскаго помѣстить старшую сестру въ семью тетки, жившей въ Малороссіи почему-то не могло исполниться. «Mais si elle reste avec papa quel sort l'attend» [2]), писалъ смy-

---

[1]) Я работаю сколько есть силъ, чтобы современемъ сдѣлаться писаремъ за двѣ тысячи франковъ въ годъ. Благородная цѣль, не правда ли? Я вижу столько глупыхъ плутовъ достигшихъ высокаго положенія, что часто у меня является желаніе или сдѣлаться негодяемъ или застрѣлиться. Я могу отвѣчать за себя только относительно перваго: я думаю, что я не въ состояніи сдѣлаться негодяемъ; что же касается до второго,—это другое дѣло. Подожду нѣсколько лѣтъ и если судьба ни[illegible] не доставитъ мнѣ въ эти годы, я расквитаюсь съ ней.... Въ самоубійствѣ нѣтъ ничего противнаго моимъ религіознымъ вѣрованіямъ, и думаю, что лучше имѣть судьею Бога, чѣмъ людей. Одно что привязываетъ меня къ жизни—это надежда служить опорою или по крайней мѣрѣ сдѣлать что-нибудь для моего семейства; я съумѣю достигнуть этого. Вы найдете эту страницу слишкомъ мрачною или очень смѣшною—смѣйтесь, если хотите; но я могу васъ увѣрить, что я не выписалъ ее изъ романа, она принадлежитъ мнѣ.—Письм. къ Герито 10 марта 1833 г.

[2]) Но если она останется съ папенькою—какая участь ожидаетъ ее? Къ Герито 2 июля 1833 г.

щенный братъ къ Герито. Около этого времени у отца Грановскаго нашелся пріятель, задумавшій его женить на женщинѣ своего выбора. Изъ опасенія встрѣтить въ отношеніяхъ отца съ дѣтьми препятствіе своему намѣренію, пріятель старался раздражать его противъ дѣтей. Извѣстіе объ этой интригѣ увеличило опасенія брата за судьбу сестеръ и возбудило въ немъ горячее негодованіе. Онъ совѣтовалъ старшей сестрѣ стараться сблизиться съ отцемъ, побѣдить недовѣрчивость, развившуюся въ немъ вслѣдствіе чувства собственной слабости, спасти его самаго отъ поздняго раскаянія. Объясняться съ отцемъ прямо отъ себя онъ не могъ, зная его упрямство и наклоность къ противорѣчію совѣтамъ. «Je viendrai à Orel exprès, à pied s'il le faut, si cet infame réussit, писалъ Грановскій сестрѣ, et je lui ferai payer cher le succès de ses viles intrigues» [1]). Сынъ думалъ, что можетъ быть бракъ отца не былъ бы зломъ для послѣдняго, но желалъ, чтобы выборъ жены сдѣланъ былъ самимъ отцемъ. Интрига осталась, къ счастію, безъ послѣдствій, но иныя опасенія за судьбу родной семьи продолжали тревожить студента.

Имѣніе Николая Тимоѳеевича Погорѣлецъ было заложено въ опекунскомъ совѣтѣ, а онъ не вносилъ въ срокъ платежей по этому долгу. Другое имѣніе въ Малороссіи, принадлежавшее прежде матери Т. Н. Грановскаго, находилось подъ опекою одного изъ родственниковъ Грановскихъ и приходило въ разореніе отъ небрежнаго и нечестнаго управленія. Семьѣ Грановскаго грозило неминуемое разореніе. Поправить положеніе дѣлъ было бы легко, еслибъ было возможно преодолѣть лѣнь и безпечность Николая Ти-

---

[1]) Я нарочно явлюсь въ Орелъ, пѣшкомъ если будетъ нужно, если этотъ негодяй достигнетъ своей цѣли, и заставлю его дорого расплатиться за успѣхъ его гнусныхъ интригъ.—Къ сестрѣ 12 іюля 1833 г.

здоровье Грановскаго. Весною 1832 года въ немъ оказались признаки сильнаго груднаго разстройства [1]). Ничто однако же не отклонило его отъ избраннаго пути: съ помощію какого-то профессора онъ выхлопоталъ себѣ позволеніе съ января этого года посѣщать лекціи въ университетѣ, пользовался, сколько могъ, уроками учителей, а всего болѣе учился самъ. Часто онъ просиживалъ надъ книгами ночи до пяти часовъ утра. Онъ уже тогда любилъ трудиться ночью, и послѣ оставался вѣренъ этой привычкѣ. Его глаза начали сильно страдать; оказалась необходимость въ очькахъ, но онъ долго не могъ собрать денегъ на ихъ покупку. Не смотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства онъ приготовился къ экзамену. «Peut-être, à dire sans vanité, писалъ онъ Герито уже въ іюнѣ, mes connaissances sont-elles plus que suffisantes pour que je puisse être admis» [2]). Въ августѣ Грановскій девятнадцати лѣтъ отъ роду вступилъ студентомъ въ юридической факультетъ Петербургскаго университета. Этотъ, а не иной факультетъ былъ избранъ имъ, вѣроятно потому, что онъ неимѣлъ достаточныхъ познаній въ древнихъ языкахъ, какія требовались для вступленія въ словесный факультетъ, а къ занятіямъ математикой не чувствовалъ охоты. По крайнѣй мѣрѣ нельзя не замѣтить, что лекціи профессоровъ юристовъ неоказывали вліянія на направленіе его занятій въ университетѣ. Студентъ Грановскій продолжалъ трудиться надъ сво-

---

[1]) Je vous dirais que je suis devenu infirme comme un octogénaire, que j'avale maintenant de grands verres de pectorale, et que pour peu que cela continue j'ai l'espoir d'être étique.—Къ Герито, 6 марта 1832 года.

[2]) Мои познанія, скажу безъ тщеславія, можетъ быть болѣе, чѣмъ удовлетворительны для того, чтобы я могъ быть принятъ (въ университетъ).—Къ Герито, іюнь 1832 г.

имъ образованіемъ, но книги и чтеніе по прежнему оставались у него главными для того средствами. У него уже были нѣкоторыя знакомства въ Петербургѣ; онъ посѣщалъ иногда семейства прежнихъ провинціальныхъ знакомыхъ своихъ, переселившихся въ столицу [1]), и принималъ участіе въ танцахъ на вечерахъ у нихъ, но онъ не хотѣлъ и не могъ тратить много времени на забавы и разсѣянія. Онъ любилъ оставаться болѣе всего въ семьѣ Кристофовича, съ которымъ жилъ вмѣстѣ и гдѣ находилъ много дружескаго участія среди невеселыхъ обстоятельствъ своихъ. Матеріальное положеніе его, по прежнему, было очень тяжелымъ и затруднительнымъ. Денегъ присылаемыхъ отцомъ далеко недоставало даже на необходимыя нужды студента, и поневолѣ приходилось дѣлать долги. «Je travaille de manière à n'avoir point de reproches à me faire dans la suite, et mes progrès ont répondu jusqu'à présent à mes efforts, mais le papa me laisse dans une position bien génante», читаемъ въ письмѣ его къ Герито [2]). «J'ai fait des dettes pour vivre et non pour m'amuser», признается онъ ей же [3]). Инода онъ надѣялся существовать безъ помощи отъ отца. Въ декабрѣ 1832 года онъ уже разсчитывалъ получать по двѣ тысячи рублей (ассигн.) въ годъ отъ какого-то редактора за работу въ его журналѣ, но предпріятіе и вмѣстѣ его надежды не сбылись [4]). Грановскій уже не видѣлъ средствъ оста-

---

[1]) Въ перепискѣ Грановскаго съ сестрою и Герито онъ говоритъ о Можайскихъ, Храповицкимъ, Зиминыхъ и др.

[2]) Я работаю такъ, чтобы не за что было упрекнуть себя въ послѣдствіи. Успѣхи мои покуда соотвѣтствовали моимъ усиліямъ; но папенька оставляетъ меня въ очень затруднительномъ положеніи.—Къ Герито 17 января 1833 г.

[3]) Я дѣлалъ долги не для того, чтобы забавляться, а для того, чтобы существовать.—Къ Герито, 12 іюня 1838 г.

[4]) Письмо къ Герито 10 декабря 1832 г.

[illegible] сестры; за то отецъ остался очень недоволенъ такою развязкою дѣла.

Грановскій изъ Петербурга ѣздилъ въ Орелъ и посѣщалъ семью Е—хъ. Чувство его къ дочери послѣдняго оживилось съ новою силою. Въ числѣ молодыхъ людей, часто посѣщавшихъ домъ Е—хъ, Грановскій встрѣчалъ П—а, въ которомъ началъ подозрѣвать своего соперника. Страстный юноша не могъ долго выносить тревогъ сомнѣнія. Въ прямомъ объясненіи съ Е. П., онъ просилъ ее рѣшить, кто изъ двухъ, онъ или П., не долженъ болѣе являться въ домъ отца ея. Рѣшеніе было не въ пользу П. и было сообщено ему самимъ Грановскимъ. Отношенія двухъ соперниковъ чуть было не привели къ дуэли, не состоявшейся только вслѣдствіе вмѣшательства и вліянія третьихъ лицъ. Это происшествіе сблизило Грановскаго съ любимою дѣвушкою. Оно подало поводъ къ признанію съ обѣихъ сторонъ установившейся сердечной связи. Молодые люди разстались съ взаимнымъ обѣщаніемъ писать другъ другу.

Избавивъ одну сестру отъ нелюбимаго жениха и убѣдивъ отца помѣстить другую въ одинъ изъ московскихъ пансіоновъ, Грановскій возвратился въ Петербургъ. Наступилъ уже послѣдній годъ для его университетскаго курса.

Мы уже упомянули, что профессора юристы не оказывали замѣтнаго вліянія на направленіе его занятій. Грановскій сохранялъ всегда живую память о людяхъ, положительно содѣйствовавшихъ въ какой бы то ни было мѣрѣ его умственному или нравственному развитію, но между его воспоминаніями въ этомъ отношеніи никогда не упоминалось имъ въ послѣдствіи ни одно изъ именъ юристовъ, занимавшихъ кафедры Петербургскаго университета въ годы его студенчества. О личномъ составѣ петербургскаго уни-

верситета, о преподаваніи, способѣ его и распредѣленіи, а также о требованіяхъ отъ студентовъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ находимъ нѣкоторыя извѣстія въ статьѣ одного изъ товарищей Грановскаго по университету, г. Григорьева [1]). Пользуемся его указаніями для характеристики среды и оффиціальныхъ отношеній, которые окружали студента Грановскаго.

Многихъ тогдашнихъ профессоровъ, отчасти даже знаменитостей, замѣчаетъ г. Григорьевъ, не сдѣлали бы теперь учителями въ порядочныхъ гимназіяхъ. На три, четыре человѣка даровитыхъ и знающихъ, приходилось двадцать, тридцать преподавателей, не имѣющихъ ни знанія, ни призванія къ профессурѣ. Изъ преподавателей кто читалъ по собственнымъ запискамъ, кто по печатнымъ учебникамъ. Отъ студентовъ требовалось заучиванье тѣхъ и другихъ наизусть. Большинство преподавателей всю заслугу студентовъ поставляло въ томъ, чтобы они при экзаменахъ воспроизводили записки или учебникъ слово въ слово. Слушаніе и записываніе лекцій, читавшихся тогда не только утромъ, но и послѣ обѣда, поглощали все время студентовъ. Трудъ ихъ обыкновенно начинался въ концѣ годичнаго курса и состоялъ въ приготовленіи къ экзамену заучиваніемъ лекцій. Такой порядокъ преподаванія и занятій, частію сохранившійся и въ наше время, мало приносилъ пользы студентамъ, не вызывая ихъ къ дѣятельному и серьезному труду. Преподаватели, оказывавшіе какое-нибудь замѣтное вліяніе на слушателей, пробуждавшіе въ нихъ интересы къ наукѣ, представляли рѣдкое исключеніе. Есть основаніе предполагать, что такимъ исключеніемъ, по крайнѣй мѣрѣ до

---

[1]) Т. Н. Грановскій до его профессорства въ Москвѣ. Русская Бесѣда 1856 к. III.

нѣкоторой степени, былъ профессоръ философіи А. А. Фишеръ. Когда въ послѣдній годъ студенчества Грановскаго, распоряженіемъ университетскаго совѣта, были отмѣнены чтенія исторіи философіи, обѣщанныя Фишеромъ своимъ слушателямъ, то послѣдніе подали въ совѣтъ прошеніе, въ которомъ упоминали о пользѣ, принесенной имъ лекціями Фишера и просили разрѣшить обѣщанныя чтенія. Однимъ изъ главныхъ двигателей товарищей въ этомъ дѣлѣ былъ Грановскій, хотя послѣ, изучая Гегеля въ Берлинѣ, онъ писалъ: «я незналъ, что такое философія, пока не пріѣхалъ сюда. Фишеръ читалъ намъ какую-то другую науку, пользы которой я теперь рѣшительно не поминаю» [1]). Между университетскими наставниками Грановскаго мы должны упомянуть о П. А. Плетневѣ. Преподавая русскую словесность, онъ занималъ своихъ слушателей литтературными упражненіями. Г. Григорьевъ въ статьѣ своей о Грановскомъ напечаталъ нѣсколько стихотвореній изъ тетради, представленной послѣднимъ Плетневу въ 1834 году. Грановскій переводилъ также стихами съ англійскаго языка произведенія поэтовъ Озерной школы: Кольриджа, Соути и др. Произведенія французскихъ поэтовъ не удовлетворяли его эстетическаго вкуса, хотя онъ съ удовольствіемъ читалъ ямбы Барбье. Нѣмецкихъ поэтовъ онъ могъ читать только въ переводахъ, зная нѣмецкій языкъ еще весьма неудовлетворительно. Къ выбору для переводовъ поэтовъ Озерной школы могли привлечь Грановскаго истинная поэзія и гуманное содержаніе, нерѣдкія въ ихъ произведеніяхъ, отчасти фантастическихъ и носящихъ слѣды вліянія идей Шеллинга. Въ переводахъ поэтическихъ произведеній выраба-

---

[1]) Письмо къ Григорьеву, 21 нояб 1837. Берлинъ. См. статью Григорьева въ Рус. Бесѣдѣ.

тывался литтературный языкъ Грановскаго, въ послѣдствіи отличавшійся такимъ изяществомъ. Впрочемъ, онъ не только не мечталъ о своемъ поэтическомъ призваніи, какъ многіе изъ его товарищей, не только не поддавался соблазну печатать свои опыты, но даже очень неохотно сообщалъ ихъ своими товарищамъ. Стихи его, если не доказывали его поэтическаго призванія, то свидѣтельствовали о его воспріимчивости для поэтическихъ впечатлѣній и о его литтературныхъ способностяхъ. Послѣднія уже обратили на себя вниманіе Плетнева, который зимою 1835 года представилъ Грановскаго Пушкину съ лестнымъ отзывомъ о способностяхъ студента. Среди впечатлѣній, развивавшихъ художественное чувство Грановскаго, безъ сомнѣнія, первое мѣсто принадлежало поэзіи Пушкина. Онъ любилъ перечитывать его произведенія во всю свою жизнь. Поэзія Пушкина сопутствовала ему на чужбинѣ. Проводя послѣ годы въ Германіи онъ нерѣдко отдыхалъ отъ своихъ трудовъ надъ его родными стихами. Современные русскіе журналы занимали постоянное мѣсто въ чтеніи студента Грановскаго, какъ видно изъ его переписки. Между журналами въ эпоху юности Грановскаго первое мѣсто до 1835 года принадлежало Московскому Телеграфу. Журналъ Полеваго, какъ извѣстно, усердно знакомилъ русскую публику съ произведеніями и движеніемъ европейскихъ современныхъ литтературъ. Его указанія могли быть не безполезны молодому Грановскому. Мы тѣмъ болѣе имѣемъ право предполагать это, что самъ Грановскій всегда съ сочувствіемъ и уваженіемъ вспоминалъ лучшую пору дѣятельности издателя Телеграфа. Впрочемъ Грановскій уже студентомъ не ограничивалъ своего чтенія журналами, романами и современной беллетристикой. Его чтеніе не проходило уже также безслѣдно для дѣятельности его собственной мысли, для по-

пытокъ къ собственному труду. Вотъ доказательство нашихъ словъ: въ 1844 году, въ то время, когда съ каѳедры московскаго университета Грановской читалъ публичный историческій курсъ, преподаватель французской литтературы въ петербургскомъ университетѣ Ch. St. Julien открылъ публичныя чтенія объ исторіи романа и приступивъ къ изложенію литтературы XVI вѣка, онъ какъ бы уступилъ рѣчь своему прежнему слушателю, читая передъ публикою отрывокъ изъ сочиненія о Раблэ, представленнаго преподавателю студентомъ Грановскимъ въ 1835 году. Чтеніе отрывка вызвало громкія рукоплесканія со стороны публики [1]). Уже въ студенческіе годы Грановскаго стремленіе къ изученію исторіи начало принимать несомнѣнный перевѣсъ надъ его другими научными и литтературными интерессами.

Мы не имѣемъ никакихъ данныхъ для заключенія что такое направленіе въ немъ было слѣдствіемъ чьего бы то ни было личнаго вліянія. Между его наставниками неизвѣстенъ никто, кому бы можно было приписать такое вліяніе. «Въ наше время, свидѣтельствуетъ г. Григорьевъ, почти всѣ отдѣлы Всеобщей исторіи читались такъ несоотвѣтственно самымъ скромнымъ требованіямъ, что трудно было развернуться особому къ ней расположенію даже въ самыхъ способныхъ къ тому натурахъ». Можетъ быть прежде всего и болѣе всего другаго къ изученію исторіи вызвало Грановскаго чтеніе Валтеръ-Скотта. Мы знаемъ, что еще въ дѣтствѣ онъ съ увлеченіемъ читалъ его романы въ русскихъ переводахъ. Онъ былъ уже студентомъ, когда одинъ его родственникъ, уѣзжая изъ Петербурга, оставилъ ему свою библіотеку въ 250 томовъ. «Въ числѣ книгъ этихъ находит-

---

[1]) См. рецензію чтеній Ch. St. Julien въ Revue étrangère 1844 г. № 1.

ся и весь Вальтеръ-Скоттъ, позавидуй!» писалъ въ радости Грановскій сестрѣ своей (10 Мая 1833 г.). Московскій Телеграфъ могъ быть не безполезенъ молодому студенту своими указаніями на иностранную историческую литтературу. Какъ бы то ни было, но Грановскій, еще учась въ университетѣ, перечелъ сочиненія Гизо, Баранта, Сисмонди, читалъ Капфига, Тьера, Вильменя. Въ Огюстенѣ Тьери онъ имѣлъ уже между историками своего любимца, читалъ его съ восторгомъ, и вскорѣ по окончаніи курса началъ переводить для русскихъ читателей его «Покореніе Англіи Норманнами». Студентъ прочелъ также Гиббона, Робертсона и Юма. Статьи, напечатанныя Грановскимъ въ Библіотекѣ для чтенія и въ Энциклопедическомъ словарѣ Плюшара, въ первый же годъ по выходѣ его изъ университета, показывали, что чтеніе его не было безплодно и дало ему уже нѣкоторый запасъ историческихъ свѣдѣній и сужденій. Способности студента сдѣлались извѣстными между его университетскими наставниками. «Mes proffesseurs, пишетъ Грановскій сестрѣ не задолго до окончанія имъ курса, sont tous remplis d'attentions pour moi, mes camarades m'aiment» [1]).

Товарищи любили Грановскаго. Замѣчательно однакоже, что при способности его прочно хранить дружескія свои привязанности, связь его съ университетскими товарищами была довольно легкою и не отличалась ничѣмъ отъ обыкновенной, внѣшней связи людей, случайно и надолго сведенныхъ судьбою вмѣстѣ. Между именами его товарищей, упоминаемыхъ г. Григорьевымъ, мы не встрѣчаемъ ни одного имени, которое занимало бы видное мѣсто среди послѣдующихъ отношеній Грановскаго [2]). Это мож-

[1]) Мои профессора всѣ исполнены вниманія ко мнѣ, мои товарищи любятъ меня.

[2]) Г. Григорьевъ упоминаетъ имена гг. Бутовскаго, Злобина, Ер-

hommes. La seule chose qui m'attache à la vie c'est l'espérance d'être le soutien ou du moins de faire quelque chose pour ma famille—je saurai l'être. Vous trouverez cette page bien sombre, ou bien ridicule—riez en, si cela vous plait; mais je puis vous assurer que je ne l'ai pas copiée d'un roman,—elle est de moi» [1]). Положеніе сестеръ и брата, остававшихся съ отцемъ, постоянно озабочивало студента. Грановскій напрасно напоминалъ отцу о необходимости для брата начать ученіе. Онъ желалъ бы взять его къ себѣ въ Петербургъ, чтобы руководить его воспитаніемъ, но что онъ могъ сдѣлать для него, бѣдствуя самъ среди дорогой жизни въ столицѣ. Герито, остававшаяся при его сестрахъ по смерти матери, лѣтомъ 1833 года выходила замужъ, и онъ со страхомъ думалъ объ одиночествѣ сестеръ. Желаніе Грановскаго помѣстить старшую сестру въ семью тётки, жившей въ Малороссіи почему-то не могло исполниться. «Mais si elle reste avec papa quel sort l'attend» [2]), писалъ сму-

---

[1]) Я работаю сколько есть силъ, чтобы современемъ сдѣлаться писаремъ за двѣ тысячи франковъ въ годъ. Благородная цѣль, не правда ли? Я вижу столько глупыхъ плутовъ достигшихъ высокаго положенія, что часто у меня является желаніе или сдѣлаться негодяемъ или застрѣлиться. Я могу отвѣчать за себя только относительно перваго: я думаю, что я не въ состояніи сдѣлаться негодяемъ; что же касается до втораго—это другое дѣло. Подожду нѣсколько лѣтъ, и если судьба ничего не пошлетъ мнѣ въ эти годы, я раскланяюсь съ ней.... Въ самоубійствѣ нѣтъ ничего противорѣчащаго моимъ религіознымъ вѣрованіямъ; я думаю, что лучше имѣть судьею Бога, чѣмъ людей. Одно что привязываетъ меня къ жизни—это надежда служить опорою или по крайней мѣрѣ сдѣлать что нибудь для моего семейства; я съумѣю достигнуть этого. Вы найдете эту страницу очень мрачною или очень смѣшною—смѣйтесь, если хотите; но могу васъ увѣрить, что я не выписалъ ее изъ романа, она принадлежитъ мнѣ.—Письмо къ Герито 10 марта 1833 г.

[2]) Но если она останется съ папенькою—какая участь ожидаетъ ее? Къ Герито 2 іюля 1833 г.

щенный братъ къ Герито. Около этого времени у отца Грановскаго нашелся пріятель, задумавшій его женить на женщинѣ своего выбора. Изъ опасенія встрѣтить въ отношеніяхъ отца съ дѣтьми препятствіе своему намѣренію, пріятель старался раздражать его противъ дѣтей. Извѣстіе объ этой интригѣ увеличило опасенія брата за судьбу сестеръ и возбудило въ немъ горячее негодованіе. Онъ совѣтовалъ старшей сестрѣ стараться сблизиться съ отцемъ, побѣдить недовѣрчивость, развившуюся въ немъ вслѣдствіе чувства собственной слабости, спасти его самаго отъ поздняго раскаянія. Объясняться съ отцемъ прямо отъ себя онъ не могъ, зная его упрямство и наклоность къ противорѣчію совѣтамъ. «Je viendrai à Orel exprès, à pied s'il le faut, si cet infame réussit, писалъ Грановскій сестрѣ, et je lui ferai payer cher le succès de ses viles intrigues» [1]). Сынъ думалъ, что можетъ быть бракъ отца не былъ бы зломъ для послѣдняго, но желалъ, чтобы выборъ жены сдѣланъ былъ самимъ отцемъ. Интрига осталась, къ счастію, безъ послѣдствій, но иныя опасенія за судьбу родной семьи продолжали тревожить студента.

Имѣніе Николая Тимоѳеевича Погорѣлецъ было заложено въ опекунскомъ совѣтѣ, а онъ не вносилъ въ срокъ платежей по этому долгу. Другое имѣніе въ Малороссіи, принадлежавшее прежде матери Т. Н. Грановскаго, находилось подъ опекою одного изъ родственниковъ Грановскихъ и приходило въ разореніе отъ небрежнаго и нечестнаго управленія. Семьѣ Грановскаго грозило неминуемое разореніе. Поправить положеніе дѣлъ было бы легко, еслибъ было возможно преодолѣть лѣнь и безпечность Николая Ти-

---

[1]) Я нарочно явлюсь въ Орелъ, пѣшкомъ если будетъ нужно, если этотъ негодяй достигнетъ своей цѣли, и заставлю его дорого расплатиться за успѣхъ его гнусныхъ интригъ.—Къ сестрѣ 12 іюля 1833 г.

моѳеевича. Опасаясь за будущность сестеръ, Грановскій рѣшился писать къ отцу о небходимости заняться дѣлами. Отвѣта не было. Однажды, читая газеты, сынъ увидалъ объявленіе опекунскаго совѣта о продажѣ Погорѣльца за неплатежъ долга. Тогда студентъ въ глубокую осень поспѣшилъ въ Орелъ самъ для переговоровъ съ отцемъ. Его пріѣздъ и совѣты отвратили грозившее семьѣ разореніе: продажа Погорѣльца была отсрочена, а завѣдываніе малороссійскимъ имѣніемъ отецъ поручилъ сыну, который мечталъ, по окончаніи университетскаго курса, лично заняться его устройствомъ. «Ceci est indispensable, писалъ онъ къ Герито, возвратясь въ Петербургъ, il faut que mes soeurs aient un morceau de pain à elles» [1]). Платонъ, меньшой братъ Грановскаго, по просьбамъ послѣдняго, былъ помѣщенъ отцемъ у учителя Орловской гимназіи, но меньшая сестра, Саша, осталась дома, и студентъ съ грустію видѣлъ, что не могъ ничего сдѣлать для ея воспитанія.

Посѣтивъ Орелъ, Грановскій познакомился здѣсь съ семействомъ В—го, который, какъ опытный и дѣловой человѣкъ, помогалъ его отцу въ хлопотахъ по разнымъ дѣламъ его. У Ва—го было двѣ дочери, изъ которыхъ старшая, Е. П., была пріятельницею сестры Грановскаго. Разсказы сестры о своей пріятельницѣ возбуждали въ братѣ живое любопытство и желаніе знакомства съ нею. Встрѣча съ ѳтою дѣвушкою оставила неизгладимые слѣды въ жизни Грановскаго. Отношенія послѣдняго къ меньшой сестрѣ ея, отличавшейся живымъ и веселымъ нравомъ, скоро приняли дружескій характеръ, но впечатлѣніе, произведенное на Грановскаго старшею сестрою было гораздо сильнѣе.

---

[1]) Это необходимо. Надо, чтобы сестрамъ моимъ былъ обезпеченъ свой кусокъ хлѣба.—Письмо къ Герито 20 декабря 1833 г.

Это была дѣвушка очень прiятной наружности, сосредоточеннаго, сдержаннаго нрава и одаренная замѣтнымъ умомъ. Въ короткiй срокъ личнаго знакомства съ нею впечатлительный двадцатилѣтнiй Грановскiй уже испыталъ ея привлекательную силу надъ собою. Приближался срокъ его отъѣзда, и онъ уже чувствовалъ, что разлука съ нею не легка для него. Незадолго до своего отъѣзда, онъ рѣшился спросить Е. П., что̀ бы она сказала человѣку, который-бы признался, что глубоко ее любитъ. Я бы благодарила его, былъ отвѣтъ. Возвратясь въ Петербургъ, Грановскiй въ письмѣ къ сестрѣ требовалъ извѣстiй о ея прiятельницѣ. Въ строкахъ его высказывалось живое и вмѣстѣ недовѣрчивое, ревнивое чувство, закравшееся въ молодое сердце [1]).

Въ Петербургѣ жизнь студента проходила снова среди трудовъ и лишенiй. Разсѣянiемъ и отдыхомъ служилъ ему только французскiй театръ, который онъ могъ часто посѣщать, не тратя денегъ, въ ложѣ своихъ знакомыхъ. «Je travaille comme un malheureux galérien», писалъ онъ сестрѣ въ февралѣ 1834 года [2]). Въ октябрѣ Грановскiй узналъ, что любимая сестра его помолвлена. Жениха своего она не любила, но согласилась на бракъ, уступивъ просьбамъ и убѣжденiямъ отца. Въ глубокую осень студентъ еще разъ поскакалъ въ телѣгѣ въ Погорѣлецъ. Онъ засталъ здѣсь сестру очень опечаленною предстоявшею ей участью. Убѣдившись, что она не любила своего жениха, братъ откровенно высказалъ это въ письмѣ къ послѣднему, и его прямое объясненiе положило конецъ исканiямъ жениха и стра-

---

[1]) Письмо къ сестрѣ 4 февраля 1834 года. «Mes lettres, писалъ онъ между прочимъ, me peignent tel que je suis: emporté, jaloux et d'un caractère inégal».—Изъ переписки Грановскаго съ сестрой въ этомъ году сохранилось только два письма.

[2]) Я работаю какъ несчастный каторжникъ.

даніямъ сестры; за то отецъ остался очень недоволенъ такою развязкою дѣла.

Грановскій изъ Погорѣльца ѣздилъ въ Орелъ и посѣщалъ семью В—го. Чувство его къ дочери послѣдняго оживилось съ новою силою. Въ числѣ молодыхъ людей, часто посѣщавшихъ домъ В—го, Грановскій встрѣчалъ П—а, въ которомъ началъ подозрѣвать своего соперника. Страстный юноша не могъ долго выносить тревогъ сомнѣнія. Въ прямомъ объясненіи съ Е. П., онъ просилъ ее рѣшить, кто изъ двухъ, онъ или П., не долженъ болѣе являться въ домъ отца ея. Рѣшеніе было не въ пользу П. и было сообщено ему самимъ Грановскимъ. Отношенія двухъ соперниковъ чуть было не привели къ дуэли, не состоявшейся только вслѣдствіе вмѣшательства и вліянія третьихъ лицъ. Это происшествіе сблизило Грановскаго съ любимою дѣвушкою. Оно подало поводъ къ признанію съ обѣихъ сторонъ установившейся сердечной связи. Молодые люди разстались съ взаимнымъ обѣщаніемъ писать другъ другу.

Избавивъ одну сестру отъ нелюбимаго жениха и убѣдивъ отца помѣстить другую въ одинъ изъ московскихъ пансіоновъ, Грановскій возвратился въ Петербургъ. Наступилъ уже послѣдній годъ для его университетскаго курса.

Мы уже упомянули, что профессора юристы не оказывали замѣтнаго вліянія на направленіе его занятій. Грановскій сохранялъ всегда живую память о людяхъ, положительно содѣйствовавшихъ въ какой бы то ни было мѣрѣ его умственному или нравственному развитію, но между его воспоминаніями въ этомъ отношеніи никогда не упоминалось имъ въ послѣдствіи ни одно изъ именъ юристовъ, занимавшихъ каѳедры Петербургскаго университета въ годы его студенчества. О личномъ составѣ петербургскаго уни-

верситета, о преподаваніи, способѣ его и распредѣленіи, а также о требованіяхъ отъ студентовъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ находимъ нѣкоторыя извѣстія въ статьѣ одного изъ товарищей Грановскаго по университету, г. Григорьева [1]). Пользуемся его указаніями для характеристики среды и оффиціальныхъ отношеній, которые окружали студента Грановскаго.

Многихъ тогдашнихъ профессоровъ, отчасти даже знаменитостей, замѣчаетъ г. Григорьевъ, не сдѣлали бы теперь учителями въ порядочныхъ гимназіяхъ. На три, четыре человѣка даровитыхъ и знающихъ, приходилось двадцать, тридцать преподавателей, не имѣющихъ ни знанія, ни призванія къ профессурѣ. Изъ преподавателей кто читалъ по собственнымъ запискамъ, кто по печатнымъ учебникамъ. Отъ студентовъ требовалось заучиванье тѣхъ и другихъ наизустъ. Большинство преподавателей всю заслугу студентовъ поставляло въ томъ, чтобы они при экзаменахъ воспроизводили записки или учебникъ слово въ слово. Слушаніе и записываніе лекцій, читавшихся тогда не только утромъ, но и послѣ обѣда, поглощали все время студентовъ. Трудъ ихъ обыкновенно начинался въ концѣ годичнаго курса и состоялъ въ приготовленіи къ экзамену заучиваніемъ лекцій. Такой порядокъ преподаванія и занятій, частію сохранившійся и въ наше время, мало приносилъ пользы студентамъ, не вызывая ихъ къ дѣятельному и серьезному труду. Преподаватели, оказывавшіе какое-нибудь замѣтное вліяніе на слушателей, пробуждавшіе въ нихъ интересы къ наукѣ, представляли рѣдкое исключеніе. Есть основаніе предполагать, что такимъ исключеніемъ, по крайнѣй мѣрѣ до

---

[1]) Т. Н. Грановскій до его профессорства въ Москвѣ. Русская Бесѣда 1856 к. III.

нѣкоторой степени, былъ профессоръ философіи А. А. Фишеръ. Когда въ послѣдній годъ студенчества Грановскаго, распоряженіемъ университетскаго совѣта, были отмѣнены чтенія исторіи философіи, обѣщанныя Фишеромъ своимъ слушателямъ, то послѣдніе подали въ совѣтъ прошеніе, въ которомъ упоминали о пользѣ, принесенной имъ лекціями Фишера и просили разрѣшить обѣщанныя чтенія. Однимъ изъ главныхъ двигателей товарищей въ этомъ дѣлѣ былъ Грановскій, хотя послѣ, изучая Гегеля въ Берлинѣ, онъ писалъ: «я незналъ, что такое философія, пока не пріѣхалъ сюда. Фишеръ читалъ намъ какую-то другую науку, пользы которой я теперь рѣшительно не поминаю»[1]. Между университетскими наставниками Грановскаго мы должны упомянуть о П. А. Плетневѣ. Преподавая русскую словесность, онъ занималъ своихъ слушателей литтературными упражненіями. Г. Григорьевъ въ статьѣ своей о Грановскомъ напечаталъ нѣсколько стихотвореній изъ тетради, представленной послѣднимъ Плетневу въ 1834 году. Грановскій переводилъ также стихами съ англійскаго языка произведенія поэтовъ Озерной школы: Кольриджа, Соути и др. Произведенія французскихъ поэтовъ не удовлетворяли его эстетическаго вкуса, хотя онъ съ удовольствіемъ читалъ ямбы Барбье. Нѣмецкихъ поэтовъ онъ могъ читать только въ переводахъ, зная нѣмецкій языкъ еще весьма неудовлетворительно. Къ выбору для переводовъ поэтовъ Озерной школы могли привлечь Грановскаго истинная поэзія и гуманное содержаніе, нерѣдкія въ ихъ произведеніяхъ, отчасти фантастическихъ и носящихъ слѣды вліянія идей Шеллинга. Въ переводахъ поэтическихъ произведеній выраба-

---

[1]) Письмо къ Григорьеву, 21 нояб 1837. Берлинъ. См. статью Григорьева въ Рус. Бесѣдѣ.

тывался литтературный языкъ Грановскаго, въ послѣдствіи отличавшійся такимъ изяществомъ. Впрочемъ, онъ не только не мечталъ о своемъ поэтическомъ призваніи, какъ многіе изъ его товарищей, не только не поддавался соблазну печатать свои опыты, но даже очень неохотно сообщалъ ихъ своими товарищамъ. Стихи его, если не доказывали его поэтическаго призванія, то свидѣтельствовали о его воспріимчивости для поэтическихъ впечатлѣній и о его литтературныхъ способностяхъ. Послѣднія уже обратили на себя вниманіе Плетнева, который зимою 1835 года представилъ Грановскаго Пушкину съ лестнымъ отзывомъ о способностяхъ студента. Среди впечатлѣній, развивавшихъ художественное чувство Грановскаго, безъ сомнѣнія, первое мѣсто принадлежало поэзіи Пушкина. Онъ любилъ перечитывать его произведенія во всю свою жизнь. Поэзія Пушкина сопутствовала ему на чужбинѣ. Проводя послѣ годы въ Германіи онъ нерѣдко отдыхалъ отъ своихъ трудовъ надъ его родными стихами. Современные русскіе журналы занимали постоянное мѣсто въ чтеніи студента Грановскаго, какъ видно изъ его переписки. Между журналами въ эпоху юности Грановскаго первое мѣсто до 1835 года принадлежало Московскому Телеграфу. Журналъ Полеваго, какъ извѣстно, усердно знакомилъ русскую публику съ произведеніями и движеніемъ европейскихъ современныхъ литтературъ. Его указанія могли быть не безполезны молодому Грановскому. Мы тѣмъ болѣе имѣемъ право предполагать это, что самъ Грановскій всегда съ сочувствіемъ и уваженіемъ вспоминалъ лучшую пору дѣятельности издателя Телеграфа. Впрочемъ Грановскій уже студентомъ не ограничивалъ своего чтенія журналами, романами и современной беллетристикой. Его чтеніе не проходило уже также безслѣдно для дѣятельности его собственной мысли, для по-

пытокъ къ собственному труду. Вотъ доказательство нашихъ словъ: въ 1844 году, въ то время, когда съ кафедры московскаго университета Грановской читалъ публичный историческій курсъ, преподаватель французской литтературы въ петербургскомъ университетѣ Ch. St. Julien открылъ публичныя чтенія объ исторіи романа и приступивъ къ изложенію литтературы XVI вѣка, онъ какъ бы уступилъ рѣчь своему прежнему слушателю, читая передъ публикою отрывокъ изъ сочиненія о Рабле, представленнаго преподавателю студентомъ Грановскимъ въ 1835 году. Чтеніе отрывка вызвало громкія рукоплесканія со стороны публики [1]). Уже въ студенческіе годы Грановскаго стремленіе къ изученію исторіи начало принимать несомнѣнный перевѣсъ надъ его другими научными и литтературными интерессами.

Мы не имѣемъ никакихъ данныхъ для заключенія что такое направленіе въ немъ было слѣдствіемъ чьего бы то ни было личнаго вліянія. Между его наставниками неизвѣстенъ никто, кому бы можно было приписать такое вліяніе. «Въ наше время, свидѣтельствуетъ г. Григорьевъ, почти всѣ отдѣлы Всеобщей исторіи читались такъ несоотвѣтственно самымъ скромнымъ требованіямъ, что трудно было развернуться особому къ ней расположенію даже въ самыхъ способныхъ къ тому натурахъ». Можетъ быть прежде всего и болѣе всего другаго къ изученію исторіи вызвало Грановскаго чтеніе Валтеръ-Скотта. Мы знаемъ, что еще въ дѣтствѣ онъ съ увлеченіемъ читалъ его романы въ русскихъ переводахъ. Онъ былъ уже студентомъ, когда одинъ его родственникъ, уѣзжая изъ Петербурга, оставилъ ему свою библіотеку въ 250 томовъ. «Въ числѣ книгъ этихъ находит-

---

[1]) См. рецензію чтеній Ch. St. Julien въ Revue étrangère 1844 г. № 1.

ся и весь Вальтеръ-Скоттъ, позавидуй!» писалъ въ радости Грановскій сестрѣ своей (10 Мая 1833 г.). Московскій Телеграфъ могъ быть не безполезенъ молодому студенту своими указаніями на иностранную историческую литтературу. Какъ бы то ни было, но Грановскій, еще учась въ университетѣ, перечелъ сочиненія Гизо, Баранта, Сисмонди, читалъ Капфига, Тьера, Вильменя. Въ Огюстенѣ Тьери онъ имѣлъ уже между историками своего любимца, читалъ его съ восторгомъ, и вскорѣ по окончаніи курса началъ переводить для русскихъ читателей его «Покореніе Англіи Норманнами». Студентъ прочелъ также Гиббона, Робертсона и Юма. Статьи, напечатанныя Грановскимъ въ Библіотекѣ для чтенія и въ Энциклопедическомъ словарѣ Плюшара, въ первый же годъ по выходѣ его изъ университета, показывали, что чтеніе его не было безплодно и дало ему уже нѣкоторый запасъ историческихъ свѣдѣній и сужденій. Способности студента сдѣлались извѣстными между его университетскими наставниками. «Mes proffesseurs, пишетъ Грановскій сестрѣ не задолго до окончанія имъ курса, sont tous remplis d'attentions pour moi, mes camarades m'aiment» [1]).

Товарищи любили Грановскаго. Замѣчательно однакоже, что при способности его прочно хранить дружескія свои привязанности, связь его съ университетскими товарищами была довольно легкою и не отличалась ничѣмъ отъ обыкновенной, внѣшней связи людей, случайно и надолго сведенныхъ судьбою вмѣстѣ. Между именами его товарищей, упоминаемыхъ г. Григорьевымъ, мы не встрѣчаемъ ни одного имени, которое занимало бы видное мѣсто среди послѣдующихъ отношеній Грановскаго [2]). Это мож-

---

[1]) Мои профессора всѣ исполнены вниманія ко мнѣ, мои товарищи любятъ меня.

[2]) Г. Григорьевъ упоминаетъ имена гг. Бутовскаго, Злобина, Ер-

но объяснить, кажется не ошибаясь, самимъ характеромъ кружка университетскихъ товарищей Грановскаго, съ которымъ знакомитъ насъ статья г. Григорьева. «Мы вообще были мало развиты умственно, говоритъ г. Григорьевъ, и ни начитанностію, ни особымъ участіемъ къ предметамъ университетскаго преподаванія не отличались» [1]). Изъ этой характеристики, нельзя не заключить, что студенческому кружку чужды были научные, художественные, а также и иные серьезные интересы. Не имѣя причины невѣрить въ этомъ словамъ г. Григорьева, мы должны думать, что Грановскій составлялъ исключеніе среди своихъ товарищей. О начитанности его, о его интерессахъ научныхъ и литтературныхъ мы уже говорили, основываясь большею частію на свидѣтельствѣ самого г. Григорьева. Понятно, что Грановскій, разлучась со временемъ внѣшнимъ образомъ съ своими товарищами, не сохранилъ съ ними иной связи. Чтò, общаго тогда могло остаться между ними? Отношеніе Грановскаго къ г. Григорьеву сохранилось долѣе, чѣмъ къ другимъ товарищамъ, но и оно не устояло прочно. Въ пе-

---

шова, Савельева, Кутузова-Голенищева. Кромѣ того изъ переписки Грановскаго видно, что онъ высоко цѣнилъ благородный характеръ одного изъ своихъ товарищей, Тимковскаго.

[1]) «Къ этому надо прибавить, продолжаетъ г. Григорьевъ, что мы или вовсе не читали газетъ или заглядывали въ нихъ случайно». Г. Григорьевъ свидѣтельствуетъ также, что «большинство кружка съ философскою дѣятельностію Германіи нисколько не было знакомо: про Гегеля едвали и слухъ до насъ доходилъ; немногимъ болѣе знали мы, кажется, и про Шеллинга, и про весь сонмъ германскихъ философовъ, начиная съ Канта». Замѣчая, что сценическое искусство въ десятыхъ годахъ нынѣшняго вѣка было дѣломъ крайне серьезнымъ для образованнѣйшей молодежи того времени, г. Григорьевъ прибавляетъ: «въ тридцатыхъ годахъ подобнаго направленія во все не водилось за умною молодежью». Страницы 35, 36 и 38 статьи г. Григорьева о Грановскомъ въ Рус. Бесѣдѣ 1856 г. T. III.

репискѣ Грановскаго съ Григорьевымъ замѣтны со стороны перваго участіе и доброжелательство къ пріятелю своей юности; но г. Григорьевъ, по смерти Грановскаго, высказалъ печатно такое пониманіе своего товарища, вслѣдствіе котораго нельзя сомнѣваться, что юношеская пріязнь ихъ не имѣла никакаго залога прочности. Могли ли въ самомъ дѣлѣ существовать серьезныя дружескія отношенія между строгимъ, основательннымъ и глубокимъ ученымъ, какого мы узнаемъ въ г. Григорьевѣ изъ его собственныхъ словъ, и Грановскимъ, въ которомъ первый признавалъ только даровитаго и изящнаго эпикурейца?

Грановскій, оканчивая курсъ, продолжалъ настойчиво трудиться, хотя, какъ видно изъ его переписки съ сестрою, безденежье и разныя нужды по прежнему сопровождали его молодые дни. Расходы на воспитаніе брата увеличивали затруднительность его положенія. Отецъ присылалъ иногда сыну денегъ, но они уходили на уплату долговъ. Притомъ, если являлись въ рукахъ Грановскаго деньги, онъ неспособенъ былъ отказывать въ нихъ товарищамъ и нуждаясь самъ, ссужалъ ими другихъ [1]). Унывая только минутами, онъ вообще бодро переносилъ лишенія и непріятности безденежья; но молодая душа его испытала также другія тревоги, отъ которыхъ не могла спасти его безпечность молодости и предъ которыми онъ нерѣдко чувствовалъ свое безсиліе. Эти тревоги возникали изъ его отношеній къ любимой дѣвушкѣ.

---

[1]) Au moment où je vous écris je n'ai que 20 roubles (ассигнаціями) dans ma bourse, c'est là toute ma fortune. B. se trouve dans le besoin et je lui ai prêté 150 r., qu'il ne pourra me rendre que dans deux ou trois mois; un autre de mes camarades est venu aussi me prendre une centaine de roubles, de sorte que je suis obligé d'emprunter pour vivre moi-même.—Письмо къ сестрѣ 20 апрѣля 1835 года.

В—й, отецъ Е. П-ны, былъ человѣкъ практическій. Онъ жилъ въ Орлѣ, въ сосѣдствѣ съ Погорѣльцемъ и завѣдывалъ многими дѣлами отца Т. Н. Грановскаго. Въ молодомъ его сынѣ признавалъ онъ приличнаго и достойнаго жениха своей дочери. Николай Тимоѳеевичъ, съ своей стороны, нуждаясь въ опытномъ дѣловомъ человѣкѣ, расчитывалъ, что надежды В—го на будущее родство съ нимъ, усилятъ дѣятельность и участіе послѣдняго въ устройствѣ запутанныхъ его дѣлъ. Итакъ родители молодыхъ людей имѣли свои причины благосклонно смотрѣть на отношенія ихъ дѣтей; но уже въ самомъ началѣ эти отношенія были отравлены тревогами и недоразумѣніями, которыя, разсѣеваясь на время, возставали все снова и снова между двумя сторонами. Уже первое откровенное объясненіе Грановскаго съ Е. П. было вызвано недовѣріемъ, подозрѣніемъ. Еще невполнѣ сложившійся характеръ Грановскаго въ эту пору далеко не отличался свойственной ему позднѣе ровностію. Впечатлительный, страстный, вспыльчивый, Грановскій былъ слишкомъ чувствителенъ ко всякой подозрѣваемой имъ перемѣнѣ въ сердечномъ настроеніи дѣвушки, ко всякому признаку невниманія къ себѣ со стороны любимой особы. Сестра послѣдней, дружная съ Грановскимъ, изъ участія къ своему другу, совѣтовала ему, кахъ средство упрочить любовь къ себѣ въ сердцѣ Е. П—ы, возбуждать въ ней ревность. Случалось, что раздраженный Грановскій поддавался совѣтамъ своей пріятельницы. Подобная игра, возмущавшая ровное и довѣрчивое отношеніе обѣихъ сторонъ, можетъ быть минула бы безъ слѣда, если бы не было другихъ болѣе важныхъ причинъ, поддерживавшихъ недовѣріе между молодыми людьми. Существеннымъ источникомъ его было самое положеніе обѣихъ сторонъ, окружающія ихъ лица и разъединяющія ихъ требо-

ванія жизни. Человѣку, котораго любила Е. П—а, нужно было еще много времени, что бы достигнуть самостоятельнаго положенія, а покуда онъ долженъ былъ жить вдали отъ нея. Онъ былъ еще въ томъ возрастѣ, когда нельзя предугадать вліянія на человѣка разнообразныхъ впечатлѣній и встрѣчь, когда избираемые имъ пути и цѣли жизни могутъ отклонить его отъ привязанностей и желаній ранней молодости. Довольно поводовъ къ опасенію за прочность чувства двадцати-двухлѣтняго человѣка, къ тревожному стремленію удержать это чувство за собою, хотя бы порой для того нужно было прибѣгнуть къ какому нибудь кокетливому средству, внушаемому эгоизмомъ любви. Притомъ опытный, благоразумный отецъ умѣлъ внушать дочери осторожность и сдержанность, умѣлъ умѣрять довѣрчивость молодой души.

Послѣ послѣдней разлуки съ Е. П—ой, Грановскій, на пути въ Петербургъ изъ Москвы, въ письмѣ къ сестрѣ уже разспрашиваетъ о *ней*: что *она* дѣлаетъ, здоровали, очень ли огорчена его отъѣздомъ. Въ первыя недѣли, слѣдовавшія за разлукою, онъ часто обмѣнивался письмами съ Е. П—ой. Въ Январѣ она увѣдомляла его, что писала къ П—у, прося его не пріѣзжать въ Орелъ. Извѣстіе это смутило Грановскаго. Зачѣмъ она писала къ П.? Развѣ не все кончено въ отношеніи къ нему? думалъ онъ. Затѣмъ проходили недѣли, а писемъ отъ нея не было. Раздраженный и встревоженный Грановскій пересталъ ждать новыхъ строкъ отъ нея. Въ порывѣ негодованія онъ даже сжегъ ея прежнія письма. Между тѣмъ сестра ея увѣряла его въ письмѣ, что *она* не писала къ П—у. Черезъ четыре мѣсяца послѣ выѣзда Грановскаго изъ Орла отецъ Е. П—ы писалъ къ нему, убѣждая его непремѣнно пріѣхать въ Орелъ. Дочь также опять писала ему, повторяя просьбу

отца. Грановскій рѣшился отвѣчать обоимъ, что пріѣхать не можетъ; но понималъ, что отвѣтъ его не удовлетворитъ отца и боялся, что онъ оскорбитъ дочь. Онъ понималъ, что покинувши Петербургъ, онъ покинетъ поприще, которое начинало представляться его молодымъ силамъ и дарованіямъ; онъ чувствовалъ необходимость достигнуть самостоятельнаго положенія, безъ котораго онъ не могъ связать другое лице съ своею неопредѣленною и невѣрною будущностью. Въ это время ему представлялась возможность отправиться за границу на казенный счетъ для приготовленія къ профессурѣ, но онъ отклонилъ ее, нежелая на долго разставаться съ *нею*, [1]), но тѣмъ не менѣе его мучила мысль, что ему недовѣряютъ, что его считаютъ способнымъ къ обману. Унижаться до оправданій, до увѣреній онъ не могъ и не хотѣлъ. Томительная борьба поднималась въ молодой душѣ; ему нужны были участіе и совѣты лучшаго друга,—сестры. Онъ повѣрялъ ей въ письмахъ все, что мучило его и умолялъ ее пріѣхать къ нему въ Петербургъ. «Je vous attends, comme les Juifs attendent leur Messie, писалъ онъ ей.—Venez à mon secours, ma bonne amie, je n'ai que vous dans le monde. En qui pourrai-je avoir de la confiance, si ce n'est en vous, ma soeur, la fille de ma mère. Ecrivez-moi, conseillez-moi, dites-moi ce que vous pensez relativement à ce que je dois faire...... Croiriez-vous que tout en désirant recevoir de ses lettres je les crains maintenant. Que me dira-t-elle? C'est une honte, mais enfin je sens que quelquefois il m'est impossible de lui résister; l'idée de lui faire de la peine me fait enfant, je n'ose point être raisonnable, être ferme. Je lui ai écrit une lettre assez raisonnable, mais j'ai été dix fois sur le point de la déchirer. Je ne vous dissimule point l'ascendant qu'elle a sur moi. Il

---

[1]) Письмо къ сестрѣ 26 марта 1835 г.

est grand, plus grand qu'il n'aurait du l'être. Bien des fois j'ai été résolu d'écrire à son père que je suis prêt à me conformer à ses desirs, à venir dès qu'il le voudra; heureusement jusqu'à présent mon propre bon sens et les conseils de quelques hommes bien plus âgés que moi et par conséquent bien plus sages m'ont soutenus»... [1]).

Сестра Грановскаго не могла пріѣхать въ Петербургъ, но своими совѣтами укрѣпляла въ братѣ рѣшимость оставаться въ Петербургѣ, продолжать свои занятія и вступить въ службу. В—й продолжалъ принимать участіе въ дѣлахъ отца Т. Н. Грановскаго, писалъ къ послѣднему, увѣряя его въ дружбѣ, даже прислалъ ему денегъ, но замѣтно былъ недоволенъ его отказомъ пріѣхать въ Орелъ. Грановскаго привела въ смущеніе присылка В—го. Онъ благодарилъ В—го за участіе, принимаемое послѣднимъ въ его нуждахъ, но просилъ не присылать ему денегъ. Къ Е. П. Грановскій писалъ письмо за письмомъ, моля прощенія за то, что смѣлъ быть благоразумнымъ. Ему не от-

---

[1]) Я жду тебя какъ Евреи ожидаютъ своего Мессію. Приди ко мнѣ на помощь, добрый другъ мой, ты одна у меня на свѣтѣ. Кому мнѣ довѣриться, если не тебѣ, сестрѣ моей, дочери моей матери. Пиши мнѣ, совѣтуй мнѣ, скажи мнѣ свои мысли о томъ какъ я долженъ поступать...... Повѣришь ли, что несмотря на желаніе получать письма отъ нея, я боюсь ихъ теперь. Что̀ скажетъ она мнѣ? Стыдно, но чувствую, что иногда я не въ состояніи противиться ей; мысль о томъ, что могу огорчить ее дѣлаетъ меня ребенкомъ; я не смѣю быть благоразумнымъ, не смѣю быть твердымъ. Я написалъ къ ней довольно благоразумное письмо, но десять разъ былъ готовъ порвать его. Я не скрываю отъ тебя ея власти надо мною. Она велика, велика болѣе, чѣмъ бы должна быть. Много разъ я рѣшался написать ея отцу, что готовъ сообразоваться съ его желаніями, пріѣхать какъ только онъ того захочетъ; къ счастію до сихъ поръ меня еще останавливали мой собственный здравый смыслъ и совѣты людей, которые гораздо старше меня и потому гораздо благоразумнѣе.—Письмо къ сестрѣ 11 марта 1835 г.

вѣчали. «Et cependant, писалъ онъ тогда сестрѣ, je crois que mes lettres étaient assez soumises, assez humbles pour m'obtenir un généreux pardon. Je rougirais même si quelqu'un les lisait, tellement elles sont folles et extravagantes.... D'où vient donc, que présent ou absent je ne puis être en paix avec elle?»... Онъ строго разбиралъ свое поведеніе и думалъ, что ей не въ чемъ упрекнуть его. «Vous croirez peut-être que je l'aime moins, non, ma chère Barbe, je l'aime toujours. Mais elle est étrangement imprudente de se jouer ainsi de notre bonheur commun!» [1]) Послѣ долгаго молчанія Грановскому опять писали, съ нимъ были снова любезны. Тогда наступала очередь мщенія съ его стороны. «Elle est redevenue aimable, mais je ne lui écris pas, признавался онъ сестрѣ, il faut qu'elle sache par expérience ce qu'elle m'a fait souffrir». Къ удовлетворенію мщеніемъ примѣшивалась боль сомнѣнія: «peut-être n'est-ce qu'une supposition que je fais. Cela lui fera-t-il du mal?.... *Elle* m'a fait souffrir plus qu'il n'est possible de vous le dire. Mais je lui ferai savoir ce que c'est que la jalousie, dussé je être malheureux moi-même. Elle a versé le vin, qu'elle le boive» [2]).

---

[1]) Письма мои однакоже были, кажется, столько покорными, столько смиренными, что могли бы заслужить великодушное мнѣ прощеніе. Я бы даже покраснѣлъ если бы кто нибудь прочелъ ихъ, такъ они безумны и сумасбродны...... Отчего происходитъ, что съ нею ли я или въ разлукѣ, но немогу быть съ нею въ мирѣ?...... Ты подумаешь, можетъ быть, что я менѣе люблю ее.... Къ несчастію нѣтъ, моя дорогая Варя, я по прежнему люблю ее. Но она слишкомъ неосторожна, шутя такъ нашимъ общимъ счастіемъ!— Письмо къ сестрѣ 4 мая 1835 г.

[2]) Она снова любезна, но я не пишу ей. Пусть испытаетъ сама все, что заставила терпѣть меня. А можетъ быть это только мое предположеніе. Огорчитъ ли это ее?...... Она заставила меня страдать болѣе, чѣмъ я въ состояніи разсказать тебѣ. Но я заставлю ее

Кромѣ опасной игры между двумя сторонами были и другія недобрыя вліянія на ихъ отношенія. Въ Петербургѣ жили родственники Е. П—ы. Ихъ любопытство, разспросы и толки раздражали Грановскаго. Ихъ непрошенное вмѣшательство могло только вредить свободнымъ и ровнымъ отношеніямъ его къ ихъ родственницѣ. Грановскій не могъ терпѣливо сносить посягательства на его сокровенныя чувства, на его нравственную независимость.

Кончивъ свои экзамены въ послѣднихъ числахъ іюня, Грановскій оставлялъ университетъ со степенью кандидата. «Je suis d'autant plus content et fier de ce succès, писалъ онъ къ сестрѣ, que je ne le dois qu'à mon propre travail; je n'ai pas eu de protecteurs, et cependant d'autres étudians qui en avaient beaucoup sont restés derrière moi» [1]).

Въ трудѣ и борьбѣ съ нуждою прошли юношескіе годы Грановскаго, и онъ имѣлъ право вспоминать о своей молодости съ гордостью и удовольствіемъ. Настойчивыя, постоянныя занятія разстроили его здоровье; особенно страдала его грудь, но отдыхать ему было некогда. Онъ рѣшился, оставаясь въ Петербургѣ, вступить въ службу и собственными трудами устроить свою будущность. Новыя требованія и жалобы любимой имъ дѣвушки и ея родныхъ могли глубоко печалить и оскорблять его, могли подрывать въ немъ вѣру въ будущее счастіе, но уже не вызывали въ немъ колебанія; онъ твердо стоялъ при своемъ рѣшеніи. «Je ne la tromprai pas, писалъ онъ сестрѣ, mais qu'elle me

---

узнать что такое ревность, если бы даже это стоило моего собственнаго счастія. Чаша наполнена ею—пусть пьетъ ее.

[1]) Я тѣмъ более доволенъ и гордъ этимъ успѣхомъ, что обязанъ имъ только собственному труду; у меня не было покровителей, и однако же другіе студенты, у которыхъ ихъ было много, остались позади меня.

laisse du moins arranger mes affaires. Il faut bien que je me crée quelque avenir, car je vous avoue que mes espérances de bonheur domestique se sont évanouies». Онъ еще любилъ, но довѣріе къ Е. П. слабѣло въ его сердцѣ. Порой онъ уже думалъ, что бракъ съ иной женщиной, которую любилъ бы менѣе, но которой довѣрялъ бы болѣе, обѣщалъ бы ему больше счастія. «Je l'aime beaucoup cette femme, je vous le dis sincèrement, je n'ai que de l'amitié pour sa soeur, mais s'il m'était encore permis de choisir vous ne devineriez pas le choix que je ferai. Je ne suis pas inconstant, mais il n'y a que le bon Dieu, qui connaisse mes peines. Soyez plus heureuse que votre frère, ma bonne Barbe» [1]).

Вскорѣ по окончаніи университетскаго курса Грановскій опредѣлился на службу секретаремъ 1-го отдѣленія Гидрографическаго департамента при морскомъ министерствѣ. Тогда же началъ онъ трудиться надъ переводами и статьями для разныхъ изданій, существовавшихъ въ Петербургѣ.

«Mes occupations peuvent me faire vivre, пишетъ онъ къ сестрѣ, осенью 1835 года. Je travaille actuellement plus que je ne travaillais à l'université. Excepté mon service, j'écris des articles pour la «Библіотека для чтенія» et le Dictionnaire Encyclopédique. J'espère que mes affaires iront mieux: je me suis déjà fait une petite réputation qui grâce au ciel

---

[1]) Я не обману ее, но пусть позволитъ она мнѣ покрайнѣй мѣрѣ устроить свои дѣла. Надо же мнѣ создать себѣ какую нибудь будущность, потому что, признаюсь тебѣ, мои надежды на семейное счастіе исчезли.... Я сильно люблю эту женщину, говорю тебѣ это искренно; къ сестрѣ ея питаю только дружбу, но если бы мнѣ еще позволено было выбирать, ты не угадала бы моего выбора. Во мнѣ нѣтъ непостоянства, но одинъ Богъ знаетъ мои страданія. Будь счастливѣе твоего брата, моя добрая Варя.—Письмо къ сестрѣ 29 іюня 1835 г.

s'accroît chaque jour» [1]). Грановскій надѣялся, что его литтературныя работы будутъ доставлять ему до трехъ тысячь въ годъ (ассиг.) и готовъ былъ отказаться за себя отъ помощи со стороны отца, рѣшаясь однакоже настойчиво напоминать ему о всемъ необходимомъ для воспитанія брата и меньшой сестры. Онъ переписывался и съ младшею сестрою, распрашивая о ходѣ ея ученія, вникая въ ея потребности и желанія съ материнскою заботливостію. Опасеніе, что отецъ помѣшаетъ ей окончить ученіе очень тревожило его. «Si vous avez quelque amitié pour moi et quelque soin de votre bonheur à venir, n'allez point passer les vacances à Orel, писалъ онъ ей. Vous savez bien qu'on vous y gardera bien plus longtems qu'il ne le faut. Souvenez-vous de ce qui m'est arrivé dans une occasion semblable. Je suis venu pour deux mois, je suis resté trois ans [2]). Онъ радуется, когда можетъ послать ей денегъ или подарокъ, иногда поневолѣ ограничиваясь только желаніемъ. «Pardonnez-moi, ma pauvre amie, пишетъ онъ своей Сашѣ, si je ne vous envoie point d'étrennes pour le nouvel an. Mon portefeuille est tout à fait vide» [3]).—Кругъ связей и знакомствъ

---

[1]) Мои занятія могутъ дать мнѣ средства къ жизни. Въ настоящее время я работаю болѣе, чѣмъ работалъ въ университетѣ. Сверхъ моей службы я пишу статьи для Библіотеки для чтенія и Энциклопедическаго словаря (Плюшара). Надѣюсь, что мои дѣла пойдутъ лучше: я уже составилъ себѣ нѣкоторую репутацію, которая, благодаря Бога, растетъ съ каждымъ днемъ.—Письмо къ сестрѣ осенью 1835 г.

[2]) Если въ тебѣ есть сколько нибудь дружбы ко мнѣ и заботы о своемъ будущемъ счастіи, не ѣзди на вакаціи въ Орелъ. Ты знаешь, что тебя продержутъ тамъ гораздо долѣе, чѣмъ нужно. Припомни что было со мною въ подобномъ случаѣ. Я пріѣхалъ на два мѣсяца, а остался три года.—Письмо къ сестрѣ Алек. 4 февр. 1835 г.

[3]) Извини меня, бѣдный другъ мой, если я не посылаю тебѣ подарка къ новому году. Мой бумажникъ совсѣмъ пустъ.—Письмо къ ней же декабрь 1825 г.

Грановскаго расширился теперь. Кромѣ прежнихъ товарищей онъ пріобрѣлъ новыхъ знакомыхъ и пріятелей. Въ это время сблизился онъ съ Я. М. Невѣровымъ, участвовавшимъ въ редакціи журнала Министерства Народнаго просвѣщенія и Е. Ѳ. Коршемъ, вмѣстѣ съ которымъ онъ былъ сотрудникомъ Библіотеки для Чтенія. У Грановскаго было уже нѣсколько знакомыхъ семействъ, въ средѣ которыхъ онъ проводилъ вечера. Онъ писалъ сестрѣ, что сдѣлался свѣтскимъ человѣкомъ болѣе прежняго. Въ началѣ 1836 года онъ еще болѣе отдается развлеченіямъ, ищетъ разсѣянія, хоть и желалъ бы, пишетъ онъ сестрѣ, возвратиться къ прежней трудовой и тихой своей жизни. Съ упрекомъ самому себѣ онъ признавался сестрѣ, что въ одинъ мѣсяцъ издержалъ 800 рублей, тогда какъ прежде жилъ на тысячу цѣлый годъ, что дѣлалъ такія глупости, какія прежде не приходили ему въ голову, пускался часто въ танцы, пилъ шампанское, чуть было не принялся за игру въ карты. Потребность внѣшнихъ развлеченій была въ Грановскомъ признакомъ внутренняго разлада, нравственной боли. Послѣ отказа со стороны Грановскаго пріѣхать въ Орелъ, ему или вовсе не писали или присылали нерадостныя строки. Въ словахъ любви слышались упреки, сдержанное недовольство. Неужели вся наша жизнь пройдетъ такимъ образомъ? писалъ Грановской сестрѣ своей. Онъ признавался, что имъ овладѣваетъ сплинъ. Въ томъ же письмѣ къ сестрѣ, въ которомъ читаемъ признанія Грановскаго въ своихъ тратахъ и развлеченіяхъ, встрѣчаемъ и объясненіе рѣзкой перемѣны въ его образѣ жизни [1]). Онъ пишетъ, что получилъ отъ *нея* странное письмо, въ которомъ она говоритъ что не любитъ его, какъ любила пре-

---

[1]) Письмо къ сестрѣ 16 января 1836 г.

жде, хотя и принимаетъ по прежнему живое участіе во всемъ, что съ нимъ дѣлается. Il ne manquait que cela, говоритъ Грановскій, прибавляя что прежде такое письмо сдѣлало бы его несчастнымъ, а теперь будто бы оно даже не огорчило его. Грановскій наконецъ прямо высказываетъ сестрѣ то, что охлаждало его чувство къ Е. П., это недостатокъ искренности съ ея стороны: «quand je lui parlais à coeur ouvert, elle me faisait des contes sur les dangers, qui la menacent en cas que son père découvre notre correspondance. Comme s'il l'ignorait! Pourquoi ces petitesses? Elles dégradent une femme» [1]). Раздраженіе, охлажденіе являлись и росли минутами, но не искореняли въ молодомъ сердцѣ любви и страданій. Въ Грановскомъ не было способности къ забвенію даже и въ поздній возрастъ его жизни. Отъ тоски, овладѣвавшей имъ, онъ искалъ спасенія среди веселія другихъ людей, въ развлеченіяхъ, въ веселыхъ пирушкахъ пріятелей. Въ кругу своихъ прежнихъ университетскихъ товарищей и многихъ новыхъ пріятелей онъ всегда былъ желаннымъ гостемъ. Пріятельскія сходки всегда оживлялись его бесѣдою и остроуміемъ. У него была способность оживлять веселость другихъ людей даже и тогда, когда во глубинѣ собственной души его таилась горечь, скрытая печаль. Но среди веселія и пирушекъ пріятелей, среди молодежи не всегда разборчивой въ своихъ забавахъ и увлеченіяхъ, онъ оставался чистъ и цѣломудренъ. Изящество его природы и вліяніе ранней сердечной привязанности охраняли его отъ нечистыхъ увлеченій. Въ ту пору, когда онъ искалъ разсѣяній и забавъ, онъ испыталъ настой-

---

[1]) Когда я обращался къ ней съ чистосердечными словами, она отвѣчала выдумками объ опасностяхъ, угрожающихъ ей, если отецъ ея узнаетъ о нашей переписке. Какъ будто бы онъ незнаетъ о ней! Къ чему эта мелочность? Она унижаетъ женщину.—Тамъ же.

чивыя преслѣдованія молодой и прекрасной собою женщины, готовой покинуть для него своего мужа. Она успѣла вселить въ немъ къ себѣ только рѣшительное отвращеніе. Не надолго поддался Грановскій овладѣвшему имъ сплину и разсѣяніямъ, которыми разгонялъ его. Скоро и почти внезапно принялъ онъ рѣшеніе, важное для всей его будущности.

Въ то время, когда довѣріе къ будущему счастію слабѣло въ немъ, когда искренность и сила его любви были поколеблены сомнѣніемъ въ томъ, во что онъ прежде вѣрилъ со всею горячностію первой юности, ему представилось новое будущее,— ему предложили отправиться за границу, чтобы готовиться къ каѳедрѣ исторіи. Предложеніе прежде всего было сдѣлано Грановскому В. К. Ржевскимъ, служившемъ тогда при попечителѣ Московскаго университета, графѣ С. Г. Строгоновѣ. В. К. Ржевскій, если не ошибаемся, зналъ семью Грановскаго и его самаго еще въ Орлѣ. Онъ посѣтилъ Петербургъ въ декабрѣ 1835 года, когда Грановскій уже начиналъ пріобрѣтать своими трудами нѣкоторую извѣстность въ литтературныхъ кругахъ. Приглашеніе готовиться за границей къ профессурѣ было уже однажды сдѣлано Грановскому начальствомъ петербургскаго университета, когда онъ былъ еще студентомъ. Теперь Ржевскій представилъ его графу Строгонову, который, послѣ личныхъ объясненій съ Грановскимъ, предложилъ ему каѳедру всеобщей исторіи въ московскомъ университетѣ, для приготовленія къ которой онъ долженъ былъ ѣхать въ Германію. «C'est le comte Strogonoff, qui m'a fait cette proposition, писалъ Грановскій сестрѣ;—j'ai été chez lui plusieurs fois pour lui parler de cette affaire, et il est très probable que nous finirons par nous arranger. L'unique condition qu'il y met, c'est qu'il désire m'avoir à Moscou, où il

est curateur de l'université, après mon retour. Je ne demande pas mieux: c'est un homme tout a fait distingué, très estimé de l'Empereur et très bon pour ceux qui servent sous ses ordres» [1]). Отказаться отъ пути, который велъ къ удовлетворенію лучшихъ стремленій Грановскаго, къ прекрасной дѣятельности значило для него отказаться отъ всего, что давало жизни смыслъ въ его глазахъ. Рѣшаясь принять сдѣланное ему предложеніе и увѣдомляя о немъ сестру, братъ просилъ ее быть у *нея* адвокатомъ противъ обвиненій, къ которымъ подастъ поводъ его рѣшеніе. Онъ писалъ сестрѣ, что не могъ не воспользоваться благопріятнымъ случаемъ, когда дѣла ихъ семьи были такъ разстроены; что еслибы онъ отказался отъ предстоящей ему поѣздки, то развѣ онъ могъ бы жениться въ настоящемъ своемъ положеніи? Онъ думалъ, что принятое имъ рѣшеніе было необходимо столько же для ея, сколько и для его спокойствія [2]). Въ февралѣ Грановскій выѣхалъ изъ Петербурга въ Москву для окончательныхъ переговоровъ по поводу своего отправленія за границу. Изъ Москвы въ началѣ весны онъ посѣтилъ Погорѣлецъ. Здѣсь онъ свидѣлся съ Е. П. послѣ разлуки, длившейся около полутора года. Отъѣздъ его за граннцу не былъ еще для него обязателенъ, и онъ предоставилъ Е. П-ѣ рѣшить: ѣхать ему или остаться; онъ готовъ былъ покориться ея рѣшенію, каково бы

---

[1]) Предложеніе это сдѣлано мнѣ графомъ Строгановымъ. Я былъ у него нѣсколько разъ для объясненія по этому дѣлу, и весьма вѣроятно, что мы согласимся между собою. Единственное условіе съ его стороны—желаніе его, чтобы я былъ послѣ моего возвращенія въ Москвѣ, гдѣ онъ попечителемъ Университета. Мнѣ ничего лучше не надо: это человѣкъ вполнѣ отличный, очень уважаемый Императоромъ и очень добрый къ своимъ подчиненнымъ. Письмо къ сестрѣ 16 января 1836. г.

[2]) Письмо къ сестрѣ 16 января 1836 г.

оно ни было. Дѣвушка, вдали отъ него не разъ подчинявшаяся эгоизму своихъ желаній, выказывавшая, подъ вліяніемъ окружающихъ лицъ, недовѣріе и подозрѣніе любимому человѣку, казалось, была другою, когда видѣла его передъ собою, когда слышала его искреннія слова. Она дѣлалась тогда нравственно сильнѣе, вѣрила и была готова на самопожертвованіе. Среди окружавшихъ ее провинціальнаго общества и родственниковъ уже не было недостатка въ толкахъ и пересудахъ о неблагоразуміи небогатой дѣвушки, упускающей приличныя партіи, изъ за невѣрнаго и далекаго будущаго. Не было недостатка и въ безпокойныхъ родительскихъ сомнѣніяхъ и опасеніяхъ. Новый міръ, новыя встрѣчи и отношенія, ожидавшія ея жениха, могли сдѣлаться и новыми соперниками ея въ сердцѣ двадцати-трехлѣтняго человѣка. Е. П. была очень умна и все это не скрывалось отъ ея пониманія. Нелегкая борьба должна была подняться въ душѣ ея, когда ей самой предстояло, вмѣстѣ съ рѣшеніемъ объ отъѣздѣ жениха, произнести, можетъ быть, и рѣшеніе собственной участи; однакожъ въ этой борьбѣ неэгоистическіе расчеты одержали побѣду. «Partez», сказала она Грановскому, и великодушный ея отвѣтъ съ умиленіемъ вспоминалъ онъ во всю свою жизнь. При разлукѣ обѣ стороны условились прекратить свою переписку на все время, пока Грановскій останется за границею. Это было небходимостію вслѣдствіе толковъ, любопытства и опасеній, возбужденныхъ отношеніемъ молодыхъ людей въ кругу родныхъ и въ обществѣ, среди котораго оставалась Е. П. Съ этого времени они получали извѣстія другъ о другѣ только черезъ другія лица и преимущественно черезъ ихъ общую пріятельницу М. А. С., которая часто видѣлась съ Е. П-ой и вела переписку съ Грановскимъ. Въ разлукѣ отношенія молодыхъ людей приняли

прежній характеръ. Посредничество и вліяніе пріятельницы, пользовавшейся довѣріемъ обѣихъ сторонъ, не были благотворными для нихъ. Эта пріятельница, немолодая, умная, страстная и недоброжелательная дѣвица, по какимъ-то личнымъ своимъ побужденіямъ, клеветами и ложью умѣла сѣять отраву и горечь въ отношеніяхъ людей, любившихъ другъ друга.

Въ началѣ апрѣля Грановскій возвратился изъ деревни въ Москву. Онъ провелъ здѣсь мѣсяцъ времени. Рекомендованный Невѣровымъ Н. В. Станкевичу, онъ часто видался въ эти дни съ нимъ и съ кругомъ его друзей, среди которыхъ онъ познакомился съ Бѣлинскимъ. Грановскій скоро сблизился съ Станкевичемъ. Послѣдній писалъ Невѣрову: мы подружились съ Грановскимъ какъ люди не дружатся иногда зацѣлую жизнь. Отъѣздъ Грановскаго замедлился отъ того, что деньги, нужныя для поѣздки, онъ отдалъ нуждавшемуся пріятелю. Чтобы выѣхать онъ долженъ былъ самъ искать денегъ въ заемъ. Въ Москвѣ онъ почти каждый день посѣщалъ свою меньшую сестру въ пансіонѣ, гдѣ она училась, и по поводу этихъ посѣщеній писалъ старшей: «Je suis toujours très embarassé quand je vais voir Alexandrine: il y a tant de demoiselles qu'il m'est impossible de conserver ma présence d'esprit, de ne pas rougir et de ne pas faire quelque maladresse, en entrant dans le salon» [1]): По возвращеніи изъ за границы онъ надѣялся быть болѣе ловкимъ или покрайнѣ мѣрѣ болѣе смѣлымъ. Въ двадцатитрехлѣтнемъ возрастѣ онъ сохранялъ еще юношескую застѣнчивость.—Оставляя Россію Грановскій поручалъ сво-

[1]) Я всегда очень смущенъ, когда навѣщаю Сашу: тамъ столько дѣвицъ, что не могу не растеряться, не покраснѣть и не сдѣлать какой-нибудь неловкости, входя въ залу.—Письмо къ сестрѣ, въ концѣ апрѣля 1836 г.

его брата и меньшую сестру заботамъ старшей сестры: «Quand je ne serais plus en Russie, ce sera à vous, ma chère Barbe, de veiller au sort de Platon et d'Alexandrine. Papa est trop indolent pour faire grand' chose pour eux. Soyez donc leur ange gardien». Онъ писалъ, прощаясь съ сестрой: «Dieu sait ce que j'aurai donné pour pouvoir passer encore une journée avec vous, ma meilleure amie. Que de choses peuvent arriver avant mon retour. Il est triste d'y penser même. Ce que je demande maintenat à Dieu, c'est de faire tomber sur moi tous les malheurs qui peuvent vous menacer. Ce ne sont pas de vaines paroles: si je pouvais acheter votre bonheur aux dépens du mien, je bénirai mon sort» [1]). Наконецъ Грановскій могъ выѣхать изъ Москвы въ Петербургъ, откуда въ половинѣ мая отплылъ на параходѣ, отправлявшемся въ Любекъ.

---

[1]) Когда меня не будетъ уже въ Россіи, ты, дорогая моя Варя, должна заботиться объ участи Платона и Саши. Папинька слишкомъ безпеченъ и немногое сдѣлаетъ для нихъ. Будь же ихъ ангеломъ хранителемъ. Богъ знаетъ что̀ бы я далъ за то, чтобы провести еще одинъ день съ тобою, мой лучшій другъ. Чего не можетъ случиться до моего возвращенія. Грустно даже подумать объ этомъ. Объ одномъ прошу я теперь Бога: пусть падутъ на меня всѣ несчастія, которыя могутъ угрожать тебѣ. Это не пустыя слова: если бы я могъ купить твое счастіе цѣною своего собственнаго, я благословилъ бы судьбу.—Письмо къ сестрѣ 12 апрѣля, 1836 г.

II.

ЖИЗНЬ ЗА ГРАНИЦЕЮ.

1836—1839.

Пароходъ, на которомъ Грановскій отправился въ Германію, шелъ до Травемюнде четверо сутокъ. Море производило на душу Грановскаго глубокое, торжественное впечатлѣніе. Онъ писалъ о немъ сестрѣ: on devient meilleur ayant de telles choses devant les yeux.... La nuit surtout, au clair de la lune, c'est vraiment divin: on croit sentir la présence de Dieu [1]). Изъ Травемюнде Грановскій отправился въ Любекъ. Онъ предался той безцѣльной потребности бродить и смотрѣть, которая болѣе или менѣе овладѣваетъ всякимъ, кто въ первый разъ очутился внѣ среды и границъ, съ которыми свыкся. Три дня пробродилъ онъ среди узкихъ улицъ и высокихъ домовъ Любека, пять дней въ Гамбургѣ, гдѣ уже успѣлъ истратить на разныя, казавшіеся ему необходимыми покупки значительную часть денегъ полученныхъ отъ банкира, и къ 1 іюня прибылъ въ Берлинъ. Здѣсь, въ совершенномъ уединеніи, онъ принялся за изученіе нѣмецкаго языка, который все еще зналъ неудовлетворительно. Въ два мѣсяца, при помощи уроковъ пастора Паоли, онъ узналъ его такъ, какъ зналъ русскій языкъ

[1]) Становишся лучше предъ такимъ зрѣлищемъ. Въ особенности ночью при лунномъ свѣтѣ, это истинно божественно: кажется чувствуешь присутствіе Бога.

и могъ хорошо говорить по нѣмецки. Къ своимъ занятіямъ исторіею онъ предположилъ приступить осенью съ началомъ зимняго семестра въ берлинскомъ университетѣ. Въ Берлинѣ для Грановскаго, впервые со смерти его матери, наступили дни покоя и довольства, не возмущаемые мелкими заботами и опасеніями, которыя постоянно преслѣдовали его въ Петербургѣ. Отецъ обѣщалъ ему давать 1500 рублей въ годъ, и эта сумма, вмѣстѣ съ назначенной ему отъ правительства, позволяла надѣяться, что онъ будетъ получать въ годъ отъ 5 до 6 тысячь. Съ чувствомъ непривычнаго удовольствія писалъ онъ сестрѣ, что у него двѣ просторныя и хорошо меблированныя комнаты въ одной изъ лучшихъ улицъ города, хорошій обѣдъ, платье отъ хорошаго портнаго и книгъ сколько хочетъ; что театръ посѣщаетъ онъ четыре раза въ недѣлю, и при всемъ этомъ у него нѣтъ ни копѣйки долгу, и еще водятся деньги. Онъ замѣчалъ, что это случается впервые въ его жизни, et à vous dire vrai, прибавлялъ онъ съ вѣрнымъ предчувствіемъ, je ne crois pas que cet état des choses puisse durer longtemps. Chacun de nous vient dans le monde avec quelques inclinations innées; on nait sot ou spirituel, triste ou gai—je suis né prodigue. Je me sens la puissance de dépenser la plus grande fortune du monde. Malheureusement la providence en me donnant la faculté, m'a refusé le moyen de l'exercer. C'est fort injuste de sa part, mais il n'y a pas moyen de changer la chose. Au reste tout est pour le mieux. Et pour le moment je suis fort content de ma position [1]).

---

[1]) И сказать тебѣ по правдѣ—я не думаю, чтобы такое положеніе могло продлиться надолго. Всякій изъ насъ является на свѣтъ съ какими нибудь прирожденными наклонностями: родишся глупымъ или умнымъ, печальнымъ или веселымъ—я рожденъ расточительнымъ. Я чувствую въ себѣ способность расточить величайшее въ мірѣ бо-

Грановскій, сознавая въ себѣ недостатокъ расчетливости, которой не могли развить въ немъ никакія тяжелыя испытанія и лишенія, преувеличивалъ въ собственныхъ глазахъ свойство своей природы. Онъ не былъ расточителенъ, хотя справедливо, что у него бывали дни или часы, въ которые онъ запутывалъ или разрушалъ порядочное состояніе своихъ денежныхъ средствъ, сохраняемое многими мѣсяцами скромной, умѣренной и сдержанной жизни.

Приступая къ занятіямъ исторіею и отдавая себѣ отчетъ обо всемъ что нужно было сдѣлать, чтобы овладѣть матеріаломъ избранной имъ науки, Грановскій былъ невольно смущенъ огромностію ожидавшаго его труда. Важность предстоявшей ему задачи и добросовѣстныя требованія отъ самаго себя породили въ немъ сомнѣнія въ собственныхъ силахъ и способностяхъ. Онъ писалъ Н. В. Станкевичу, откровенно высказывая недовольство своими познаніями и свои сомнѣнія. На жалобы друга Станкевичъ отвѣчалъ совѣтами, сущность которыхъ состояла въ томъ, что важнѣйшее въ знаніи не масса отдѣльныхъ явленій и фактовъ, а понятіе необходимости отдѣльнаго факта, роли его въ развитіи единой идеи. Конечно, писалъ онъ своему другу, твое будущее назначеніе обязываетъ тебя имѣть понятіе обо всемъ, что сдѣлано для твоей науки до тебя; но это пріобрѣтается легко, когда ты положишь главное основаніе своему знанію, а это основаніе скрѣпишь идеею [1]).

гатство. Къ несчастію, провидѣніе, одаривъ меня такою способностію, отказало мнѣ въ средствахъ упражнять ее. Это очень несправедливо съ его стороны, но измѣнить этаго нельзя. Впрочемъ все къ лучшему. И въ настоящее время я очень доволенъ своимъ положеніемъ.—Письмо къ сестрѣ изъ Берлина 1 августа, 1836.

[1]) Письмо къ Грановскому 23 сентября 1836 г.; см. Біографія Н. В. Станкевича, соч. П. В. Анненкова, стр. 194.

Съ началомъ зимняго семестра Грановскій началъ слушать чтенія исторіи Раумера и Ранке. Онъ принималъ постоянное участіе въ историческихъ упражненіяхъ, происходившихъ подъ руководствомъ послѣдняго и состоявшихъ въ разборѣ источниковъ его слушателями. Онъ слушалъ лекціи Риттера и Савиньи. Слѣдя за чтеніями этихъ ученыхъ, онъ читалъ также обработанныя сочиненія по разнымъ частямъ исторіи и бралъ частные уроки у Ав. Цумпта, подъ руководствомъ котораго окончилъ свое изученіе латинскаго языка. Осенью 1837 года онъ уже могъ читать въ подлинникѣ римскихъ поэтовъ и историковъ. Въ туже зиму 1836—1837 онъ началъ учиться итальянскому языку. Грановскій трудился, продолжая свой уединенный образъ жизни, избѣгая знакомствъ и только рѣдко видаясь съ немногими соотечественниками, посѣщавшими Берлинъ. «Ma vie est tellement uniforme, писалъ онъ сестрѣ, que vous n'avez qu'à relire ce que je vous écrivais il y deux mois de cela de ma manière de passer le temps et puis de jeter un coup d'oeil sur la pendule pour savoir ce que je fais à chaque heure du jour»...... [1]). Прогулка по городу и театръ были въ это время его единственными развлеченіями. Игра трагической актриссы Крелингеръ и драмы Шиллера возстановляли въ немъ бодрость духа, начинавшую измѣнять ему. Въ томъ же самомъ письмѣ его къ сестрѣ читаемъ: «Le spectacle est devenu pour moi un véritable besoin: il y a des pièces qui me font vraiment du bien; après les avoir vu je reviens chez moi plus heureux, meilleur et plus capable de tra-

---

[1]) Жизнь моя такъ однообразна, что для того, чтобы знать что я дѣлаю въ каждый часъ дня, тебѣ нужно только прочесть писанное мною два мѣсяца тому назадъ о томъ какъ провожу свое время и потомъ взглянуть на часы. — Письмо къ сестрѣ, въ октябрѣ 1836 года.

vailler. Les drames de Schiller surtout produisent sur moi cet effet» [1]).

Ни труды, ни совѣты друга долго еще не могли избавить Грановскаго отъ тяжкаго нравственнаго недуга, въ который онъ впалъ отъ возникшихъ въ немъ сомнѣній въ собственныхъ силахъ и въ возможности достигнуть цѣлей своихъ стремленій. Онъ переживалъ ту пору жизни, когда юношескія вѣрованія и довѣрчивыя отношенія къ жизни и наукѣ колеблются передъ вопросами крѣпнущаго сознанія, требуютъ повѣрки и новыхъ болѣе твердыхъ и болѣе отчетливыхъ основаній. Болѣзненно и тяжело совершался этомъ процессъ въ молодой душѣ Грановскаго. Довольство жизнію, испытанное имъ въ первые мѣсяцы по пріѣздѣ въ Берлинъ, миновало для него. «Berlin ne me plait plus comme jadis», писалъ онъ сестрѣ, невольно высказывая свое печальное душевное настроеніе. «Гдѣ же лучше? demanderez-vous.—Гдѣ насъ нѣтъ, ma bonne. C'est un charmant pays «гдѣ насъ нѣтъ» [2]). Театръ, гдѣ онъ проводилъ прежде свои вечера уже пересталъ оживлять его. Только музыка сохраняла еще благотворную власть надъ смущенною душею:» je ressemble à Saül sous ce rapport, говоритъ онъ въ томъ же письмѣ къ сестрѣ: quand le mauvais génie s'empare de moi, je vais écouter la bonne musique, et je redeviens calme et content du monde et de moi» [1]). Къ нравственнымъ причинамъ тоски,

---

[1]) Спектакль сдѣлался для меня истинною потребностію; есть піесы благотворныя для меня. Посмотрѣвши нхъ, я возвращаюсь къ себѣ болѣе счастливымъ, лучшимъ и болѣе способнымъ трудиться. Особенно драммы Шиллера производятъ на меня такое дѣйствіе.

[2]) Берлинъ уже не нравится мнѣ, какъ нравился прежде. Гдѣ же лучше? спросишь ты.—Гдѣ насъ нѣтъ, моя добрая. Это прелестная страна «Гдѣ насъ нѣтъ».—Письмо къ сестрѣ 14 февр. 1837.

[3]) Въ этомъ отношеніи я похожъ на Саула: когда овладѣваетъ мною злой духъ, я иду слушать хорошую музыку, и дѣлаюсь снова спокойнымъ и довольнымъ міромъ и собою.

овладѣвавшей Грановскимъ, присоединились еще нерадостныя вѣсти, полученныя имъ около этого времени изъ дому: имѣнію отца его опять грозила продажа. Грановскій былъ встревоженъ опасеніями за предстоящую участь семьѣ его, хотя и старался успокоить сестру, напоминая въ письмѣ къ ней, что у нея есть братъ, который во всякомъ случаѣ съумѣетъ спасти ее отъ нужды.

Какъ ни много было невеселаго въ положеніи Грановскаго, онъ сознавалъ, что въ Берлинѣ окружали его всѣ условія тогда необходимыя для него. Онъ находилъ здѣсь все нужное для того, чтобы запастись знаніями въ избранной имъ наукѣ, и трудился постоянно днемъ и до позднихъ часовъ ночи. Каждый день его такъ походилъ на другой, что онъ не замѣчалъ какъ уходили недѣли и мѣсяцы. Въ эту зиму онъ преимущественно изучалъ исторію среднихъ вѣковъ, по многимъ отдѣламъ которой пріобрѣлъ основательныя познанія еще въ Россіи. Теперь онъ уже надѣялся, вскорѣ по возвращеніи въ Россію, издать собственное изложеніе исторіи этого періода. Къ веснѣ 1837 года онъ приступилъ къ изученію Гегеля.

Здоровье Грановскаго, подъ вліяніемъ тяжелаго нравственнаго состоянія и усиленныхъ занятій, начало сильно измѣнять ему. Въ часто возвращавшихся припадкахъ своей болѣзни самъ онъ видѣлъ послѣдствія своего образа жизни въ Петербургѣ, гдѣ нерѣдко чай и картофель составляли его единственную пищу. Въ маѣ къ больному Грановскому поспѣшилъ изъ Петербурга его заботливый другъ Я. М. Невѣровъ. Одинокая и однообразная жизнь Грановскаго оживилась сообществомъ соотечественника, который поселился въ Берлинѣ вмѣстѣ съ нимъ. Они начали вдвоемъ учиться греческому языку, но отвлекаемый занятіями исторіею и чтеніемъ Гегеля, Грановскій, имѣвшій способ-

ность скораго изученія языковъ, мало успѣлъ въ изученіи греческаго. Незная его и въ послѣдствіи, онъ часто высказывалъ свое сожалѣніе о томъ.

Въ іюлѣ Берлинъ посѣтила холера. Городъ опустѣлъ; кто могъ покидалъ его. Лекціи въ университетѣ прекратились. Библіотеки, которыми Грановскій пользовался для своихъ занятій были заперты, но онъ поневолѣ долженъ былъ оставаться въ Берлинѣ. Предчувствія его оправдались: онъ былъ уже въ очень затруднительномъ положеніи при совершенномъ безденежьи и съ долгами. Надѣясь на помощь отъ отца, онъ часть своихъ денегъ отдалъ брату, остававшемуся въ Петербургѣ и сдѣлалъ траты, которыя ввели его въ долги, когда вмѣсто обѣщанныхъ 1500 рублей въ годъ онъ получилъ отъ отца только пятсотъ рублей почти въ полтора года. Нисколько не отличаясь расчетливостію, онъ однако же смотрѣлъ на свои долги вовсе нелегко: они составляли для него истинное мученіе. «Je n'hériterai de mon père que son nom, писалъ онъ сестрѣ, mais ce nom je veux le porter pur, sans reproche. Je ne permettrai à personne d'y poser une tache. Mes circonstances m'obligent souvent à faire des dettes, mais je les paye en homme d'honneur; je ne trompe et ne fuis pas mes créanciers [1]). Напрасно ожидая помощи отъ отца и не зная какъ выдти изъ затруднительнаго положенія, въ одну изъ тяжелыхъ минутъ онъ говорилъ въ письмѣ къ сестрѣ: «Barbe, ma bonne amie, si vous et Alexandrine n'étiez pas là, je sais bien ce que je ferais, je ne remettrais pas le pied dans ma patrie. Une fois dé-

---

[1]) Въ наслѣдство отъ отца я получу только его имя, но это имя я хочу носить чистымъ отъ упрека. Я никому непозволю запятнать его. Мои обстоятельства часто принуждаютъ меня дѣлать долги, но я плачу ихъ, какъ честный человѣкъ. Я не обманываю моихъ кредиторовъ и не бѣгу отъ нихъ.—Письмо къ сестрѣ 14 февраля 1837.

cidè à prendre ce parti, j'aurais su comment me tirer d'embarras et gagner mon pain. J'aï le plus grand désir de m'acquitter de ma dette envers ma patrie, j'aurais bien voulu lui consacrer ce que le bon Dieu m'a donné de moeyns, mais enfin, ma patience n'y tient plus. Pensez un peu à ce qu'a été mon èxistence depuis la mort de maman et vous verrez si j'ai tort» [1]). Холера, развившаяся въ Берлинѣ съ страшною силою, не оставила въ покоѣ и друзей, жившихъ вмѣстѣ. Въ іюлѣ захворалъ ею Невѣровъ, и Грановскій, заботливо ухаживавшій за своимъ больнымъ товарищемъ, заболѣлъ самъ. Медленно оправляясь отъ послѣдствій болѣзни и не слушаясь совѣтовъ медиковъ, находившихъ для него необходимымъ отдыхъ, Грановскій возвратился къ своему дѣятельному образу жизни. «Сочинилъ себѣ какое-то преглупое правило, что не покоряться должно природѣ, а итти ей наперекоръ, и съ этимъ правиломъ не хочетъ ни на минуту оставить своего Гегеля и исторію», писалъ о своемъ товарищѣ Я. М. Невѣровъ сильно встревоженный его болѣзненнымъ состояніемъ [2]), Грановскій не избавился еще вполнѣ и отъ душевнаго недуга, овладѣвшаго имъ послѣ первыхъ мѣсяцевъ пребыванія въ Берлинѣ. Въ одномъ изъ писемъ его г. Григорьеву сохранились для насъ указанія на свойство этого недуга и на средства, которыми онъ боролся противъ него. При·

---

[1]) Варя, добрый другъ мой, еслибы не было тебя и Саши, я зналъ бы какъ поступить, я не возвратился бы въ отечество. Рѣшившись на такой шагъ я зналъ бы какъ выдти изъ затрудненій и заработывать свой хлѣбъ. Во мнѣ сильнѣйшее желаніе уплатить свой долгъ отечеству, я бы очень желалъ посвятить на служеніе ему всѣ способности, какими одарилъ меня Богъ, но наконецъ у меня не стаетъ терпѣнія. Припомни каково было мое существованіе со смерти маменьки, и увидишь—виноватъ ли я.—Письмо къ сестрѣ, августъ 1837 г.

[2]) Письмо Я. М. Невѣрова къ Григорьеву, 15 сентября н. с. 1837 г. см. статью г. Григорьева въ Рус. Бесѣдѣ.

знанія Грановскаго были вызваны съ его стороны желаніемъ содѣйствовать изцѣленію товарища, въ нравственномъ состояніи котораго онъ подозрѣвалъ сходство съ своимъ собственнымъ. Онѣ объясняютъ намъ путь, которымъ Грановскій дошелъ до потребности изученія философіи. Выписываемъ строки его изъ письма къ г. Григорьеву: «Позволь высказать тебѣ нѣсколько мыслей, пришедшихъ мнѣ въ голову въ тяжелые, но не безплодные часы моихъ сомнѣній. Этими мыслями отбивался я отъ искушавшаго демона, и если не совсѣмъ отдѣлался отъ его посѣщеній, то по крайней мѣрѣ принимаю ихъ равнодушнѣе. Меня мучили тѣже вопросы, надъ которыми ты ломаешь голову. Подобно тебѣ, я едва не сошелъ съ ума, видя невозможность добиться дѣльнаго отвѣта, старался подавить въ себѣ всякое размышленіе, думая найти въ совершенномъ отсутствіи мыслей покой—и въ самомъ дѣлѣ на нѣсколько времени успокоился. Избави тебя Господь отъ такого покоя: это смерть души, уничтоженіе нравственное, о которомъ мнѣ страшно вспомнить. Богъ помогъ мнѣ выдти изъ этого состоянія. Я собралъ послѣднія свои силы, рѣшился на послѣднюю свою борьбу—и если не одолѣлъ еще врага моего, за то пересталъ его бояться и, что еще важнѣе, началъ вѣрить въ возможность побѣды. Много тяжкихъ, мучительнымъ дней прошло и пройдетъ еще для меня; иногда я опять готовъ предаться отчаянію—но при всемъ томъ я теперь неохотно отказался бы отъ борьбы, которая происходитъ во мнѣ. Признаюсь тебѣ, другъ Григорьевъ, въ этой борьбѣ я вижу законъ моего совершенствованія, оправданіе тѣхъ притязаній, которыя я съ дѣтства предъявилъ на лучшія награды и цѣли въ жизни..... Ты говоришь, что ты во всемъ сомнѣваешся, что ты убѣжденъ въ невозможности знать что-нибудь. На послѣднее можно

[illegible] убѣжденъ въ невозможности знать [illegible] и что ты самъ себѣ противорѣчишь и [illegible] убѣждалъ. Поэтому теперь тебѣ [illegible] сомнѣваться еще болѣе и [illegible] сомнѣній, но еще вызывать ихъ. [illegible] самому скептическому изслѣдова- [illegible] съ самыхъ [illegible] Почему? По какому праву? Быть [illegible] отрицательные результаты [illegible] Повѣрь мнѣ, это изслѣдованіе приведетъ [illegible] оно успокоитъ тебя и, что еще лучше, [illegible] Между тѣмъ я скажу тебѣ, [illegible] часть вопросовъ, которыми заняться совѣтую и тебѣ. Разумѣется, я не стану подчивать тебя философическими изслѣдованіями: эти вещи ты можешь прочесть въ книгахъ. Я думалъ и много думалъ въ послѣдній годъ моей жизни, быть можетъ, когда нибудь поговорю съ тобой и объ этомъ [illegible]. Теперь я коснусь предмета [illegible] въ частности его, въ приложеніи ко мнѣ и—къ тебѣ, голубчикъ. [illegible] грубыя истины которыя я [illegible]

Имѣемъ ли мы право довѣрять отрицательнымъ результатамъ нашихъ сомнѣній? Нѣтъ. Мы можемъ, мы должны сомнѣваться: это одно изъ прекрасныхъ правъ человѣка; но эти сомнѣнія должны вести къ чему-нибудь. Мы не должны останавливаться на первыхъ отрицательныхъ отвѣтахъ, а идти далѣе [illegible] Богъ [illegible] возмож- [illegible] Для [illegible] и на это [illegible]

человѣка, обнявшаго цѣлый міръ науки, овладѣвшаго ею вполнѣ. Я ошибся—хорошаго и тутъ ничего нѣтъ, но этотъ человѣкъ *можетъ* недовѣрять и отрицать; онъ знаетъ, онъ судитъ о дорогѣ, пройденной имъ. А мы? Мы стоимъ у самаго начала этой дороги, насъ пугаютъ ея трудности—и мы преспокойно говоримъ: «Какая это дорога? Да она, чертъ знаетъ, куда заведетъ; лучше не ходить, а то непремѣнно заблудишься». Понятія наши о жизни дѣйствительной едвали умнѣе. Мы не далеко ушли въ наукѣ, но въ жизни еще менѣе подвинулись. Что тебѣ кажется «хаосомъ» въ теперешнемъ твоемъ положеніи, можетъ быть очень стройно и хорошо, да ты не потрудился посмотрѣть на вещи вблизи. Міръ Божій хорошъ и разуменъ, только на него надо смотрѣть разумными очами, другъ Вася. А у насъ у обоихъ часто преглупыя очи. Хаосъ въ насъ, въ нашихъ идеяхъ, въ нашихъ понятіяхъ—а мы приписываемъ его міру. Точно какъ человѣку въ зеленыхъ очкахъ все кажется зеленымъ, хотя этотъ цвѣтъ у него на носу только.—Wer die Welt vernünftig ansieht, den sieht sie auch vernünftig an [1]), говоритъ Гегель. И это едвали не величайшая истина, сказанная имъ. Положимъ, даже, что при всѣхъ твоихъ усиліяхъ, ты теперь не пойдешь далѣе отрицательныхъ отвѣтовъ, которые были результатомъ твоихъ первыхъ изслѣдованій. Что же это доказываетъ? Только то, что твоя діалектика еще не укрѣпилась, что ты не умѣешь еще перейти изъ одного опредѣленія въ другое противоположное. Кто же виноватъ? Работай, воспитывай себя; готовься къ разрѣшенію великихъ вопросовъ. Я дѣлаю тоже. Для этого недостаточно

---

[1]) Кто смотритъ на міръ разумно, для того и онъ смотритъ разумно.

овладѣвавшей Грановскимъ, присоединились еще нерадостныя вѣсти, полученныя имъ около этого времени изъ дому: имѣнію отца его опять грозила продажа. Грановскій былъ встревоженъ опасеніями за предстоящую участь семьѣ его, хотя и старался успокоить сестру, напоминая въ письмѣ къ ней, что у нея есть братъ, который во всякомъ случаѣ съумѣетъ спасти ее отъ нужды.

Какъ ни много было невеселаго въ положеніи Грановскаго, онъ сознавалъ, что въ Берлинѣ окружали его всѣ условія тогда необходимыя для него. Онъ находилъ здѣсь все нужное для того, чтобы запастись знаніями въ избранной имъ наукѣ, и трудился постоянно днемъ и до позднихъ часовъ ночи. Каждый день его такъ походилъ на другой, что онъ не замѣчалъ какъ уходили недѣли и мѣсяцы. Въ эту зиму онъ преимущественно изучалъ исторію среднихъ вѣковъ, по многимъ отдѣламъ которой пріобрѣлъ основательныя познанія еще въ Россіи. Теперь онъ уже надѣялся, вскорѣ по возвращеніи въ Россію, издать собственное изложеніе исторіи этого періода. Къ веснѣ 1837 года онъ приступилъ къ изученію Гегеля.

Здоровье Грановскаго, подъ вліяніемъ тяжелаго нравственнаго состоянія и усиленныхъ занятій, начало сильно измѣнять ему. Въ часто возвращавшихся припадкахъ своей болѣзни самъ онъ видѣлъ послѣдствія своего образа жизни въ Петербургѣ, гдѣ нерѣдко чай и картофель составляли его единственную пищу. Въ маѣ къ больному Грановскому поспѣшилъ изъ Петербурга его заботливый другъ Я. М. Невѣровъ. Одинокая и однообразная жизнь Грановскаго оживилась сообществомъ соотечественника, который поселился въ Берлинѣ вмѣстѣ съ нимъ. Они начали вдвоемъ учиться греческому языку, но отвлекаемый занятіями исторіею и чтеніемъ Гегеля, Грановскій, имѣвшій способ-

ность скораго изученія языковъ, мало успѣлъ въ изученіи греческаго. Незная его и въ послѣдствіи, онъ часто высказывалъ свое сожалѣніе о томъ.

Въ іюлѣ Берлинъ посѣтила холера. Городъ опустѣлъ; кто могъ покидалъ его. Лекціи въ университетѣ прекратились. Библіотеки, которыми Грановскій пользовался для своихъ занятій были заперты, но онъ поневолѣ долженъ былъ оставаться въ Берлинѣ. Предчувствія его оправдались: онъ былъ уже въ очень затруднительномъ положеніи при совершенномъ безденежьи и съ долгами. Надѣясь на помощь отъ отца, онъ часть своихъ денегъ отдалъ брату, остававшемуся въ Петербургѣ и сдѣлалъ траты, которыя ввели его въ долги, когда вмѣсто обѣщанныхъ 1500 рублей въ годъ онъ получилъ отъ отца только пятсотъ рублей почти въ полтора года. Нисколько не отличаясь расчетливостію, онъ однако же смотрѣлъ на свои долги вовсе нелегко: они составляли для него истинное мученіе. «Je n'hériterai de mon père que son nom, писалъ онъ сестрѣ, mais ce nom je veux le porter pur, sans reproche. Je ne permettrai à personne d'y poser une tache. Mes circonstances m'obligent souvent à faire des dettes, mais je les paye en homme d'honneur; je ne trompe et ne fuis pas mes créanciers [1]). Напрасно ожидая помощи отъ отца и не зная какъ выдти изъ затруднительнаго положенія, въ одну изъ тяжелыхъ минутъ онъ говорилъ въ письмѣ къ сестрѣ: «Barbe, ma bonne amie, si vous et Alexandrine n'étiez pas là, je sais bien ce que je ferais, je ne remettrais pas le pied dans ma patrie. Une fois dé-

[1]) Въ наслѣдство отъ отца я получу только его имя, но это имя я хочу носить чистымъ отъ упрека. Я никому непозволю запятнать его. Мои обстоятельства часто принуждаютъ меня дѣлать долги, но я плачу ихъ, какъ честный человѣкъ. Я не обманываю моихъ кредиторовъ и не бѣгу отъ нихъ.—Письмо къ сестрѣ 14 февраля 1837.

cidè à prendre ce parti, j'aurais su comment me tirer d'embarras et gagner mon pain. J'ai le plus grand désir de m'acquitter de ma dette envers ma patrie, j'aurais bien voulu lui consacrer ce que le bon Dieu m'a donné de moeyns, mais enfin, ma patience n'y tient plus. Pensez un peu à ce qu'a été mon existence depuis la mort de maman et vous verrez si j'ai tort» [1]). Холера, развившаяся въ Берлинѣ съ страшною силою, не оставила въ покоѣ и друзей, жившихъ вмѣстѣ. Въ іюлѣ захворалъ ею Невѣровъ, и Грановскій, заботливо ухаживавшій за своимъ больнымъ товарищемъ, заболѣлъ самъ. Медленно оправляясь отъ послѣдствій болѣзни и не слушаясь совѣтовъ медиковъ, находившихъ для него необходимымъ отдыхъ, Грановскій возвратился къ своему дѣятельному образу жизни. «Сочинилъ себѣ какое-то преглупое правило, что не покоряться должно природѣ, а итти ей наперекоръ, и съ этимъ правиломъ не хочетъ ни на минуту оставить своего Гегеля и исторію», писалъ о своемъ товарищѣ Я. М. Невѣровъ сильно встревоженный его болѣзненнымъ состояніемъ [2]), Грановскій не избавился еще вполнѣ и отъ душевнаго недуга, овладѣвшаго имъ послѣ первыхъ мѣсяцевъ пребыванія въ Берлинѣ. Въ одномъ изъ писемъ его г. Григорьеву сохранились для насъ указанія на свойство этого недуга и на средства, которыми онъ боролся противъ него. При-

---

[1]) Варя, добрый другъ мой, еслибы не было тебя и Саши, я зналъ бы какъ поступить, я не возвратился бы въ отечество. Рѣшившись на такой шагъ я зналъ бы какъ выдти изъ затрудненій и заработывать свой хлѣбъ. Во мнѣ сильнѣйшее желаніе уплатить свой долгъ отечеству, я бы очень желалъ посвятить на служеніе ему всѣ способности, какими одарилъ меня Богъ, но наконецъ у меня не стаетъ терпѣнія. Припомни каково было мое существованіе со смерти маменьки, и увидишь—виноватъ ли я.—Письмо къ сестрѣ, августъ 1837 г.

[2]) Письмо Я. М. Невѣрова къ Григорьеву, 15 сентября н. с. 1837 г. см. статью г. Григорьева въ Рус. Бесѣдѣ.

знанія Грановскаго были вызваны съ его стороны желаніемъ содѣйствовать изцѣленію товарища, въ нравственномъ состояніи котораго онъ подозрѣвалъ сходство съ своимъ собственнымъ. Онѣ объясняютъ намъ путь, которымъ Грановскій дошелъ до потребности изученія философіи. Выписываемъ строки его изъ письма къ г. Григорьеву: «Позволь высказать тебѣ нѣсколько мыслей, пришедшихъ мнѣ въ голову въ тяжелые, но не безплодные часы моихъ сомнѣній. Этими мыслями отбивался я отъ искушавшаго демона, и если не совсѣмъ отдѣлался отъ его посѣщеній, то по крайней мѣрѣ принимаю ихъ равнодушнѣе. Меня мучили тѣже вопросы, надъ которыми ты ломаешь голову. Подобно тебѣ, я едва не сошелъ съ ума, видя невозможность добиться дѣльнаго отвѣта, старался подавить въ себѣ всякое размышленіе, думая найти въ совершенномъ отсутствіи мыслей покой—и въ самомъ дѣлѣ на нѣсколько времени успокоился. Избави тебя Господь отъ такого покоя: это смерть души, уничтоженіе нравственное, о которомъ мнѣ страшно вспомнить. Богъ помогъ мнѣ выдти изъ этого состоянія. Я собралъ послѣднія свои силы, рѣшился на послѣднюю свою борьбу—и если не одолѣлъ еще врага моего, за то пересталъ его бояться и, что еще важнѣе, началъ вѣрить въ возможность побѣды. Много тяжкихъ, мучительнымъ дней прошло и пройдетъ еще для меня; иногда я опять готовъ предаться отчаянію—но при всемъ томъ я теперь неохотно отказался бы отъ борьбы, которая происходитъ во мнѣ. Признаюсь тебѣ, другъ Григорьевъ, въ этой борьбѣ я вижу законъ моего совершенствованія, оправданіе тѣхъ притязаній, которыя я съ дѣтства предъявилъ на лучшія награды и цѣли въ жизни..... Ты говоришь, что ты во всемъ сомнѣваешся, что ты убѣжденъ въ невозможности знать что-нибудь. На послѣднее можно

бы возразить, что самое убѣжденіе въ невозможности знать есть уже знаніе, и что ты самъ себѣ противорѣчишь; но подобные выводы рѣдко убѣждаютъ, поэтому совѣтую тебѣ мой милый, для облегченія сомнѣваться еще болѣе; не только не прогонять своихъ сомнѣній, но еще вызывать ихъ, короче—подвергнуть все самому скептическому изслѣдованію и начать это изслѣдованіе съ самыхъ сомнѣній твоихъ. О чемъ ты сомнѣваешся? Почему? *По какому праву*? Какую степень довѣрія заслуживаютъ отрицательные результаты твоихъ сомнѣній? Повѣрь мнѣ, это изслѣдованіе принесетъ тебѣ много пользы: оно успокоитъ тебя и, что еще лучше, укрѣпитъ для новыхъ битвъ. Между тѣмъ я скажу тебѣ, какъ я разрѣшилъ часть вопросовъ, которыми заняться совѣтую и тебѣ. Разумѣется, я не стану подчивать тебя философскими изслѣдованіями: эти вещи ты можешь прочесть въ книгахъ. Я думалъ и много думалъ въ послѣдній годъ моей жизни; быть можетъ, когда нибудь поговорю съ тобой и объ этомъ—но послѣ. Теперь я коснусь предмета только въ частности его, въ приложеніи ко мнѣ и—къ тебѣ, голубчикъ. Извини заранѣе грубыя истины которыя я собираюсь высказать.

«Имѣемъ ли мы право довѣрять отрицательнымъ результатамъ нашихъ сомнѣній? Нѣтъ Мы можемъ, мы должны сомнѣваться—это одно изъ прекрасныхъ правъ человѣка; но эти сомнѣнія должны вести къ чему-нибудь; мы недолжны останавливаться на первыхъ отрицательныхъ отвѣтахъ, а идти далѣе, дѣйствовать всею діалектикою, какою насъ Богъ одарилъ, идти до конца, если не абсолютнаго, то возможнаго для насъ. Это правило для всего человѣчества. Для насъ двухъ есть другія возраженія. Я когда-то сомнѣвался въ наукѣ (такъ, какъ ты теперь); имѣлъ ли я на это право? Разумѣется, нѣтъ: хорошо видѣть недовѣрчивость

человѣка, обнявшаго цѣлый міръ науки, овладѣвшаго ею вполнѣ. Я ошибся—хорошаго и тутъ ничего нѣтъ, но этотъ человѣкъ *можетъ* недовѣрять и отрицать; онъ знаетъ, онъ судитъ о дорогѣ, пройденной имъ. А мы? Мы стоимъ у самаго начала этой дороги, насъ пугаютъ ея трудности—и мы преспокойно говоримъ: «Какая это дорога? Да она, чертъ знаетъ, куда заведетъ; лучше не ходить, а то непремѣнно заблудишься». Понятія наши о жизни дѣйствительной едвали умнѣе. Мы не далеко ушли въ наукѣ, но въ жизни еще менѣе подвинулись. Чтò тебѣ кажется «хаосомъ» въ теперешнемъ твоемъ положеніи, можетъ быть очень стройно и хорошо, да ты не потрудился посмотрѣть на вещи вблизи. Міръ Божій хорошъ и разуменъ, только на него надо смотрѣть разумными очами, другъ Вася. А у насъ у обоихъ часто преглупыя очи. Хаосъ въ насъ, въ нашихъ идеяхъ, въ нашихъ понятіяхъ—а мы приписываемъ его міру. Точно какъ человѣку въ зеленыхъ очкахъ все кажется зеленымъ, хотя этотъ цвѣтъ у него на носу только.—Wer die Welt vernünftig ansieht, den sieht sie auch vernünftig an [1]), говоритъ Гегель. И это едвали не величайшая истина, сказанная имъ. Положимъ, даже, что при всѣхъ твоихъ усиліяхъ, ты теперь не пойдешь далѣе отрицательныхъ отвѣтовъ, которые были результатомъ твоихъ первыхъ изслѣдованій. Чтò же это доказываетъ? Только то, что твоя діалектика еще не укрѣпилась, что ты не умѣешь еще перейти изъ одного опредѣленія въ другое противоположное. Кто же виноватъ? Работай, воспитывай себя; готовься къ разрѣшенію великихъ вопросовъ. Я дѣлаю тоже. Для этого недостаточно

---

[1]) Кто смотритъ на міръ разумно, для того и онъ смотритъ разумно.

читать книги, а надобно почаще бесѣдовать съ собою. Займись, голубчикъ, философіею..... Это вовсе не пустая, мечтательная наука. Она положительнѣе другихъ и даетъ имъ смыслъ.—Что ты утратилъ вѣру, въ этомъ я не вижу большой бѣды. Напротивъ—эта вѣра возвратится къ тебѣ, но уже очищенная, вовсе не похожая на ту, которая переходитъ къ намъ отъ отца или дѣда..... Право, теперешняя болѣзнь твоя есть переломъ, переходъ къ лучшей, болѣе человѣческой жизни. Переломъ этотъ мучителенъ—знаю, но будущее хорошо. Учись по нѣмецки и начинай читать Гегеля. Онъ успокоитъ твою душу. Есть вопросы, на которые человѣкъ не можетъ дать удовлетворительнаго отвѣта. Ихъ не рѣшаетъ и Гегель, но все, что *теперь* доступно знанію человѣка, и самое знаніе, у него чудесно объяснено.....»

Для Грановскаго, когда свѣтлое настроеніе юношескихъ лѣтъ смѣнилось въ душѣ его сомнѣніемъ, неразрѣшимыми вопросами и противорѣчившими воззрѣніями, ученіе Гегеля обѣщало цѣлительную силу. Оно обѣщало исцѣленіе отъ одностороннихъ требованій, субъективныхъ желаній и воззрѣній, указывая разумность и гармонію въ полнотѣ явленій природы, искусства, религіи, политики и науки. Эту гармонію возстановляло оно въ вѣчномъ процессѣ самопознающаго духа, въ вѣчно возраждающихся и обновляющихся формахъ и степеняхъ его развитія. Оно объясняло вѣчное значеніе и временной смыслъ каждаго явленія, отдѣльной формы этого процесса. Въ этомъ заключалась тѣсная связь ученія Гегеля съ историческою наукою, важность его для того, кто посвящалъ себя изученію исторіи. Грановскій самъ въ послѣдствіи указывалъ, что «самыя мѣткія и глубокія мысли объ Исторіи высказаны Гегелемъ не въ философіи исторіи, а въ другихъ сочиненіяхъ, какъ то: въ феноменологіи духа, въ эстетикѣ, въ философіи права

и т. д.» [1]). Притомъ ученіе Гегеля оказывало тогда такое замѣтное вліяніе на другія отрасли знанія, его діалектическіе пріемы и главныя основанія до того становились общимъ достояніемъ ученыхъ и мыслящихъ людей, что ими, безъ своего вѣдома, проникались болѣе или менѣе даже люди, не изучавшіе системы Гегеля и чуждавшіеся философіи вообще. Современное значеніе философіи Гегеля было такъ важно, что Грановскій, готовившійся быть историкомъ и принимавшій живое участіе въ интересахъ современности, не могъ оставить ее безъ изученія съ своей стороны уже въ качествѣ великаго историческаго факта.

Въ концѣ октября прибылъ въ Берлинъ Н. В. Станкевичъ. Со времени его пріѣзда бодрость духа возстановилась въ Грановскомъ. Его здоровье и денежныя затрудненія нѣсколько поправились, а пріѣздъ друга заставилъ бы его, какъ писалъ онъ сестрѣ, забыть непріятности своего положенія, если бы они и существовали [2]). Вскорѣ по пріѣздѣ въ Берлинъ Станкевичъ увѣдомлялъ своихъ московскихъ друзей: «Я съ удовольствіемъ расположился здѣсь и вмѣстѣ съ Грановскимъ начерталъ планъ нашихъ занятій..... Нынѣшній семестръ профессоръ Вердеръ и пр. Ранке—преимущественно займутъ насъ съ Грановскимъ. Вердеръ читаетъ Логику и Метафизику (такъ называютъ популярно Гегелевскую Логику) по утрамъ, а послѣ обѣда—Исторію Философіи отъ Декарта. Ранке—новѣйшую исторію, начиная съ XVIII столѣтія». Прибавляя, что, кромѣ двухъ названныхъ профессоровъ, они хотятъ еще посѣщать чтенія Философіи Исторіи Ганса, Станкевичъ продолжаетъ: «Вамъ покажется страннымъ, что мы, добившись Берлина, не пользуемся

---

[1]) См. О современномъ состояніи и значеніи Всеобщей Исторіи. Сочиненія Грановскаго. Изд. второе Т. I-й, стр. 40, прим.

[2]) Письмо къ сестрѣ 4 ноября 1837.

всѣми его сокровищами. Но Вердеръ и Ранке—два такихъ сокровища, надъ которыми намъ придется работать до кроваваго пота; потому что заниматься не значитъ только ходить на лекціи..... Намъ придется *думать* надъ Логикою, читать Декарта, Лейбница, Фихте и проч.—А надъ Новою Исторіей? Читать источники..... Философія и современный міръ — вотъ два господствующихъ занятія на нынѣшній семестръ» [1]).

Грановскій, Станкевичь и Невѣровъ поселились въ одномъ домѣ. Для нихъ началась тогда вновь трудовая и вмѣстѣ веселая студенческая жизнь. Подробности о ней Грановскій сообщаетъ въ письмѣ къ сестрѣ: «Vous pensez bien que nous n'avons pas le temps de nous ennuyer: le matin l'étude, puis le diner, puis nous lisons quelque chose, à six heures le théâtre, à neuf nous revenons, nous causons et rions comme des fous, jusqu'à ce que Néveroff, le plus raisonnable des trois, car il aura bientôt vingt-six ans, nous envoie nous coucher. Cette histoire se renouvelle tous les jours. Seulement quand nous n'allons pas au spectacle, nous lisons ou bien l'un de mes camarades fait de la musique» [2]).

Посѣщая университетскія лекціи Вердера, Станкевичь

---

[1]) Письмо Н. В. Станкевича, 17 октября 1837. Берлинъ. Письмо это не вошло въ переписку Станкевича, изданную П. В. Анненковымъ. Оно нашлось позднѣе ея изданія.

[2]) Ты конечно можешь себѣ представить, что намъ некогда скучать: утромъ ученье, потомъ обѣдъ, потомъ что-нибудь читаемъ, въ шесть часовъ театръ, въ девять возвращаемся домой, болтаемъ и смѣемся, какъ сумасшедшіе, пока Невѣровъ, благоразумнѣйшій изъ насъ троихъ, потому что ему скоро будетъ двадцать шесть лѣтъ, не прогонитъ насъ спать. Эта исторія возобновляется каждый день. Только, когда не отправляемся въ театръ—читаемъ или одинъ изъ моихъ товарищей занимаетъ насъ музыкой.—Письмо къ сестрамъ изъ Берлина 23 октября 1837.

и Грановскій слушали также у него приватные уроки Логики. Ученикъ и строгій послѣдователь Гегеля, Вердеръ знакомилъ ихъ съ общею его системою. Уроки Вердера, нерѣдко длившіеся нѣсколько часовъ сряду, иногда превращались въ живую бесѣду съ слушателями. Предметами бесѣдъ бывали отдѣльныя явленія изъ исторіи философіи, методъ философскихъ изслѣдованій, отношеніе философскихъ ученій къ жизни. Вердеръ старался также ясно опредѣлить задачи и границы философскихъ изслѣдованій, уяснить слушателямъ тѣ требованія, съ которыми можно обращаться къ философіи. Между учителемъ и его слушателями установилась тѣсная дружеская связь.

Раздѣленіе школы Гегеля, возникшее среди его послѣдователей, тогда только что начиналось, а въ самомъ Берлинѣ еще совсѣмъ не обнаруживалось между учениками философа, строго слѣдовавшими его ученію и издававшими лекціи умершаго учителя. Тѣмъ не менѣе и здѣсь, между послѣдователями Гегеля, формально вѣрными его системѣ, начинало проявляться новое стремленіе, хотя и безъ противорѣчія авторитету ученія философа. Органъ строгихъ послѣдователей Гегеля: Berliner Jahrbücher für Wissenschaftliche Kritik, защищалъ систему Гегеля противъ появившихся на нея нападокъ и критики *новыхъ гегеліянцевъ*, но многіе изъ вѣрныхъ послѣдователей системы Гегеля уже были сотрудниками въ новомъ изданіи: Hallische Jahrbücher für deutsche Wissenschaft und Kunst (основанномъ въ 1838-мъ году). Цѣлью, которую въ началѣ преслѣдовало это изданіе, было сближеніе науки съ жизнію, оживленіе абстрактныхъ началъ философіи примѣненіемъ къ вопросамъ современности, литтературы и эмпирическихъ наукъ. Изданіе приняло вскорѣ болѣе радикальное направленіе по вопросамъ религіи и политики и также критическое отношеніе къ ученію Гегеля.

Между вѣрными послѣдователями послѣдняго, сочувствовавшими первоначальному направленію Hallische Jahrbücher, былъ и Гансъ, лекціи котораго слушалъ Грановскій. Гансъ въ чтеніяхъ своихъ, оставаясь вѣрнымъ началамъ системы своего учителя, касался современнаго движенія политики, текущихъ вопросовъ, оживлялъ свое преподаваніе обращеніемъ къ дѣйствительности. Онъ живалъ во Франціи, и въ формѣ его преподаванія отзывалось вліяніе французскихъ профессоровъ. Изложеніе его было ясно и легко доступно пониманію слушателей, хотя иногда носило слѣды излишней словоохотливости.

Грановскій умѣлъ вѣрно цѣнить заслуги ученыхъ, и вѣрной оцѣнкѣ ихъ достоинствъ и особенностей ихъ ученія нисколько не мѣшало его полное пониманіе ихъ односторонности и недостатковъ. Грановскій писалъ къ Фролову, который слушалъ позднѣе чтенія Ганса: «я предвидѣлъ, что вамъ понравятся лекціи Савиньи и Риттера, особенно послѣдняго. А бѣдный Гансъ? Вы впрочемъ несправедливы къ нему. Отъ его курса нельзя требовать того же, что̀ отъ курса Савиньи: у нихъ совершенно разныя цѣли и взгляды на науку. Вы говорите, что мало нашли у Ганса. Да, оттого, что всѣ эти вопросы еще прежде занимали васъ и что отвѣты давно у васъ готовы. Но Гансъ читаетъ для нѣмецкихъ студентовъ, а для этихъ людей, несмотря на богатство положительныхъ свѣдѣній, съ которыми они обыкновенно приходятъ въ университетъ, очень ново то, что вамъ кажется общимъ мѣстомъ. Въ нихъ надобно пробудить самые вопросы. Если вы хотите въ этомъ увѣриться, то поговорите съ вашими сосѣдями на скамьяхъ, и вы увидите, что я правъ, и что дѣятельность Ганса также полезна и имѣетъ значеніе, какъ и дѣятельность Савиньи. Большая часть слушателей Ганса бранитъ его, называетъ его по-

верхностнымъ, и не смотря на это, уноситъ съ его лекцій много, очень много новыхъ требованій отъ жизни и отъ науки. Я вовсе не принадлежу къ числу безусловныхъ почитателей Ганса; его тщеславіе и частая болтовня мнѣ жалки, но усилія его имѣютъ право на уваженіе и благодарность. Онъ человѣкъ съ убѣжденіемъ и усердіемъ. А его слабости? Богъ съ ними» [1]).

Савиньи и Риттера, имена которыхъ упоминаетъ Грановскій въ приведенныхъ нами строкахъ, слушалъ онъ, какъ мы упомянули уже, въ предшествующій семестръ.

Савиньи противуполагалъ въ своемъ ученіи понятіямъ либераловъ и раціоналистовъ чисто историческое пониманіе государства и права, пониманіе, для котораго законы должны являться только признаніемъ существующаго порядка вещей, а государство формою, порожденною естественнымъ образомъ внутреннею жизнію народа. Признавая заслуги исторической школы права, Грановскій понималъ, что дѣятельность Ганса, пробуждая въ слушателяхъ новыя требованія отъ жизни и науки *также полезна и имѣетъ значеніе, какъ и дѣятельность Савиньи.*

Ученіе Риттера, разсматривающее землю, какъ «храмину, устроенную Провидѣніемъ для воспитанія рода человѣческаго», оставило прочные слѣды въ понятіяхъ Грановскаго. Оно указывало могущественныя опредѣленія судьбы человѣка въ образованіи и взаимномъ отношеніи частей вселенной, въ формѣ и протяженіи материка и водяныхъ пространствъ, въ климатѣ, почвѣ и ея произведеніяхъ; но то же ученіе указывало: какъ человѣкъ, въ свою очередь, измѣняетъ условія природы, какъ одерживаетъ побѣду надъ ея силами и пользуется ими для собственныхъ своихъ

---

[1]) Письмо къ Фролову 20 іюня 1838 г. Вѣна.

цѣлей, какъ дѣятельность человѣка сокращаетъ пространство, измѣняетъ со временемъ климатъ и переселяетъ произведенія ея сообразно собственнымъ потребностямъ. Идеи Риттера о взаимодѣйствіи между природою и человѣкомъ положили основное начало для воззрѣній Грановскаго на отношенія природы и человѣка въ его исторической жизни: какъ ни многое приписывалъ онъ въ послѣдствіи въ судьбѣ и исторіи народовъ власти и вліянію природы и вообще естественныхъ условій, но въ этомъ отношеніи онъ никогда не доходилъ до одностороннихъ воззрѣній, которыя не признаютъ въ исторіи свободнаго творчества духа человѣческаго среди независимыхъ отъ него, данныхъ природою условій.

Слушая лекціи Ганса и Вердера, а также частные уроки послѣдняго въ логикѣ, Грановскій читалъ изслѣдованія нѣмецкихъ историковъ въ древней исторіи и съ увлеченіемъ слушалъ чтенія Ранке объ исторіи Французской революціи. О послѣднихъ онъ писалъ г. Григорьеву: «Я ничего подобнаго не читалъ объ этой эпохѣ. Ни Тьеръ, ни Минье не могутъ сравняться съ Ранке. У него такой простой, не натянутый, практическій взглядъ на вещи, что послѣ каждой лекціи я дивлюсь, какъ это мнѣ самому не пришло въ голову. Такъ естественно. Ранке безспорно самый геніальный изъ новыхъ нѣмецкихъ историковъ» [1]). Между тѣмъ мысль о своемъ курсѣ исторіи среднихъ вѣковъ не оставляла Грановскаго, хотя разнообразные труды изученія исторіи мѣшали ему ограничить свою дѣятельность приготовленіемъ этого курса, и онъ готовъ былъ обвинять себя въ лѣни: «Дѣла дѣлаю мало, за то затѣй разныхъ много, писалъ онъ Григорьеву» [2]).— «У насъ незнаютъ и сотой

[1]) Письмо къ г. Григорьеву отъ 3 февраля 1838 г.
[2]) Письмо къ Григорьеву 1 февраля н. с. 1838 г.

доли ученыхъ сокровищъ Германіи, читаемъ въ другомъ его письмѣ. Я, право, нахожусь въ томъ затруднительномъ положеніи, которое Французы называютъ l'embarras de richesses. Отъ избытка богатствъ не знаю за что взяться, и не берусь ни за что.... Я составилъ себѣ здѣсь порядочную историческую библіотеку, особливо для Среднихъ вѣковъ. Карманъ мой очень страдаетъ отъ этихъ покупокъ, но дѣлать нечего: хочу читать исторію Среднихъ вѣковъ на славу» [1]). Огромныя способности Грановскаго давали ему возможность справляться съ избыткомъ ученыхъ сокровищъ, въ которыхъ онъ черпалъ матеріалы для своей будущей дѣятельности, но среди такого труда онъ писалъ своему товарищу, что лѣнится, не принимается ни за что.

Дѣятельная, оживленная научными интересами, жизнь молодыхъ друзей, учившихся въ Берлинѣ, сообщала имъ счастливое, довольное настроеніе духа, воспріимчивое для разнообразныхъ впечатлѣній. Явленія общественной жизни современнаго европейскаго міра, литературныя новости, статьи журналовъ и газетъ, искусство, театръ, все бывало поводомъ живыхъ бесѣдъ, часто предметомъ споровъ и преній тѣснаго дружескаго кружка. Музыка и театръ были для друзей обычнымъ наслажденіемъ и отдыхомъ среди ихъ занятой жизни. Двѣ первыя пѣвицы тогдашней Берлинской оперы, Фассманъ и Лёве подавали друзьямъ поводъ къ сравненіямъ и разногласію, къ шуткамъ и остротамъ между противниками въ мнѣніяхъ о той или другой пѣвицѣ. Одушевленная драмматическая игра Лёве дѣлала Грановскаго защитникомъ ея противъ товарищей, которые предпочитали ей Фассманъ, находя въ послѣдней болѣе музыкальнаго искусства и образованія. Вопросъ объ отно-

---

[1]) Письмо къ Григорьеву отъ 21 февраля 1838 г.

шеніи музыки къ слову, о средствахъ и пріемахъ драмматической музыки живо занялъ вниманіе Грановскаго. Онъ нерѣдко бесѣдовалъ о немъ съ Невѣровымъ и даже въ теченіи нѣсколькихъ недѣль бралъ уроки музыки «не для того, чтобы играть, писалъ онъ сестрѣ, но чтобы лучше понимать дѣло» [1]). Прежнее довольство жизнію въ Берлинѣ снова возвратилось къ Грановскому. Вскорѣ после пріѣзда Станкевича въ Берлинъ Грановскій писалъ сестрѣ: «Les personnes qui viennent à Berlin sans y chercher autre chose que des plaisirs, peuvent bien ne pas se plaire dans cette ville; mais quand on veut travailler et jouir de la vie à la fois, on trouve ici son compte. Du moins je l'ai trouvé moi» [2]). Въ эту зиму Грановскій, прожившій въ Берлинѣ болѣе года очень уединенно, уже не избѣгалъ знакомствъ. Въ числѣ знакомыхъ ему нѣмецкихъ семействъ, посѣщалъ онъ семью банкира Мендельсона-Бартольди, въ домѣ котораго бывали великолѣпные концерты, и бывалъ у Freulein von Solmark, гдѣ собиралось литературное общество Берлина.

Въ концѣ зимы 1837 года тѣсный кружекъ русскихъ друзей, въ которомъ жилъ Грановскій, увеличился, когда въ Берлинъ пріѣхала семья Фроловыхъ. Семья состояла изъ мужа и жены. Елизавета Павловна Фролова отличалась тонкимъ проницательнымъ умомъ и вѣрнымъ тактомъ въ отношеніяхъ съ людьми. Всѣмъ окружавшимъ ее было легко и привольно возлѣ нея. Она угадывала и умѣла вызывать къ проявленію лучшія черты каждаго изъ людей, сближавшихся съ нею. Ея сообщество и бесѣда были оди-

---

[1]) Письмо къ сестрѣ 4 ноября 1837 г.

[2]) Людямъ, которые пріѣзжаютъ въ Берлинъ, не ища въ немъ ничего, кромѣ удовольствій, этотъ городъ можетъ очень не понравиться. Но кто хочетъ работать и вмѣстѣ наслаждаться жизнію, тотъ найдетъ здѣсь, что ему нужно. По крайнѣй мѣрѣ я это нашелъ.

наково привлекательны для людей свѣтскаго круга, для стариковъ и молодыхъ дѣвушекъ, для артистовъ, для литтераторовъ и ученыхъ. Грановскій и друзья его скоро сблизились съ Фроловыми и часто проводили вечера въ ихъ домѣ. Здѣсь, между многими посѣтителями, встрѣчали они Александра Гумбольта, извѣстную своими письмами къ Гёте Беттину Арнимъ, Варнгагена Фонъ Энзе, Ганса, а также временно посѣщавшихъ Берлинъ путешественниковъ, артистовъ и литтераторовъ. Привлекательнѣе всѣхъ посѣтителей была для Грановскаго и его друзей сама хозяйка. Въ бесѣдѣ съ нею ихъ рѣзкіе и односторонніе приговоры и сужденія, обыкновенно возникающіе въ тѣсномъ товарищескомъ кружкѣ, каково бы ни было достоинство составляющихъ его лицъ, во многомъ смягчались и измѣнялись подъ вліяніемъ благороднаго женственнаго ума. Недовѣрчивый къ себѣ Грановскій встрѣчалъ со стороны Фроловой ободреніе и совѣты больше вѣрить въ свои силы и въ достиженіе избранной имъ цѣли. Въ мужѣ Лизаветы Павловны, Н. Г. Фроловѣ, Грановскій узналъ человѣка твердыхъ и строгихъ нравственныхъ правилъ. Фроловъ, посвятившій въ послѣдствіи свою дѣятельность трудамъ и изданіямъ по естествовѣдѣнію, готовился тогда въ Берлинѣ къ своей будущей дѣятельности разнообразными занятіями и тогда уже дѣлился съ Грановскимъ планами литтературныхъ и ученыхъ предпріятій, которыя со временемъ намѣревался исполнить въ Россіи. Грановскій сохранилъ съ Фроловымъ крѣпкую дружескую связь до самой кончины послѣдняго. Онъ писалъ о Фроловыхъ сестрѣ своей: «Je mets le jour où je fis la connaissance de cette famille au nombre des jours les plus heureux et les plus influents de ma vie. Ne croyez pas que c'est une exagération. Tous mes amis, tous ceux que j'ai aimé, ont eu plus ou moins d'influence sur mon caractère, mais nulle influence

n'a été pour moi salutaire comme celle des Froloff. Ils m'ont donné plus de foi, plus de confiance, peut-être même plus d'amour pour mes prochains» [1]).

Весною Грановскій рѣшился выѣхать изъ Берлина, гдѣ провелъ около двухъ лѣтъ, чтобы сдѣлать путешествіе по Германіи и посѣтить Прагу. Кромѣ намѣренія осмотрѣть интересные для него библіотеки и архивы, видѣться съ разными учеными и профессорами, заняться изученіемъ славянскихъ языковъ, къ этому путешествію влекло его желаніе освѣжить свои внѣшнія впечатлѣнія, взглянуть на жизнь и дѣйствительность Германіи, «sich in die Wirklichkeit werfen», какъ писалъ онъ друзьямъ изъ Дрездена. Онъ оставилъ Берлинъ въ первой половинѣ апрѣля, но онъ такъ сжился съ друзьями, разлука съ ними была такъ тяжела ему, что уже въ Дрезденѣ имъ овладѣла тоска, и онъ признавался, въ письмѣ къ нимъ, что еслибъ не стыдно было, возвратился бы въ Берлинъ.

Дрезденъ представилъ Грановскому много интереснаго, когда разсѣялось чувство одиночества, испытанное имъ здѣсь въ первые дни. Онъ посѣщалъ Дрезденскую библіотеку, богатую манускриптами и разные музеи города. Онъ писалъ друзьямъ, что въ картинную галерею отправился со страхомъ и трепетомъ, стыдясь заранѣе своего безсмыслія; но тамъ онъ въ первый разъ отъ роду задумался надъ живописью, разбудилъ въ себѣ новое чувство и оставилъ ее болѣе довольный, чѣмъ ожидалъ. «Рафаелева

[1]) День, въ который я познакомился съ этою семьею считаю я въ числѣ самыхъ счастливыхъ и самыхъ вліятельныхъ дней моей жизни. Не думай, что въ этомъ есть преувеличеніе. Всѣ друзья мои, всѣ тѣ, кого я любилъ, имѣли болѣе или менѣе вліянія на мой характеръ, но никакое вліяніе не было такъ благотворно для меня какъ вліяніе Фроловыхъ. Они сообщили мнѣ болѣе вѣры, болѣе довѣренности, даже, можетъ быть, болѣе любви къ моимъ ближнимъ.

Мадонна, читаемъ въ его письмѣ, слишкомъ высока для моего разумѣнія, покрайнѣй мѣрѣ теперь. Я долго смотрѣлъ на нее, смотрѣлъ съ благоговѣніемъ, но думаю, что если бы мнѣ ее не указали, то я прошелъ бы мимо. И благоговѣніе, кажется, было внушено мнѣ не самою картиною, а тѣмъ, что я объ ней слышалъ и читалъ» [1]). Корреджіо былъ доступнѣе неопытнымъ глазамъ, казался понятнѣе. Тиціановъ Христосъ della Moneta произвелъ сильное впечатлѣніе на Грановскаго: «посмотрите внимательнѣе на это лице», писалъ онъ друзьямъ въ Берлинъ. Впечатлѣнія, испытанныя Грановскимъ, въ знаменитой картинной галереѣ, доказываютъ, что природѣ его не было чуждо пониманіе пластическаго искуства, хотя оно не было развито въ немъ и не имѣло повода развиться и въ послѣдствіи. По поводу библіотеки и картинной галереи, Грановскій съ негодованіемъ упоминаетъ въ письмѣ къ друзьямъ о тупомъ либерализмѣ депутатовъ Саксонскихъ камеръ, отказывавшихъ въ средствахъ, необходимыхъ для поддержки и сохраненія этихъ учрежденій. Нѣкоторые изъ нихъ требовали, чтобы картинная галерея была раздѣлена на части и разослана по всѣмъ городамъ Саксонскаго королевства «дабы вся Саксонія участвовала въ выгодахъ, которыми доселѣ пользовалась только столица». Грановскій усердно посѣщалъ Дрезденскій театръ и познакомился съ извѣстнымъ актеромъ Девріентомъ, въ которомъ нашелъ любезнаго и очень образованнаго человѣка. «Видѣлъ я также природу, писалъ Грановскій друзьямъ изъ Дрездена. Посмотрѣли другъ на друга молча. Здѣшняя природа не въ моемъ родѣ,—я люблю ужасное, а тутъ только пріятное». Въ

---

[1]) Письмо къ Н. В. Станкевичу и Я. М. Невѣрову. 16 апрѣля 1838. Дрезденъ.

этой шуткѣ была доля истины. Душѣ его долго были доступны только рѣзкія и величавыя черты природы. Красивые, мирные ландшафты Саксоніи не могли тогда казаться ему привлекательными.

Въ Дрезденѣ Грановскій провелъ двѣ недѣли. Знакомство съ Гульяновымъ, русскимъ ученымъ, труды котораго у насъ мало извѣстны, заставило его остаться здѣсь долѣе, чѣмъ онъ предполагалъ. Съ первой встрѣчи съ Гульяновымъ, онъ почувствовалъ уваженіе къ этому ученому, хотя замѣтилъ въ немъ нѣсколько мелкое самолюбіе, уваженіе къ чинамъ и странный мистицизмъ. Изслѣдованія Гульянова о египетскихъ древностяхъ, о египетскихъ преданіяхъ у Іудеевъ, о іероглифахъ находилъ Грановскій въ высокой степени любопытными и значительными. Замѣчательна довѣренность, которую внушалъ къ себѣ Грановскій осторожному и подозрительному ученому. Занятый трудами и планами, какихъ, по замѣчанію Грановскаго, достало бы на жизнь десяти трудолюбивыхъ ученыхъ, Гульяновъ, уже сильно разстроенный физически, мучился мыслію, что матеріалы, собранные для его сочиненій, погибнутъ послѣ его смерти, что никто не съумѣетъ привести ихъ въ порядокъ; тѣмъ не менѣе онъ не показывалъ никому своихъ бумагъ, опасаясь присвоеній его трудовъ, а Грановскому онъ охотно позволялъ читать ихъ, дѣлать выписки и брать изъ нихъ на домъ, что̀ захочетъ. Послѣдній проводилъ много часовъ въ бесѣдахъ съ Гульяновымъ, разговоры котораго вполнѣ походили на лекціи. Изъ трудовъ и бесѣдъ съ Гульяновымъ Грановскому уяснились спорные пункты и результаты изслѣдованій о іероглифахъ. Еще болѣе, чѣмъ изслѣдованія египетскихъ древностей занимали Грановскаго идеи Гульянова о физіологіи языковъ и его общая грамматика, части которой уже были подготовлены

ученымъ. Гульяновъ уже до того былъ занятъ своими мистическими идеями, что трудно было надѣяться на исполненіе начатыхъ имъ трудовъ. «Онъ немолодъ и боленъ, писалъ Грановскій о немъ Григорьеву. Очень можетъ быть, что все это умретъ съ нимъ. Я увѣренъ, что надъ многими его идеями станутъ смѣяться, и въ самомъ дѣлѣ онѣ смѣшны, но между ними есть такія, которыя не во всякую голову влѣзутъ» [1]).

Выѣхавъ изъ Дрездена въ Прагу, Грановскій самъ былъ нѣсколько изумленъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на него прекрасною мѣстностію по дорогѣ. «Наконецъ, я также наслаждался природою, писалъ онъ изъ Праги. Безъ шутокъ, мнѣ чрезвычайно понравились окрестности Теплица и Праги». Однакоже съ самаго переѣзда чрезъ австрійскую границу онъ не могъ освободиться отъ овладѣвшаго имъ тяжелаго чувства: видъ австрійскихъ чиновниковъ, ихъ взятки съ путешественниковъ, ихъ ястребиный взглядъ, и, какъ выразился Грановскій въ письмѣ къ друзьямъ, ихъ собачья вѣжливость послѣ полученія денегъ, все вселяло ему глубокое отвращеніе. Онъ вспомнилъ Пруссію, и уваженіе къ ней еще выросло въ немъ, а разсказы объ австрійскомъ управленіи, которыхъ онъ наслушался въ Прагѣ, заставили его воскликнуть: слава Богу, что я Русскій!

Въ Прагѣ Грановскій познакомился со всѣми современными знаменитостями Богемской литературы и съ нѣкоторыми изъ молодыхъ литтераторовъ. Еще незнакомый лично съ Шафарикомъ, онъ былъ проникнутъ глубокимъ къ нему уваженіемъ вслѣдствіе всего, что зналъ о немъ. «Я незнаю, чему дивиться болѣе въ Шафарикѣ, писалъ онъ, его великой учености или его великому характеру. Онъ не просто

---

[1]) Письмо къ Григорьеву 28 апрѣля 1838. Прага.

бѣдный человѣкъ, а буквально незнаетъ сегодня, что завтра будетъ ѣсть. Мы удивляемся самоотверженію, съ какимъ Нѣмцы отдаются наукѣ, но у Шафарика это еще удивительнѣе, потому что его, кромѣ бѣдности, давятъ тысячи другихъ обстоятельствъ, которыхъ въ Германіи нѣтъ. И при всемъ томъ онъ спокоенъ и твердъ» [1]). Познакомившись съ чешскими литераторами и учеными, съ Юнгманомъ, Палацкимъ и Челяковскимъ, Грановскій въ письмѣ къ Станкевичу, подшучиваетъ надъ тѣмъ, что другъ его, бывши въ Прагѣ, нашелъ слишкомъ односторонними ихъ мѣстный патріотизмъ и ихъ понятія. Послѣ остротъ надъ сужденіями Станкевича о чешскихъ литтераторахъ Грановскій писалъ: «Безъ шутокъ, душа моя, ты очень абстрактно посмотрѣлъ на этихъ людей и не отдалъ имъ справедливости. Можно несоглашаться съ ними, находить ихъ идеи неисполнимыми и преувеличенными, и въ этомъ я съ тобою согласенъ. Но вмѣнять имъ ихъ убѣжденія въ недостатокъ, въ односторонность—несправедливо. Меня заставили прочесть книгу Коллара [2])—и мнѣ кажется, что, несмотря на болтовню, которой въ ней много, она содержитъ много истиннаго и важнаго для насъ. Выходки противъ философіи очень простительны. У Шафарика я провелъ цѣлый вечеръ. Говорили о разныхъ вещахъ, о политикѣ, литтературѣ, теперешнемъ раздробленіи мыслей въ Германіи, и во всемъ онъ показалъ и знаніе дѣла и глубокое участіе ко всему человѣческому. Ему позволено читать только то, что въ его Fach входитъ, потому что этотъ Fach очень широкъ. Мнѣ въ душѣ стало досадно на тебя, Станкевичъ. Зачѣмъ не оцѣнилъ ты по достоинству этого человѣка. Отъ

---

[1]) Письмо къ Станкевичу и Неверову. 27 апрѣля 1838 г. Прага.

[2]) Здѣсь говорится о книгѣ Коллара: «Ueber die literarische Wechselseitigkeit», о которой неодобрительно отзывался Станкевичъ.

другаго это могло статься и не огорчило бы меня; но ты, именно ты долженъ былъ понять этотъ святой характеръ. Я сказалъ ему откровенно, что, по моему мнѣнію, Лео правъ (рѣчь шла о Лео), называя Романо-германскія племена главными дѣятелями въ Средней и Новой исторіи и что всемірное значеніе получили Славяне только недавно, когда Россія вошла въ Европу. Поспорили. Но это преувеличеніе такъ понятно, такъ необходимо въ людяхъ, которые съ такимъ самоотверженіемъ служатъ избранному дѣлу. Къ концу нашего разговора Шафарикъ сказалъ, что ему грустно смотрѣть на теперешнюю Европу, полную безплодныхъ волненій, полуразорванную внутренними раздорами и что онъ не предвидитъ скораго исхода.—«А развѣ этотъ скорый исходъ такъ необходимъ; что онъ придетъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; что за бѣда, если мы его не увидимъ».— Ja, aber man möchte doch die schöne Zeit selbst erleben, былъ отвѣтъ. И это было сказано такъ просто, такъ простосердечно, что я вдвое полюбилъ его» [1]). Послѣ бесѣдъ съ Шафарикомъ Грановскій писалъ Григорьеву: «Но при всемъ моемъ уваженіи къ его огромнымъ свѣдѣніямъ, я не могу согласиться, что Славяне не менѣе Нѣмцевъ участвовали во всемірной исторіи. Мнѣ кажется, что намъ принадлежитъ будущее, а отъ прошедшаго мы должны отказаться въ пользу другихъ. Мы не въ убыткѣ при этомъ раздѣлѣ. Какъ ни говори, а все таки исторія Германцевъ теперь важнѣе Славянской, въ связи съ всеобщею. Черезъ два, три столѣтія—другое дѣло» [2]). Между молодыми чешскими литтераторами Грановскій встрѣтилъ характеры и самоотверженіе, внушавшіе ему благоговѣніе. Особенную

---

[1]) Письмо къ Станкевичу 29 н. с. апрѣля 1838 Прага.
[2]) Письмо къ Григорьеву 28 н. с. апрѣля 1838. Прага.

симпатію внушилъ ему двадцатипятилѣтній Шторхъ, отличный знатокъ исторіи Богеміи. Шторхъ сопровождалъ его при осмотрѣ Праги и ея окрестностей. «Прагу исходилъ вдоль и поперекъ, писалъ Грановскій; чудный городъ. Почти съ каждымъ домомъ соединено историческое воспоминаніе..... Я гуляя узналъ исторію Праги, которую одинъ мой знакомый называетъ historia aedificata» [1]). Въ Прагѣ Грановскій познакомился еще съ докторомъ Саксомъ, къ которому имѣлъ письмо отъ Вердера. Ученый Саксъ много занимался философіей и былъ проповѣдникомъ при обществѣ der reformirten Juden. Грановскій, умѣвшій по достоинству цѣнить благородныя стремленія чешскихъ ученыхъ и литтераторовъ, хотя и находилъ, что многіе изъ нихъ «ужь слишкомъ славянствуютъ», писалъ своимъ друзьямъ о новомъ знакомомъ: «Саксъ молодой, очень умный и образованный человѣкъ..... Объ Австріи говорилъ отлично умно, но какъ Нѣмецъ не понимаетъ важности Славянскаго элемента и—презираетъ его» [2]). Односторонность Нѣмцевъ и Славянъ были одинаково понятны Грановскому, хотя за послѣднею онъ признавалъ болѣе правъ существованія или по крайнѣй мѣрѣ болѣе причинъ. Грановскій нашелъ въ Прагѣ нѣсколько русскихъ молодыхъ людей, занимавшихся исторіею Славянъ или готовившихся къ каѳедрамъ славянскихъ нарѣчій. Между ними были I. М. Бодянскій и Иванишевъ, собиравшійся издавать памятники славянскаго законодательства. «Онъ вовсе не энтузіастъ и не славянофилъ, писалъ Грановскій о послѣднемъ, но увѣрялъ меня, что древнее славянское право несравненно выше современнаго ему Нѣмецкаго, по строгой системѣ и духу свободы,

---

[1]) Письмо къ Станкевичу и Невѣрову 4 мая. Прага.

[2]) Письмо къ Станкевичу и Невѣрову 1 мая. Прага.

которымъ оно проникнуто. Въ самомъ дѣлѣ, сколько я теперь знаю, Чехи XIII и XIV вѣка были гораздо образованнѣе въ конституціонномъ смыслѣ всѣхъ тогдашнихъ Нѣмцевъ» [1]).

Грановскій началъ въ Прагѣ учиться Чешскому языку. Учителемъ его былъ очень умный Чехъ, хотя по наружности онъ нашелъ въ немъ «Готтентотскаго Апполона». Занятіе это онъ продолжалъ и въ Вѣнѣ, куда уѣхалъ изъ Праги. «Богемскимъ языкомъ, писалъ онъ оттуда [2]), занимаюсь очень усердно и довольно оригинально: я началъ съ самаго древняго памятника языка, съ Краледворской рукописи, потомъ прочту двѣ, три хроники позднѣйшаго времени и кончу стихотвореніями Коллара. Такимъ образомъ я познакомлюсь съ исторіею языка,—для руководства читаю Дубровскаго грамматику и Исторію Богемской литтературы. Легко, но пользы будетъ менѣе, чѣмъ я думалъ. Литтература Чеховъ очень бѣдна. Скоро стану учиться по Сербски. У этихъ по крайней мѣрѣ богатое собраніе историческихъ пѣсенъ».

Грановскій провелъ около трехъ недѣль въ Прагѣ. Положеніе, страданія и интересы Славянъ вызвали полное его сочувствіе. «Что будетъ изъ южныхъ Славянъ — Богъ вѣсть, писалъ онъ друзьямъ изъ Праги. Но что въ нихъ шевелится новая жизнь, что у нихъ есть новыя потребности, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Открытѣе другихъ высказываютъ это Сербы. Здѣсь былъ одинъ сербскій литтераторъ, личный пріятель князя Милоша и съ европейскимъ образованіемъ: онъ сказывалъ, что между простымъ народомъ у нихъ только и рѣчи, что о томъ какъ бы идти на Царь-

[1]) Письмо къ Станкевичу и Неврову 4 мая. Прага.

[2]) Письмо къ нимъ же, 20 мая. Вѣна.

градъ, расплатиться тамъ съ Турками за все прежнее. Не забудьте, что это маленькій народъ и что они за 25 лѣтъ еще были рабами Турковъ. Сербы очень привязаны къ Россіи, единственной землѣ, гдѣ Славянинъ дышетъ свободно. Свободу они понимаютъ по своему. Какой-то Нѣмецъ сказалъ тому же сербскому литератору, что въ Россіи есть рабство, неизвѣстное прочей Европѣ. «Славянская натура крѣпка, стерпитъ все; мнѣ легче быть рабомъ Славянина, чѣмъ подчиненнымъ Нѣмца». Венгерскіе Славяне высказываютъ это еще рѣзче и смѣлѣе. Тамошніе Сербы въ польскую войну буквально рѣзались на ножахъ съ природными Венграми, которые ненавидятъ Русскихъ и держали сторону Поляковъ. Про Поляковъ говорятъ здѣсь, что они своею революціею «надѣлали бѣды себѣ и всему Славянству». — Въ Грановскомъ родилось желаніе написать статью о положеніи Славянскихъ племенъ, чтобы высказать все видѣнное, слышанное и передуманное имъ объ этомъ предметѣ въ Прагѣ, но онъ сомнѣвался въ возможности напечатать такую статью въ Россіи [1]).

Около половины мая Грановскій прибылъ изъ Праги въ Вѣну. Тяжелое впечатлѣніе, овладѣвшее имъ въ границахъ Австріи, еще усилилось въ ея блестящей столицѣ. Здѣсь его поражало невѣжество вмѣстѣ съ высокимъ мнѣніемъ о своемъ достоинствѣ, лѣнь и полное отсутствіе об-

---

[1]) Грановскій писалъ въ Берлинъ къ Фролову о задуманной статьѣ, но письмо его не уцѣлѣло. Мы знаемъ о немъ только изъ сохранившагося между бумагами Грановскаго отвѣта Фролова (отъ 27 мая 1838 г.). «Отчего сомнѣваетесь вы, писалъ ему послѣдній, въ возможности порусски напечатать собранныя вами замѣчанія? Статья въ иностранномъ журналѣ скажетъ только объ несправедливости общаго мнѣнія или недальновидности его, и это, разумѣется, хорошо; но на нашу землю принести какую нибудь здравую мысль или искреннее чувство значитъ бросить зерно, вызвать дѣятельность и жизнь», и т. д.

щественныхъ и политическихъ интересовъ. Все вокругъ него тѣшилось ѣдою и питьемъ, увеселялось отличными туалетами, балетами, зрѣлищами и музыкой. Въ кофейныхъ читались только театральныя рецензіи, а политическія газеты лежали никѣмъ не тронутыя. Вѣнскій Университетъ, за исключеніемъ медицинскаго факультета, Грановскій нашелъ въ жалкомъ положеніи, а студентовъ спящими на лекціяхъ. Ханжество и суевѣріе черни возмущали душу его. Въ немъ поднималась потребность откровеннаго слова противъ католичества «этой изношенной формы». «Только дай Богъ до каѳедры добраться», писалъ онъ друзьямъ. Осмотрѣвшись вокругъ себя онъ почувствовалъ страстное стремленіе возвратиться въ Берлинъ. «Больно смотрѣть на старика, который проѣлъ и проспалъ жизнь, писалъ онъ послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ столицѣ Австріи, а здѣсь вы видите цѣлый народъ, 30 милліоновъ человѣкъ въ такомъ положеніи. Еще хуже: эти несчастные проѣдаютъ нетолько свою, но и чужую жизнь -- жизнь дѣтей и внуковъ. Народъ Бригадиръ. Какъ можно сравнить Россію! У насъ свѣжій, бодрый народъ. Еще въ Прагѣ сказалъ мнѣ одинъ умный человѣкъ: man hat uns sensualisirt; wir sind verloren für höheres Leben. Здѣсь это видишь своими глазами. Всѣ другіе интересы, кромѣ матеріальныхъ, исчезли изъ жизни»[1]). Среди суетливой, пустой и блестящей жизни, окружавшей Грановскаго въ Вѣнѣ онъ сильнѣе почувствовалъ въ себѣ потребность дѣятельности, и дѣятельности не книжной или отвлеченной, но практической и ставящей его лицемъ къ лицу съ живыми людьми. «Если бы мнѣ надобно было долго здѣсь жить, то на меня нашла бы постоянная грусть,

---

[1]) Насъ пріучили къ чувственности; мы погибли для высшей жизни.—Письмо къ Станкевичу и Невѣрову 20 мая 1838. Вѣна.

читаемъ въ томъ же письмѣ его къ друзьямъ. Я уѣхалъ бы въ Москву съ радостію. Мнѣ хочется работать, но такъ, чтобы результатъ моей работы былъ въ ту же минуту полезенъ другимъ. Пока я внѣ Россіи—этого нельзя сдѣлать. Мнѣ кажется, что могу дѣйствовать при настоящихъ моихъ силахъ, и дѣйствовать именно словомъ. Что такое даръ слова? краснорѣчіе? У меня есть оно, потому что у меня есть теплая душа и убѣжденія. Я увѣренъ, что меня будутъ слушать студенты. У меня еще нѣтъ свѣдѣній, нужныхъ для историка въ настоящемъ смыслѣ; я еще не знаю исторіи, но мнѣ кажется, что понимаю и чувствую ее».

Грановскій привезъ съ собою нѣсколько рекомендательныхъ писемъ, доставившихъ ему разнообразныя знакомства въ Вѣнскомъ обществѣ. У оріенталиста барона Гаммера встрѣчалъ онъ почти всѣхъ замѣчательныхъ литтераторовъ и ученыхъ Вѣны. Въ домѣ богатаго банкира Вальтера ознакомился онъ съ лицами высшаго вѣнскаго круга, невѣжество котораго наводило на него ужасъ. Однажды за обѣдомъ у Вальтера, на которомъ были все люди съ титулами и прекрасно говорившіе по французки, гости пришли въ совершенное недоумѣніе на счетъ вопроса, въ какомъ году началась французская революція. «Мнѣ стало страшно, писалъ Грановскій Фролову, при мысли о подобныхъ обѣдахъ, которые предстоятъ мнѣ въ Москвѣ. Я молчалъ во все время: у меня душа сжалась, слушая какъ эти несчастные ломали святыя имена и событія. Хуже, чѣмъ въ Россіи. Это не невѣжественная вражда русскаго помѣщика, а какое-то холодное, безчувственное презрѣніе ко всему благородному; совершенное отсутствіе нравственныхъ интересовъ». На обѣдѣ былъ одинъ русскій графъ. Грановскій нашелъ, что онъ совершенно годится въ Австрійцы. «Вообще эти земляки, замѣчалъ онъ кстати въ томъ же

письмѣ, распространяютъ самыя нелѣпыя понятія объ Россіи; напримѣръ, одна русская аристократка увѣрила M-me Вальтеръ, что наши крестьяне очень счастливы и не чувствуютъ никакого желанія другой участи [1]). Мнѣ стало досадно слушая это; я заспорилъ, разгорячился и, кажется, разыгралъ пресмѣшную роль. Съ тѣхъ поръ я сталъ осторожнѣе». Негодованіе Грановскаго на разсказы соотечественницы, передаваемые устами хозяйки дома, вызвало при этомъ случаѣ съ его стороны такое горячее возраженіе и столь сильную рѣчь, что всѣ гости M-me Вальтеръ, прекративъ общіе разговоры, сдѣлались внимательными его слушателями. Защитникъ русскаго народа въ вѣнскомъ салонѣ, только опомнившись отъ овладѣвшаго имъ волненія, замѣтилъ совершенную тишину, воцарившуюся вокругъ него. Семейство Вальтера Грановскій посѣщалъ очень часто. Кромѣ художниковъ и иностранцевъ, которыхъ онъ встрѣчалъ тамъ, его привлекала туда бесѣда M-me Вальтеръ и двухъ ея дочерей, очень образованныхъ и любезныхъ. Между своими знакомыми въ Вѣнѣ Грановскій упоминаетъ въ письмахъ о M-me Бреде, актриссѣ вѣнскаго театра, о поэтѣ Цейдлицѣ и о баденскомъ посланникѣ, генералѣ Теттенборнѣ. Бесѣды съ Бреде, уже немолодой, образованной артисткой, которая была другомъ извѣстной Рахель (жены Варнгагена фонъ Энзе), были очень занимательны для Грановскаго. Онъ слышалъ отъ нея разсказы о нѣмецкихъ артистахъ и ученыхъ, которыхъ она знавала лично и между прочимъ о Шеллингѣ и Гегелѣ. Однажды онъ засталъ Бреде за чтеніемъ Философіи исторіи Гегеля и признавался друзьямъ, что готовъ былъ стать передъ ней на колѣни [2]). Грановскій всегда радовался, даже, каза-

[1]) Здѣсь рѣчь шла о крѣпостныхъ крестьянахъ въ Россіи.

[2]) Письмо къ Станкевичу и Невѣрову 26 мая. Вѣна.

лось, дѣлался счастливымъ, встрѣчая въ женщинѣ серьезные умственные интересы. Вообще женщины въ Вѣнѣ казались ему образованнѣе и занимательнѣе мущинъ. «Моя застѣнчивость какъ-то пропала на этотъ разъ, писалъ онъ друзьямъ; можетъ быть отъ того, что съ здѣшними дамами легко говорить. Разговоръ самъ льется. Въ Россіи мнѣ случалось ломать голову, выискивая предметъ разговора: здѣсь этого не нужно» [1]).—Теттенборнъ, бодрый, семидесятилѣтній старикъ, въ которомъ сохранилось что-то рыцарское, очень нравился Грановскому. Онъ командовалъ русскими казаками во время войнъ 1812—1814 годовъ и занималъ Грановскаго своими воинственными воспоминаніями. Театры и концерты, составлявшіе тогда главный интересъ гражданъ Вѣны, не были забыты Грановскимъ. Особенно часто посѣщалъ онъ Burg-Theater (haute comedie и трагедія). Въ Вѣнѣ онъ въ первый разъ былъ вполнѣ доволенъ представленіями піэсъ Шекспира, въ которыхъ первыя роли исполнялъ Аншюцъ. Шекспиръ на сценахъ Берлина и Дрездена, гдѣ хорошіе артисты находились только для главныхъ ролей, оставлялъ въ Грановскомъ неудовлетворительное впечатлѣніе. Вѣна имѣла тогда блестящую итальянскую оперу. Грановскій, наслышавшійся о пламенной игрѣ Итальянцевъ былъ непріятно изумленъ, не замѣчая ея въ пѣвцахъ оперы; но голоса ихъ поразили его. «Я въ первый разъ понялъ всю прелесть, все могущество человѣческаго голоса», писалъ онъ, говоря о тенорѣ Поджи. Пѣніе Итальянцевъ примирило его съ ихъ игрою, а ихъ лица пробуждали въ немъ думы, несовсѣмъ обычныя у меломановъ. «Глядя на эти лица, писалъ онъ, все еще думаешь, что Италія можетъ воскреснуть. Это идеалы мужественной красоты»,

[1]) Письмо къ нимъ же. 12 іюня, Вѣна,

«Не думайте однако, что я ничего не дѣлаю, писалъ Грановскій, отдавая отчетъ друзьямъ о жизни своей въ Вѣнѣ. Напротивъ, я очень доволенъ собою, встаю въ шесть часовъ и работаю отъ семи до двухъ. За то послѣ обѣда ничего не дѣлаю. Я прочелъ здѣсь очень много...» Онъ продолжалъ заниматься славянскими языками; рвеніе его къ этому изученію однако же значительно ослабѣло, когда онъ замѣтилъ, что обманулся въ ожиданіи большой пользы отъ нихъ для своихъ историческихъ занятій. «Они могутъ быть полезны для филологическихъ изслѣдованій, писалъ онъ о славянскихъ языкахъ, а слѣдовательно и для исторіи, но я совсѣмъ другаго ищу въ этой наукѣ. Меня почти исключительно занимаетъ развитіе политическихъ формъ и учрежденій. Это одностороннее направленіе, но я не могу изъ него вырваться. Литтературы нѣтъ ни у Чеховъ, ни у Сербовъ; историческихъ источниковъ также. Все это истреблено, а новое im Werden» [1]. Говоря о томъ же въ письмѣ къ Григорьеву, онъ прибавляетъ: «Филологической догадливости у меня нѣтъ ни на грошъ. Я скоро учусь языкамъ, потому что у меня хорошая память для словъ, но не люблю этой работы» [2]. Собственно историческимъ занятіемъ Грановскаго въ Вѣнѣ было изученіе исторіи Испаніи. «Болѣе всего меня занимаетъ пока исторія Испаніи, писалъ онъ Фролову; я много перечиталъ и любопытство мое усилилось. У этого народа были въ 14 вѣкѣ конституціонныя формы и понятія о свободѣ, до какихъ дай Богъ Нѣмцамъ дойти черезъ сто лѣтъ. Предметомъ для моей диссертаціи я выбралъ: объ образованіи и упадкѣ вольныхъ городскихъ общинъ въ среднихъ вѣкахъ. Надѣюсь, что мнѣ позволятъ.

---

[1]) Письмо къ Станкевичу и Невѣрову, 12 іюня, Вѣна,

[2]) Письмо къ Григорьеву. 10 іюня, Вѣна,

Въ цѣлой исторіи среднихъ вѣковъ нѣтъ явленія болѣе важнаго и утѣшительнаго, и горькаго, когда хотите» [1]). Живя и учась въ Вѣнѣ, Грановскій часто порывался душею въ Москву, къ каѳедрѣ. Онъ чувствовалъ, что собраннымъ имъ матеріаламъ и пріобрѣтеннымъ познаніямъ недоставало еще общей связи и внутренняго единства, но былъ увѣренъ, что въ годъ чтенія лекцій онъ приведетъ все въ порядокъ.

Ни знакомства, ни развлеченія и зрѣлища, ни труды не избавляли въ Вѣнѣ Грановскаго отъ тяжкаго чувства. «Вы видите, что мнѣ здѣсь весело, писалъ онъ друзьямъ въ іюнѣ, и при всемъ томъ я едва ли доживу здѣсь до августа. Тяжелый воздухъ для меня». «Скучать мнѣ здѣсь некогда, пишетъ онъ Фролову, но хандра находитъ на меня чаще, чѣмъ гдѣ либо». Онъ признавался, что въ Вѣнѣ ему бывало совѣстно находить удовольствіе въ театрѣ, заниматься этою вымышленною жизнію, когда вокругъ него дѣйствительная жизнь такъ ничтожна и жалка. «Впрочемъ, мнѣ 25 лѣтъ, прибавлялъ онъ, оправдываясь передъ самимъ собою; надѣюсь, что года черезъ два я буду лучше. А все таки стыдно, я упалъ въ собственномъ мнѣніи немного. Если бы кто нибудь прежде описалъ Вѣну какъ она есть, и сказалъ, что мнѣ будетъ весело, то я никакъ не повѣрилъ бы этому. Однакоже я работаю, и работаю довольно много...» [2]).

Въ концѣ іюля Грановскій рѣшился покинуть Вѣну: его тянуло въ Берлинъ. Притомъ, искупавшись въ Дунаѣ, онъ простудился и еще разъ испыталъ припадки холеры. Здоровье его вообще было очень разстроено и требовало серь-

---

[1]) Письмо къ Фролову, 20 іюня, Вѣна.
[2]) Письмо къ Фролову, 20 іюня, Вѣна.

езнаго леченія. «Плохо приходитъ, писалъ онъ друзьямъ отъ 24 іюля. Боролся съ природою, сколько могъ, но дѣлать нечего, должно уступить. Грудь и желудокъ равно разстроены». Онъ выѣхалъ изъ Вѣны на Регенсбургъ и Нюренбергъ въ Мангеймъ, а оттуда по Рейну въ Ахенъ, гдѣ тогда находился Станкевичъ. Въ августѣ Грановскій прибылъ въ Кельнъ и провелъ нѣсколько дней съ Станкевичемъ, который встрѣтилъ его здѣсь и проводилъ до Бонна на пути въ Берлинъ. Оставивъ за собой удушливую для него сферу Вѣны, больной Грановскій испытывалъ вполнѣ для него новыя впечатлѣнія въ прогулкѣ по Рейну. Однажды, смотря съ какой-то горы на рѣку и окрестности, онъ заплакалъ отъ волненія овладѣвшаго имъ; съ этой минуты, какъ разсказывалъ самъ Грановскій, въ немъ пробудилась живая воспріимчивость къ впечатлѣніямъ природы, какой прежде онъ не замѣчалъ въ себѣ. Онъ возвратился въ Берлинъ во второй половинѣ августа и поселился здѣсь въ томъ же домѣ, гдѣ жилъ и Вердеръ. Въ концѣ сентября прибылъ въ Берлинъ, послѣ путешествія по Бельгіи, и Станкевичъ вмѣстѣ съ Невѣровымъ. Фроловы также рѣшились провести тамъ зиму. Кружекъ друзей, разлучившихся весною былъ опять въ сборѣ. Это случилось не совсѣмъ ожиданно для нихъ самихъ: оставляя Берлинъ весною, они не были увѣрены, что съѣдутся снова тамъ. Грановскій еще не зналъ тогда, получитъ ли отъ министра разрѣшеніе продлить срокъ своего пребыванія за границей. Фроловъ и Невѣровъ намѣревались возратиться на зиму въ Россію, а Станкевичъ, по совѣту врачей, сбирался зимовать въ Италіи. Однакоже Берлинъ, совмѣщавшій въ себѣ богатыя средства для цѣлей каждаго изъ нихъ и воспоминанія о счастливо прожитыхъ въ немъ дняхъ, имѣли для всѣхъ такую привлекательную силу, что всѣ они нашли возмож-

ность снова собраться здѣсь. Осенью и зимою 1838—39 года возвратились для дружескаго кружка тѣ же труды, тѣ же бесѣды и развлеченія, среди которыхъ прошла для нихъ и предшествующая зима. Грановскій въ это время уже почти не посѣщалъ университетскихъ лекцій; всѣ, которыя онъ находилъ нужными для себя, онъ выслушалъ уже въ прежніе семестры. Онъ трудился дома. Планы его будущей профессорской дѣятельности принимали тѣ преувеличенные размѣры, которые бываютъ плодомъ сильныхъ стремленій къ еще неиспытанной, практической дѣятельности. Передъ новымъ годомъ онъ писалъ Григорьеву: «Что-то со мною будетъ въ этомъ году? Во всякомъ случаѣ онъ долженъ рѣшить мою участь и опредѣлить всю мою дѣятельность. Я много думаю о моемъ профессорствѣ, потому что съ этимъ мѣстомъ связаны всѣ мои планы и надежды. Мнѣ надоѣло бездѣйствіе. Положимъ, что я не теряю времени здѣсь, что свѣдѣнія мои увеличиваются съ каждымъ днемъ, но работать только для себя скучно, мнѣ нужна живая дѣятельность. Я увѣренъ, что годъ профессорства меня далѣе подвинетъ въ наукѣ, чѣмъ три года кабинетной работы. Плановъ у меня много: между прочимъ я хочу ежегодно читать, кромѣ средней и новой исторіи, исторію какого нибудь европейскаго государства, — разумѣется, для охотниковъ. Если останется время, то я открою курсъ всеобщей исторіи для студентовъ, не принадлежащихъ къ факультету. Въ первомъ году мнѣ едва ли удастся исполнить это, но во второмъ навѣрно. Писать не хочется пока. Матеріалы диссертаціи накопляются, но диссертаціи еще не начинаю писать» [1]). Грановскій всегда медлилъ, когда ему предстоялъ письменный трудъ. Ему нужна была живая дѣятельность,

---

1) Письмо къ Григорьеву 29 декабря 1838, Берлинъ.

и живое слово и наличные слушатели оставались для него всегда главными ея условіями. Въ другомъ письмѣ къ Григорьеву (18 января н. ст.) читаемъ: «Я все работаю надъ моей диссертаціей о городахъ: матеріаловъ много, особливо для Германія, но справиться съ ними трудно. Такая работа требуетъ годовъ, а не мѣсяцевъ. Впрочемъ, я не теряю отваги и приготовлю для диссертаціи хотя отрывокъ. Остальное послѣ. Я теперь сталъ совершенно юристомъ: читаю юридическія изслѣдованія о городскихъ правахъ, старые акты, грамоты и пр.». Вмѣстѣ съ Н. В. Станкевичемъ Грановскій продолжалъ слушать уроки логики Вердера. Эти занятія и бесѣды о философіи съ Станкевичемъ, уяснивъ во многомъ воззрѣнія Грановскаго и разсѣявъ его сомнѣнія, укрѣпили его нравственно, а дружеское участіе Е. П. Фроловой пробуждало въ немъ довѣренность къ собственнымъ силамъ. Въ письмѣ его изъ Берлина къ двоюродной сестрѣ (8 декабря 1838 года) читаемъ: «J'ai rencontré ici des hommes, dont l'influence sur moi a été grande et salutaire, sans lesquels je ne sais ce que je serais devenu; car c'est à eux que je dois les bases nouvelles de mon existence, ma foi en l'avenir, en Dieu, en mes propres forces, qui était fort chancelante à l'époque de mon arrivée ici» [1]).

Срокъ, назначенный для возвращенія Грановскаго въ Россію, уже приближался, а было много причинъ, по которымъ это возвращеніе должно было возбуждать въ немъ нерадостное раздумье. Состояніе его здоровья давно все-

---

[1]) Я встрѣтилъ здѣсь людей, вліяніе которыхъ на меня было велико и благотворно, безъ которыхъ незнаю что̀ бы изъ меня вышло; потому что имъ обязанъ я новыми основами моего существованія, вѣрой въ будущность, въ Бога, въ мои собственныя силы, которая во время моего прибытія сюда была очень шатка.

ляло опасеніе въ друзьяхъ его, а онъ, по своему обыкновенію, не обращалъ на него особеннаго вниманія. Къ веснѣ 1839 года болѣзнь уложила его въ постель, которой онъ не могъ покинуть въ продолженіи почти двухъ мѣсяцевъ. Врачи опасались въ немъ развитія чахотки и требовали для него полнаго отдыха отъ занятій; они предсказывали ему невозможность, при состояніи его груди, читать лекціи. Предстоящая необходимость разлучиться съ друзьями была очень тяжела для него. Кромѣ того, онъ незналъ какъ расплатиться съ долгами, сдѣланными въ Берлинѣ [1]) и, напрасно ожидая помощи отъ отца, получалъ извѣстія изъ Россіи, которыя заставляли его думать, что продажа отцовскаго имѣнія неизбѣжна. Въ письмѣ къ сестрамъ онъ просилъ только о томъ, чтобы отъ этой продажи спасли его старую няню и слугъ, если бы это даже стоило потери всего, что могло у нихъ остаться [2]). Еще въ январѣ, говоря сестрамъ о своемъ желаніи свидѣться съ ними, онъ писалъ: «Pour le reste de ce qui m'attend dans ma patrie, j'ai plus d'appréhensions que d'espérances. Je ne sais si mon service ira bien, je ne sais comment je finirai des affaires fort graves pour moi,—en un mot, j'ai devant moi un avenir plus qu'incertain.... Si Dieu bénit le commencement de ma carrière (je parle de mon service) j'espère rendre quelques services à mon pays. Du moins j'ai la volonté de bien faire» [3]).

---

[1]) Изъ переписки Грановскаго видно, что для этого ему нужно было 2000 рублей ассигнаціями.

[2]) Письмо къ сестрамъ, 10 іюня, 1839. Зальцбруннъ.

[3]) Относительно всего прочаго, что ожидаетъ меня въ отечествѣ, у меня болѣе опасеній, чѣмъ надеждъ. Я не знаю хорошо ли пойдетъ моя служба, не знаю какъ я покончу очень важныя для меня дѣла,—словомъ, предо мною болѣе, чѣмъ невѣрное будущее.... Если Богъ благословитъ начало моей карьеры (я говорю о своей службѣ), я надѣюсь оказать нѣкоторыя услуги моему отечеству. По крайней мѣрѣ

Кромѣ всѣхъ другихъ опасеній и заботъ, на душѣ Грановскаго лежало тяжелымъ бременемъ его отношеніе къ Е. П. В—ой. Три года прошло со времени ихъ разлуки, въ продолженіи которой онъ ни разу не писалъ ей, соблюдая условіе, принятое обѣими сторонами при разставаніи. Всякая привязанность пускала въ сердцѣ его такіе глубокіе корни, что людямъ нужно было много времени и усилій, а ему самому стоило тяжелой борьбы и страданій, чтобы истребить ее. Чувство Грановскаго къ любимой дѣвушкѣ не скоро потухло въ его сердцѣ. Въ разлукѣ съ нею оно еще не разъ готово было загорѣться въ немъ съ новою силою, но посредничество мнимыхъ друзей, ихъ клеветы и сплетни, которыя въ ихъ истинномъ свѣтѣ открылись Грановскому слишкомъ поздно, достигли своей цѣли. Грановскій долженъ былъ наконецъ признаться съ раскаяніемъ и упрекомъ самому себѣ, что въ его сердцѣ уже не было любви. Признаніе это не осталось тайною и для Е. П. Оно было принято ею съ тою покорностію судьбѣ, къ которой приготовлено было сердце, утомленное долгими сомнѣніями и страданіями. «Онъ не виноватъ», говорила она. Незадолго до своего возвращенія въ Россію, Грановскій пишетъ сестрѣ: «Les paroles d'elle que vous citez («онъ не виноватъ»), sont généreuses; mais je ne puis accepter cet acquittement. D'ailleurs elle se trompe elle-même en croyant pouvoir me pardonner tout à fait. On ne pardonne que les torts, que l'on peut oublier. Peut-elle oublier les miens?...... Si je crains de revoir quelqu'un—c'est elle. Je ne saurai vous rendre compte de mes sentiments à cet égard, ma bonne amie. Nous en parlerons plus tard. Dans tous les cas j'expie

---

во мнѣ есть желаніе доброй дѣятельности.—Письмо къ сестрамъ января 1839, Берлинъ.

cruellement ma faute; vous savez ce que j'ai souffert dans le temps de mon amour, maintenant ce sont les souvenirs et les remords qui me tourmentent, et qui exercent une triste influence sur ma santé» [1]). Кружокъ друзей, жившихъ въ Берлинѣ, разсѣялся весною этого года. Фроловъ и Невѣровъ выѣхали въ Россію. Больной Грановскій отправился въ маѣ лечиться въ Зальцбруннъ. Здѣсь провелъ съ нимъ двѣ недѣли Н. В. Станкевичъ. Въ Зальцбруннѣ, отъѣзжая въ Россію, Грановскій въ послѣдній разъ простился съ своимъ другомъ, который скончался въ слѣдующемъ году въ Италіи. Путешествіе свое, по совѣту медиковъ, Грановскій долженъ былъ дѣлать съ величайшею осторожностію, небольшими переѣздами и останавливаясь часто для отдыха. Онъ странно выполнилъ эти совѣты: безъ отдыха и въ телегѣ проскакалъ онъ отъ Варшавы на Кіевъ до деревни своей тетки въ Черниговской губерніи. Проведя здѣсь одни сутки, онъ опять въ телѣгѣ прискакалъ въ Погорѣлецъ, въ родную семью свою. Онъ находилъ, что тряска телѣги произвела благопріятную перемѣну въ его здоровьи, хотя оно еще долго не возстановлялось вполнѣ.

---

[1]) Ея слова, приводимыя въ письмѣ твоемъ, великодушны, но я не могу принять этого оправданія. Впрочемъ, она обманывается сама, думая, что можетъ вполнѣ простить меня. Прощаютъ только такія оскорбленія, которыя можно забыть. Можетъ ли она забыть мои?..... Если я боюсь свидѣться вновь съ кѣмъ нибудь, такъ это съ нею. Въ чувствѣ моемъ въ этомъ отношеніи я не умѣю дать отчетъ тебѣ, мой добрый другъ. Мы поговоримъ объ этомъ послѣ. Во всякомъ случаѣ я несу жестокое искупленіе моей вины; ты знаешь все, что я выстрадалъ, когда любилъ, теперь воспоминанія и угрызенія совѣсти терзаютъ меня и подрываютъ мое здоровье.

III.

ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ВЪ МОСКВѢ.

1839—1849.

Еще за границей Грановскій часто порывался душою отъ книжныхъ занятій, отъ жизни созерцательной къ практической дѣятельности, туда, гдѣ-бы онъ стоялъ лицомъ къ лицу съ родною дѣйствительностію. Вотъ онъ наконецъ въ Россіи. Годы приготовленій и стремленій остались за нимъ, для него начинается подвигъ жизни. Съ мѣсяцъ времени онъ провелъ въ деревнѣ отца, гдѣ положеніе родной семьи, разстройство дѣлъ отца и другія обстоятельства, о которыхъ скажемъ далѣе, глубоко смущали и печалили его. Грустный и все еще полу-больной, въ концѣ августа онъ спѣшитъ изъ деревни въ Москву въ университетъ.

Въ послѣднемъ, со времени назначенія его попечителемъ графа С. Г. Строгонова, уже было нѣсколько замѣчательныхъ преподавателей, внесшихъ новое оживленіе въ міръ университетской науки. Большею частію съ 1835 года являлись въ московскій университетъ молодые профессора, готовившіеся на каѳедры въ германскихъ университетахъ. Между ними были не только ученые спеціалисты, но и люди многосторонняго образованія; большинство изъ нихъ

въ своемъ научномъ воспитаніи испытало вліяніе движенія философской мысли въ Германіи тридцатыхъ годовъ. Новые профессора были слушателями и учениками Бёка, Риттера, Савиньи, Эйхгорна, Раумера, Ранке и другихъ, но многіе изъ нихъ слушали также философскія лекціи еще самого Гегеля или учениковъ его, Ганса, Мишеле и другихъ. Молодые ученые были одушевлены вѣрою въ благотворную силу науки и надѣялись воспитать въ юномъ поколѣніи слушателей разумныхъ и преданныхъ дѣятелей русскаго государства и общества. Замѣчательнѣйшими изъ профессоровъ въ юридическомъ факультетѣ были П. Г. Рѣдкинъ и Н. И Крыловъ, а въ историко-филологическомъ Чивилевъ и Крюковъ. Послѣдній еще до отправленія за границу окончилъ свое филологическое образованіе въ Дерптѣ; за границею онъ пополнилъ его изученіемъ философіи и исторіи. Профессоръ римской литературы, Крюковъ былъ также и предшественникомъ Грановскаго на исторической каѳедрѣ московскаго университета. Съ 1837 года, кромѣ филологическихъ чтеній, онъ читалъ также курсъ древней исторіи. Ученый и блестящій профессоръ пользовался не только сочувствіемъ слушателей, но былъ встрѣченъ также вниманіемъ и уваженіемъ московскаго литературнаго и свѣтскаго общества.

Грановскій вскорѣ сблизился съ молодыми своими товарищами, но въ университетѣ были профессора, недоброжелательно встрѣчавшіе новыхъ преподавателей. Между послѣдними былъ особенно замѣтенъ профессоръ русской словесности и деканъ историко-филологическаго факультета, И. И. Давыдовъ. Грановскій предчувствовалъ свои будущія отношенія къ подобнымъ людямъ. Чрезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ въ Москву (1 сентября 1839 года) онъ писалъ своимъ сестрамъ: «J'ai reçu un très bon accueil de la part de

mes chefs et collègues, mais j'en sais assez pour ne pas trop compter là-dessus» [1]).

12 сентября Грановскій долженъ былъ начать чтеніе своего историческаго курса. Грудь его была все еще очень слаба, и онъ опасался, что его голосъ будетъ невнятенъ аудиторіи. Опасенія были не напрасны: болѣе 250 слушателей явились на его вступительную лекцію; видъ этой толпы смутилъ его, въ теченіи десяти минутъ онъ не могъ произнести ни слова; все сказанное имъ затѣмъ слышали только весьма немногіе; однакожь послѣ нѣсколькихъ лекцій живое сочувствіе студентовъ было вполнѣ на сторонѣ преподавателя, а самъ онъ уже овладѣлъ спокойствіемъ, измѣнившимъ ему при первой лекціи. Припоминая свой дебютъ и шутя надъ самимъ собою, онъ уже въ концѣ того мѣсяца, въ которомъ началъ чтеніе лекцій, писалъ своей кузинѣ: «Aussi quel progrès ai-je fait depuis mon début. Je suis devenu presque aussi impudent, que j'étais timide alors. Je débite avec le plus grand sang-froid du monde tout ce qui me passe par la tête; je dis du mal des gens, qui valaient cent fois mieux que moi, en un mot je fais entendre à mon auditoire, que tous les savants anciens et modernes, n'en savaient pas grand'chose, à l'exception, peut-être, d'un seul, que je ne veux par nommer pas modestie. Je dis tout cela sans rougir. C'est la meilleure manière de se faire une réputation ici-bas. Plaisanterie à part, mon aimable cousine, je m'étonne moi-même de l'aplomb, que j'ai acquis en si peu de temps» [2]). Въ такомъ удивленіи своей отва-

---

[1]) Я встрѣтилъ очень хорошій пріемъ со стороны моихъ начальниковъ и товарищей, но я понимаю на столько, чтобы не слишкомъ на это полагаться.

[2]) А какіе успѣхи сдѣлалъ я со времени моего дебюта. Я сдѣлался наглымъ почти на столько, на сколько былъ тогда робокъ. Я разсказы-

cruellement ma faute; vous savez ce que j'ai souffert dans le temps de mon amour, maintenant ce sont les souvenirs et les remords qui me tourmentent, et qui exercent une triste influence sur ma santé» [1]). Кружокъ друзей, жившихъ въ Берлинѣ, разсѣялся весною этого года. Фроловъ и Невѣровъ выѣхали въ Россію. Больной Грановскій отправился въ маѣ лечиться въ Зальцбруннъ. Здѣсь провелъ съ нимъ двѣ недѣли Н. В. Станкевичъ. Въ Зальцбруннѣ, отъѣзжая въ Россію, Грановскій въ послѣдній разъ простился съ своимъ другомъ, который скончался въ слѣдующемъ году въ Италіи. Путешествіе свое, по совѣту медиковъ, Грановскій долженъ былъ дѣлать съ величайшею осторожностію, небольшими переѣздами и останавливаясь часто для отдыха. Онъ странно выполнилъ эти совѣты: безъ отдыха и въ телегѣ проскакалъ онъ отъ Варшавы на Кіевъ до деревни своей тетки въ Черниговской губерніи. Проведя здѣсь одни сутки, онъ опять въ телѣгѣ прискакалъ въ Погорѣлецъ, въ родную семью свою. Онъ находилъ, что тряска телѣги произвела благопріятную перемѣну въ его здоровьи, хотя оно еще долго не возстановлялось вполнѣ.

---

[1]) Ея слова, приводимыя въ письмѣ твоемъ, великодушны, но я не могу принять этого оправданія. Впрочемъ, она обманывается сама, думая, что можетъ вполнѣ простить меня. Прощаютъ только такія оскорбленія, которыя можно забыть. Можетъ ли она забыть мои?..... Если я боюсь свидѣться вновь съ кѣмъ нибудь, такъ это съ нею. Въ чувствѣ моемъ въ этомъ отношеніи я не умѣю дать отчетъ тебѣ, мой добрый другъ. Мы поговоримъ объ этомъ послѣ. Во всякомъ случаѣ я несу жестокое искупленіе моей вины; ты знаешь все, что я выстрадалъ, когда любилъ, теперь воспоминанія и угрызенія совѣсти терзаютъ меня и подрываютъ мое здоровье.

невозможность читать *въ этомъ году* иначе. Здѣсь рѣчь идетъ не о способѣ изложенія, а о расположеніи частей предмета. Между ними нѣтъ соразмѣрности: многое прочтешь слишкомъ подробно, другое кратко—не знаешь, какъ быть. Краснорѣчіе мое тебѣ извѣстно, слѣдовательно тебя удивитъ, что я читаю не по тетради, а по подробному конспекту. Иначе никакъ нельзя. Самое лучшее приходитъ въ голову уже во время чтенія. При изложеніи я имѣю въ виду, пока, только одно—самую большую простоту, естественность, и избѣгаю всякихъ фразъ. Даже тогда, когда разсказъ меня въ самомъ дѣлѣ возьметъ за душу, я стараюсь охолодить себя и говорить по прежнему: теперь мнѣ еще опасно пускаться въ блестящія импровизаціи. Вмѣсто того, чтобъ увлечь, я могу просто насмѣшить. Иногда—и очень часто—рѣчь моя очень запутана; слова приходятъ какъ-бы вслѣдствіе мучительнаго внутренняго процесса—но что-же дѣлать? Усердія много, авось будетъ и успѣхъ».

Время, когда Грановскій вступилъ на каѳедру было во многомъ не похоже на теперешнее. Апатическое спокойствіе царило въ массѣ русскаго общества, которому не было доступа ни къ какимъ общественнымъ дѣламъ и заботамъ. Ни обстоятельства, ни правительство не вызывали и не допускали въ немъ ни какого движенія, не тревожили его никакими перемѣнами, не занимали никакими вопросами. Жизнь русскаго общества текла тогда неслышно и невидно. За то отсутствіе общественныхъ интересовъ, даже внѣшняго движенія сильнѣе сосредоточивало вниманіе образованнаго меньшинства на умственныхъ, литературныхъ и эстетическихъ интересахъ. Слово науки, умная или живая статья въ журналѣ, удачная повѣсть, поэтическое стихотвореніе были важнымъ, серьезнымъ явленіемъ для этой части русскаго общества. При строгости цензуры мысль, углубляясь

Еще за границей Грановскій часто порывался душою отъ книжныхъ занятій, отъ жизни созерцательной къ практической дѣятельности, туда, гдѣ-бы онъ стоялъ лицомъ къ лицу съ родною дѣйствительностію. Вотъ онъ наконецъ въ Россіи. Годы приготовленій и стремленій остались за нимъ, для него начинается подвигъ жизни. Съ мѣсяцъ времени онъ провелъ въ деревнѣ отца, гдѣ положеніе родной семьи, разстройство дѣлъ отца и другія обстоятельства, о которыхъ скажемъ далѣе, глубоко смущали и печалили его. Грустный и все еще полу-больной, въ концѣ августа онъ спѣшитъ изъ деревни въ Москву въ университетъ.

Въ послѣднемъ, со времени назначенія его попечителемъ графа С. Г. Строганова, уже было нѣсколько замѣчательныхъ преподавателей, внесшихъ новое оживленіе въ міръ университетской науки. Большею частію съ 1835 года являлись въ московскій университетъ молодые профессора, готовившіеся на каѳедры въ германскихъ университетахъ. Между ними были не только ученые спеціалисты, но и люди многосторонняго образованія; большинство изъ нихъ

и теряютъ участіе къ наукѣ и ко всему, что̀ выходитъ изъ круга такъ-называемыхъ положительныхъ интересовъ. Ихъ губитъ матеріялизмъ и безнравственное равнодушіе нашего общества. Вотъ, почему университетская жизнь кажется мнѣ искусственною, оторванною отъ остальнаго русскаго быта. Между профессорами есть отличные люди, и нѣкоторые предметы читаютъ такъ, какъ въ лучшихъ нѣмецкихъ университетахъ. Я не преувеличиваю».

Шесть часовъ въ недѣлю Грановскій посвящалъ на лекціи въ университетѣ. Дома, за чтеніемъ и подготовкою лекцій, онъ работалъ по 12 часовъ въ сутки. Онъ старался избѣгать, хотя не всегда успѣшно, траты времени на знакомства и посѣщенія, что̀ возбуждало противъ него обвиненія въ невѣжливости. «Je suis réduit à une vie de travail—et on veut, que je fasse encore des visites, писалъ онъ сестрѣ въ концѣ сентября 1839 года. C'est une drôle de ville que Moscou: les gens croient, qu'on n'a rien de mieux à faire, que de causer avec eux» [1]). Всегда готовый на участіе, на помощь, на совѣты людямъ, Грановскій не могъ защититься отъ многихъ посѣщеній, нарушавшихъ его труды; ночью наверстывалъ онъ часы, похищенные у его трудовъ днемъ. Въ письмѣ кузинѣ, жалуясь на недосугъ и усталость, онъ писалъ: «Avec tout cela, à vous dire la vérité, je m'accommode assez bien de mon état actuel. Cette activité continuelle a son côté agréable, et tout en maudissant mes occupations, j'aurais été très malheureux, si on me les enlevait» [2]). Въ декабрѣ Грановскій кончилъ первую поло-

---

[1]) Я обязанъ вести трудовую жизнь, а отъ меня хотятъ, чтобы я еще дѣлалъ визиты. Странный городъ эта Москва: люди здѣсь думаютъ, что для васъ нѣтъ лучшаго дѣла, какъ бесѣдовать съ ними.

[2]) И при всемъ этомъ, сказать по правдѣ, я мирюсь легко съ моимъ настоящимъ положеніемъ. Эта безпрерывная дѣятельность имѣ-

вину своего курса и желалъ провести наступившіе праздники въ деревнѣ съ своими сестрами, но еще не было саннаго пути, да не было и шубы у молодаго ученаго. Ѣхать въ телѣгѣ и въ шинели, при своемъ разстроенномъ здоровьи, онъ не могъ. Пришлось оставаться въ Москвѣ, гдѣ около этого времени въ университетѣ возникли, какъ видно изъ его писемъ, какія-то интриги противъ него. Уже въ декабрѣ, упоминая въ письмѣ къ кузинѣ, что безъ своего вѣдома и желанія пріобрѣлъ въ университетѣ враговъ, Грановскій писалъ: «Parmi nos vieux professeurs il y en a, qui font le mal par principe, qui se croient obligés de nuire à tout jeune homme, qui entre dans la carrière sans solliciter leur protection ou du moins leur amitié. Comme je n'ai besoin ni de l'une, ni de l'autre, je dois bien me tenir sur mes gardes, autrement je puis m'attirer des désagréments à chaque instant. Puis il y a beaucoup d'autres inconvénients dans notre état. Ce serait trop long de vous en parler. A tout prendre je crois que ce, qui m'arrire, est pour le mieux: il y a en moi un mélange de paresse et d'opiniâtreté, qui fait, que les obstacles, que je rencontre, ne font que me donner plus d'énergie; sans eux je me serais, peut-être, endormi» [1]).

етъ свою пріятную сторону, и хоть я проклинаю свои занятія, но былъ-бы очень несчастливъ, еслибъ меня лишили ихъ.

[1]) Между нашими старыми профессорами есть такіе, которые дѣлаютъ зло по принципу, которые считаютъ своею обязанностью вредить всякому молодому человѣку, начинающему поприще, не домогаясь ихъ покровительства или по крайней мѣрѣ ихъ дружбы. А какъ я не нуждаюсь ни въ томъ, ни въ другомъ, то долженъ быть всегда на сторожѣ; иначе я во всякую минуту могу навлечь на себя непріятности. Кромѣ того, есть много другихъ неудобствъ въ нашемъ положеніи. Говорить вамъ объ нихъ было-бы слишкомъ длинно. При всемъ этомъ я думаю, что все испытываемое мною—къ лучшему: во мнѣ есть смѣсь лѣности и упрямства, вслѣдствіе которой встрѣчающіяся

17 января онъ пишетъ сестрамъ: «Je suis plus que jamais accablé de travail; au lieu de six leçons par semaine j'en ai maintenant neuf. J'ai été forcé d'accepter cette augmentation de peine.... Il y a à l'université des gens, qui me veulent du mal.... Et puis ces chicaneries, auxquelles j'ai été exposé».... [1]). Въ другомъ письмѣ Грановскаго къ сестрѣ (28 янв. 1840) читаемъ: «On me fait travailler, comme un cheval, on me fait des compliments sur la manière dont je m'acquitte de ma tâche, et on me refuse tout ce que je demande à mon tour. Entre autre j'ai perdu, je ne sais pourquoi, environ mille roubles, que je devais recevoir de la couronne. C'est quelque chose dans mes circonstances actuelles, quand je n'ai que 3000 par an; mais la perte de l'argent ne me ferait pas autant de peine, s'il n'y avait pas en même temps la violation de mes droits les plus sacrés....... J'aime mieux perdre ma place, que d'être le jouet de qui que ce soit»...... Грановскій сожалѣлъ что обязанности его къ семьѣ, заботы о судьбѣ сестеръ удерживали его отъ слишкомъ рѣшительныхъ переговоровъ съ начальствомъ— «Dans tous les cas, прибавлялъ онъ, je ne céderai point, et si l'on continue à me faire des chicaneries, je leur dirai la verité toute pure....... C'est difficile de lutter avec ses chefs, du moins je leur ferai entendre la voix d'un honnête homme: cela ne leur arrive pas souvent» [2]). Въ письмѣ Грановскаго къ Фроловымъ (1 янв.

мнѣ препятствія придаютъ мнѣ только болѣе энергіи; безъ нихъ я, можетъ быть, заснулъ-бы.—Письмо къ кузинѣ 19 дек. 1839 г.

[1]) Я обремененъ работою болѣе, чѣмъ когда нибудь; вмѣсто шести лекцій въ недѣлю у меня теперь ихъ девять. Я былъ вынужденъ согласиться на это увеличеніе труда...... Въ университетѣ есть люди желающіе мнѣ вредить..... И сверхъ того какимъ придиркамъ я подвергался!...

[2]) Меня заставляютъ работать, какъ лошадь, меня поздравляютъ съ тѣмъ, какъ я исполняю свою задачу, и мнѣ отказываютъ во всемъ,

1840) читаемъ: «Вы не повѣрите, какія горькія минуты бываютъ въ моей настоящей жизни. Я не могу вамъ писать обо всемъ теперь; когда нибудь послѣ. Я не даромъ любилъ Берлинъ: тамъ прошли лучшіе годы мои». Люди, надѣявшіеся на всякаго рода уступчивость со стороны Грановскаго, расчитывая на мягкость и снисходительность его характера, очень ошибались, не замѣчая, что въ немъ было вмѣстѣ и много независимости; при случаѣ онъ не оставлялъ ихъ въ заблужденіи на этотъ счетъ. Только весною успокоился Грановскій отъ встрѣтившихся непріятностей, и, какъ узнаемъ изъ письма его кузинѣ [1]), отстоялъ свои права по службѣ.

Оставаясь въ Москвѣ во время зимней вакаціи, свободный отъ лекцій и раздраженный непріятностями, встрѣченными имъ въ средѣ университета, Грановскій искалъ разсѣяній. Онъ писалъ кузинѣ (17 дек. 1839), что по неволѣ остается въ Москвѣ, что вмѣсто того, чтобъ провести нѣсколько недѣль съ своими сестрами онъ осужденъ на несносные визиты.-«Et puis, продолжалъ онъ, vous ne sauriez vous faire une idée de la terrible hospitalité, qui règne ici: figurez-vous, que malgré ma vie d'hermite j'ai déjà une foule de connais-

---

чего я требую въ свою очередь. Между прочимъ я лишился, не знаю почему, почти тысячи рублей, которую долженъ былъ получить отъ казны. Это не бездѣлица въ настоящихъ моихъ обстоятельствахъ, когда я получаю только 3000 въ годъ (асс.); но лишеніе денегъ не оскорбило-бы меня такъ, еслибъ вмѣстѣ съ этимъ не были нарушены мои священнѣйшія права....... Я скорѣе готовъ потерять мѣсто, чѣмъ быть игрушкою кого-бы-то ни было...... Во всякомъ случаѣ я не уступлю, и если будутъ продолжать дѣлать мнѣ мелочныя непріятности, я выскажу имъ правду на чистоту....... Трудно бороться съ начальниками, но по крайней мѣрѣ я заставлю ихъ услышать голосъ честнаго человѣка: имъ не часто это случается.

[1]) См. письмо кузинѣ 9 мая 1840.

sances, en grande partie assez peu intéressantes» [1]). Грановскій началъ часто появляться въ свѣтскомъ обществѣ Москвы, но находилъ, что оно не разсѣеваетъ его, а утомляетъ. Въ одномъ изъ писемъ онъ упоминаетъ, что его товарищъ, профессоръ Р. впалъ въ совершенный сплинъ и что самъ онъ избавленъ отъ него только тѣмъ, что часто слушаетъ прекрасную музыку. Въ другомъ письмѣ къ сестрамъ (1 января 1840) читаемъ: «Je passe mes fêtes d'une manière assez bruyante et dissipée sans m'amuser. Je vais beaucoup dans le monde, mais le monde de Moscou n'est rien moins, qu'agréable. Dans quelques jours je me renferme dans mon hermitage et je me remets au travail. N'allez pas croire, que cet ennui me soit particulier; c'est un sentiment commun à presque tous les jeunes gens, que je connais: il y en a qui se marient uniquement pour ne pas s'ennuyer» [2]). Послѣ выѣздовъ, частыхъ танцевъ на балахъ, и шумныхъ разсѣяній Грановскій снова принялся за трудъ; ничто однакожъ не спасло его отъ овладѣвшаго имъ сплина. Почти на два мѣсяца прерывается его обычная переписка съ сестрами и кузиной, и только позднѣе, вмѣстѣ съ извиненіемъ передъ послѣдней въ долгомъ молчаніи, вырвалось у него

---

[1]) Затѣмъ вы не можете составить себѣ понятіе о страшномъ гостепріимствѣ, господствующемъ здѣсь: представьте себѣ, что, не смотря на мою затворническую жизнь, у меня множество знакомствъ, большею частью весьма мало интересныхъ.

[2]) Я провожу мои праздники довольно шумно и разсѣянно, хотя не весело. Я много выѣзжаю въ свѣтъ, но московскій свѣтъ всего менѣе представляетъ пріятнаго. На дняхъ я опять запираюсь въ свое отшельничество и снова принимаюсь за работу. Не думайте, чтобы скука была моей особенностію; это чувство общее почти всѣмъ молодымъ людямъ, которыхъ я знаю; между ними есть такіе, которые женятся единственно для того, чтобы не скучать. — Письмо къ сестрамъ 1 янв. 1840.

признаніе, что оно было невольное. Онъ писалъ кузинѣ (16 апр. 1840): «Je vous désire de tout mon coeur, ma bonne cousine, de ne jamais avoir de ces moments d'abattement moral, quand l'âme froissée par les lâchetés, les injustices et les bassesses, se replie sur elle-même et reste engourdie et froide. Il n'y a rien de plus pénible, que ces moments, et j'en ai eu beaucoup depuis le mois de janvier. Que pouvais-je vous dire alors ? La même raison fit que mes soeurs restèrent deux mois sans rien savoir de ce qui se passait avec moi» [1]).

Переписка Грановскаго даетъ намъ возможность узнать знакомства и связи, которыя образовались у него въ Москвѣ зимою этого года. «Знакомство у меня очень большое и разнообразное по мнѣнію и образу мысли людей, писалъ Грановскій Фроловымъ (1-го янв. 1840). Кромѣ профессорскаго кружка и В. П—ча, у котораго собирается бывшее общество Станкевича: Бѣлинскій (который уже уѣхалъ въ Петербургъ), Б—ъ и др. Я чаще всѣхъ вижу Кирѣевскихъ. Очень умные и замѣчательные люди. Съ ихъ убѣжденіями невозможно согласиться, но у нихъ по крайней мѣрѣ есть глубокое участье, знаніе и логика. Мы не сходимся близко, но я ихъ отъ души уважаю....... Познакомился также съ Чаадаевымъ....... Онъ могъ-бы быть по уму очень замѣчательнымъ человѣкомъ, но его погубило самолюбіе, доходящее до смѣшныхъ глупостей». Нѣсколько недѣль ранѣе онъ писалъ Н. В. Станкевичу (27 ноября 1839 г.): «бываю довольно

---

[1]) Я отъ всего сердца желаю вамъ, моя добрая кузина, никогда не имѣть тѣхъ минутъ нравственной усталости, когда душа, оскорбленная подлостями, несправедливостями и низостями, сосредоточивается сама въ себѣ и дѣлается оцѣпенѣлою и холодною. Нѣтъ ничего тягостнѣе такихъ минутъ, а у меня съ января мѣсяца было ихъ много. Что могъ я сказать вамъ тогда? По той-же причинѣ мои сестры въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ не знали ничего о томъ, что со мной дѣлалось.—Письмо къ кузинѣ 16 апр. 1840 года.

часто у Кирѣевскихъ.... Ты не можешь себѣ вообразить какая у этихъ людей философія. Главныя ихъ положенія: Западъ сгнилъ, и отъ него уже не можетъ быть ничего; Русская исторія испорчена Петромъ. Мы оторваны насильственно отъ роднаго историческаго основанія и живемъ на удачу; единственная выгода нашей современной жизни состоитъ въ возможности безпристрастно наблюдать чужую исторію; это даже наше назначеніе въ будущемъ; вся мудрость человѣческая истощена въ твореніяхъ св. отцевъ Греческой церкви, писавшихъ послѣ отдѣленія отъ Западной. Ихъ только нужно изучать: дополнять нечего; все сказано. Гегеля упрекаютъ въ неуваженіи къ фактамъ. Кирѣевскій говоритъ эти вещи въ прозѣ, Хомяковъ въ стихахъ. Досадно то, что они портятъ студентовъ: вокругъ нихъ собирается много хорошей молодежи и впиваютъ эти прекрасныя идеи.... Славянскій патріотизмъ здѣсь теперь ужасно господствуетъ: я съ каѳедры возстаю противъ него, разумѣется не выходя изъ предѣловъ моего предмета, за что меня упрекаютъ въ пристрастіи къ нѣмцамъ. Дѣло идетъ не о нѣмцахъ, а о Петрѣ, котораго здѣсь не понимаютъ, и неблагодарны къ нему»... Позднѣе онъ писалъ о братьяхъ Кирѣевскихъ (Иванѣ и Петрѣ Васильевичахъ) къ Невѣрову (15 іюля 1840): «Я отъ всей души уважаю этихъ людей, не смотря на совершенную противуположность нашихъ убѣжденій. Въ нихъ такъ много святости, прямоты, вѣры, какъ я еще не видалъ ни въ комъ. Жаль только, что богатые дары природы и свѣдѣнія, рѣдкія не только въ Россіи, но и вездѣ, гибнутъ въ нихъ безъ всякой пользы для общества. Они бѣгутъ отъ всякой дѣятельности. Петръ, того и гляди что пойдетъ въ монахи».

У Кирѣевскихъ Грановскій бывалъ каждую середу и встрѣчалъ здѣсь не многолюдное, но интересное общество

образованныхъ людей. Здѣсь нерѣдко читались литературныя новости. «J'ai aussi lu deux articles, que j'ai écrits en quelques heures, épargnées à mes travaux ordinaires..... C'était même la seule société, que je voyais pendant tout le temps de mon spleen» [1]), писалъ Грановскій кузинѣ, говоря о вечерахъ, проводимыхъ имъ у Кирѣевскихъ. Изъ людей профессорскаго кружка ближе всѣхъ Грановскому были въ это время Крюковъ и Р. Послѣдній давалъ Грановскому полезные совѣты по служебнымъ отношеніямъ и дѣламъ въ университетѣ, совѣты, безъ которыхъ, какъ признавался Грановскій, у него было-бы еще болѣе враговъ, чѣмъ сколько онъ ихъ имѣлъ уже. Въ характерѣ Р. были симпатичныя Грановскому черты: «A trente ans passés, писалъ онъ о немъ, il est resté enfant, ce qui le fait aimer de tout ceux, qui le connaissent de près et le rend quelquefois ridicule aux yeux des sots» [2]). Въ письмѣ къ Н. В. Станкевичу (26 нояб. 1839 г.) Грановскій говоритъ: «Между профессорами я, разумѣется, сошелся ближе всего съ молодыми, особливо съ Рѣдкинымъ и Крюковымъ.... Съ этими двумя я друженъ; съ прочими хорошъ.... Изъ стариковъ мнѣ болѣе всего понравились Каченовскій и Перевощиковъ, которые въ свою очередь хороши ко мнѣ.... Съ Давыдовымъ, П. и проч. на тонкой галантерейности».—Со многими изъ московскихъ друзей и пріятелей Н. В. Станкевича Грановскій былъ хорошо знакомъ, но не сходился съ ними во мнѣніяхъ, принятыхъ иными изъ нихъ подъ вліяніемъ неправильно понятыхъ

---

[1]) Я также читалъ двѣ статьи, написанныя мною въ немногіе часы, свободные отъ обычныхъ трудовъ моихъ...... Это было даже единственное общество, которое я посѣщалъ во время моего сплина.— Письмо кузинѣ 6 апр. 1840.

[2]) Переступивъ за тридцать лѣтъ, онъ остался ребенкомъ, что заставляетъ любить его всѣхъ, кто знаетъ его близко, и дѣлаетъ его иногда смѣшнымъ въ глазахъ глупцовъ. — Письмо къ сестрамъ янв. 1840.

идей Гегеля. На понятія и убѣжденія этого кружка оказывалъ тогда сильное вліяніе Ба—ъ. Не изучивъ систему Гегеля въ цѣломъ, знакомый только съ ея частями, онъ дѣлалъ изъ нея невсегда вѣрные выводы. Философскія фразы, отрывочно взятыя, какъ напримѣръ: «все дѣйствительное разумно», приводили его къ ошибочнымъ мнѣніямъ и приложеніямъ. Подобныя фразы вели людей, принимавшихъ ихъ за истины, къ пассивному отношенію къ дѣйствительности, къ признанію разумности во всякомъ временномъ явленіи, какого-бы свойства оно ни было. Въ этомъ отношеніи особенно далеко шелъ Бѣлинскій по свойству своей увлекающейся и страстной природы [1]). Такое направленіе, выразившееся скоро въ нѣкоторыхъ изъ статей Бѣлинскаго (Бородинская годовщина, Менцель, и др.), не могло встрѣчать сочувствіе въ Грановскомъ. Нѣсколько позднѣе онъ писалъ Я. М. Невѣрову (19 іюля 1840): «Помнишь, какія гадкія статьи написалъ Бѣлинскій о Бородинѣ и т. д. Ба—ъ первый возсталъ противъ нихъ,—а кто внушилъ эти статьи? Онъ умнѣе и ловче Бѣлинскаго...» Направленіе Бѣлинскаго подавало нерѣдко поводъ къ противорѣчіямъ между имъ и Грановскимъ въ литературныхъ сужденіяхъ. Особенно Шиллеръ былъ предметомъ горячихъ споровъ между ними. Бѣлинскій переживалъ тогда послѣднее время своей молодости, разставаясь съ свойственными ей идеальными требованіями, мечтами и отвлеченными стремленіями. Бесѣды Ба—а и К—а ознакомили Бѣлинскаго съ философіей и эстетикой Ге-

---

[1]) Въ современномъ письмѣ Бѣлинскаго къ Н. В. Станкевичу находимъ слѣдующія строки: «Я понялъ идею паденія царствъ, законность завоевателей, я понялъ, что нѣтъ дикой матеріяльной силы, нѣтъ владычества штыка и меча, нѣтъ произвола, нѣтъ случайностей— и кончилась моя опека надъ родомъ человѣческимъ, и значеніе моего отечества предстало мнѣ въ новомъ видѣ....Слово дѣйствительность сдѣлалось для меня равнозначительнымъ слову Богъ».

геля. Истину жизни Бѣлинскій началъ признавать въ дѣйствительности, а истину искусства въ его объективности. Идеальная поэзія Шиллера, какъ думалъ онъ тогда, обманывала и въ томъ и въ другомъ. Со всею горячностью своего новаго увлеченія онъ возненавидѣлъ Шиллера «за субъективно-нравственную точку зрѣнія, за страшную идею долга, за абстрактный героизмъ, за прекрасно-душную войну съ дѣйствительностію» [1]).

Во враждѣ Бѣлинскаго противъ поэзіи Шиллера выразилось отрицаніе періода его собственной жизни, его собственнаго односторонняго направленія. Идеальныя и великодушныя стремленія юности, любовь къ человѣчеству, высокіе нравственные идеалы, нашедшіе себѣ прекрасное выраженіе въ поэзіи Шиллера, оставались всегда дорогими душѣ Грановскаго. Въ письмѣ къ Н. В. Станкевичу онъ горько жаловался на понятія Бѣлинскаго и близкихъ ему людей [2]). Бѣлинскій, вслѣдствіе страстности своей природы,

---

[1]) Бѣлинскій писалъ тогда о Шиллерѣ къ Н. В. Станкевичу: «Его Разбойники, Коварство и любовь, вкупѣ съ Фіеско, этимъ произведеніемъ нѣмецкаго Гюго, наложили на меня дикую вражду съ общественнымъ порядкомъ во имя абстрактнаго идеала общества, оторваннаго отъ географическихъ и историческихъ условій развитія, построеннаго на воздухѣ. Его Донъ Карлосъ—эта блѣдная фантасмагорія образовъ безъ лицъ и риторическихъ олицетвореній, эта апотеоза абстрактной любви къ человѣчеству безъ всякаго содержанія бросила меня въ абстрактный героизмъ, внѣ котораго я все презиралъ, все ненавидѣлъ (и еслибъ ты зналъ какъ дико и болѣзненно), и въ которомъ я очень хорошо, не смотря на свой неестественный и напряженный восторгъ, сознавалъ себя—нулемъ».—Письмо Бѣлинскаго къ Станкевичу 29 сент. 1839.

[2]) «Извѣстія о литературныхъ трудахъ и понятіяхъ нашихъ знакомыхъ неутѣшительны, отвѣчалъ Станкевичъ. Что имъ дался Шиллеръ? Что за ненависть?.... Такъ какъ они не понимаютъ, что такое дѣйствительность, то я думаю, что они уважаютъ *слово,* сказанное

могъ измѣнять разъ принятому направленію только достигши въ немъ до послѣдней крайности. Споры, возникавшіе между нимъ и Грановскимъ не измѣняли убѣжденій ни одной изъ сторонъ. Только позднѣе, трудясь надъ критикой въ Отечественныхъ запискахъ, Бѣлинскій перешелъ къ болѣе трезвымъ воззрѣніямъ на вопросы, возбуждавшіе его споры съ Грановскимъ, не мѣшавшіе впрочемъ ихъ личной пріязни. Въ одномъ изъ писемъ Бѣлинскаго того времени читаемъ: «Грановскій есть первый и единственный человѣкъ, котораго я полюбилъ отъ всей души, несмотря на то, что сферы нашей дѣйствительности, наши убѣжденія (самыя кровныя)—діаметрально противоположны, такъ что бѣлое для него—черно для меня, и наоборотъ..... Да, это одинъ изъ тѣхъ людей, съ которыми мнѣ всегда и тепло и свѣтло» [1]. Грановскій, съ своей стороны, любилъ Бѣлинскаго за чистоту убѣжденій, за энергію, за неизмѣнно благородныя нравственныя его побужденія. Послѣднія мирили его съ запальчивостью литературной полемики Бѣлинскаго, иногда оскорблявшей тонкое чувство мѣры, отличавшее Грановскаго. Въ эту-же зиму Грановскій встрѣтилъ Герцена, который пріѣзжалъ тогда въ Москву изъ Новгорода и сблизился съ Грановскимъ позднѣе, въ 1842, когда поселился въ Москвѣ.

Гегелемъ. А если авторитетъ его силенъ у нихъ, то пусть прочтутъ, что онъ говоритъ о Шиллерѣ въ Эстетикѣ въ разныхъ мѣстахъ, также о Валленштейнѣ въ мелкихъ сочиненіяхъ. А о дѣйствительности пусть прочтутъ въ Логикѣ, что дѣйствительность въ смыслѣ непосредственности, внѣшняго бытія—есть случайность, что дѣйствительность въ ея истинѣ есть Разумъ, Духъ. А если Шиллеръ, по ихъ мнѣнію, не есть поэтъ дѣйствительности, а туманный, то я предлагаю имъ въ поэты Свѣчина, который описываетъ, какъ въ сраженіи *иному стегно раздвоило*».—См. переписку Н. В. Станкевича, изд. П. В. Анненковымъ. Письмо 1 февр. 1840 г.

[1]) Письмо Бѣлинскаго къ Н. В. Станкевичу 29 сент. 1839.

Въ перепискѣ Грановскаго упоминается между новыми его знакомствами семейство Огаревыхъ, у которыхъ онъ всякую недѣлю слушалъ музыку, исполнявшуюся лучшими московскими артистами. «Онъ—тихій, скромный, sittlicher человѣкъ; она—умная, свѣтская, въ хорошемъ смыслѣ, и любезная женщина», писалъ Грановскій о мужѣ и женѣ, составлявшихъ эту семью. Изъ своихъ прежнихъ петербургскихъ знакомыхъ Грановскій нашелъ въ Москвѣ Е. Ѳ. Корша, который занималъ здѣсь мѣсто библіотекаря при Университетѣ. «О Коршѣ библіотекарѣ я уже говорилъ тебѣ, писалъ онъ Н. В. Станкевичу. Когда пріѣдешь сюда, ты увидишь и—бьюсь объ закладъ—полюбишь его».

Первая зима, проведенная Грановскимъ въ Москвѣ, кончалась. Она прошла для него среди трудовъ, но въ эту-же зиму онъ уже ознакомился со всѣми кружками образованныхъ людей и литераторовъ; а также со свѣтскимъ обществомъ Москвы, со всей средой, въ которой предстояло ему жить, начавъ свою дѣятельность. Въ началѣ апрѣля Грановскій закончилъ чтеніе курса средней исторіи, успѣхъ котораго между студентами, по его собственному признанію, превзошелъ его ожиданія. «Samedi passé j'ai achevé mes cours, пишетъ онъ сестрамъ (9 апр. 1840), et j'ai dit adieu aux étudiants, qui doivent quitter l'université au mois de mai. J'avais préparé par écrit quelques mots, que je voulais leur adresser, comme discours de clôture, mais au moment de les prononcer la parole m'a manqué et cette fois ce n'est pas la timidité, qui en était cause, mais une émotion, que je n'étais pas maître de dompter. Je les ai remerciés pour l'attention, qu'ils ont apportée à mes leçons, je les ai salués et je suis parti. Je connais presque tous les étudiants de ce cours et cela m'a fait de la peine de me séparer d'eux pour toujours. Ils étaient aussi émus à leur tour. On m'a dit, qu'il y en avait, qui avaient

des larmes aux yeux. Quelques uns sont venus me remercier pour «la jouissance (наслажденіе), que leur a procurée mon cours». Puis ils m'ont invité à un dîner, qu'ils donneront entre eux. J'ai été obligé de refuser par-ce que le gouvernement n'aime pas les réunions de ce genre, mais le dîner aura lieu sans moi et on portera un toast à ma santé. J'ai été tout à fait heureux en recevant ces témoignages d'affection, qui me paient au centuple tous les désagréments, que j'ai eus et que je puis encore avoir. C'est la plus belle récompense, que je puisse recevoir». Извѣщая сестеръ о своемъ успѣхѣ, онъ прибавлялъ: «Ne racontez pas ce que je vous ai écrit» [1]). Онъ не любилъ разсказывать о своихъ заслугахъ или успѣхахъ никому, кромѣ немногихъ близкихъ людей.

На дѣлѣ оправдались надежды Грановскаго, высказанныя имъ въ письмѣ изъ Вѣны друзьямъ своимъ: «Мнѣ кажет-

---

[1]) Прошедшую суботу я кончилъ свои лекціи и простился со студентами, которые должны оставить университетъ въ маѣ. Я приготовилъ письменно нѣсколько словъ, съ которыми хотѣлъ обратиться къ нимъ, какъ съ заключительною рѣчью, но когда надо было произнести ихъ, я не въ состояніи былъ говорить, и на этотъ разъ не отъ робости, а отъ душевнаго волненія, преодолѣть которое я былъ не въ силахъ. Я поблагодарилъ за вниманіе, съ которымъ они относились къ моимъ лекціямъ, поклонился и ушелъ. Я знаю почти всѣхъ студентовъ этого курса, и мнѣ было больно разстаться съ ними навсегда. Они въ свою очередь были также растроганы. Мнѣ говорили, что у иныхъ изъ нихъ были слезы на глазахъ. Нѣсколько изъ студентовъ пришли благодарить меня «за наслажденіе, доставленное имъ моимъ курсомъ». Потомъ они приглашали меня на обѣдъ, который будетъ у нихъ. Я долженъ былъ отказаться, потому-что правительство не любитъ собраній такого рода; но обѣдъ состоится безъ меня и будетъ провозглашенъ тостъ за мое здоровье. Я былъ вполнѣ счастливъ, принимая эти выраженія любви, сторицею вознаградившія меня за всѣ непріятности, которыя я испыталъ и могу еще испытать. Лучшей награды не можетъ быть для меня..... Не разсказывайте того, о чемъ пишу вамъ.—Письмо къ сестрамъ 9 апр. 1840.

ся, что могу дѣйствовать при настоящихъ моихъ силахъ и дѣйствовать *именно словомъ*. Что̀ такое даръ слова? Краснорѣчіе? У меня есть оно, потому что у меня есть теплая душа и убѣжденіе. Я увѣренъ, что меня будутъ слушать студенты». Увѣренность Грановскаго была не напрасна. Тайна глубокаго впечатлѣнія, производимаго преподавателемъ на слушателей заключалась нетолько въ его знаніяхъ, въ его художественномъ талантѣ представленія, нетолько въ изящно-выразительномъ изложеніи,—она крылась въ глубоко нравственномъ и изящномъ существѣ самого преподавателя. Рѣчь свою на каѳедрѣ онъ начиналъ, казалось, съ усиліемъ надъ самимъ собою; тогда особенно былъ замѣтенъ природный недостатокъ его произношенія, что-то похожее на шепелявость. Недостатокъ этотъ однакожъ скоро исчезалъ, когда, одушевляясь, онъ овладѣвалъ предметомъ рѣчи, и она дѣлалась вполнѣ свободною и живою. Голосъ его звучалъ тономъ задушевности, тономъ, какимъ не высказывается только одно знаніе, но говоритъ убѣжденіе. Слушателю, записывающему слово въ слово чтеніе преподавателя, послѣ, когда онъ перечитывалъ его, могло казаться, что онъ что-то пропустилъ, чего-то не записалъ изъ слышаннаго, потому что тонъ и общее впечатлѣніе чтенія оставались неуловимыми для его пера. Неотразимо подчинялся также слушатель нетолько впечатлѣнію изящнаго слова, тона, но и самаго благороднаго образа учителя. Его выразительное лице, большіе, задумчивые глаза, засвѣчивающіеся порой изъ подъ густыхъ сросшихся бровей какимъ-то глубокимъ блескомъ, вьющіеся черные волосы, грустная улыбка, все было въ немъ изящно, привлекательно; на всемъ существѣ его была печать душевной чистоты, нравственнаго достоинства, вызывающихъ симпатію и довѣренность. Въ воспоминаніяхъ слушателей Грановскаго,

идей Гегеля. На понятія и убѣжденія этого кружка оказывалъ тогда сильное вліяніе Ба—ъ. Не изучивъ систему Гегеля въ цѣломъ, знакомый только съ ея частями, онъ дѣлалъ изъ нея невсегда вѣрные выводы. Философскія фразы, отрывочно взятыя, какъ напримѣръ: «все дѣйствительное разумно», приводили его къ ошибочнымъ мнѣніямъ и приложеніямъ. Подобныя фразы вели людей, принимавшихъ ихъ за истины, къ пассивному отношенію къ дѣйствительности, къ признанію разумности во всякомъ временномъ явленіи, какого-бы свойства оно ни было. Въ этомъ отношеніи особенно далеко шелъ Бѣлинскій по свойству своей увлекающейся и страстной природы [1]). Такое направленіе, выразившееся скоро въ нѣкоторыхъ изъ статей Бѣлинскаго (Бородинская годовщина, Менцель, и др.), не могло встрѣчать сочувствіе въ Грановскомъ. Нѣсколько позднѣе онъ писалъ Я. М. Невѣрову (19 іюля 1840): «Помнишь, какія гадкія статьи написалъ Бѣлинскій о Бородинѣ и т. д. Ба—ъ первый возсталъ противъ нихъ,—а кто внушилъ эти статьи? Онъ умнѣе и ловче Бѣлинскаго...» Направленіе Бѣлинскаго подавало нерѣдко поводъ къ противорѣчіямъ между имъ и Грановскимъ въ литературныхъ сужденіяхъ. Особенно Шиллеръ былъ предметомъ горячихъ споровъ между ними. Бѣлинскій переживалъ тогда послѣднее время своей молодости, разставаясь съ свойственными ей идеальными требованіями, мечтами и отвлеченными стремленіями. Бесѣды Ба—а и К—а ознакомили Бѣлинскаго съ философіей и эстетикой Ге-

[1]) Въ современномъ письмѣ Бѣлинскаго къ Н. В. Станкевичу находимъ слѣдующія строки: «Я понялъ идею паденія царствъ, законность завоевателей, я понялъ, что нѣтъ дикой матеріяльной силы, нѣтъ владычества штыка и меча, нѣтъ произвола, нѣтъ случайностей— и кончилась моя опека надъ родомъ человѣческимъ, и значеніе моего отечества предстало мнѣ въ новомъ видѣ....Слово дѣйствительность сдѣлалось для меня равнозначительнымъ слову Богъ».

геля. Истину жизни Бѣлинскій началъ признавать въ дѣйствительности, а истину искусства въ его объективности. Идеальная поэзія Шиллера, какъ думалъ онъ тогда, обманывала и въ томъ и въ другомъ. Со всею горячностью своего новаго увлеченія онъ возненавидѣлъ Шиллера «за субъективно-нравственную точку зрѣнія, за страшную идею долга, за абстрактный героизмъ, за прекрасно-душную войну съ дѣйствительностію» [1]).

Во враждѣ Бѣлинскаго противъ поэзіи Шиллера выразилось отрицаніе періода его собственной жизни, его собственнаго односторонняго направленія. Идеальныя и великодушныя стремленія юности, любовь къ человѣчеству, высокіе нравственные идеалы, нашедшіе себѣ прекрасное выраженіе въ поэзіи Шиллера, оставались всегда дорогими душѣ Грановскаго. Въ письмѣ къ Н. В. Станкевичу онъ горько жаловался на понятія Бѣлинскаго и близкихъ ему людей [2]). Бѣлинскій, вслѣдствіе страстности своей природы,

---

1) Бѣлинскій писалъ тогда о Шиллерѣ къ Н. В. Станкевичу: «Его Разбойники, Коварство и любовь, вкупѣ съ Фіеско, этимъ произведеніемъ нѣмецкаго Гюго, наложили на меня дикую вражду съ общественнымъ порядкомъ во имя абстрактнаго идеала общества, оторваннаго отъ географическихъ и историческихъ условій развитія, построеннаго на воздухѣ. Его Донъ Карлосъ—эта блѣдная фантасмагорія образовъ безъ лицъ и риторическихъ олицетвореній, эта апотеоза абстрактной любви къ человѣчеству безъ всякаго содержанія бросила меня въ абстрактный героизмъ, внѣ котораго я все презиралъ, все ненавидѣлъ (и еслибъ ты зналъ какъ дико и болѣзненно), и въ которомъ я очень хорошо, не смотря на свой неестественный и напряженный восторгъ, сознавалъ себя — нулемъ». — Письмо Бѣлинскаго къ Станкевичу 29 сент. 1839.

2) «Извѣстія о литературныхъ трудахъ и понятіяхъ нашихъ знакомыхъ неутѣшительны, отвѣчалъ Станкевичь. Что имъ дался Шиллеръ? Что за ненависть?.... Такъ какъ они не понимаютъ, что такое дѣйствительность, то я думаю, что они уважаютъ *слово,* сказанное

о новой потерѣ, понесенной нами—и нѣтъ силъ умолчать о ней. Фролова умерла. Все лучшее, все что было украшеніемъ лучшихъ дней моей и, вѣроятно, твоей жизни, покидаетъ насъ. Полтора года тому назадъ мы всѣ были вмѣстѣ, и никто не думалъ о смерти, и всѣ мы строили планы для будущаго. Грустно подумать о будущемъ теперь....... Въ послѣднемъ ея письмѣ лежало нѣсколько листковъ изъ ея букета. Они стали мнѣ очень дороги».—Грановскій силился бороться съ горемъ: онъ принялся за свои труды для лекцій, началъ готовить диссертацію на степень магистра, посвящая этимъ занятіямъ отъ 10 до 12 часовъ въ сутки. Онъ снова началъ посѣщать московское общество и успокоивалъ сестеръ, извѣщая ихъ, что здоровье его не пострадало отъ горя; однакожь въ январѣ ему пришлось уже обратиться къ медикамъ. Они нашли въ немъ сильное разстройство нервовъ, совѣтовали отдохнуть отъ трудовъ, назначили леченіе, и онъ уже признается въ письмѣ къ сестрамъ: «La mort de Nicolas (Станкевича) et de M-me Froloff—voilà ce qui m'a dérangé. Je les vois chaque fois en rêve et chaque fois, que cela m'arrive je me sens plus mal» [1]). Онъ однакоже такъ-же мало поддавался болѣзни, какъ и другимъ невзгодамъ, пока были силы бороться съ ними. Не на долго и не во многомъ онъ измѣнилъ, по совѣту медиковъ, своему образу жизни и своимъ трудамъ. Въ февралѣ онъ началъ держать экзаменъ на степень магистра. Онъ приступилъ къ этому неохотно и только уступая требованію начальства, которое не могло назначить его профессоромъ въ степени кандидата, съ которой Грановскій вступилъ въ университетъ преподавате-

[1]) Смерть Николая (Станкевича) и Фроловой—вотъ что разстроило меня. Я вижу ихъ постоянно во снѣ, и всякій разъ послѣ этого мнѣ дѣлается хуже. Письмо къ сестрамъ 17 янв. 1840.

лемъ. Онъ писалъ кузинѣ (20 февр. 1841): «Je vais enfin me soumettre à la volonté de mes chefs et faire mon examen. Il est impossible de faire entendre raison à ces messieurs. Je commence samedi prochain cette farce, qui me prendra beaucoup de temps et me fait faire beaucoup de choses inutiles. Le seul résultat de toutes ces tracasseries sera, que je recevrai un millier de roubles de plus, que je n'en reçois maintenant. C'est ce qui me console un peu» [1]). Грановскій окончилъ свой магистерскій экзаменъ, а защитилъ диссертацію только въ 1845 году. Дѣло это длилось такъ долго отчасти вслѣдствіе безпечности его въ дѣлахъ, которыя касались исключительно личнаго его интереса, отчасти отъ препятствій, которыя, какъ увидимъ далѣе, встрѣтила его диссертація въ самомъ университетѣ; отчасти-же отъ того, что трудъ его и досугъ постоянно тратились на дѣла и нужды другихъ людей. Онъ никогда не скупился своимъ временемъ и участіемъ, онъ готовъ былъ дѣлиться со всѣми и каждымъ своими талантами, знаніями, способностями, всѣмъ и каждому онъ готовъ былъ дарить свои совѣты, указанія, помощь. Мать, незнающая что дѣлать съ своимъ сыномъ, какъ его воспитывать, гдѣ учить, обращалась къ Грановскому. Онъ принималъ ее у себя, ѣхалъ къ ней, говорилъ съ ней и съ сыномъ, давалъ совѣты и наставленія и исполнялъ все это будто по обязанности. Учитель, ищущій мѣста, педагогъ или гувернеръ-иностра-

[1]) Я, наконецъ, покоряюсь требованіямъ моихъ начальниковъ и приступаю къ моему экзамену. Невозможно вразумить этихъ господъ. Въ будущую субботу я начинаю этотъ фарсъ, который отниметъ у меня много времени и заставитъ меня заниматься многими безполезными вещами. Единственнымъ результатомъ всѣхъ этихъ хлопотъ будетъ то, что я стану получать тысячью рублями болѣе, чѣмъ получаю теперь. Это нѣсколько утѣшаетъ меня.—Письмо къ кузинѣ 20 февр. 1841 г.

нецъ, литераторъ или молодой ученый къ нему-же обращались за совѣтомъ, рекомендаціей, нужной книгой, часто за однимъ сочувствіемъ или одобреніемъ своимъ намѣреніямъ и предпріятіямъ. Много расточалъ Грановскій на все это своихъ силъ и способностей; сколько добра было посѣяно такою щедростію — кто это знаетъ, кто скажетъ? «Je travaille de dix à douze heures par jour, писалъ онъ сестрамъ (27 сен. 1840), et encore ne puis-je pas disposer à mon gré du peu de temps, qui me reste. Tantôt c'est chez moi, qu'on vient, tantôt je suis obligé d'aller moi-même quelque part...... C'est avec le plus grand empressement, que je tâche d'être utile à qui que ce soit; cependant quelquefois j'aurais voulu avoir un jour de loisir, un jour à moi seul, et cela ne m'arrive jamais» [1]). Случалось, что утомленный посѣтителями, онъ спасался бѣгствомъ изъ дома, но студентовъ онъ принималъ ежедневно. Его совѣты, участіе, книги были всегда къ ихъ услугамъ. «Мнѣ, по пріѣздѣ сюда, совѣтовали держать себя подалѣе отъ студентовъ, потому что они легко забываются, писалъ онъ Станкевичу еще вскорѣ послѣ пріѣзда въ Москву (25 нояб. 1839). Я не послушался, и хорошо сдѣлалъ. Въ исполненіи моихъ обязанностей я не сдѣлаю никакой уступки, но внѣ этихъ обязанностей мнѣ нельзя запретить быть пріятелемъ со студентами. Примѣромъ мнѣ служитъ въ этомъ отношеніи Р., который, давно ординарный, хорошо знаетъ нравы студентовъ—и позволяетъ имъ обращаться съ собою, какъ съ

---

[1]) Я работаю отъ 10 до 12 часовъ въ день и тѣмъ не менѣе я не могу располагать свободно немногимъ остающимся у меня временемъ. То приходятъ ко мнѣ, то я самъ долженъ отправляться куда нибудь... Я съ величайшимъ усердіемъ стараюсь быть полезнымъ кому-бы то ни было; однакожь иногда хотѣлось-бы имѣть свободный день, день только для себя; но этого никогда не случается.

товарищемъ: они говорятъ ему, когда онъ дурно читалъ и т. д.. Это не мѣшаетъ ему на экзаменѣ ставить пріятелямъ своимъ нули и единицы, за что они вовсе не сердятся — потому-что привыкли. Каждый знаетъ, чего онъ стóитъ, и не требуетъ болѣе.... Разумѣется, что иногда случается ошибаться — приходитъ студентъ, показываетъ большое участіе къ наукѣ, проситъ совѣтовъ и книгъ, а открывается, что это тонкая политика; но вѣдь безъ этого нигдѣ нельзя обойтиться. Еще невыгода: «посѣщенія студентовъ берутъ много времени».... Въ письмѣ кузинѣ (16 нояб. 1840), жалуясь на посѣтителей прерывающихъ его занятія, онъ говоритъ: «C'est une espèce d'esclavage dont il est impossible de se libérer ici, et sur-tout dans ma position. Il y a toujours des étudiants, qui ont quelque chose à dire, et auxquels mon domestique ne peut pas répondre par un «дома нѣтъ» [1]). Но не одни посѣтители отнимали много часовъ у Грановскаго. Въ первые два года своей жизни въ Москвѣ онъ по временамъ самъ дѣлался усерднымъ посѣтителемъ московскихъ раутовъ и вечеровъ. «Je travaille jour et nuit, ce qui ne m'empéche pas d'aller de temps en temps dans le monde» [2]), увѣдомлялъ онъ сестеръ осенью 1840 года. Иной разъ онъ проводилъ надъ книгами день до 9 часовъ вечера, потомъ танцовалъ до 12 ночи, а затѣмъ возвращался опять къ своимъ книгамъ. Случалось и такъ, что, проведя ночь на балу, онъ возвращался къ себѣ въ 5 часовъ утра и не ложась въ постель, принимался за

---

[1]) Это своего рода рабство, отъ котораго нельзя здѣсь освободиться, и особенно въ моемъ положеніи. Всегда есть студенты, которымъ нужно что нибудь сказать мнѣ и которымъ мой слуга не можетъ отвѣчать: дома нѣтъ.

[2]) Я работаю день и ночь, что не мѣшаетъ мнѣ время отъ времени появляться въ свѣтъ.

свои книги, дѣлалъ нужныя выписки и замѣтки, а къ 9 часамъ утра являлся, можно сказать, почти прямо съ бала на лекцію. Разсказывая о такой лекціи послѣ бала въ письмѣ кузинѣ, онъ писалъ (20 февр. 1841): «Les étudiants, bonnes gens qu'ils sont, ne se doutaient pas du tout de la manière, dont j'avais passé mon temps. Ils ont cru dans l'innocence de leurs coeurs, que mes veilles sont consacrées au travail. Et je n'ai pas cherché à les désabuser» [1]). Онъ писалъ кузинѣ, жалуясь на плохое здоровье: «Il m'arrive de danser jusqu' à trois heures du matin, ce qui me rend encore plus malade, mais que faire—je ne suis pas assez sérieux ,pour mes 27 ans» [2]). Участіе, принимаемое Грановскимъ въ московскихъ увеселеніяхъ объясняется не одною только потребностію разсѣяній и общества людей для человѣка съ живымъ и общительнымъ характеромъ. Въ эту зиму встрѣтилъ онъ будущую жену свою, а вечера и танцы давали ему возможность часто видѣться и сближаться съ нею. Онъ писалъ сестрамъ (24 февр. 1841): «Cet hiver surtout me laissera de longs souvenirs. Je ne sais, si ces souvenirs me seront agréables—cela dépend de l'avenir et de la tournure, que prendront les choses. Qu'importe! J'ai du moins vécu, j'ai eu des moments, si non de bonheur, du moins d'un plaisir bien vif—et tout cela malgré mon passé, mes pertes si récentes et mes souvenirs, qui m'obsèdent. Je me suis jeté dans ce tourbillon pour m'échapper à moi-même, et maintenant il me serait difficile d'en sortir sans regret et

---

[1]) Добряки-студенты нисколько не подозрѣвали того, какъ я провелъ мое время. Они вѣрили, въ простотѣ души, что безсонные часы мои посвящены работѣ, а я не постарался разувѣрить ихъ въ этомъ.

[2]) Мнѣ случается танцовать до 3 часовъ утра, отъ чего я дѣлаюсь еще болѣе больнымъ; но что дѣлать—я не довольно серьезенъ для моихъ 27 лѣтъ.—Письмо къ кузинѣ 16 ноября, 1840.

peut-être sans remords» [1]). Въ мартѣ онъ уже просилъ у отца позволенія на женитьбу.

Въ іюнѣ Грановскій посѣтилъ Погорѣлецъ, откуда, проведя съ родными около шести недѣль, спѣшилъ въ половинѣ іюля въ Москву, къ своей невѣстѣ. Въ октябрѣ онъ обвѣнчался съ Е. Б. Мюльгаузенъ. Съ этого времени дома онъ не встрѣчалъ той пустоты и одиночества, которыя заставляли его прежде искать толпы и разсѣянія. Жизнь его потекла спокойнѣе и ровнѣе; онъ сталъ рѣже являться въ свѣтскихъ кругахъ общества, жилъ болѣе у себя и среди друзей. Въ числѣ послѣднихъ вскорѣ явился человѣкъ, сдѣлавшійся для Грановскаго дорогимъ на всю его жизнь. Въ 1842 году переселился въ Москву изъ Новгорода А. И. Герценъ. Живой, умный, разнообразно образованный, полный интересовъ научныхъ и общественныхъ, даровитый и остроумный, онъ соединялъ въ себѣ все, что дѣлало его бесѣду и сообщество привлекательнымъ и живительнымъ для Грановскаго и друзей его. Тѣсный кружокъ друзей собирался часто вмѣстѣ. Каждый изъ нихъ много читалъ. Всякое значительное явленіе, къ какой бы области знанія, искусства, литтературы ни принадлежало оно, было извѣстно одному изъ нихъ. Прочтенное и узнанное въ спорахъ и бесѣдахъ дѣлалось общимъ достояніемъ друзей. Рядомъ съ веселой бесѣдой, шутками и остротами друзья обмѣ-

[1]) Особенно эта зима оставитъ во мнѣ долгія воспоминанія. Не знаю, будутъ-ли эти воспоминанія для меня пріятны: это зависитъ отъ будущаго, отъ того оборота, который примутъ обстоятельства. Ну что-жь! По крайней мѣрѣ я жилъ, я испыталъ минуты, если не счастія, то по крайней мѣрѣ сильнаго удовольствія—и все это, не смотря на мое прошлое, на столь недавнія мои утраты и неотступныя мои воспоминанія. Я бросился въ этотъ вихрь, чтобы спастись отъ самого себя, а теперь мнѣ трудно оставить его безъ сожалѣнія и, можетъ-быть, безъ раскаянія.

нивались мнѣніями, мыслями, новостями. Въ частыхъ бесѣдахъ обобщались ихъ понятія и мнѣнія. Въ этомъ кружкѣ образованныхъ и одушевленныхъ живыми интересами людей нерѣдко появлялись замѣчательнѣйшіе и даровитѣйшіе изъ нашихъ литтераторовъ и артистовъ. Частымъ гостемъ бывалъ въ немъ М. С. Щепкинъ, находившій здѣсь пищу своимъ артистическимъ интересамъ и своему обширному уму, воспріимчивому до послѣднихъ дней его старости.

Друзья не довольствовались наслажденіемъ мыслію и знаніемъ. Они были дѣятельны въ той мѣрѣ, въ какой современныя условія допускали научную и литературную дѣятельность. Иной изъ нихъ издавалъ газету, другой переводы, третій писалъ статьи для журнала. Дѣятельность Грановскаго была посвящена университету. Но мы уже знаемъ, что еще въ началѣ своего профессорскаго поприща онъ замѣчалъ, что лучшіе молодые люди, оставляя университетъ, теряли участіе ко всему, что̀ занимало ихъ въ стѣнахъ его. Онъ замѣчалъ равнодушіе массы общества, отсутствіе въ немъ интересовъ. Ознакомившись въ Москвѣ съ разнообразными представителями русскаго общества, съ его повседневною жизнію, онъ ясно видѣлъ чего ему недоставало. Въ одномъ изъ писемъ Грановскаго кузинѣ (24 сент. 1840) читаемъ: «Comment voulez-vous vous amuser avec une société, qui s'ennuie horriblement parce qu'il lui manque tout mouvement intellectuel, tout intérêt vivant et qui se donne tous les efforts possibles, afin de déguiser cet ennui. Je ne conçois vraiment pas, comment ces gens font pour ne pas périr de langueur» [1]). Изданіемъ журнала, по мнѣнію Грановскаго и его друзей, можно было противодѣйствовать

---

[1]) Какъ вы будете веселиться въ обществѣ, которое страшно скучаетъ, потому что ему недостаетъ всякаго умственнаго движенія, всякаго живаго интереса и которое дѣлаетъ всевозможныя усилія,

вліянію общественной апатіи на молодые и бодрые умы. Мысль о журналѣ пробудилась въ Грановскомъ вскорѣ послѣ его пріѣзда въ Москву изъ-за границы. Онъ желалъ издавать журналъ научный и литературный, не назначая его для массы публики. О характерѣ задуманнаго изданія онъ писалъ тогда Н. В. Станкевичу слѣдующее: «Наука строгая, но въ формѣ доступной каждому истинно образованному человѣку. Педантскія разсужденія о подробностяхъ, не имѣющихъ общаго человѣческаго интереса—вонъ. Распространеніе Humanität—вотъ цѣль. Дрянной публикѣ мы угождать не станемъ: лучше имѣть 600 подписчиковъ. Болѣе и не желаемъ на первый разъ.... Ежегодно отъ 4 до 6 книжекъ»... Думая о журналѣ для образованнаго меньшинства, Грановскій конечно имѣлъ въ виду молодыхъ людей, которые, оставляя университетъ, утрачивали, какъ замѣчалъ онъ, всякое участіе къ интересамъ, занимавшимъ ихъ въ стѣнахъ его, а общедоступнымъ изложеніемъ научнаго отдѣла журнала надѣялся пріобрѣсти ему со временемъ болѣе обширный кругъ читателей. Мысль объ этомъ изданіи не могла осуществиться за недостаткомъ денежныхъ средствъ. Находились люди, предлагавшіе Грановскому деньги на это предпріятіе, но онъ отказался отъ ихъ предложенія изъ опасенія подчинить журналъ вліянію или вмѣшательству постороннихъ лицъ. Мысль о журналѣ смѣнялась тогда въ немъ мыслію объ изданіи сборниковъ-альманаховъ. Онъ хотѣлъ издавать ихъ самъ, побуждалъ къ тому-же другихъ. «Я подбиваю Ивана Кирѣевскаго издать альманахъ, писалъ онъ (лѣтомъ 1840) Я. М. Невѣрову. У него всѣ средства: связи со всѣми, что есть хорошаго въ

чтобы прикрыть эту скуку. Я право не понимаю какъ эти люди не погибаютъ отъ тоски.

нашей литературѣ. Я обѣщалъ съ своей стороны также ему историческую статью. Состоится-ли предпріятіе—не знаю».

Всѣ подобныя желанія Грановскаго не исполнялись то за неимѣніемъ денежныхъ средствъ, то за недостаткомъ правительственнаго разрѣшенія на изданіе. Въ 1844-мъ году у Грановскаго и друзей его снова пробудилась надежда на изданіе журнала, которой, какъ увидимъ далѣе, также не суждено было осуществиться. Грановскій долженъ былъ отказываться отъ своихъ желаній, отъ стремленія расширить кругъ своей дѣятельности и смиряться предъ необходимостію. Онъ писалъ своему наставнику и другу, Вердеру (4 окт. 1843), припоминая бесѣды съ нимъ въ Берлинѣ: «Nie habe ich so gut begriffen, was Sie mir damals oft sagten: arbeiten und entsagen! Am Ende lässt sich doch Nichts anders machen. Ich habe schon so vielen Hoffnungen meiner Jugend entsagt; es bleibt mir nur meiner Jugend selbst zu entsagen; und diess Opfer werde ich auch bald bringen, denn ich fühle es wohl, mein Herz wird alt und müde. Es ist eine traurige Zeit, die unsrige, und besonders in meinem Lande. Man kommt nicht zur That und man sehnt sich doch nach innerer Ruhe. Eine angestrengte Thätigkeit hätte mich bei weitem weniger erschöpft, als dieser namenlose und zwecklose Drang. Ist es Ihnen eben so gegangen? Es gibt doch Leute, die sich so leicht versöhnen, für mich ist eine Versöhnung kaum möglich. Meine Freunde nennen mich einen Schwärmer, aber ich glaube, dass meine Krankheit eine andere ist, als Schwärmerei. Zu dieser habe ich weder Zeit noch Neigung.... Ich arbeite übrigens so viel sich in Russland arbeiten lässt und glaube fest an eine bessere Zukunft, nicht für mich persönlich, aber für diejenigen, die später in die Welt kommen. Die werden es gut und

billig haben» [1]). Обманутыя желанія Грановскаго не охлаждали въ немъ стремленій дѣйствовать на томъ поприщѣ, которое особенно соотвѣтствовало его таланту и призванію. Мы видѣли, что онъ сознавалъ свое призваніе дѣйствовать по преимуществу, живымъ словомъ. Онъ рѣшительно и рѣзко отказывался отъ приглашенія читать лекціи дамамъ для развлеченія ихъ праздной скуки, но рѣшился начать въ стѣнахъ университета публичный курсъ исторіи среднихъ вѣковъ, не принося въ жертву легкости и занимательности изложенія его серьезнаго и строгаго характера.

Готовясь къ чтенію задуманнаго курса, Грановскій писалъ въ Петербургъ къ другу своему, Н. Х. К—у: «Я начну 23 числа (ноября), во вторникъ, въ половинѣ третьяго. Выпей стаканъ вина за успѣхъ. Присутствіе дамъ можетъ меня нѣсколько сконфузить, и первая лекція можетъ быть плоха, а это сдѣлаетъ дурное впечатлѣніе. Впрочемъ, я надѣюсь не ударить лицомъ въ грязь и высказать моимъ слушателямъ en masse такія вещи, которыя я не рѣшился

---

[1]) Никогда не понималъ я такъ хорошо того, что вы мнѣ тогда часто говорили: работать и отрекаться. Въ концѣ концовъ не остается дѣлать ничего другаго. Я уже отказался отъ столькихъ надеждъ моей юности; мнѣ остается только отказаться и отъ самой юности, и я скоро принесу и эту жертву, потому-что сердце мое, я это чувствую, старѣетъ и устаетъ. Печально наше время, и особенно въ моемъ отечествѣ. До дѣла не достигаешь, и однакожь желаешь внутренняго мира. Напряженная дѣятельность истомила-бы меня гораздо менѣе, чѣмъ это стремленіе безъ имени и цѣли. Испытали ли вы то же? Есть люди, которые легко примиряются; для меня примиреніе едва-ли возможно. Друзья мои называютъ меня мечтателемъ, но я думаю, что болѣзнь моя иная, а не мечтательность. Для послѣдней у меня нѣтъ ни времени, ни склонности... Я работаю впрочемъ, насколько возможно работать въ Россіи, и твердо вѣрю въ лучшую будущность, не для меня лично, но для тѣхъ, которые явятся на свѣтъ позднѣе. Имъ все дастся дешево и хорошо.

бы сказать каждому по-одиночкѣ. Вообще хочу полемизировать, ругаться и оскорблять: Е—а сказала мнѣ недавно, что у меня много враговъ. Не знаю, откуда они взялись; лично я едва-ли кого оскорбилъ, слѣдовательно источникъ вражды—въ противуположности мнѣній. Постараюсь оправдать и заслужить вражду моихъ враговъ». Съ кѣмъ-же хотѣлъ полемизировать Грановскій, какія мнѣнія хотѣлъ оскорблять? Въ Москвѣ были тогда въ большомъ ходу толки объ отношеніи исторіи и цивилизаціи Европы къ нашему отечеству и его исторической жизни. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ въ средѣ московскихъ литераторовъ и ученыхъ образовался кругъ людей, сдѣлавшихся извѣстными подъ именемъ славянофиловъ. Грановскій и его друзья находились со многими изъ нихъ въ пріязненныхъ отношеніяхъ. Личныя достоинства и таланты такихъ лицъ, каковы были братья Кирѣевскіе, К. С. Аксаковъ и др., Грановскій искренне уважалъ, не раздѣляя ихъ любимыхъ мнѣній. Многое въ послѣднихъ было совершеннымъ противорѣчіемъ глубокимъ убѣжденіямъ и искреннимъ задушевнымъ желаніямъ Грановскаго. Провозглашая начало народности, славянофилы во имя его провозглашали вмѣстѣ и вражду къ Западу, его идеямъ, его исторіи. Не признавая благотворности реформъ Петра, они искали свои идеалы для будущности Россіи въ ея исторіи до Петра, смыслъ которой толковали сообразно своимъ воззрѣніямъ. Начало народности было живо для нихъ только въ простонародности, въ тѣхъ слояхъ русскаго общества, куда не проникало вліяніе образованія, гражданственности, условій государственнаго быта, всего, что, по мнѣнію славянофиловъ, было насильственно привито Россіи Петромъ. Они мечтали о какомъ-то особенномъ, исключительно народномъ характерѣ не только русской жизни, русскаго быта, русскаго

искусства, но и русской науки. Какъ историкъ и какъ человѣкъ, исполненный живаго сочувствія къ лучшимъ результатамъ европейскаго прошлаго, къ великимъ идеямъ и задачамъ современности и всемірному значенію науки, Грановскій не могъ имѣть ничего общаго съ подобными мнѣніями. Русскому народу, какъ и всякому другому, надо воспитывать свои силы, надо трудиться въ жизни и наукѣ. Въ этой истинѣ нѣтъ ничего, чего-бы не понимали и чего-бы не принимали люди, не раздѣлявшіе всѣхъ остальныхъ мечтаній, исключительности и историческихъ фантазій славянофиловъ, и потому причисленные послѣдними къ партіи Запада, какъ называли славянофилы своихъ противниковъ, къ которымъ причисляли и Грановскаго. Грановскій и нѣкоторые изъ друзей его нерѣдко вели споры и пренія въ личныхъ бесѣдахъ съ сторонниками славянофильства. Мнѣнія славянофиловъ появлялись печатно въ «Москвитянинѣ», издававшемся въ сороковыхъ годахъ г. Погодинымъ съ участіемъ Шевырева, и нѣкоторое время подъ редакціею И. В. Кирѣевскаго. Въ печати противъ этихъ мнѣній прежде и энергичнѣе другихъ выступилъ Бѣлинскій на страницахъ «Отчественныхъ Записокъ». Въ своемъ публичномъ курсѣ Грановскій, въ свою очередь, желалъ высказаться открыто, если не прямо противъ отвергаемыхъ имъ мнѣній, то по крайней мѣрѣ по поводу вопросовъ, обсуждавшихся доселѣ въ личныхъ преніяхъ между сторонниками такъ называемыхъ западничества и славянофильства.

Въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1843 года[1]) встрѣчаемъ современный отчетъ о публичномъ курсѣ, читанномъ Грановскимъ. Мы читаемъ въ немъ: «Въ то время, когда трудный вопросъ объ истинномъ отношеніи западной цивили-

---

[1]) См. № 142.

заціи къ нашему историческому развитію занимаетъ всѣхъ мыслящихъ и разрѣшается противоположно, является одинъ изъ молодыхъ преподавателей нашего университета на каѳедрѣ, чтобъ передать живымъ словомъ исторію того оконченнаго отдѣла судебъ міра германо-католическаго, котораго самобытно развивающаяся Россія не имѣла. Г. Грановскій выходитъ передъ московскимъ обществомъ не какъ адвокатъ среднихъ вѣковъ, а какъ заявитель великаго ряда событій въ ихъ органической связи съ судьбами всего человѣчества... Онъ въ правѣ требовать, чтобы, желая осуждать и отталкивать цѣлую фазу жизни человѣчества — выслушали покрайней мѣрѣ симпатическій разсказъ о ней... Въ наше время глубокое уваженіе къ народности неизъято характера реакціи противъ иноземнаго; многіе смотрятъ на европейское, какъ на чужое, почти какъ на враждебное, многіе боятся въ общечеловѣческомъ утратить Русское. Генезисъ такого воззрѣнія — понятенъ; но и неправда его—очевидна... Мы должны уважить и оцѣнить скорбное развитіе Европы, которое такъ много даетъ намъ теперь; мы должны постигнуть то великое единство развитія рода человѣческаго, которое раскрываетъ въ мнимомъ врагѣ — брата, въ расторженіи—миръ: одно сознаніе этого единства уже даетъ намъ святое право на плодъ, выработанный потомъ и кровью Западомъ».

Въ часъ, назначенный для открытія чтеній Грановскаго, университетская аудиторія была полна. Въ ней собралось образованнѣйшее общество Москвы, литераторы, военные, дамы, старики и юноши. Робко, тихимъ голосомъ, едва слышнымъ на заднихъ скамьяхъ аудиторіи, началъ смущенный преподаватель свое первое чтеніе изложеніемъ развитія науки исторіи; во второмъ онъ излагалъ современное состояніе философіи исторіи, и уже овладѣлъ полнымъ

вниманіемъ и симпатіей слушателей. На третьемъ чтеніи его встрѣтили и проводили громкія, единодушныя рукоплесканія аудиторіи. Въ современномъ письмѣ одного изъ слушателей этого публичнаго курса находимъ слѣдующія строки: «Аудиторія набита биткомъ и тишина до того велика, что слабый голосъ его слышенъ съ края въ край... Какая округлость въ каждой лекціи, какой широкій взглядъ и какая гуманность! это—художественный, полный любви и энергіи разсказъ». Современный отчетъ, явившійся въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, о чтеніяхъ Грановскаго, замѣчалъ: «Органъ его бѣденъ, но какъ богато искупается этотъ физическій недостатокъ прекраснымъ языкомъ, огнемъ связующимъ его рѣчь, полнотою мысли и полнотою любви, которыя очевидны не только въ словахъ, но и въ самой благородной наружности доцента. Въ слабомъ его голосѣ есть нѣчто, проникающее въ душу, вызывающее вниманіе. Въ его рѣчи много поэзіи и нималѣйшей изысканности, ничего для эффекта; на его задумчивомъ лицѣ видна внутренняя добросовѣстная работа».

Характеристику чтеній Грановскаго находимъ въ 7-мъ № Москвитянина за 1844 годъ. Мы читаемъ здѣсь: «Главный характеръ чтеній Грановскаго: чрезвычайно развитая человѣчность, сочувствіе раскрытое ко всему живому, сильному, поэтичному, сочувствіе готовое на все отозваться; любовь широкая и многообъемлющая, любовь къ возникающему, которое онъ радостно привѣтствуетъ, и любовь къ умирающему, которое онъ хоронитъ со слезами. Нигдѣ, ничему не вырвалось слова ненависти въ его чтеніяхъ, онъ проходилъ мимо гробовъ, вскрывалъ ихъ — но не оскорблялъ усопшихъ. Дерзкая мысль поправлять царственное теченіе жизни человѣчества—далека была отъ его наукообразнаго взгляда, онъ вездѣ покорялся объ-

ективному значенію событій и стремился только раскрыть смыслъ ихъ... Умѣть во всѣ вѣка, у всѣхъ народовъ, во всѣхъ проявленіяхъ найти съ любовью родное, человѣческое, не отказаться отъ братій, въ какомъ-бы они рубищѣ ни были, въ какомъ-бы неразумномъ возрастѣ мы ихъ ни застали, видѣть, сквозь туманныя испаренія временнаго, просвѣчиваніе вѣчнаго начала, то есть вѣчной цѣли — великое дѣло для историка. Много разъ, когда я слушалъ Грановскаго, живо представлялся мнѣ Гораціо, съ стѣсненнымъ сердцемъ повѣствующій повѣсть о Гамлетѣ, возлѣ помоста, на которомъ покоится тѣло его. Въ Гораціо и мысли нѣтъ воскресить принца; смерть Гамлета для него событіе, онъ самъ сквозь слезы указываетъ на юнаго Фортинбраса, которому завѣщена кровавая порфира, но онъ не можетъ отказать въ грусти падшему; — такъ и въ сочувствіи Грановскаго къ среднимъ вѣкамъ не было ничего вспять текущаго, обращающаго назадъ. Любовь и сочувствіе къ побѣжденному — верхъ побѣды... Грановскій (не смотря на упреки дѣланные ему въ началѣ курса) прекрасно понялъ каковъ долженъ быть русскій языкъ о западномъ дѣлѣ. Онъ ни разу не внесъ въ катакомбы чужихъ праотцевъ ни одного слова, ни одного намека изъ сегодняшнихъ споровъ ихъ наслѣдниковъ; не для того взята была имъ въ руки запыленная хартія среднихъ вѣковъ, чтобы въ ней сыскать опору себѣ, своему образу мыслей: ему не нужна средневѣковая инвеститура, онъ стоитъ на иной почвѣ. Отъ этого его преподаваніе получило тотъ характеръ искренности и добросовѣстности, ту многостороннюю полноту и пластичность, которая такъ рѣдко встрѣчается въ исторіи; событія, несгнетаемыя никакой личной теоріей, являлись въ его разсказѣ совершенно ожившими. Мнѣ случалось много разъ слышать нелѣпые вопросы, по-

чему онъ не высказывается яснѣе, что онъ хочетъ доказать, какая цѣль его? Онъ и любитъ феодализмъ и радъ его паденію—и пр... Многосторонность живаго наводитъ страхъ и уныніе на одностороннихъ людей, они требуютъ du positif!... Но Грановскій слишкомъ историкъ въ душѣ, чтобы впасть въ ненужную односторонность... Грановскій миновалъ другой подводный камень, опаснѣйшій нежели пристрастіе въ воззрѣніи на феодальныя событія. Знакомый съ писаніями великихъ германскихъ мыслителей, онъ остался независимъ. Онъ прекрасно опредѣлилъ современное состояніе философіи исторіи во второмъ чтеніи, но не подчинилъ живаго развитія никакой оцѣпеняющей формулѣ... Принимая исторію за правильно развивающійся организмъ, онъ нигдѣ не подчинилъ событій формальному закону необходимости и искусственнымъ гранямъ. Необходимость являлась въ его разсказѣ какою-то сокровенною мыслію эпохи; она ощущалась издали, какъ нѣкій Deus implicitus, предоставляющій полную волю и полный разумъ жизни».

Изъ указаннаго здѣсь характера публичныхъ чтеній Грановскаго уже видно, что высказанныя имъ въ письмѣ къ другу намѣренія полемизировать и оскорблять мнѣнія противниковъ, могли быть приведены имъ въ исполненіе только въ той формѣ и тѣмъ способомъ, которые были свойственны его историческому созерцанію, его благородной и гуманной природѣ. Онъ опровергалъ мнѣнія противниковъ также, какъ высказывалъ свои убѣжденія—раскрытіемъ смысла повѣствуемыхъ событій и явленій. Историческія явленія въ его изложеніи говорили сами за себя. Такою явилась та полемика, съ которою обѣщалъ выступить Грановскій; однакоже она не сдѣлалась отъ того менѣе дѣйствительною и незамѣтною для людей, упрекавшихъ его въ пристрастіи къ Западу, въ непониманіи русской жизни, въ отступничествѣ

отъ народности. Послѣ третьяго своего чтенія Грановскій пишетъ Н. Х. К—у: «Лекціи мои произвели болѣе впечатлѣнія, нежели я ожидалъ. Въ аудиторіи нѣтъ мѣста, дамы пріѣзжаютъ за полчаса до начала, чтобы сѣсть поближе; я самъ—boeuf à la mode. Хвалятъ и бранятъ не въ мѣру. Шевыревъ уже отпустилъ нѣсколько ядовитыхъ фразъ на счетъ моего направленія и пристрастія къ извѣстнымъ идеямъ; написалъ статью въ Москвитянинѣ; я еще не читалъ, но знаю, что эту статью значительно укоротилъ П—нъ. Давыдовъ ругаетъ меня наповалъ, однимъ словомъ ругаютъ всѣ, кому слѣдуетъ..... Остервенѣніе Славянъ возрастаетъ съ каждымъ днемъ; они ругаютъ меня не за то, что̀ я говорю, а за то, о чемъ умалчиваю. Я читаю исторію Запада, а они говорятъ: зачѣмъ онъ не говоритъ о Россіи....... Впрочемъ, я напечатаю свои лекціи по окончаніи курса, дабы не было глупыхъ толковъ».

Статья Шевырева о публичныхъ лекціяхъ Грановскаго появилась въ 12 книгѣ Москвитянина за 1843 годъ. Въ ней читаемъ между прочимъ: «Мы совершенно увѣрены въ полнотѣ убѣжденій, которыя ученый приноситъ на каѳедру, но не можемъ сказать того-же относительно многосторонности и безпристрастія, какихъ мы вправѣ были ожидать отъ Русскаго ученаго..... Онъ самъ добровольно сталъ въ ряды западныхъ мыслителей, тамъ приковалъ себя къ одному чужому знамени и обѣщалъ намъ быть эхомъ одной только стороны историческаго ученія». Статья упрекала Грановскаго за то, что всѣ историческія школы принесены имъ въ жертву одной книгѣ (подъ которою вѣроятно разумѣлась философія исторіи Гегеля). Подобные упреки всего менѣе могли справедливо относиться къ чтеніямъ Грановскаго, свободнымъ отъ всякой предвзятой теоріи, отъ всякаго односторонняго ученія. Онъ отвѣчалъ своимъ об-

винителямъ съ каѳедры смѣло и открыто. На одной изъ лекцій онъ спросилъ ихъ, почему онъ долженъ ненавидѣть Западъ, и зачѣмъ, ненавидя его развитіе, сталъ-бы онъ читать его исторію. «Меня обвиняютъ, сказалъ онъ, въ томъ, что исторія служитъ мнѣ только для высказыванія моего воззрѣнія. Это отчасти справедливо, я имѣю убѣжденія и провожу ихъ въ моихъ чтеніяхъ; еслибъ я не имѣлъ ихъ, я не вышелъ-бы публично передъ вами, для того чтобы разсказывать, больше или меньше занимательно, рядъ событій».

Чтенія Грановскаго принимались аудиторіей съ такимъ сочувствіемъ и восторгомъ, что упреки и обвиненія немногихъ голосовъ замолкли подъ вліяніемъ общаго настроенія. Между слушателями и преподавателемъ установилась внутренняя, взаимная связь, живительно дѣйствовавшая на обѣ стороны. Аудиторія, увлеченная словомъ преподавателя, усиливала его энергію и одушевленіе. Казалось, онъ самъ развивался во время чтеній. Онъ росъ и крѣпнулъ на каѳедрѣ. Въ концѣ апрѣля Грановскій читалъ заключительную лекцію своего публичнаго курса. Приведемъ строки изъ письма слушателя, присутствовавшаго на этой лекціи: «Аудиторія была биткомъ набита, Грановскій заключилъ превосходно; онъ постигъ искусство какъ-то нѣжно, тихо коснуться тайныхъ, заповѣдныхъ сторонъ сердца, такъ что оно само радуясь трепещетъ и обливается кровію. Публика, можетъ, сначала стала собираться шутя, куріоза ради; но вскорѣ она была увлечена ей вовсе невѣдомымъ наслажденіемъ энергической всенародной рѣчью; смѣлая чистота и романтическая нѣжность, открыто-благородный образъ мыслей, вѣра въ прогрессъ и любовь къ каждой увядающей формѣ — возбуждали трепетное сочувствіе. Окончивъ, онъ всталъ. Благодарю, говорилъ онъ, тѣхъ, которые сочувствовали съ моими убѣжденіями и оцѣнили добро-

совѣстность, благодарю и тѣхъ, которые, не раздѣляя ихъ, съ открытымъ челомъ, благородно высказывали мнѣ свое несогласіе. При этихъ словахъ онъ какъ-то весь трепеталъ и слезы были на глазахъ, когда онъ еще разъ сказалъ: еще разъ благодарю васъ». — Послѣ заключительныхъ словъ Грановскаго вся аудиторія поднялась съ восторженными рукоплесканіями, раздались крики: браво! прекрасно! трескъ, шумъ; дамы махали платками, другіе бросились къ каѳедрѣ, жали руки преподавателя, требовали его портрета. Онъ хотѣлъ уйти изъ аудиторіи, но толпа преграждала путь ему. Онъ стоялъ блѣдный, сложа руки и склоня голову, хотѣлъ произнести нѣсколько словъ, и не могъ. Шумъ одобренія поднялся съ новою силою, росъ и длился. Студенты толпою заняли лѣстницу, по которой при тѣхъ-же выраженіяхъ восторга, Грановскій, изнемогавшій отъ волненія, едва могъ пробраться въ залы университетскаго совѣта.

«Лекціи Грановскаго, сказалъ Чаадаевъ, выходя съ одной изъ нихъ, имѣютъ историческое значеніе». Въ чемъже состояло оно, если справедливо это замѣчаніе?

На лекціяхъ Грановскаго московское общество впервые испытало впечатлѣнія и силу живаго слова, публичной рѣчи, впервые слышало открыто и съ чарующій силой высокаго таланта раздающійся голосъ науки, впервые рукоплескало искренней и независимой мысли. Оно привѣтствовало не только осмысленное и художественное изложеніе событій исторіи, не только высокій талантъ, но и искреннія убѣжденія глубоко-гуманнаго человѣка, котораго оно узнало въ историкѣ. Положительно можно сказать, что со времени публичныхъ чтеній Грановскаго московское общество сильнѣе, чѣмъ когда нибудь сознало свою связь съ университетомъ, также какъ и университетъ болѣе прежняго сблизился съ обществомъ въ лицѣ лучшихъ представителей

своихъ. Мы упоминали, что Грановскій въ самомъ началѣ своего профессорскаго поприща замѣчалъ, что университетская жизнь оторвана отъ остальнаго русскаго быта. Публичные курсы Грановскаго положили начало сближенія между ними, и въ этомъ отношеніи ихъ историческое значеніе несомнѣнно.

Послѣ заключенія публичнаго курса Грановскаго въ честь его былъ устроенъ обѣдъ. При этомъ примирительная природа Грановскаго была вѣрна своему обычному вліянію. На праздникѣ, данномъ въ честь его, соединились люди противуположныхъ мнѣній и направленій. Славянофилы приняли участіе въ немъ и назначили изъ своей среды одного изъ распорядителей праздника. Въ обѣдѣ принялъ участіе и С. П. Шевыревъ. Пиръ, сопровождался общимъ одушевленнымъ веселіемъ. Грановскій и его друзья обнялись и облобызались порусски съ славянофилами.

Общій миръ, возстановленный на праздникѣ, конечно не могъ длиться долго между людьми несходныхъ направленій. Споры и столкновенія между обѣими сторонами скоро возобновились. Бѣлинскій продолжалъ борьбу съ славянофилами въ Отечественныхъ Запискахъ. Тонъ его невоздержной рѣчи не всегда нравился Грановскому, но онъ признавалъ благородство и справедливость побужденій, внушавшихъ ее. Мелочныя обстоятельства или невоздержныя выходки какого-нибудь сторонника славянофильства отравляли еще болѣе отношенія двухъ сторонъ. Однажды появилось и читалось въ Москвѣ произведеніе поэта, указывавшее на противниковъ славянофиловъ какъ на измѣнниковъ отечеству, на Грановскаго какъ на человѣка, растлѣвающаго юношей своимъ ученіемъ.

Грановскій былъ доволенъ и оживленъ успѣхомъ своего публичнаго курса, со времени котораго значеніе его въ

университетѣ и уваженіе къ нему въ обществѣ замѣтно выросли, но у него не было недостатка и въ тяжелыхъ непріятностяхъ. Профессорскому поприщу Грановскаго среди успѣховъ уже грозила опасность. Оно было до того непрочно, что онъ уже вынужденъ былъ помышлять о перемѣнѣ службы. Плоды интриги завистниковъ его успѣха появились уже зимою 1844 года. «Дѣла мои не совсѣмъ хорошо идутъ, пишетъ Грановскій Н. X. К—у (14 янв. 1844). Я думаю, что придется итти въ отставку или перемѣнить службу». Онъ сообщаетъ, что отъ него требовали апологій и оправданій въ видѣ лекцій. «Реформація и революція должны быть излагаемы съ католической точки зрѣнія и какъ шаги назадъ. Я предложилъ не читать вовсе о революціи. Реформаціи уступить я не могъ. Что-же бы это была за исторія?... Что нибудь кроется подъ этимъ. Полагаю, что наушничаетъ Д—ъ. Быть можетъ и мнѣ придется переходить на службу къ вамъ въ Питеръ. Что дѣлать? Жаль Москвы, которая, что̀ бы ни вралъ Бѣлинскій, выше, умнѣе, образованнѣе Петербурга». Дѣло впрочемъ уладилось. Университетъ не лишился въ лицѣ Грановскаго замѣчательнаго преподавателя, съ полною удачею избраннаго для занимаемой имъ каѳедры самимъ начальствомъ университета. Грановскій, не смотря на его откровенныя объясненія и готовность оставить службу, если потребуютъ уступокъ противныхъ его совѣсти, остался на каѳедрѣ.

Окончивъ свой публичный курсъ, Грановскій вмѣстѣ съ своими друзьями хотѣлъ еще разъ попытаться издавать журналъ. Для этого предпріятія составился капиталъ на акціяхъ, оплаченныхъ друзьями. Сначала они намѣревались купить одинъ изъ существующихъ или по крайней мѣрѣ уже разрѣшенныхъ къ изданію журналовъ. Думали

купить Галатею у Раича, Русскій Вѣстникъ у Глинки или Библіотеку для чтенія у Сенковскаго, чтобы избѣжать затрудненій, которыя въ то время неизбѣжно встрѣчались при каждомъ ходатайствѣ о дозволеніи на изданіе новаго журнала. Но денежныя средства, которыми располагали друзья, не были достаточны для подобной покупки, а потому Грановскій подалъ въ іюнѣ прошеніе о разрѣшеніи ему издавать журналъ: «Ежемѣсячное Обозрѣніе». Редакцію его, по общему желанію друзей, долженъ былъ принять на себя Е. Ѳ. Коршъ, издававшій тогда Московскія Вѣдомости. Журналу предполагалось дать преимущественно историческій и критическій характеръ. Друзья уже начали готовить статьи, приглашали къ сотрудничеству Бѣлинскаго, обращались съ заказами статей и къ другимъ сотрудникамъ. Съ мыслію и заботами о предполагаемомъ изданіи Грановскій выѣхалъ изъ Москвы въ іюнѣ въ Орловскую и Полтавскую губерніи, гдѣ ждали его заботы о больномъ отцѣ и хозяйственные хлопоты. Посѣтивъ по дорогѣ И. В. Кирѣевскаго въ его деревнѣ, онъ писалъ женѣ своей въ Москву: «Я прожилъ два хорошіе дня съ Иваномъ Васильевичемъ. Всякій день мы сидѣли съ нимъ до трехъ часовъ ночи и говорили о многомъ. Онъ почти рѣшился взять «Москвитянина», и радъ, что у насъ можетъ быть свой журналъ. Онъ очень хорошо понимаетъ, что намъ невозможно быть постоянными сотрудниками въ журналѣ, которому онъ хочетъ дать одинъ характеръ. А съ нимъ сойтись нетрудно, но друзья его!...» Письмо кончалось вопросомъ: «А что нашъ журналъ?» Въ отвѣтъ его увѣдомили, что просьба о разрѣшеніи изданія отправлена къ министру народнаго просвѣщенія.

Среди хлопотъ и разъѣздовъ, въ которыхъ проходило лѣто для Грановскаго, онъ писалъ изъ Орла къ женѣ, отвѣ-

чая на ея планы деревенской жизни: «Мечты твои о деревенской жизни, Лиза, едва-ли скоро сбудутся. Я люблю деревню, но люблю эту жизнь, какъ отдыхъ. Я привыкъ къ дѣятельности, и моя настоящая дѣятельность дорога мнѣ—я не могу отъ нея отказаться. Ты скажешь, что я могу работать, писать и въ деревнѣ, но я еще не знаю—есть-ли у меня литературный талантъ, а какъ профессоръ я сознаю въ себѣ призваніе къ этому дѣлу и способность.... Мы можемъ каждое лѣто проводить въ деревнѣ, но постоянная жизнь въ деревнѣ не для меня до тѣхъ поръ, пока мнѣ можно будетъ оставаться при университетѣ.... Я не могу принять незаслуженнаго отдыха, покоя прежде усталости. Это несогласно съ моимъ взглядомъ на жизнь.... Мнѣ нуженъ трудъ, люди и, скажу правду, вліяніе на людей, то есть возможность дѣлиться съ ними моими учеными и другими мнѣніями. Все это даетъ мнѣ университетъ».

Грановскому нужна была возможность вліянія на людей, онъ хотѣлъ испытать свои литературныя способности, а разрѣшеніе на задуманное изданіе не являлось, когда наступилъ уже и конецъ октября. «Разрѣшеніе издавать новый журналъ въ Москвѣ еще не пришло, пишетъ онъ Фролову (21 окт. 1844). Эта задержка насъ очень разстроила. Если разрѣшеніе придетъ въ ноябрѣ, то придется отложить изданіе журнала до 1846 года, потому-что въ ноябрѣ поздно набирать подписчиковъ, а наши денежныя средства невелики, и издавать журналъ на свой счетъ мы не въ состояніи........ Придется прождать еще годъ. Когда подумаешь, сколько годовъ уже прошло въ безплодныхъ сборахъ и надеждахъ, то станетъ тяжело на сердцѣ. Мы всѣ перешагнули за 30 лѣтъ; у всѣхъ у насъ были надежды, желаніе труда, силы. Что-же изъ всего вышло? Назади мало, впереди темно и неопредѣленно... Если бы по крайней

мѣрѣ для насъ открылась возможность общей успѣшной дѣятельности года на два, на три. Это немного, но можно бы оставить по себѣ слѣдъ, вліяніе, благородный примѣръ безкорыстнаго труда, который у насъ на Руси такъ рѣдокъ. До дѣльныхъ книгъ публика наша еще не доросла. Ей нужны пока журналы, и журналомъ можно принести много пользы,—болѣе, чѣмъ цѣлою библіотекою ученыхъ сочиненій, которыхъ никто читать не станетъ». Прошелъ 1844 годъ; отвѣтъ на просьбу о журналѣ все не приходилъ. Въ 1845 году онъ наконецъ послѣдовалъ. Отвѣтъ былъ кратокъ: «не нужно». Помыслы Грановскаго о журналѣ кончились такъ-же, какъ кончались прежде всѣ его намѣренія издавать сборники и альманахи.

Между тѣмъ И. В. Кирѣевскій принялъ редакцію «Москвитянина» и Грановскій обѣщалъ ему свое сотрудничество по отдѣлу исторіи.

Осенью 1844 Грановскій кончилъ свою диссертацію: «Волинъ, Іомсбургъ и Винета». Средневѣковые лѣтописцы и писатели эпохи реформаціи, а за ними и послѣдующіе историки смѣшивали Іомсбургъ, норманское поселеніе на Вендскомъ поморьи съ существовавшимъ тамъ же Волиномъ, славянскимъ городомъ, исторія которыхъ была тѣсно связана. Народное преданіе соединило ихъ участь въ одинъ фантастическій образъ, а наука, превзошедши и его смѣлостію своихъ построеній, создала изъ норманской крѣпости и вендскаго города величественную Винету, сѣверную Венецію, поглощенную моремъ за гордость своимъ богатствомъ. Грановскій, пользуясь изслѣдованіями ученыхъ XIX вѣка и дополнивъ ихъ труды нѣкоторыми фактами и выводами изъ послѣднихъ окончательныхъ разысканій, доказывалъ въ диссертаціи, что вопросъ о Винетѣ рѣшенъ окончательно, что деревяннаго Волина не удалось превратить въ мраморную

Винету, существовавшую только въ воображеніи ученыхъ и рыбаковъ. Въ заключеніи диссертаціи читаемъ: «Найдутся и кромѣ рыбаковъ люди, которые еще не отступятся отъ Винеты, которымъ предъ лицомъ сухой, критикою добытой истины, станетъ жаль изящнаго вымысла; но противъ ихъ возраженій наукѣ говорить нечего».

Такіе люди дѣйствительно нашлись. «Диссертацію я не защищаю до сихъ поръ, пишетъ Грановскій Н. Х. К—у (2 янв. 1845), потому-что друзья мои, Давыдовъ и Шевыревъ, при пособіи Б—го хотѣли возвратить мнѣ ее назадъ съ позоромъ. Я просто не взялъ и потребовалъ отъ нихъ письменнаго изложенія причины. Разумѣется, они уступили». Днемъ публичнаго защищенія диссертаціи было назначено 21 февраля. Тѣмъ, которые присутствовали на этомъ диспутѣ памятны еще умѣренность и спокойствіе, съ какими Грановскій отвѣчалъ на болѣе чѣмъ горячія возраженія оппонентовъ. Слушатели и студенты при этомъ случаѣ высказали свое сочувствіе автору диссертаціи и не воздержались отъ выраженій неодобренія нѣкоторымъ изъ его противниковъ. Друзья послѣднихъ начали толковать, что въ университетѣ былъ бунтъ. Толки такого рода могли быть тогда не безопасны для университета. Желая охранить юношей отъ непріятностей, которыя они могли навлечь на себя своимъ увлеченіемъ и громкими выраженіями своего сочувствія преподавателю, Грановскій предъ началомъ одной изъ своихъ лекцій обратился къ нимъ съ словами благодарности и вмѣстѣ совѣта. Рѣчь его замѣчательна по такту, съ которымъ онъ умѣлъ обращаться къ юношамъ, щадя въ самомъ наставленіи ихъ благородные инстинкты и стараясь успокоить горячность ихъ стремленій указавіемъ для нихъ болѣе достойной цѣли. Вотъ слова, произнесенныя имъ къ студентамъ 24 февраля: «Мм. Гг., благодарю васъ за тотъ

пріемъ, которымъ вы почтили меня 21 февраля. Онъ меня еще болѣе привязалъ къ университету и къ вамъ, Мм. Гг. Въ этотъ день я получилъ самую благородную и самую драгоцѣнную награду, какую только могъ ожидать преподаватель. Теперь отношенія наши уяснились; поэтому я думаю, Мм. Гг., что впередъ внѣшнія изліянія вашихъ чувствъ будутъ излишни, точно такъ, какъ между двумя старинными, испытанными друзьями излишни новыя увѣренія въ дружбѣ. Теперь эти рукоплесканія могутъ только обратить на насъ вниманіе. Я прошу васъ, Мм. Гг., не перетолковывайте этихъ словъ въ дурную сторону. Я говорю ихъ не изъ страха за себя, даже не изъ страха за васъ, Мм. Гг.,—я знаю, что страхомъ васъ нельзя остановить. Меня заставляютъ говорить причины болѣе разумныя, болѣе достойныя и меня и васъ. Мы, равно и вы и я, принадлежимъ къ молодому поколѣнію—тому поколѣнію, въ рукахъ котораго жизнь и будущность. И вамъ и мнѣ предстоитъ благородное и, надѣюсь, долгое служеніе нашей великой Россіи, Россіи преобразованной Петромъ, Россіи идущей впередъ, и съ равнымъ презрѣніемъ внимающей и клеветамъ иноземцевъ, которые видятъ въ насъ только легкомысленныхъ подражателей западнымъ формамъ, безъ всякаго собственнаго содержанія,— и старческимъ жалобамъ людей, которые любятъ не живую Русь, а ветхій призракъ, вызванный ими изъ могилы, и нечестиво преклоняются предъ кумиромъ, созданнымъ ихъ празднымъ воображеніемъ. Побережемъ же себя на великое служеніе. Въ заключеніе скажу вамъ, Мм. Гг., что гдѣ бы то ни было, и когда бы то ни было, если кто нибудь изъ васъ, прійдетъ ко мнѣ во имя 21 февраля, тотъ найдетъ во мнѣ признательнаго и благодарнаго брата». Рѣчь эта послужила поводомъ къ новымъ толкамъ и обвиненіямъ Грановскаго со стороны его противниковъ. «Обо мнѣ кричатъ, пи-

университетѣ и уваженіе къ нему въ обществѣ замѣтно выросли, но у него не было недостатка и въ тяжелыхъ непріятностяхъ. Профессорскому поприщу Грановскаго среди успѣховъ уже грозила опасность. Оно было до того непрочно, что онъ уже вынужденъ былъ помышлять о перемѣнѣ службы. Плоды интриги завистниковъ его успѣха появились уже зимою 1844 года. «Дѣла мои не совсѣмъ хорошо идутъ, пишетъ Грановскій Н. Х. К—у (14 янв. 1844). Я думаю, что придется итти въ отставку или перемѣнить службу». Онъ сообщаетъ, что отъ него требовали апологій и оправданій въ видѣ лекцій. «Реформація и революція должны быть излагаемы съ католической точки зрѣнія и какъ шаги назадъ. Я предложилъ не читать вовсе о революціи. Реформаціи уступить я не могъ. Что-же бы это была за исторія?... Что нибудь кроется подъ этимъ. Полагаю, что наушничаетъ Д—ъ. Быть можетъ и мнѣ придется переходить на службу къ вамъ въ Питеръ. Что дѣлать? Жаль Москвы, которая, что̀ бы ни вралъ Бѣлинскій, выше, умнѣе, образованнѣе Петербурга». Дѣло впрочемъ уладилось. Университетъ не лишился въ лицѣ Грановскаго замѣчательнаго преподавателя, съ полною удачею избраннаго для занимаемой имъ каѳедры самимъ начальствомъ университета. Грановскій, не смотря на его откровенныя объясненія и готовность оставить службу, если потребуютъ уступокъ противныхъ его совѣсти, остался на каѳедрѣ.

Окончивъ свой публичный курсъ, Грановскій вмѣстѣ съ своими друзьями хотѣлъ еще разъ попытаться издавать журналъ. Для этого предпріятія составился капиталъ на акціяхъ, оплаченныхъ друзьями. Сначала они намѣревались купить одинъ изъ существующихъ или по крайней мѣрѣ уже разрѣшенныхъ къ изданію журналовъ. Думали

купить Галатею у Раича, Русскій Вѣстникъ у Глинки или Библіотеку для чтенія у Сенковскаго, чтобы избѣжать затрудненій, которыя въ то время неизбѣжно встрѣчались при каждомъ ходатайствѣ о дозволеніи на изданіе новаго журнала. Но денежныя средства, которыми располагали друзья, не были достаточны для подобной покупки, а потому Грановскій подалъ въ іюнѣ прошеніе о разрѣшеніи ему издавать журналъ: «Ежемѣсячное Обозрѣніе». Редакцію его, по общему желанію друзей, долженъ былъ принять на себя Е. Ѳ. Коршъ, издававшій тогда Московскія Вѣдомости. Журналу предполагалось дать преимущественно историческій и критическій характеръ. Друзья уже начали готовить статьи, приглашали къ сотрудничеству Бѣлинскаго, обращались съ заказами статей и къ другимъ сотрудникамъ. Съ мыслію и заботами о предполагаемомъ изданіи Грановскій выѣхалъ изъ Москвы въ іюнѣ въ Орловскую и Полтавскую губерніи, гдѣ ждали его заботы о больномъ отцѣ и хозяйственные хлопоты. Посѣтивъ по дорогѣ И. В. Кирѣевскаго въ его деревнѣ, онъ писалъ женѣ своей въ Москву: «Я прожилъ два хорошіе дня съ Иваномъ Васильевичемъ. Всякій день мы сидѣли съ нимъ до трехъ часовъ ночи и говорили о многомъ. Онъ почти рѣшился взять «Москвитянина», и радъ, что у насъ можетъ быть свой журналъ. Онъ очень хорошо понимаетъ, что намъ невозможно быть постоянными сотрудниками въ журналѣ, которому онъ хочетъ дать одинъ характеръ. А съ нимъ сойтись нетрудно, но друзья его!...» Письмо кончалось вопросомъ: «А что нашъ журналъ?» Въ отвѣтъ его увѣдомили, что просьба о разрѣшеніи изданія отправлена къ министру народнаго просвѣщенія.

Среди хлопотъ и разъѣздовъ, въ которыхъ проходило лѣто для Грановскаго, онъ писалъ изъ Орла къ женѣ, отвѣ-

чая на ея планы деревенской жизни: «Мечты твои о деревенской жизни, Лиза, едва-ли скоро сбудутся. Я люблю деревню, но люблю эту жизнь, какъ отдыхъ. Я привыкъ къ дѣятельности, и моя настоящая дѣятельность дорога мнѣ—я не могу отъ нея отказаться. Ты скажешь, что я могу работать, писать и въ деревнѣ, но я еще не знаю— есть-ли у меня литературный талантъ, а какъ профессоръ я сознаю въ себѣ призваніе къ этому дѣлу и способность... Мы можемъ каждое лѣто проводить въ деревнѣ, но постоянная жизнь въ деревнѣ не для меня до тѣхъ поръ, пока мнѣ можно будетъ оставаться при университетѣ.... Я не могу принять незаслуженнаго отдыха, покоя прежде усталости. Это несогласно съ моимъ взглядомъ на жизнь.... Мнѣ нуженъ трудъ, люди и, скажу правду, вліяніе на людей, то есть возможность дѣлиться съ ними моими учеными и другими мнѣніями. Все это даетъ мнѣ университетъ».

Грановскому нужна была возможность вліянія на людей, онъ хотѣлъ испытать свои литературныя способности, а разрѣшеніе на задуманное изданіе не являлось, когда наступилъ уже и конецъ октября. «Разрѣшеніе издавать новый журналъ въ Москвѣ еще не пришло, пишетъ онъ Фролову (21 окт. 1844). Эта задержка насъ очень разстроила. Если разрѣшеніе придетъ въ ноябрѣ, то придется отложить изданіе журнала до 1846 года, потому-что въ ноябрѣ поздно набирать подписчиковъ, а наши денежныя средства невелики, и издавать журналъ на свой счетъ мы не въ состояніи........ Придется прождать еще годъ. Когда подумаешь, сколько годовъ уже прошло въ безплодныхъ сборахъ и надеждахъ, то станетъ тяжело на сердцѣ. Мы всѣ перешагнули за 30 лѣтъ; у всѣхъ у насъ были надежды, желаніе труда, силы. Что-же изъ всего вышло? Назади мало, впереди темно и неопредѣленно... Если бы по крайней

мѣрѣ для насъ открылась возможность общей успѣшной дѣятельности года на два, на три. Это немного, но можно бы оставить по себѣ слѣдъ, вліяніе, благородный примѣръ безкорыстнаго труда, который у насъ на Руси такъ рѣдокъ. До дѣльныхъ книгъ публика наша еще не доросла. Ей нужны пока журналы, и журналомъ можно принести много пользы,—болѣе, чѣмъ цѣлою библіотекою ученыхъ сочиненій, которыхъ никто читать не станетъ». Прошелъ 1844 годъ; отвѣтъ на просьбу о журналѣ все не приходилъ. Въ 1845 году онъ наконецъ послѣдовалъ. Отвѣтъ былъ кратокъ: «не нужно». Помыслы Грановскаго о журналѣ кончились такъ-же, какъ кончались прежде всѣ его намѣренія издавать сборники и альманахи.

Между тѣмъ И. В. Кирѣевскій принялъ редакцію «Москвитянина» и Грановскій обѣщалъ ему свое сотрудничество по отдѣлу исторіи.

Осенью 1844 Грановскій кончилъ свою диссертацію: «Волинъ, Іомсбургъ и Винета». Средневѣковые лѣтописцы и писатели эпохи реформаціи, а за ними и послѣдующіе историки смѣшивали Іомсбургъ, норманское поселеніе на Вендскомъ поморьи съ существовавшимъ тамъ же Волиномъ, славянскимъ городомъ, исторія которыхъ была тѣсно связана. Народное преданіе соединило ихъ участь въ одинъ фантастическій образъ, а наука, превзошедши и его смѣлостію своихъ построеній, создала изъ норманской крѣпости и вендскаго города величественную Винету, сѣверную Венецію, поглощенную моремъ за гордость своимъ богатствомъ. Грановскій, пользуясь изслѣдованіями ученыхъ XIX вѣка и дополнивъ ихъ труды нѣкоторыми фактами и выводами изъ послѣднихъ окончательныхъ разысканій, доказывалъ въ диссертаціи, что вопросъ о Винетѣ рѣшенъ окончательно, что деревяннаго Волина не удалось превратить въ мраморную

Винету, существовавшую только въ воображенiи ученыхъ и рыбаковъ. Въ заключенiи диссертацiи читаемъ: «Найдутся и кромѣ рыбаковъ люди, которые еще не отступятся отъ Винеты, которымъ предъ лицомъ сухой, критикою добытой истины, станетъ жаль изящнаго вымысла; но противъ ихъ возраженiй наукѣ говорить нечего».

Такiе люди дѣйствительно нашлись. «Диссертацiю я не защищаю до сихъ поръ, пишетъ Грановскiй Н. Х. К—у (2 янв. 1845), потому-что друзья мои, Давыдовъ и Шевыревъ, при пособiи Б—го хотѣли возвратить мнѣ ее назадъ съ позоромъ. Я просто не взялъ и потребовалъ отъ нихъ письменнаго изложенiя причины. Разумѣется, они уступили». Днемъ публичнаго защищенiя диссертацiи было назначено 21 февраля. Тѣмъ, которые присутствовали на этомъ диспутѣ памятны еще умѣренность и спокойствiе, съ какими Грановскiй отвѣчалъ на болѣе чѣмъ горячiя возраженiя оппонентовъ. Слушатели и студенты при этомъ случаѣ высказали свое сочувствiе автору диссертацiи и не воздержались отъ выраженiй неодобренiя нѣкоторымъ изъ его противниковъ. Друзья послѣднихъ начали толковать, что въ университетѣ былъ бунтъ. Толки такого рода могли быть тогда не безопасны для университета. Желая охранить юношей отъ непрiятностей, которыя они могли навлечь на себя своимъ увлеченiемъ и громкими выраженiями своего сочувствiя преподавателю, Грановскiй предъ началомъ одной изъ своихъ лекцiй обратился къ нимъ съ словами благодарности и вмѣстѣ совѣта. Рѣчь его замѣчательна по такту, съ которымъ онъ умѣлъ обращаться къ юношамъ, щадя въ самомъ наставленiи ихъ благородные инстинкты и стараясь успокоить горячность ихъ стремленiй указанiемъ для нихъ болѣе достойной цѣли. Вотъ слова, произнесенныя имъ къ студентамъ 24 февраля: «Мм. Гг., благодарю васъ за тотъ

пріемъ, которымъ вы почтили меня 21 февраля. Онъ меня еще болѣе привязалъ къ университету и къ вамъ, Мм. Гг. Въ этотъ день я получилъ самую благородную и самую драгоцѣнную награду, какую только могъ ожидать преподаватель. Теперь отношенія наши уяснились; поэтому я думаю, Мм. Гг., что впередъ внѣшнія изліянія вашихъ чувствъ будутъ излишни, точно такъ, какъ между двумя старинными, испытанными друзьями излишни новыя увѣренія въ дружбѣ. Теперь эти рукоплесканія могутъ только обратить на насъ вниманіе. Я прошу васъ, Мм. Гг., не перетолковывайте этихъ словъ въ дурную сторону. Я говорю ихъ не изъ страха за себя, даже не изъ страха за васъ, Мм. Гг.,—я знаю, что страхомъ васъ нельзя остановить. Меня заставляютъ говорить причины болѣе разумныя, болѣе достойныя и меня и васъ. Мы, равно и вы и я, принадлежимъ къ молодому поколѣнію—тому поколѣнію, въ рукахъ котораго жизнь и будущность. И вамъ и мнѣ предстоитъ благородное и, надѣюсь, долгое служеніе нашей великой Россіи, Россіи преобразованной Петромъ, Россіи идущей впередъ, и съ равнымъ презрѣніемъ внимающей и клеветамъ иноземцевъ, которые видятъ въ насъ только легкомысленныхъ подражателей западнымъ формамъ, безъ всякаго собственнаго содержанія,—и старческимъ жалобамъ людей, которые любятъ не живую Русь, а ветхій призракъ, вызванный ими изъ могилы, и нечестиво преклоняются предъ кумиромъ, созданнымъ ихъ празднымъ воображеніемъ. Побережемъ же себя на великое служеніе. Въ заключеніе скажу вамъ, Мм. Гг., что гдѣ бы то ни было, и когда бы то ни было, если кто нибудь изъ васъ, прійдетъ ко мнѣ во имя 21 февраля, тотъ найдетъ во мнѣ признательнаго и благодарнаго брата». Рѣчь эта послужила поводомъ къ новымъ толкамъ и обвиненіямъ Грановскаго со стороны его противниковъ. «Обо мнѣ кричатъ, пи-

шетъ Грановскій Н. Х. К—у (мартъ 1845), что я интригантъ и тайный виновникъ всѣхъ оскорбленій, которыя наносятся славянству». Онъ пишетъ, что, сверхъ того, подобныя обвиненія распространяются и на друзей его, что, между прочими, Бѣлинскаго обвиняютъ въ томъ, что онъ подрываетъ своими статьями народность, семейную нравственность и православіе; упоминаетъ также и о своихъ рѣзкихъ личныхъ объясненіяхъ съ нѣкоторыми изъ его обвинителей. Среди бумагъ Грановскаго сохранилось письмо его къ И. В. Кирѣевскому, обрисовывающее отношенія Грановскаго къ противникамъ и носящее слѣды необычайнаго въ немъ раздраженія; повторяя въ немъ предложеніе своего сотрудничества журналу, редакцію котораго принялъ на себя Кирѣевскій, онъ говоритъ, что предложилъ свои услуги ему лично, а не «Москвитянину», журналу съ даннымъ направленіемъ, и не его сотрудникамъ, а потому проситъ не выставлять своего имени среди именъ послѣднихъ, пока Кирѣевскій не выставитъ и своего имени какъ редактора «Москвитянина». Письмо говоритъ о неважности различія мнѣній и направленій, когда они не имѣютъ практическаго значенія, но что Грановскій не хочетъ «стать на ряду съ большею частію сотрудниковъ «Москвитянина», не потому, что они Славяне и православные христіане, а онъ, отчасти по ихъ милости, ославленъ врагомъ церкви и Россіи, а потому что нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ не уважаетъ лично. «Повѣрьте, писалъ Грановскій о письмѣ своемъ, что въ немъ очень мало участвовало раздраженіе (конечно законное), произведенное во мнѣ недавнею исторіею съ моею диссертаціею. Эта исторія только подкрѣпила давнишнія предположенія мои относительно прямоты и честности моихъ противниковъ.... За мнѣнія свои, говоритъ Грановскій въ заключеніи письма, я принимаю на себя полную отвѣт-

ственность, тѣмъ болѣе, что я еще не попалъ ни въ профессоры (Грановскій былъ тогда еще преподавателемъ), ни въ литераторы, которымъ однимъ позволяется говорить безнаказанно дерзости и творить гадости, нетерпимыя ни въ какомъ другомъ кругу».

Но не одни литературные противники были у Грановскаго. Дѣятельность его на каѳедрѣ, его талантъ, высокая нравственная чистота и обаяніе его изящной личности пріобрѣтали ему извѣстность, уваженіе, доставляли горячо любящихъ и беззавѣтно преданныхъ ему друзей, много почитателей и поклонниковъ, но все это возбуждало также противъ него и зависть, и злыя подозрѣнія, и вражду. Въ письмѣ кузинѣ (4 фев. 1846), говоря о разстроенныхъ дѣлахъ имѣнія, доставшагося ему послѣ матери, онъ продолжаетъ: «Je pensais à vendre ce bien, mais je n'en ai pas le courage. Peut-être en aurai-je besoin un jour. Ma position actuelle est assez belle, mais rien moins que sûre. J'ai le bonheur d'avoir beaucoup d'ennemis, qui avouent franchement le désir de se débarrasser de moi. L'année passée on m'a dénoncé trois fois comme homme dangereux à l'état et à la religion. Maintenant on ne s'attaque plus à ma religion, mais à mes idées politiques. Jusqu'à présent le ministre a été de mon côté, mais cela durera-t-il? Aura-t-on toujours la patience d'écouter ma justification avant de prononcer mon arrêt? Qui le sait. On m'a déjà fait entendre une fois, que je ferais bien de changer de service, qu'un homme de mes talents etc. peut être très-utile dans une autre carrière. J'ai fait la sourde oreille. Voilà pourquoi je tiens à mon bien en Petite Russie. Il peut me servir provisoirement de refuge, si je quitte malgré moi mon service» [1]).

---

[1]) Я думалъ продать это имѣніе, но не могу рѣшиться. Оно можетъ понадобиться мнѣ. Мое теперешнее положеніе довольно хорошо,

Утрата любимыхъ родныхъ и друзей юности, препятствія, которыя встрѣчали планы его литературной дѣятельности, непрочность его положенія въ университетѣ и невѣрное будущее — все это вмѣстѣ начало колебать свѣтлое, молодое настроеніе души Грановскаго. Мрачное расположеніе духа стало чаще прежняго овладѣвать имъ; но юношеская довѣрчивость къ жизни и надежды замѣнялись съ лѣтами болѣе прочнымъ чувствомъ — чувствомъ долга. Въ немъ искалъ себѣ опоры Грановскій въ пору душевной усталости. Въ октябрѣ 1845 года онъ пишетъ Фролову за границу: «Благодарю за извѣстія о себѣ и Галаховѣ. Лѣчитесь, учитесь и пріѣзжайте къ намъ. Пора домой. Ты правъ, говоря, что настоящая дѣятельность возможна человѣку только на родной почвѣ. Годы прошли надъ нами недаромъ: они унесли съ собою заманчивыя надежды и планы молодости, но въ большей части изъ насъ сохранилось желаніе труда и пользы въ кругу дѣятельности, данномъ обстоятельствами. Главнымъ пріобрѣтеніемъ послѣднихъ трехъ или четырехъ лѣтъ моей жизни я полагаю развитіе чувства долга. Я работаю много теперь. У меня въ универ-

---

но всего менѣе прочно. Мнѣ посчастливилось имѣть много враговъ, которые откровенно сознаются въ своемъ желаніи сбыть меня. Въ прошедшемъ году на меня дѣлали три раза доносы, какъ на человѣка вреднаго для государства и религіи. Теперь не касаются болѣе моей религіи, но нападаютъ на мои политическія идеи. До сихъ поръ министръ былъ на моей сторонѣ, но продлится ли это? Хватитъ ли у него всегда терпѣнія выслушивать мое оправданіе прежде, чѣмъ произнести приговоръ надо мною? Кто это знаетъ. Мнѣ уже разъ давали понять, что я хорошо бы сдѣлалъ, еслибъ перемѣнилъ службу, что человѣкъ съ моими талантами и т. д. можетъ быть очень полезенъ на иномъ поприщѣ. Я будто не понялъ. Вотъ, почему я дорожу своимъ имѣніемъ въ Малороссіи. Оно можетъ служить мнѣ временнымъ убѣжищемъ, если вынужденъ буду оставить службу.

ситетѣ 10 лекцій въ недѣлю. Сверхъ того, я сбираюсь читать публичный курсъ. Пріѣзжай. Будемъ работать вмѣстѣ. Дѣла много. Трудъ—великое и святое дѣло, Фроловъ. Независимо отъ цѣли, къ которой онъ направленъ и которая, разумѣется, сообщаетъ ему бо́льшую или меньшую важность, онъ лѣчитъ душу отъ больныхъ желаній. У меня ихъ было много, и еще осталось довольно на днѣ души. Я имъ не даю воли». Годы и обстоятельства научили Грановскаго ограниченію своихъ желаній, научили покоряться необходимости. Но все это давалось ему не безъ глубокаго страданія. «Je vais de nouveau faire un cours publique, пишетъ онъ кузинѣ (15 нояб. 1845), quoique je commence à devenir un peu fatigué. J'aurais beaucoup donné pour une année passée à la campagne, mais la chose est tout à fait impossible» [1]). Эти слова о жизни въ деревнѣ ужь не похожи на тѣ, которыя годъ тому назадъ писалъ Грановскій женѣ своей. Въ немъ пробуждалась потребность спокойнаго труда надъ давно задуманнымъ историческимъ сочиненіемъ («Городъ въ древней, средней и новой исторіи»). Ему нуженъ былъ досугъ и покой, котораго онъ былъ лишенъ среди постоянныхъ занятій для лекцій, среди напряженнаго, лихорадочнаго состоянія, до котораго доводили его публичныя чтенія, среди мелочей его служебныхъ обязанностей, среди неумѣнія отказывать въ участіи и услугахъ всѣмъ, кто за ними обращался къ нему.

Въ концѣ 1845 года началъ онъ чтеніе своего публичнаго курса сравнительной исторіи Франціи и Англіи. «Публичныя мои лекціи идутъ хорошо, писалъ Грановскій Фролову (февр. 1846). Публика многочисленна и внима-

[1]) Я опять хочу читать публичный курсъ, хотя начинаю чувствовать нѣкоторую усталость. Я дорого бы далъ за годъ, проведенный въ деревнѣ, но это вполнѣ невозможное дѣло.

тельна. Разумѣется, есть и другія стороны: кривые толки, сплетни, клеветы, обвиненія въ томъ и другомъ и т. п. Но я уже нѣсколько привыкъ къ этому, когда въ первый разъ читалъ свой публичный курсъ. Теперь я былъ готовъ.... Мнѣ кажется, что на эти мерзости приличнѣе всего отвѣчать молчаніемъ. Я боюсь вступить въ грязную сферу сплетней. Есть споры, которые мараютъ даже того, кто споритъ за правое дѣло. И что за люди большая часть враговъ моихъ! Люди, мелкіе душою и талантомъ.... Можно-ли спорить съ ними?» —Лучшее общество Москвы снова наполняло аудиторію, гдѣ снова наслаждалось сильною и задушевною рѣчью Грановскаго. Чтенія продолжались и заключились съ прежнимъ успѣхомъ, съ прежнимъ восторгомъ слушателей. Никто не подозрѣвалъ, чего стоило наслажденіе, испытываемое публикой, самому преподавателю. «Tout n'est pas rose dans la vie, chère et bien bonne cousine, писалъ Грановскій кузинѣ среди успѣха своихъ чтеній (фев. 1846). Il m'est difficile parfois de dompter les sombres idées, qui viennent m'assaillir. Tant que je me porte bien, je puis défier le sort, mais je travaille trop pour que ma santé puisse y résister longtemps. Et puis ce travail use mes forces physiques et morales sans me rendre content de moi-même. Je travaille pour le moment, par ce que j'ai besoin de 12000 roubles par an et je dois les gagner seul, car mon père ne m'a pas donné 1000 roubles depuis mon mariage. J'ai 10—14 heures d'occupation par jour. De cette manière on peut faire beaucoup, mais peu de bon. Les leçons publiques m'ont donné cette année plus de 7000 roubles, mais j'y ai mis, peut-être, quelques années de ma vie. Et puis mes meilleures années s'en vont. Mes plans de travaux littéraires ne se réalisent pas faute de temps. Si le loisir me vient un jour—je crains, qu'il ne me trouve incapable d'en profiter, brisé par une activité

fébrile et mesquine. Les petits succès ne me tentent plus. Ils me flattaient, quand j'étais plus jeune. Maintenant je me crois le droit de prétendre à quelque chose de mieux. Vous venez de lire toute une confession, bonne cousine» [1]).

Успѣхъ не обольщалъ и не успокоивалъ Грановскаго. Онъ былъ строгимъ судіею своей дѣятельности. Душа его не знала самодовольнаго наслажденія мелкихъ или ограниченныхъ людей. Въ виду того, что̀ имъ бывало сдѣлано, онъ желалъ и требовалъ отъ себя лучшаго, полнѣйшаго. Это, между прочимъ, было одною изъ причинъ медленности исполненія задуманныхъ имъ историческихъ произведеній; у него недоставало досуга для желаннаго ихъ исполненія, а ему не было суждено жить долго и у него нерѣдко вырывалось, если не предчувствіе, то опасеніе, что планамъ его не суждено исполниться. «Хочется издать сравнитель-

---

[1]) Въ жизни не все розы, моя дорогая и добрѣйшая кузина. Подчасъ мнѣ трудно одолѣть мрачныя мысли, осаждающія меня. Пока я здоровъ, я могу бороться съ судьбою. Но я работаю слишкомъ много, и при этомъ мое здоровье не можетъ устоять долго. Къ тому-же такая работа истощаетъ мои физическія и нравственныя силы, не сообщая мнѣ довольства самимъ собою. Теперь я работаю потому, что мнѣ нужны 12000 въ годъ и потому что я самъ долженъ зарабатывать ихъ; отецъ мой не далъ мнѣ и 1000 рублей со времени моей женитьбы. Труды занимаютъ у меня отъ 10 до 14 часовъ въ сутки. Такимъ образомъ можно сдѣлать много, но хорошаго мало. Мои публичныя лекціи доставили мнѣ въ нынѣшній годъ болѣе 7000 рублей, но онѣ мнѣ стоили, можетъ быть, нѣсколькихъ лѣтъ моей жизни И затѣмъ лучшіе мои годы уходятъ. Мои планы литературныхъ трудовъ не исполняются за недостаткомъ времени. Если когда нибудь досугъ дастся мнѣ—я боюсь, что онъ найдетъ меня неспособнымъ пользоваться имъ, надломленнымъ лихорадочною и мелочною дѣятельностію. Мелкіе успѣхи не прельщаютъ меня болѣе. Они льстили мнѣ, когда я былъ моложе. Теперь я признаю за собой право стремиться къ чему нибудь лучшему. Вы прочли здѣсь цѣлую исповѣдь, кузина.

ный курсъ исторіи Франціи и Англіи до XVII вѣка, пишетъ онъ Фролову по поводу своихъ публичныхъ лекцій (фев. 1846). Разумѣется, многое должно будетъ перемѣнить, поправить и въ особенности дополнить. Авось выйдетъ порядочная книга. Еще есть кой-какіе планы, нó время идетъ такъ скоро, дѣла такъ много, что я боюсь думать много о будущей дѣятельности».

Съ 1847 года Грановскій, продолжая свою профессорскую дѣятельность обращается чаще прежняго къ дѣятельности литературной. Въ 1847 году въ «Библіотекѣ для воспитанія» появляются его статьи: «Преданія о Карлѣ Великомъ» и «Рыцарь Баярдъ», а въ «Живописной энциклопедіи» — «Петръ Рамусъ», «Испанская инквизиція» и «Квакеры». Заботы о юныхъ поколѣніяхъ, о воспитаніи ихъ были всегда близки душѣ Грановскаго, и онъ не захотѣлъ отказать въ своемъ сотрудничествѣ изданіямъ, имѣвшимъ воспитательное назначеніе. Въ томъ-же году случилось Грановскому выступить и на поприще полемики. Историкъ въ душѣ, онъ вообще не былъ склоненъ къ ней. Лучшій путь къ разрѣшенію вопросовъ и споровъ былъ для него путь историческаго созерцанія и историческихъ выводовъ. Мы уже знаемъ отношенія Грановскаго къ мнѣніямъ и ученію славянофиловъ. Онъ противодѣйствовалъ имъ своими историческими чтеніями, указаніями на исторію Европы и на результаты ея исторической жизни. Онъ даже думалъ, что борьба въ печати съ славянофильскими мнѣніями можетъ только придать имъ важность, которой сами по себѣ они не имѣютъ, что молчаніе лучшее противъ нихъ орудіе [1]). Только однажды рѣшился онъ сказать печатно свое слово противъ притязаній новой, славянофильской науки. Это

[1]) Письмо къ К—у (мартъ 1845 года).

было по поводу замѣчаній Хомякова въ его статьѣ «О возможности русской художественной школы», явившейся въ «Московскомъ Сборникѣ» 1847 года. Замѣчанія Хомякова касались исторической судьбы Бургундовъ, мѣстъ ихъ поселенія, ихъ столкновеній съ другими племенами. Грановскій въ «Письмѣ изъ Москвы» (напечатанномъ въ Отечеств. Зап.), указывалъ, на основаніи историческихъ свидѣтельствъ, хронологическія, историческія и географическія ошибки — странное смѣшеніе годовъ, столѣтій и фактовъ въ замѣчаніяхъ Хомякова. Возраженія Грановскаго заключались слѣдующими строками: «Неужели новая наука, во имя которой говоритъ г. Хомяковъ и другіе, раздѣляющіе его образъ мыслей, останется при такихъ начаткахъ? Обѣщанія ея мы слышали давно, такъ давно, что они перестали быть для насъ надеждами и превратились въ воспоминанія. Гдѣ-жь исполненіе? Гдѣ великіе, на почвѣ исключительной національности совершенные труды, предъ которыми могли-бы сознать свое заблужденіе люди, также глубоко любящіе Россію, слѣдовательно дорожащіе самостоятельностію русской мысли, но не ставящіе ее во враждебную противоположность съ общечеловѣческою и не приписывающіе ей особенныхъ законовъ развитія? Изъ всѣхъ свойствъ молодости, новая наука обнаружила, преимущественно чрезъ г. Хомякова, одну только самонадѣянность. Во всѣхъ остальныхъ она дѣйствуетъ осторожно, довольствуется общими формулами, неохотно вдается въ опасность частныхъ розысканій и рѣдко выходитъ на открытое поле историческихъ фактовъ, на которомъ, до сихъ поръ, употребимъ выраженіе Великаго Петра—она «въ авантажѣ не обрѣталась» [1].

---

[1]) Желающіе ознакомиться ближе съ полемическими пріемами Грановскаго, найдутъ споръ его съ г. Хомяковымъ въ Сочиненіяхъ Грановскаго. Т. II, изд. второе.

Добросовѣстная ученая критика въ полемикѣ Грановскаго соединялась съ тонкою литературною ловкостію.

Въ «Современникѣ» 1847 и слѣдующаго года появились статьи Грановскаго о современной исторической литературѣ во Франціи и Германіи. Это были отчеты о вновь появлявшихся историческихъ сочиненіяхъ. Въ небольшихъ статьяхъ онъ умѣлъ знакомить читателей съ главнымъ содержаніемъ разбираемыхъ книгъ и, касаясь по поводу ихъ живыхъ вопросовъ современности и науки, излагалъ собственныя воззрѣнія на эти вопросы, на науку исторіи и на путь историческаго движенія жизни. Грановскій постоянно слѣдилъ за всѣми явленіями въ исторической литературѣ. Покойный профессоръ исторіи, П. Н. Кудрявцевъ говорилъ о немъ въ своемъ «Воспоминаніи»: «Относительно литературы предмета, съ нимъ почти равно могли совѣтоваться ученики и товарищи. Не было въ ней довольно темнаго уголка, въ который бы онъ не успѣлъ заглянуть Историческая литература Германіи, Франціи, Англіи была, казалось, въ полномъ его распоряженіи.... Быстрое соображеніе и вѣрный взглядъ облегчали ему какъ чтеніе, такъ и оцѣнку нерѣдко весьма многотомнаго сочиненія, между тѣмъ какъ счастливая память твердо хранила большую часть ввѣреннаго ей ученаго богатства.... Навыкъ его къ оцѣнкѣ историческихъ сочиненій былъ такъ великъ, что часто по нѣсколькимъ страницамъ онъ могъ довольно вѣрно опредѣлить характеръ и достоинство произведенія»...

Упомянувъ объ изобиліи появляющихся современныхъ книгъ, Грановскій началъ свои отчеты вопросомъ: что вызвало такое изобиліе? Дѣйствительныя ли требованія науки и жизни, или болѣзнь дряхлѣющаго и празднаго общества, какъ говорятъ многіе? Отвѣтомъ должны были служить отчеты Грановскаго о движеніи современной истори-

ческой литературы. Но здѣсь представлялся вопросъ: можетъ ли историческая литература быть полною представительницею умственной жизни западныхъ народовъ въ виду успѣховъ и открытій естествовѣдѣнія, въ виду чаяній и надеждъ, возбуждаемыхъ имъ. Признавая все великое значеніе успѣховъ естествовѣдѣнія, Грановскій замѣчалъ «опасное заблужденіе тѣхъ немалочисленныхъ защитниковъ естествовѣдѣнія, которые видятъ въ немъ вѣнецъ современной образованности» [1]). Онъ признавалъ, что обзоръ исторической литературы можетъ быть отчетомъ о движеніи общественнаго мнѣнія въ западной Европѣ, такъ-какъ «исторія по самому содержанію своему должна болѣе другихъ наукъ принимать въ себя современныя идеи», и «въ разнообразіи историческихъ школъ и направленій высказываются задушевныя мысли и заботы вѣка». Онъ указывалъ въ произведеніяхъ современной исторической литературы вопросы, задачи и стремленія дорогія, жизненныя для современныхъ

---

[1]) Грановскій писалъ между прочимъ: «Только ограниченность или невѣжество могутъ равнодушно смотрѣть на великіе успѣхи химіи и физіологіи.... Но нельзя въ тоже время не замѣтить опаснаго заблужденія тѣхъ немалочисленныхъ защитниковъ естествовѣдѣнія, которые видятъ въ немъ вѣнецъ современной образованности и хотятъ дать ему первое мѣсто въ воспитаніи, съ рѣшительнымъ перевѣсомъ надъ науками историческаго и филологическаго содержанія.... Но этотъ споръ имѣетъ не одно теоретическое значеніе; онъ касается высшихъ вопросовъ нравственныхъ и общественныхъ. Отъ его рѣшенія зависитъ воспитаніе, и, слѣдовательно, участь будущихъ поколѣній. Смѣемъ думать, что побѣда останется не на сторонѣ такъ называемыхъ реалистовъ. Старая распря человѣка съ природой почти кончена: она уступаетъ ему свои тайны и свои силы.... Но нравственныя потребности человѣка еще не удовлетворены такимъ торжествомъ... Природа только подножіе исторіи, въ сферѣ которой совершается главный подвигъ человѣка, гдѣ онъ самъ является зодчимъ и матеріаломъ». — Сочиненія Грановскаго. Изд. второе Т. II, стр. 190 и 191.

обществъ. Онъ указывалъ ихъ въ самыхъ ошибкахъ или одностороннихъ воззрѣніяхъ авторовъ разбираемыхъ книгъ.

Излагая существенное содержаніе «Исторіи проклятыхъ породъ Франціи и Испаніи» Франциска Мишеля, критикъ указывалъ на странныя, необъяснимыя причины ненависти и отвращенія, постояннымъ предметомъ которыхъ онѣ были со стороны массъ. Защита правительствъ, законы, изслѣдованія науки, ни въ чемъ не подтверждавшія обвиненій (въ чародѣйствѣ, въ отвратительныхъ немощахъ и т. д.), взводимыхъ на проклятыя породы, остались безсильны противъ предразсудковъ, повѣрій и обычая массъ, преслѣдовавшихъ ихъ клеветами, подозрѣніями и ненавистію. Высказывая свое сочувствіе къ книгѣ Ф. Мишеля, оправдывающей отверженныя породы, снимающей съ нихъ, во имя науки, незаслуженное проклятіе, критикъ заключаетъ свой отчетъ замѣчаніями о смыслѣ народныхъ преданій и о задачѣ историческаго движенія жизни. «Многочисленная партія, говоритъ онъ въ заключеніи своей статьи, подняла въ наше время знамя народныхъ преданій и величаетъ ихъ выраженіемъ общаго непогрѣшимаго разума. Такое уваженіе къ массѣ неубыточно. Довольствуясь созерцаніемъ собственной красоты, эта теорія не требуетъ подвига. Но въ основаніи своемъ она враждебна всякому развитію и общественному успѣху. Массы, какъ природа или какъ скандинавскій Торъ (олицетвореніе природы), безсмысленно жестоки и безсмысленно добродушны. Онѣ коснѣютъ подъ тяжестію историческихъ и естественныхъ опредѣленій, отъ которыхъ освобождается мыслію только отдѣльная личность. Въ этомъ разложеніи массъ мыслію заключается процессъ исторіи. Ея задача—нравственная, просвѣщенная, независимая отъ роковыхъ опредѣленій личность и сообразное требованіямъ такой личности общество. Не прибѣгая къ

мистическимъ толкованіямъ, пущеннымъ въ ходъ нѣмецкими романтиками и принятымъ на слово многими у насъ въ Россіи, мы знаемъ, какъ образуются народныя преданія и понимаемъ ихъ значеніе. Смѣемъ однако сказать, что первыя представленія ребенка не должны опредѣлять дѣятельность зрѣлаго человѣка. У каждаго народа есть много прекрасныхъ, глубоко поэтическихъ преданій; но есть нѣчто выше ихъ: это *разумъ*, устраняющій ихъ положительное вліяніе на жизнь и бережно слагающій ихъ въ великія сокровищницы человѣка—науку и поэзію» [1]).

Обратимся къ общимъ историческимъ понятіямъ и убѣжденіямъ Грановскаго, на сколько они высказались въ его историческихъ рецензіяхъ 47 и 48 годовъ, къ его воззрѣніямъ на законы исторіи, на путь историческаго прогресса, на роль и значеніе личности въ исторіи, на практическое значеніе исторической науки.

Въ статьѣ своей, «Реформа въ Англіи», явившейся въ «Современникѣ» 1848 года, онъ говоритъ: «Историки XVIII столѣтія любили объяснять великія событія мелкими причинами. Въ такихъ сближеніяхъ высказывалось не одно остроуміе писателей, но задушевная мысль вѣка, не вѣрившаго въ органическую жизнь человѣчества, подчинявшаго его судьбу своенравному вліянію личной воли и личныхъ страстей.... Наше время перестало вѣрить въ безсмысленное владычество случая. Новая наука, философія исторіи, поставила на его мѣсто законъ, или, лучше сказать, необходимость. Вмѣстѣ съ случаемъ утратила большую часть своего значенія въ исторіи отдѣльная личность». Новое воззрѣніе, болѣе разумное чѣмъ предшествовавшее ему, также сухо и односторонне. «Жизнь человѣчества подчинена

---

[1]) Сочиненія Грановскаго. Изд. 2. Т. II, стр. 200.

тѣмъ же законамъ, какимъ подчинена жизнь всей природы, но законъ не одинаково осуществляется въ этихъ двухъ сферахъ. Явленія природы совершаются гораздо единообразнѣе и правильнѣе, чѣмъ явленія исторіи.... Ей данъ законъ, котораго исполненіе неизбѣжно, но срокъ исполненія не сказанъ — десять лѣтъ, или десять вѣковъ, все равно. Законъ стоитъ какъ цѣль, къ которой неудержимо идетъ человѣчество; но ему нѣтъ дѣла до того, какою дорогою оно идетъ, и много ли потратитъ времени на пути. Здѣсь-то вступаетъ во всѣ права свои отдѣльная личность. Здѣсь лицо выступаетъ не какъ орудіе, а самостоятельно, поборникомъ или противникомъ историческаго закона, и принимаетъ на себя, по праву, отвѣтственность за цѣлые ряды имъ вызванныхъ, или задержанныхъ событій» [1]).

Припомнимъ здѣсь свидѣтельство слушателя Грановскаго и товарища его профессорской дѣятельности, С. М. Соловьева: «Грановскій началъ свою профессорскую дѣятельность, когда умы молодаго поколѣнія были сильно возбуждены великимъ стремленіемъ, господствовавшимъ въ исторической наукѣ, стремленіемъ уяснить законы, которымъ подчинены судьбы человѣчества». Историческія сочиненія важныя по своему достоинству и вліянію, имѣя въ виду общіе законы развитія человѣчества, разсматривали историческихъ дѣятелей, цѣлыя поколѣнія и народы только какъ орудія для достиженія извѣстныхъ цѣлей. Отсюда жесткость взгляда, утрата сочувствія къ поколѣніямъ и народамъ, къ ихъ радостямъ и торжествамъ, ихъ страданіямъ и паденіямъ.... «Цѣлями оправдывались средства, не могущія быть оправданными на судѣ нравственномъ: что нужды, если употреблялись средства ненравственныя, лишь бы употреблены были

---

[1]) Сочиненія Грановскаго. Изд. 2. Т. II, стр. 250.

во имя благодѣтельныхъ для человѣчества идей! — «Идеи не суть индійскія божества, которыхъ возятъ въ торжественныхъ процессіяхъ и которыя давятъ поклонниковъ своихъ, суевѣрно бросающихся подъ ихъ колесницы».— Вотъ слова, раздавшіяся въ аудиторіяхъ нашего университета, съ появленіемъ въ нихъ Грановскаго. Грановскій всѣми силами своей любящей и сочувствующей души, всѣми могущественными средствами своего живаго, теплаго таланта сталъ противодѣйствовать вредной крайности господствующаго направленія, и въ этомъ состоитъ его великая ученая и нравственная заслуга» [1]).

Не вѣря въ безсмысленное владычество случая, не смотря также на событія и лица, какъ на орудія только неизбѣжнаго роковаго закона, Грановскій сохранялъ твердую вѣру въ прогрессивное движеніе исторіи, не смущаясь извилистымъ и уклончивымъ путемъ его. Прогрессъ, говорилъ онъ, всегда является съ одной стороны «порчею чего нибудь существующаго, извѣстнаго, въ пользу еще несуществующаго, невызваннаго къ жизни. Такое постепенное искаженіе формы, осужденной на смерть, можетъ продолжаться долго и быть тѣмъ оскорбительнѣе, чѣмъ прекраснѣе она была въ порѣ своей зрѣлости, чѣмъ неопредѣленнѣе выступаютъ наружу очертанія новой, несложившейся формы». Но ссылка на это явленіе, много разъ повторявшееся, обнаруживаетъ въ отрицателяхъ историческаго прогресса односторонность взгляда или добровольную слѣпоту [2]). Эпохи переходныя, эпохи видимаго паденія, разложенія въ исторической жизни человѣчества, ведутъ къ возникновенію новыхъ началъ, новыхъ формъ жизни, къ новому будущему

[1]) См. Некрологъ Т. Н. Грановскаго, читанный С. М. Соловьевымъ на университетскомъ актѣ 1856 года.

[2]) Сочиненія Грановскаго. Изд. 2. Т. II, стр. 230.

только какъ бы предчувствуемому, но не вполнѣ ясному даже въ сферѣ высшаго сознанія, въ наукѣ, въ философіи.

Практическая польза изученія исторіи подвергалась въ годы дѣятельности Грановскаго такимъ-же сомнѣніямъ, какимъ подвергается нерѣдко и въ наши дни. Э. Жирарденъ уже тогда сказалъ, что хорошо устроенная фабрика можетъ быть поучительнѣе для народа, чѣмъ вся его исторія. Съ негодованіемъ указывая на подобныя мнѣнія, Грановскій говорилъ: «А между тѣмъ весьма немногія событія отмѣчены характеромъ совершенно новыхъ, небывалыхъ явленій; для большей части существуютъ поучительныя историческія аналогіи. Въ способности схватывать эти аналогіи, не останавливаясь на одномъ формальномъ сходствѣ, въ умѣніи узнавать подъ измѣнчивою оболочкою текущихъ происшествій сглаженныя черты прошедшаго заключается, по нашему мнѣнію, высшій признакъ живаго историческаго чувства, которое, въ свою очередь, есть высшій плодъ науки» [1]). Такую способность Грановскій указывалъ въ Нибурѣ, которому, «событія французской революціи служили комментаріемъ къ переворотамъ римской республики, аристократія средневѣковыхъ городовъ объясняли характеръ древняго патриціата. Иногда факты, для другихъ маловажные, почти незамѣченные, приводятъ его къ самымъ, глубокомысленнымъ соображеніямъ. Такъ, новыя отношенія собственности, возникшія въ герцогствѣ голштинскомъ вслѣдствіе уничтоженія крѣпостнаго состоянія, дали Нибуру ключъ къ уразумѣнію аграрныхъ законовъ [2]). Въ своемъ разборѣ книги Нитча (Die Gracchen und ihre nächsten Vorgänger) Грановскій съ сочувствіемъ приводилъ слѣдующія слова автора: «Древняя исторія есть основа

[1]) Сочиненія Грановскаго. Изд. 2. т. II стр. 243.

[2]) Сочиненія Грановскаго. Изд. 2. т. II стр. 201.

и средоточіе всѣхъ такъ-называемыхъ гуманическихъ наукъ. Эти науки, по моему мнѣнію, тогда только въ состояніи будутъ отразить съ успѣхомъ напоръ отъ всюду грозящаго матеріализма, когда изложеніе древней исторіи, равно удаленное отъ сухаго исчисленія фактовъ и риторическаго паѳоса, покажетъ, что древній міръ былъ глубоко тревожимъ тѣми-же жизненными вопросами, которые нынѣ неотступно занимаютъ каждаго благороднаго человѣка» [1]).

Въ историческихъ аналогіяхъ Грановскій видѣлъ практическое значеніе исторіи, и подтверждалъ это убѣжденіе ссылкой на факты. Упоминая о пролетаріатѣ, получившемъ огромное значеніе въ западной Европѣ, онъ указывалъ, что «защитники старины, которые въ этомъ явленіи видятъ нѣчто доселѣ небывалое, исключительно нашему времени принадлежащее и его обвиняющее, находятся въ странномъ, быть можетъ, добровольномъ заблужденіи. На тѣхъ путяхъ развитія, которыми шли всѣ историческія общества, за исключеніемъ патріархальныхъ государствъ Востока, нельзя было избѣжать пролетаріата». Происшествія, совершавшіяся въ Соединенныхъ Штатахъ современной Америки, по мнѣнію Грановскаго, могли пролить много свѣта на римскіе споры о владѣніи. Въ 1844 году въ Нью-Іоркѣ образовался аграрный союзъ. Въ рѣчи, которую произнесъ при этомъ Макенди, слышался отголосокъ римскихъ трибуновъ. Имя Гракховъ явилось на знамени новой партіи. «Такимъ образомъ чрезъ двѣ тысячи лѣтъ, за предѣлами древняго міра, поднялись вопросы, надъ рѣшеніемъ которыхъ потратили столько силъ Фламиніи, Сципіоны, Катонъ и Гракхи» [2]).

Литературная дѣятельность Грановскаго была для него второстепенною, являлась отрывочно, прекращалась скоро,

---

[1]) Сочиненія Грановскаго. Изд. 2. т. II стр. 201—202.

[2]) Сочиненія Грановскаго. Изд. 2. т. II, стр. 202, 215, 216.

не смотря на его намѣреніе сдѣлать ее болѣе постоянною. Причины этого заключались отчасти въ свойствѣ его таланта, которому по преимуществу была сродною живая устная рѣчь, отчасти въ обстоятельствахъ его жизни, долго не дававшихъ ему досуга для историческихъ трудовъ, мысль о которыхъ не покидала его и часто бывала его мучительною неосуществимою потребностію. Болѣе-же всего это зависѣло отъ того, что время, въ которое жилъ Грановскій не допускало искренней и свободной литературной дѣятельности. Мы видѣли изъ его собственныхъ словъ, что онъ долго не былъ увѣренъ въ своемъ литтературномъ талантѣ. Его статьи и рецензіи начали появляться чаще, чѣмъ прежде, съ 1847 года, а время съ слѣдующаго 1848 и до 1855 года, въ которомъ Грановскій скончался, было временемъ, при условіяхъ котораго опускалась рука у самаго рьянаго охотника писать и печатать. Только въ болѣе благопріятную эпоху могъ-бы Грановскій оставить по себѣ труды, достойные его разнообразныхъ и глубокихъ знаній, его высокаго таланта и благородныхъ помысловъ. Но доживая до такой эпохи въ лучшіе годы зрѣлаго возраста, онъ, какъ увидимъ далѣе, былъ уже глубоко утомленъ духомъ и тѣломъ. До конца жизни сохранилъ онъ вѣру въ науку и любовь къ ней, всѣ свои завѣтныя желанія, всѣ благородныя убѣжденія, но у него уже не было силъ для осуществленія задуманныхъ трудовъ. Его послѣдніе годы прожиты имъ подъ гнетомъ постоянныхъ недуговъ, съ которыми онъ тщетно боролся и которые прекратили его дѣятельность уже на 43 году его жизни. Главною и плодотворнѣйшею его дѣятельностію осталась рѣчь его съ каѳедры. Какъ ни малочисленны однакожь были статьи и рецензіи Грановскаго, они не даромъ всегда привлекали читателей: они живо и глубоко касались самыхъ суще-

ственныхъ сторонъ историческихъ вопросовъ и ихъ тѣсной связи съ вопросами, занимающими современнаго человѣка. Форма литературной какъ и устной рѣчи Грановскаго отличалась своимъ особеннымъ характеромъ. Свободная и стройная, она была въ то же время сжата и сильна. Краткость и выразительная отрывочность ея періодовъ не нарушали ея ясности. Рѣчь его была проста и тогда, когда касалась трудныхъ или спеціальныхъ вопросовъ науки, не пестрилась учеными терминами, не затемнялась отвлеченными или неопредѣленными выраженіями. Чувство мѣры никогда не оставляло Грановскаго. «Я вообще не умѣю и не желаю писать длинныхъ статей, говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ. Если не съумѣешь сказать въ немногихъ словахъ того, чѣмъ полно сердце, то многорѣчіемъ только разведешь водою собственныя чувства. Вотъ моя литературная теорія».

Въ 1847 году прибыли въ Московскій университетъ нѣсколько новыхъ преподавателей, и между ними бывшій слушатель Грановскаго, покойный профессоръ исторіи П. Н. Кудрявцевъ. «Въ университетѣ зимою можно ожидать много новаго и пріятнаго, читаемъ въ письмѣ Грановскаго къ Фролову (лѣто 1847). Пріѣхало нѣсколько молодыхъ преподавателей [1]). Все молодые люди съ большими знаніями и умомъ. Я крѣпко готовлюсь къ лекціямъ. Боюсь соперничества съ Кудрявцевымъ, который дѣйствительно будетъ замѣчательнымъ профессоромъ. Такое соперничество хорошо дѣйствуетъ на душу».

Ожиданія Грановскаго отъ зимы этого года исполнились не совсѣмъ. Новые товарищи оправдывали его надежды, но не-

---

[1]) Въ 1847 году прибыли въ московскій университетъ приготовившіеся за границею къ занятію каѳедръ, П. Н. Кудрявцевъ, П. М. Леонтьевъ и Ѳ. Б. Мильгаузенъ.

ожиданно возникли обстоятельства, которыя въ то же время подали поводъ къ удаленію изъ университета другихъ, П. Г. Рѣдкина и К. Д. Кавелина и заставили самого Грановскаго просить отставки отъ службы въ университетѣ.

Грановскій и близкіе ему товарищи желали возвысить достоинство преподавателя до идеальнаго нравственнаго значенія; они желали не только поучать съ каѳедры молодое поколѣніе, но и въ собственномъ лицѣ служить для него образцами нравственной чистоты, человѣческаго достоинства. Даровитый преподаватель, привлекавшій вниманіе молодаго поколѣнія своимъ талантомъ, но не удовлетворявшій такому значенію преподавателя, по ихъ мнѣнію, не долженъ бы былъ оставаться въ средѣ ихъ. Они думали, что онъ или они сами должны оставить университетъ, и въ 1848 году подали ректору свои просьбы объ отставкѣ. Среди бумагъ Грановскаго сохранилось черновое письмо, въ которомъ онъ объяснялъ неизвѣстному для насъ лицу побужденія отставки своей и своихъ товарищей. Въ немъ читаемъ: «Nous acceptons d'avance toutes les conséquences d'une action, qui n'est pas dans les habitudes de notre société. Ce n'est pas une haine personnelle, qui nous a armés contre le professeur... Il a trouvé en nous d'ardents défenseurs tant que ses torts n'étaient pas prouvés. On pourrait peut-être citer d'autres membres de l'université... mais ce sont des hommes d'une autre génération, des hommes qui se sont attardés parmi nous, avec lesquels par conséquent nous ne pouvons pas avoir de solidarité. Le cas du professeur... est autre. Il a été un des ceux, qui ont le plus contribué a la régénération de l'université; il était un des plus remarquables représentants des nouvelles tendances scientifiques; il ne pouvait pas s'abriter derrière son âge ou sa nullité!... En quittant l'université nous emportons avec nous la consci-

ence de lui avoir rendu quelques services par notre présence et peut-être plus encore par la manière, dont nous la quittons. Nous savons, que nos places ne resteront pas longtemps inoccupées. Nous avons fait ce que nous avons pu pour nous préparer nos successeurs. Plus jeunes, plus riches en moyens de développement, que nous ne l'avons été dans nos commencements, ils ne nous feront pas regretter sous le rapport de la science et du talent, mais ils nous sauront gré de l'exemple, que nous leurs léguons. Cet exemple ne sera pas perdu pour les jeunes générations. Elles verront, que désormais un professeur ne saurait être impunément vicieux, même si le châtiment paraît ne pas l'atteindre. Elles auront plus de foi en leurs guides futurs en se souvenant de ceux qui ont sacrifié tout ce qu'ils avaient de présent et d'avenir au sentiment de leur devoir envers l'université» [1]).

---

[1]) Мы заранѣе принимаемъ всѣ послѣдствія поступка, который не въ нравахъ нашего общества. Не личная ненависть вооружила насъ противъ профессора.... Онъ находилъ въ насъ горячихъ защитниковъ, покуда вина его не была доказана. Можетъ быть можно бы назвать и другихъ членовъ университета.... но то люди другаго поколѣнія, люди, запоздавшіе между нами, и съ которыми слѣдовательно мы не можемъ раздѣлять нравственной отвѣтственности. Положеніе профессора.... иное. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ, которые наиболѣе содѣйствовали возрожденію университета, онъ былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ представителей новыхъ научныхъ стремленій; ему нельзя оправдываться своимъ возрастомъ или своимъ ничтожествомъ!... Оставляя университетъ, мы уносимъ съ собою сознаніе, что оказали ему нѣкоторыя услуги нашимъ пребываніемъ въ немъ и, можетъ быть, еще болѣе тѣмъ, какъ мы удаляемся изъ него. Мы знаемъ, что наши мѣста не останутся долго незанятыми. Мы сдѣлали что могли для того, чтобы приготовить преемниковъ себѣ. Моложе насъ, болѣе богатые средствами развитія, чѣмъ были мы въ началѣ нашихъ поприщъ, они не дадутъ повода къ сожалѣніямъ о насъ по отношенію къ наукѣ и таланту, но они будутъ благодарны намъ за примѣръ, который мы завѣщеваемъ имъ. Этотъ примѣръ не пропадетъ для юныхъ

«Дѣло наше кончено, писалъ Грановскій Фролову весною 1848 года, N. остался; мы подали въ отставку. Что впереди меня ждетъ — не знаю; но я смѣло и твердо смотрю впередъ. Пока поѣду за границу и буду работать для журналовъ и для себя. По возвращеніи стану искать каѳедры или останусь homme de lettres. Иногда на душу находитъ грустное и тяжелое чувство, но я скоро отъ него отдѣлываюсь. Мы поступили честно, и слѣдовательно нечего жалѣть о потерянномъ, хоть оно значительно.... Было много гадостей, которыя держали меня въ лихорадочномъ состояніи раздраженія цѣлую недѣлю. Я ждалъ и желалъ лучшихъ, болѣе благородныхъ противниковъ, а эти трусы не отвѣчаютъ даже на оскорбленія, а клевещутъ въ тихомолку».

Лѣтомъ 1848 года Грановскій поѣхалъ самъ въ Петербургъ, чтобы хлопотать о своей отставкѣ, встрѣтившей препятствія въ министерствѣ. Онъ долженъ былъ отслужить еще два года правительству за казенныя издержки на его пребываніе за границей. Товарищи его получили отставку; ему было любезно отказано въ ней. Министръ сказалъ ему, что дорого цѣнитъ его дѣятельность и радуется своему праву удержать его на службѣ. Возвратясь изъ Петербурга, Грановскій писалъ кузинѣ: «Me voilà donc obligé de rester à Moscou au moins deux ans, à moins d'un concours inespéré de circonstances favorables. Il faut me résigner encore une fois» [1].

поколѣній. Они увидятъ, что отнынѣ профессоръ не можетъ быть порочена безнаказанно, если даже, по видимому, наказаніе и не постигаетъ его. Они будутъ имѣть болѣе вѣры въ своихъ будущихъ руководителей, вспоминая о тѣхъ, которые принесли въ жертву все свое настоящее и будущее чувству своего долга относительно университета.

[1]) И вотъ я обязанъ остаться въ Москвѣ по крайней мѣрѣ два года, если только не встрѣтятся неожиданно благопріятныя обстоятельства. Надо покориться еще разъ.

IV.

СЕМЕЙНЫЯ И ДРУЖЕСКІЯ ОТНОШЕНІЯ. ДОМАШНЯЯ ЖИЗНЬ.

1839 — 1848.

Возвратясь изъ за границы въ родную семью, Грановскій засталъ дѣла своего отца еще болѣе разстроенными и запутанными, чѣмъ это было прежде. При дѣятельныхъ заботахъ и небольшихъ денежныхъ средствахъ положеніе ихъ было нетрудно поправить, но отецъ Грановскаго уже впалъ въ непреодолимую лѣнь. Онъ нерѣдко высказывалъ свои опасенія на счетъ предстоящаго ему разоренія, но если дѣла требовали отъ него какой нибудь ничтожной поѣздки, малѣйшаго усилія или необходимости съ его стороны измѣнить хоть на нѣсколько дней его обычный, праздный образъ жизни, онъ не приступалъ ни къ чему и постоянно все откладывалъ до завтра. Случалось, что ничтожные долги, неуплачиваемые имъ въ срокъ только по безпечности, росли до значительной суммы. Старикъ, если напоминали ему о дѣлахъ, сердился или отвѣчалъ дѣтямъ: вы видите, мнѣ некогда, я занятъ, и въ тоже время спокойно сидѣлъ или прохаживался въ своей комнатѣ. Онъ оживлялся только карточною игрою, которою увеличивалъ разстройство своего состоянія. Сестры Грановскаго жили съ отцемъ однѣ, въ совершенномъ уединеніи, и вся ихъ жизнь, всѣ дни были по-

священы заботамъ о немъ и развлеченію скуки празднаго старика. При недостаткѣ другихъ партнеровъ, онѣ просиживали ночи, дремля надъ картами, которыми забавляли старика. Молодыя дѣвушки истомились и зачахли среди безрадостнаго, удушливаго существованія.

Грановскій напрасно пытался привести въ порядокъ дѣла отца по имѣнію и по процессамъ, возникшимъ вслѣдствіе его безпечности. Старикъ на словахъ предоставлялъ ему волю дѣлать для этого все нужное, но ни въ чемъ не содѣйствовалъ ему ни лично, ни денежными средствами, когда это было необходимо и возможно. Участь сестеръ, ихъ будущность страшили Грановскаго, но всѣ его усилія сохранить для нихъ состояніе отца были безуспѣшны. По пріѣздѣ въ Москву изъ Погорѣльца, говоря въ письмѣ къ Н. В. Станкевичу (27 нояб. 1839) о своемъ плохомъ здоровьи, онъ писалъ: «Во всякое другое время, я бы безъ геройства, но спокойно ждалъ, что̀ будетъ. Теперь нельзя: безъ меня что будетъ съ сестрами? Ни на отца, ни на брата нельзя положиться Я думалъ застраховать жизнь, но вѣдь эти деньги достанутся не сестрамъ. Поправить имѣніе можно, долги можно заплатить, но съ отцемъ нѣтъ возможности сладить. Сегодня одно, завтра другое. А между тѣмъ при такомъ ходѣ дѣлъ — имѣніе непремѣнно будетъ продано.... И все это теперь, когда университетская дѣятельность моя такъ хорошо началась! Я бы могъ быть счастливъ, несмотря на болѣзнь». — «Домашнія обстоятельства въ очень непріятномъ положеніи, пишетъ Грановскій Фроловымъ (1 янв. 1840), состояніе разстроено, и разстроивается болѣе съ каждымъ днемъ, молодость бѣдныхъ сестеръ моихъ гибнетъ въ полномъ смыслѣ слова. У меня сжимается сердце при мысли объ ихъ участи былой и можетъ быть будущей. Мнѣ ничего нельзя сдѣлать. Утѣшительно одно — это святость и

чистота души, которую онѣ сохранили среди самой нечистой атмосферы. Теперь я еще ближе сошелся съ ними и ближе узналъ ихъ. Въ меньшой есть еще много дѣтскаго, незрѣлаго, но старшая выстрадала себѣ чудный характеръ. Мнѣ совѣстно бываетъ передъ нею. Я мужчина и часто падаю духомъ, поддаюсь, а она, которая терпѣла безконечно болѣе моего, никогда и никому не проронила слова жалобы.... Сестры мои для меня теперь дороже и ближе всего. Онѣ болѣе всего привязываютъ меня къ жизни и заставляютъ терпѣливо переносить много, чего иначе не сталъ бы я терпѣть». Среди непріятностей, возникшихъ для Грановскаго около этого времени въ университетѣ и о которыхъ мы упоминали прежде, мысль о необходимости сохранить свое служебное положеніе, чтобъ быть полезнымъ сестрамъ, сдерживала его нетерпѣніе. Не будь у него сестеръ, онъ могъ оставить въ это время московскій университетъ. Изъ Москвы онъ ведетъ съ ними постоянную переписку, освѣдомляется о всѣхъ ихъ нуждахъ, заботится о выборѣ для нихъ чтенія. Онъ высылалъ имъ много книгъ, надѣясь составить имъ цѣлую библіотеку и жаловался что недостатокъ денегъ мѣшаетъ ему исполнить это такъ, какъ бы желалъ. «Je voudrais bien, пишетъ онъ сестрамъ (январь 1840), jeter quelque variété dans l'existence triste et uniforme, que vous menez, mes pauvres amies. Si j'en avais le moyen je vous enverrais des livres tous les 15 jours, mais que faire! Si vous aviez du moins un bon piano, je pourrais vous faire parvenir des nouveautés musicales, mais à quoi cela servirait-il maintenant avec la caisse aux cordes brisées, que vous avez. Quand je pense à votre vie le malaise, que je ressens à Moscou me pèse doublement. Ecrivez-moi du moins plus souvent: parlez-moi de vos lectures, de vos passe-temps, de tout ce que vous voulez — comme si nous étions ensemble à causer dans

la salle» [1]). Онъ безуспѣшно старался вызвать отца съ семьею въ Москву, чтобы жить неразлучно съ сестрами. Лучшею его мечтою при мысли о своей женитьбѣ была возможность для сестеръ жить тогда вмѣстѣ съ нимъ. Какъ только позволяли обстоятельства онъ спѣшилъ къ нимъ въ Погорѣлецъ. Онъ проводилъ тамъ часть лѣта 1840 и 1841 годовъ, уча сестеръ нѣмецкому языку и много читая вмѣстѣ съ ними. Несмотря на то, что въ Погорѣльцѣ встрѣчали его всегда докучныя заботы, что положеніе семьи всегда наводило тамъ сильную тоску на его душу, онъ умѣлъ веселить и оживлять сестеръ своимъ сообществомъ и бесѣдами. «Tu ne saurais te faire une idée de ces mille et mille désagréments et vexations, auxquels je suis exposé chaque fois que je viens ici, пишетъ Грановскій изъ Погорѣльца невѣстѣ своей (17 іюня 1841). Les éternelles histoires avec les affaires de mon père me font perdre la tête. Je ne sais à quoi m'en tenir. Il me dit tantôt cela, tantôt autre chose. Je serais tranquille si la chose finissait d'une manière ou d'une autre. S'il fallait acheter une immense fortune pour moi-même au prix de telles angoisses et incertitudes j'y aurais renoncé depuis longtemps, mais il s'agit d'un morceau de pain pour mes soeurs et même d'un abri pour les vieux jours de mon père.... Au reste, si mon père me permettait de prendre avec moi mes

---

[1]) Я бы желалъ внести сколько нибудь разнообразія въ скучное и однообразное ваше существованіе, бѣдныя друзья мои. Я бы посылалъ вамъ книги каждые двѣ недѣли, если бы имѣлъ на это средства, но что дѣлать! Еслибы у васъ было по крайней мѣрѣ хорошее фортепіяно, я бы могъ доставлять вамъ музыкальныя новости, но къ чему бы это пригодилось теперь, когда у васъ только ящикъ съ порванными струнами. Когда думаю о вашей жизни, все непріятное, испытываемое мною въ Москвѣ, тяготитъ меня вдвойне. По крайней мѣрѣ пишите мнѣ о вашемъ чтеніи, о вашихъ забавахъ, о чемъ хотите, такъ какъ бы мы были вмѣстѣ бесѣдуя въ нашей залѣ.

soeurs et me cédait le droit de veiller à leur bonheur, je ne lui demanderais plus rien. Il pourrait faire de sa fortune l'usage qu'il lui plairait. Je travaillerais, je donnerais des leçons et nous aurions assez d'argent pour vivre» [1]).

Кромѣ родныхъ сестеръ у Грановскаго были еще двоюродныя, дочери его родныхъ по матери тетокъ. Онъ видѣлся съ ними только однажды во время своей первой юности. Возвращаясь изъ Германіи въ семью свою въ Погорѣлецъ, онъ по пути посѣтилъ въ Малороссіи свою тетку. Прогостивъ у нея только одинъ день, онъ еще разъ свидѣлся съ своими кузинами, съ одной изъ которыхъ обмѣнялся еще изъ Берлина нѣсколькими письмами. Со времени этого послѣдняго короткаго свиданія въ 1839 году онъ ведетъ съ кузиной [2]) переписку въ продолженіи одиннадцати лѣтъ, опять не видясь съ ней до 1850 года. Благоговѣйная память о матери внушала Грановскому участіе ко всѣмъ лицамъ близкимъ ей по рожденію, хотя бы онъ едва зналъ ихъ лично. Долю своей горячей любви къ сестрамъ, когда нестало ихъ, перенесъ онъ на своихъ ку-

---

[1]) Ты не можешь составить себѣ понятія о тысячахъ непріятностей и терзаній, которымъ я подвергаюсь всякій разъ какъ пріѣзжаю сюда. Я теряю голову отъ вѣчныхъ исторій съ дѣлами моего отца. Не знаю какъ и быть съ ними. Онъ говоритъ мнѣ то одно, то другое. Я бы успокоился, еслибъ только дѣло кончилось такъ или иначе. Еслибъ нужно было купить громадное богатство для себя самого цѣною такихъ терзаній и колебаній, я бы давно отказался отъ этого, но дѣло идетъ о кускѣ хлѣба для моихъ бѣдныхъ сестеръ и даже объ убѣжищѣ для отца на старости лѣтъ.... Впрочемъ, если бы отецъ позволилъ мнѣ взять съ собою моихъ сестеръ и уступилъ бы мнѣ право заботиться объ ихъ счастіи, я не просилъ бы у него ничего болѣе. Онъ могъ бы тогда распоряжаться своимъ состояніемъ, какъ ему угодно. Я сталъ бы работать, давать уроки, и у насъ было бы довольно денегъ для существованія.

[2]) А. Е. Кромидой, позднѣе бывшей замужемъ за Н. Г Фроловымъ.

зинъ. Въ письмахъ его къ двоюродной сестрѣ высказываются то же нѣжное участіе, тѣ же заботы, какія высказывались въ письмахъ его къ сестрамъ. Участіе его къ лицу бывало нераздѣльно съ заботою о его умственномъ воспитаніи, и въ своихъ письмахъ къ кузинѣ онъ не забываетъ указывать и выбирать для нея чтеніе; онъ высылаетъ ей книги и бесѣдуетъ съ ней о нихъ. Никогда въ его словахъ не слышится тонъ наставника или руководителя. Ученый профессоръ въ своихъ письмахъ къ молодой дѣвушкѣ не даетъ наставленій, а будто обмѣнивается съ нею мнѣніями. Онъ не навязываетъ ей ни своихъ приговоровъ, ни своего литтературнаго вкуса; онъ проситъ ее съ полною откровенностію высказывать свои сужденія о книгахъ, которыя выбираетъ для нея. «Il n'y a pas d'esclavage plus triste que celui qui vous force à lire un livre uniquement parce que les autres le trouvent de leur goût»[1]), пишетъ онъ ей (20 марта 1841). Онъ съ радостію замѣчаетъ разницу между письмами кузины, уединенно живущей въ деревнѣ, и рѣчами московскихъ дамъ, встрѣчаемыхъ имъ въ обществѣ. «Vous êtes bien sérieuse pour votre âge, ma bonne cousine», пишетъ онъ ей (16 ноября 1840). Est-ce bien, est-ce mal—je ne sais, mais je vous en éstime davantage»[2]). Среди романовъ, поэтическихъ произведеній, мемуаровъ и историческихъ книгъ, онъ высылаетъ ей и книгу Марбаха, который популяризируетъ идеи новой нѣмецкой философіи; онъ надѣется, что чтеніе этой книги можетъ пробудить въ ней новые интересы и потребность дальнѣйшаго изученія предмета. При случаѣ онъ просто и откровенно высказываетъ

[1]) Нѣтъ несноснѣе рабства какъ быть вынужденнымъ читать книгу единственно потому что она нравится другимъ.

[2]) Вы очень серьезны для своего возраста, моя добрая кузина. Хорошо это или дурно—незнаю, но еще болѣе уважаю васъ за это

свое несогласіе съ сужденіями молодой родственницы: «Quant à votre opinion sur le compte de G. Sand, пишетъ онъ ей (въ январѣ 1841), vous me permettrez de ne pas être d'accord avec vous. Je crois, que la beauté du style est la dernière de ses qualités, quoique ce style soit assez beau pour assurer à G. Sand une des premières places parmi les grands écrivains de son pays. Je pense que vous n'appréciez pas ses ouvrages par la même raison, que ma femme—parce que vous êtes encore bien jeune, et parce que vous avez été heureuse. N'allez pas rire de ce que je vous dis là. Il faut avoir connu la vie pour sympathiser avec G. Sand. Je la crois le plus grand talent et le plus grand coeur de la littérature du jour. Dans dix ans vous serez de mon avis... On lui reproche une tendance peu morale, mais c'est une calomnie. Si le fait était vrai, je n'aurais mis ses livres entre les mains de ma femme, et je ne vous les aurais pas envoyés....... Je ne prétends pas justifier les égarements de G. Sand, mais elle a pour elle son génie, un coeur grand et noble, et puis ses souffrances, qui lui ont souvent arraché de ces cris, que le monde condamne, parce que ses oreilles sont trop faibles. Vous voyez, ma bonne cousine, que je ne suis pas flatteur et que je possède le courage de mes opinions. Vous ne m'en voudrez pas, n'est-ce pas?» [1]). Относясь съ глубокимъ участіемъ къ

---

[1]) Относительно вашего мнѣнія о Ж. Зандѣ, вы позволите мнѣ не соглашаться съ вами. Я думаю, что красота слога—послѣднее изъ ея достоинствъ, хотя этотъ слогъ такъ прекрасенъ, что оставляетъ за Ж. Зандомъ одно изъ первыхъ мѣстъ между великими писателями ея отечества. Думаю, что вы, вмѣстѣ съ женою моею, не цѣните по достоинству ея произведенія по одной и тойже причинѣ: потому что вы еще очень молоды и потому-что вы счастливы. Надобно испытать жизнь, чтобы сочувствовать Ж. Занду. Я признаю въ ней величайшій талантъ и величайшее сердце современной литературы. Лѣтъ черезъ десять вы будете моего мнѣнія... Ее упрекаютъ

молодой дѣвушкѣ, Грановскій говоритъ съ ней и о самомъ себѣ, довѣрчиво сообщаетъ ей подробности своей жизни въ Москвѣ, свои удовольствія и непріятности, свои замѣчанія о московскомъ обществѣ и порой признается въ глубокой тоскѣ, овладѣвавшей его душою. Письма его кузинѣ полны какой-то граціи, теплоты и деликатности, исходящихъ изъ глубоко доброжелательнаго и нѣжнаго сердца. Въ отношеніяхъ съ женщинами Грановскій являлся всегда рыцаремъ, но рыцаремъ воспитаннымъ гуманностію и образованностію нашего вѣка. Кто, если не рыцарь, полный уваженія и поклоненія достоинству женщины этотъ юной ученый, начавшій такую переписку съ молодою, лично едва знакомою ему дѣвушкою и поддерживающій ее изъ далека, почти послѣ единственнаго съ нею свиданія, въ продолженіи одиннадцати лѣтъ?

По временамъ Грановскій продолжалъ обмѣниваться письмами и съ старымъ другомъ своей молодости, съ той М-lle Герито, которую продолжалъ, какъ и прежде, въ годы своего отрочества, называть ma tante. Она была уже за-мужемъ. Грановскій поручалъ ей поцѣловать ея маленькихъ дочерей, которыхъ называлъ кузинами, и сына, о которомъ спрашивалъ: «Il fera ses études à Moscou, celui-ci, n'est-ce pas» [1])? Онъ пишетъ ей о своей привязанности послѣ десяти

въ безнравственномъ направленіи, но это клевета. Если-бы это было справедливо, я не далъ-бы ея книгъ въ руки моей жены, и не послалъ-бы ихъ вамъ. Я не беру на себя оправдывать заблужденія Ж. Занда, но за ней остается ея геній, возвышенное и благородное сердце и наконецъ ея страданія, часто исторгавшія у нея тѣ вопли, которыя осуждаются свѣтомъ потому, что уши его слишкомъ слабы. Вы видите, моя добрая кузина, что я не льстецъ и имѣю смѣлость не скрывать своихъ мнѣній. Вы не будете недовольны мною за это, не правда-ли?

[1]) Не правда-ли, онъ будетъ учиться въ Москвѣ?

лѣтней разлуки (22 марта 1840): «Les longs intervalles, que je mets entre mes lettres, semblent plaider contre moi, et cependant rien n'est changé en moi depuis que je vous ai dit adieu sur l'éscalier de la maison du prêtre en janvier 1831. Je crois vous voir encore donnant le bras à ma pauvre mère, qui me donnait sa derniére bénédiction. Dix ans se sont passés depuis, mais je n'ai rien oublié de cette époque, ni votre bonté pour mes soeurs, ni votre amitié pour moi, ni la tape, que vous m'avez appliquée un soir, que je vous donnais votre leçon de russe, ni la chute, faite par vous dans une partie de салазки. Je riais comme un fou, vous étiez furieuse, comme un tigre, mais la chute ne vous a pas fait du mal, et votre fureur m'a fait du bien. C'était un beau temps, que le temps passé! Depuis la mort de ma mère tout est plus mal pour moi» [1]). Грановскій уже не свидѣлся вновь съ своей пріятельницей, скончавшейся въ сороковыхъ годахъ. Свою нѣжную привязанность къ ней перенесъ онъ на оставшуюся послѣ нея дочь.

При несокрушимой памяти сердца, которая въ Грановскомъ равнялась удивительной памяти головы, и проявля-

---

[1]) Длинные пробѣлы времени, оставляемые мною между моими письмами, повидимому, свидѣтельствуютъ не въ мою пользу, и однакожь ничто не измѣнилось во мнѣ съ тѣхъ поръ, какъ я простился съ вами на крыльцѣ дома священника въ январѣ 1831. Мнѣ кажется, я еще вижу васъ, какъ вы поддерживаете мою мать, которая давала мнѣ свое послѣднее благословеніе. Съ того времени минуло десять лѣтъ, но я не забылъ ничего изъ той поры, ни вашей доброты къ моимъ сестрамъ, ни вашей дружбы ко мнѣ, ни удара, который вы дали мнѣ разъ вечеромъ, когда я давалъ вамъ урокъ русскаго языка, ни вашего паденія при катаніи на салазкахъ. Я смѣялся какъ сумасшедшій, вы были яростны какъ тигръ, но паденіе не сдѣлало вамъ вреда, а вашъ гнѣвъ принесъ мнѣ удодовольствіе. Славное время было прошлое время! Со смерти моей матери все пошло для меня хуже....

лась во всѣхъ его отношеніяхъ съ лицами по чему-нибудь ему близкими — какіе неизгладимые слѣды должна была оставить въ немъ его первая любовь, любовь къ дѣвушкѣ, въ которой онъ долго видѣлъ свою невѣсту! Въ годы жизни его за границей они получали вѣсти другъ о другѣ только чрезъ третье лицо, которое было ихъ общею пріятельницею. М. А. С. сообщала въ своихъ письмахъ къ Грановскому извѣстія о его невѣстѣ, о ея душевномъ настроеніи, о ея словахъ. Она-же передавала и ей, вмѣстѣ съ собственными комментаріями, содержаніе писемъ, которыя получала отъ Грановскаго и сообразно съ своими видами толковала отношенія его къ невѣстѣ. Подъ вліяніемъ предательскаго посредничества, отношенія обѣихъ сторонъ были отравлены; люди, еще любившіе другъ друга, стали недовѣрчивѣе одинъ къ другому, болѣе чѣмъ когда нибудь. Еще за границей Грановскій понялъ, что прежняя любовь его дѣлалась невозможною. Все предательское поведеніе друга и посредника обѣихъ сторонъ объяснилось Грановскому уже слишкомъ поздно. Онъ узналъ объ немъ по возвращеніи изъ за-границы въ свою родную семью. Это открытіе глубоко поразило его; онъ слегъ въ постель вслѣдствіе нравственнаго потрясенія и спѣшилъ уѣхать изъ Погорѣльца, гдѣ овладѣвали имъ мучительныя воспоминанія. Изъ Москвы онъ писалъ Н. В. Станкевичу 28 ноября 1839 года: «А клеветалъ на меня кто? Дѣвушка, которую я любилъ, какъ сестру, отъ которой ничего не скрывалъ—и та самая, которая *качала* мнѣ на нее страшныя небылицы. Прощаясь со мною, эта дѣвица рыдала, а черезъ полгода она называла меня ей: un monstre, un homme sans coeur qui se jouait de vous, parce qu'il n'avait rien à faire à la campagne [1]).

[1]) Чудовищемъ, человѣкомъ безъ сердца, который насмѣялся надъ вами потому что ему нечего было дѣлать въ деревнѣ.

Всѣ слова мои, всѣ горькія мои выраженія, вызванныя ея же разсказами, были переданы, но въ какомъ видѣ, какъ перетолкованы! Страшно подумать! И все очень правдоподобно, очень ловко, тѣмъ болѣе, что она была нашимъ общимъ другомъ отъ начала любви нашей. Вотъ тебѣ цѣлый романъ. Ни цѣль, ни причина гадостей мнѣ неизвѣстны. Теперь эта разсказчица пошла въ монастырь. Еслибы я узналъ хоть что-нибудь изъ всего этого года за два тому назадъ, то дѣло приняло-бы другой оборотъ—мнѣ стоило-бы только принесть Е. П—ѣ письмо, полученное мною отъ общаго друга уже послѣ наговоровъ, письмо исполненное увѣреній въ дружбѣ. Но кто-же могъ угадать? Разумѣется, что такимъ образомъ меня не трудно обмануть. Еслибъ кто-нибудь разсказалъ мнѣ подобную исторію о себѣ—я счелъ-бы ее выдумкою......» Позднѣе Грановскій писалъ Невѣрову (19 іюля 1840): «*Ее* очернили передо мною, меня передъ *нею*. Теперь это ясно, но любви угасшей пробудить нельзя. Какія цѣли были у людей, ставшихъ между нами—не знаю и не хочу доискиваться».—«Во мнѣ нѣтъ болѣе любви къ ней, говорилъ Грановскій въ письмѣ къ Н. В. Станкевичу (22 дек. 1839), но теперь она стала для меня третьею сестрою; въ этой формѣ существуетъ прежнее чувство и не пройдетъ болѣе».—Его мучила мысль, что эта третья сестра можетъ презирать его, что въ ея глазахъ онъ можетъ казаться пустымъ и бездушнымъ человѣкомъ. Онъ рѣшился объяснить ей въ короткомъ письмѣ все дѣло, какъ оно было, и сказать, какъ мучительна для него мысль о возможности презрѣнія съ ея стороны. Отъ нея онъ получилъ отвѣтъ, въ короткихъ и простыхъ словахъ: она благодарила его за письмо и признавалась, что *оно утѣшило ее во многомъ*. Такъ кончились навсегда личныя сношенія Грановскаго съ дѣвушкой, ко-

торую онъ любилъ въ первой юности. Они никогда не встрѣчались болѣе, но до кончины ея, постигшей ее за годъ до смерти Грановскаго, онъ сохранилъ горячее участіе къ третьей сестрѣ своей. Незамѣтно и тайно для нея онъ постоянно слѣдилъ за ея судьбою, освѣдомлялся обо всемъ, что̀ имѣло отношеніе къ ней и ея семейству, доставлялъ ей книги руками другихъ лицъ, радовался, когда представился ему случай принять на свое попеченіе воспитаніе маленькой сестры ея. Съ глубокой грустію и съ вѣчнымъ упрекомъ самому себѣ вспоминалъ онъ ее въ лучшіе, счастливѣйшіе часы своей жизни. Когда для него настало время новой счастливой любви, онъ вспоминаетъ въ письмахъ сестрамъ свою прежнюю невѣсту: «Mon Dieu, mon Dieu! Je suis cruellement puni pour les erreurs de ma jeunesse. Tant que ce souvenir durera, je ne pourrai pas être complètement heureux, et ce souvenir ne mourra jamais [1]) (весна 1841). — Онъ признается въ другомъ письмѣ (8 мая 1841 г.): «Vous le dirai-je? Ce souvenir me poursuit même quand je suis près d'Elisabeth. Que ferai-je pour expier mon crime» [2])? — Въ письмѣ Грановскаго изъ Орла къ его невѣстѣ (19 іюня 1841) читаемъ тѣ-же горькія признанія: «Toutes ces rues, toutes ces maisons, tous ces visages même me rappellent un autre temps, que je voudrais bien oublier. D'après ce que me disent mes soeurs je puis être plus tranquille maintenant, car *elle* est devenue beaucoup plus gaie et commence à sortir après cinq ans de vie solitaire. Dieu le veuille, et cependant même quand je la saurai heureuse, ce sou-

---

[1]) Боже мой, Боже мой! Я жестоко наказанъ за ошибки моей юности. Покуда будетъ живо это воспоминаніе, я не могу быть вполнѣ счастливымъ, а воспоминаніе это не умретъ никогда.

[2]) Признаться-ли вамъ? Это воспоминаніе преслѣдуетъ меня даже когда сижу возлѣ Лизы. Чѣмъ могу я искупить мою вину?

venir me sera pénible. Je ne sais vraiment, comment mon coeur est fait, mais il n'oublie *jamais rien*.

И какъ вино печаль минувшихъ дней
Въ моей душѣ чѣмъ старѣ тѣмъ сильнѣй.

Je me souviens des jours et des tristesses de mon enfance, comme s'ils étaient d'hier, et ces souvenirs sont assez puissants pour m'agiter encore avec force» [1]).

Можно представить себѣ, что̀ значила для Грановскаго утрата друзей живыхъ или мертвыхъ при томъ обиліи любви и при той невозможности забвенія, исповѣдь о которыхъ читаемъ въ его собственныхъ строкахъ. А такія утраты начались для него рано. Ему было двадцать семь лѣтъ, когда онъ въ Н. В. Станкевичѣ потерялъ друга, съ которымъ вмѣстѣ готовился въ Берлинѣ къ общей будущей дѣятельности, съ которымъ до того сблизился душою, что не преувеличивая можно сказать, что значительная часть нравственнаго существа Станкевича, по смерти его, оставалась еще на землѣ въ лицѣ Грановскаго. «Никому на свѣтѣ не былъ я такъ обязанъ, писалъ онъ Я. М. Невѣрову, извѣстясь о смерти Н. В. Станкевича (августъ 1840 года). Его вліяніе на меня было безконечно и благотворно». Три года

---

[1]) Всѣ эти улицы, всѣ дома, даже всѣ эти лица напоминаютъ мнѣ иное время, которое я очень желалъ-бы забыть. По всему, что я слышалъ отъ сестеръ, я могу теперь быть болѣе покойнымъ: *она* стала гораздо веселѣе и начинаетъ выѣзжать послѣ пяти лѣтъ уединенной жизни. Дай Богъ, однакоже воспоминаніе это будетъ мнѣ тягостно, даже и тогда, когда я буду увѣренъ въ ея счастіи. Не знаю, право, какъ создано мое сердце, но оно не забываетъ *никогда ничего*

И какъ вино печаль минувшихъ дней
Въ моей душѣ чѣмъ старѣ тѣмъ сильнѣй.

Я помню дни и печали моего дѣтства, какъ будто они миновали только вчера, и эти воспоминанія еще на столько могущественны, чтобъ сильно волновать меня.

спустя онъ пишетъ по поводу статьи о Н. В. Станкевичѣ, которую намѣревался печатать Фроловъ: «Будетъ время, когда Станкевичу воздвигнется другой памятникъ—изъ нашихъ дѣлъ, нашей жизни, проникнутой памятью его словъ и помысловъ. Всѣ мы обязаны ему полнотой нашей жизни, я — болѣе всѣхъ». Уничтожаясь самъ въ восторженномъ воспоминаніи о другѣ, онъ продолжаетъ: «Если мнѣ суждено совершить что-нибудь въ жизни — то̀ будетъ дѣломъ Станкевича, который вызвалъ меня изъ ничтожества.... Кто зналъ близко Станкевича, для тѣхъ онъ не умеръ. Я во всемъ чувствую его присутствіе: великое поэтическое произведеніе, теплый лунный вечеръ, чистая минута душевной жизни, вездѣ является онъ и объясняетъ мнѣ смыслъ всего. Иногда мнѣ, право, слышится его голосъ». Печаль и радость по какому то ни было поводу соединялись въ душѣ Грановскаго съ мыслію о потерянномъ другѣ. Въ одномъ изъ писемъ будущей женѣ своей (29 іюня 1841) онъ говоритъ: «Stankéwitsch m'était infiniment supérieur, eh bien! celui-là meurt bien jeune, sans avoir jamais connu le bonheur, sans le désirer même peut-être, ce qui est encore plus triste — et moi je lui ai survécu et le bonheur vient à moi. Comprends-tu quelque chose à tout cela» [1])? Онъ жилъ съ вѣчною памятью о другѣ своей молодости и съ надеждою нѣкогда соединиться съ нимъ: «Sa mort m'a bien brisé quelque chose dans l'âme, пишетъ онъ сестрамъ, вспоминая о Станкевичѣ (17 апрѣля 1841). Un bonheur complet n'est plus possible pour moi, il reste toujours dans mon coeur un vide et un regret. Pourquoi Dieu

---

[1]) Станкевичъ былъ безконечно выше меня, и вотъ онъ умираетъ совсѣмъ юнымъ, никогда не испытавъ счастія, можетъ быть даже никогда не призывая его въ своихъ желаніяхъ, что еще печальнѣе—а я пережилъ его, и счастье дается мнѣ. Понимаешь ли что-нибудь во всемъ этомъ?

l'a-t-il pris et m'a-t-il laissé sur la terre? N'est-il pas mille fois meilleur et plus digne et plus capable de bonheur? On m'a transmis ses dernières paroles sur moi: il avait dit que je lui étais plus cher, que ses frères et ses parents. Un jour nous nous reverrons et je le remercierai» [1]). За смертію Станкевича скоро послѣдовала кончина Е. П. Фроловой.

Потери любимыхъ людей сильно потрясли здоровье Грановскаго и разстроили его душевно. Въ его письмахъ того времени высказываются признаки сердечной пустоты, оставленной въ немъ недавними утратами и окончательнымъ разрывомъ съ дѣвушкою, долго любимою имъ. Больное сердце пугалось одиночества, искало новой пищи, новыхъ сближеній съ людьми. Съ зимы 1840 года Грановскій начинаетъ появляться въ свѣтскихъ кругахъ Москвы. Онъ пишетъ сестрамъ (28 февраля 1841 года): «Ce qui me pousse et me jette dans ce tourbillon, qui m'emporte, c'est le vide que je retrouve chaque fois que je rentre chez moi, c'est le manque d'affection vivante dont j'ai tant besoin. Si j'avais avec moi une soeur ou un ami, comme j'en ai perdu un, je serais content de mon existence et je ne demanderais rien au bon Dieu. Il y a des gens, qui se disent mes amis, que je vois avec plaisir—mais mon âme ne s'épanche pas toute entière en leur présence» [2]). Печаль боролась въ душѣ его съ силами и

---

[1]) Смерть его надломила что-то въ душѣ моей. Полное счастье невозможно болѣе для меня — въ сердцѣ моемъ на всегда остается пустота и печаль. Зачѣмъ Господь взялъ его, оставивъ меня на землѣ? Не лучше ли онъ меня въ тысячу разъ, не достойнѣе ли и не способнѣе ли быть счастливымъ? Мнѣ передали его послѣднія слова обо мнѣ: онъ сказалъ, что я ему дороже братьевъ и родныхъ. Нѣкогда мы свидимся и я поблагодарю его.

[2]) Меня увлекаетъ и бросаетъ въ этотъ уносящій меня вихрь пустота, которую нахожу всякій разъ, какъ возвращаюсь къ себѣ, недостатокъ живой привязанности, которая такъ нужна мнѣ. Еслибы

требованіями молодости. «Je sors beaucoup, пишетъ онъ сестрѣ (янв. 1841), d'autant plus qu' Inosemzeff (докторъ) m'a défendu un travail trop assidu. J'ai même beaucoup dansé, tout comme à 18 ans. Vous vous souvenez de l'hiver 1829—1830, Barbe. Je saute, comme alors, mais cela m'amuse moins. Je suis devenu vieux, bien vieux. De temps en temps, au reste, ma jeunesse semble revenir, et je redeviens à peu près ce que j'étais alors» [1]). Въ эту зиму въ семьѣ, принадлежавшей высшему кругу московскаго общества, Грановскій встрѣчалъ дѣвушку, которая на нѣсколько дней привлекла къ себѣ его серьезное вниманіе. Ея родственники желали для нея брака съ Грановскимъ. «M-lle est très comme il faut, писалъ послѣдній сестрамъ (19 декабря 1840), mais que voulez-vous, que je fasse? Sa fortune me fait peur, et je ne l'aime pas assez pour lui sacrifier mes scrupules. C'est du caprice, c'est de l'orgueil, tout ce que vous voulez, mais c'est plus fort que moi. Je n'ai rien contre le mariage en lui même, j'accepterais même la fortune d'une femme, que j'aimerais de passion, mais c'est justement la passion qui me manque dans le cas actuel. M-lle me plait. Un instant j'ai cru avoir un sentiment un peu sérieux—mais il n'y a pas d'amour en moi, et sans l'amour le mariage m'est impossible; vous voyez, que j'en suis revenu

---

со мной была сестра или такой другъ, какого я лишился, я былъ бы доволенъ своею жизнію и не просилъ бы ничего у Бога. Есть люди, которые называютъ себя моими друзьями, съ которыми я съ удовольствіемъ вижусь, но сердце мое не открывается вполнѣ въ ихъ присутствіи.

[1]) Я много выѣзжаю, тѣмъ болѣе что Иноземцевъ (докторъ) запретилъ мнѣ слишкомъ прилежно работать. Я даже много танцовалъ, какъ будто въ 18 лѣтъ. Ты помнишь, Варя, зиму 1829 — 30. Я прыгаю, какъ прыгалъ тогда, но это забавляетъ меня менѣе. Я постарѣлъ, очень постарѣлъ. Впрочемъ, моя молодость по временамъ какъ будто возвращается, и я вновь становлюсь почти такимъ же, какимъ былъ тогда.

à mes rêves de 20 ans. Je crois, que je resterai jeune toute ma vie, ce qui est un bonheur et un malheur à la fois. Pour le moment, et sans plaisanterie, je fais la cour à droite et à gauche, à toutes les personnes jolies ou aimables, que je rencontre. Cela va assez bien. La plus intéressante de toutes, прибавляетъ Грановскій, произнося для сестеръ въ первый разъ имя будущей жены своей, est la petite Mühlhausen, mais celle-là m'évite» [1]).

Новая любовь незамѣтно для самого Грановскаго овладѣла имъ. Что-то похожее на испугъ и упрекъ самому себѣ замѣтны въ признаніяхъ Грановскаго сестрамъ въ тѣ дни, когда онъ началъ сознавать свое чувство. «Je tâche d'aller chez les Mühlhausen aussi rarement que possible. De toutes les jeunes personnes d'ici M-lle m'intéresse le plus, mais je crains, que cet intérêt n'aille trop loin. Elle est trop jeune pour pouvoir cacher ce qu'elle pense et elle m'a fait voir un penchant pour moi, qui me fait du plaisir et de la peine. Mais elle n'a que 17 ans; à cet age on est encore enfant, et je serais bien imprudent, si je me fiais à un sentiment, qui peut durer six mois

---

[1]) Дѣвушка очень мила, но что дѣлать? Ея состояніе пугаетъ меня, а я не довольно люблю ее, чтобы пожертвовать для нея своими опасеніями. Это капризъ, это гордость, все что хотите, но это сильнѣе меня. Я ничего неимѣю противъ самаго брака; я даже принялъ бы состояніе женщины, которую любилъ бы страстно, но въ настоящемъ случаѣ именно страсти-то и недостаетъ мнѣ. Дѣвушка мнѣ нравится. Было мгновеніе, когда мнѣ казалось, что чувство мое довольно серьезно — но любви во мнѣ нѣтъ, а безъ любви бракъ невозможенъ для меня; вы видите, что я возвратился къ тѣмъ же мечтамъ, какія у меня были въ 20 лѣтъ. Я думаю, что останусь молодымъ на всю жизнь, въ чемъ заключается счастье и вмѣстѣ несчастье. Теперь я не на шутку ухаживаю направо и налѣво за всѣми хорошенькими или любезными особами, какія мнѣ встрѣчаются. Дѣло идетъ недурно. Интереснѣе всѣхъ другихъ — молоденькая Мюльгаузенъ, но эта избѣгаетъ меня.

et puis faire place à un autre» [1]). Такъ писалъ Грановскій 15 февраля; въ письмѣ отъ 24 февраля уже читаемъ: «Mon histoire avec la petite M. devient bien dangereuse. Nous nous sommes laissés aller tous deux sans défiance mutuelle et nous sommes arrivés à un point, où il n'est plus possible de se cacher le véritable état des choses.... A quoi m'a donc servi mon expérience dont j'ai tant parlé et que j'ai achetée si cher!... Je ne sais comment tout cela s'est fait. Je la connais depuis longtemps—jamais l'idée de lui faire la cour ne m'était venue dans la tête. Elle était trop jeune et pas assez jolie pour moi. Je me suis rapproché d'elle cet automne au moment, où je croyais avoir de l'attachement pour une autre. Que dire encore? Le fait est, qu'elle m'inspire un vif intérêt, mais que ses 17 ans me font peur et que je ne me crois pas fait pour le mariage» [2]). Письмо къ сестрамъ, начатое 24 февраля, прерывалось и

---

[1]) Я стараюсь посѣщать Мюльгаузеныхъ какъ можно рѣже. Дѣвушка интересуетъ меня болѣе всѣхъ здѣшнихъ молодыхъ особъ, но я боюсь, чтобы этотъ интересъ не зашелъ слишкомъ далеко. Она слишкомъ молода, чтобъ умѣть скрыть свои мысли, и выказала расположеніе ко мнѣ, которое возбуждаетъ во мнѣ и радость и печаль. Но ей только 17 лѣтъ; въ этомъ возрастѣ еще много дѣтскаго, и съ моей стороны было бы очень неблагоразумно довѣриться чувству, которое можетъ длиться шесть мѣсяцевъ и потомъ уступить мѣсто иному.

[2]) Моя исторія съ молоденькой Мюльгаузенъ становится очень опасною. Мы оба поддались увлеченію безъ взаимнаго недовѣрія и дошли до того предѣла, гдѣ невозможно скрывать отъ себя истиннаго положенія дѣла.... Къ чему же послужила моя опытность, о которой я такъ много говорилъ и за которую заплатилъ такъ дорого.... Право, не знаю какъ все это сталось. Я знакомъ съ ней давно — никогда мысль ухаживать за нею не приходила мнѣ въ голову. Она казалась слишкомъ молодою и недовольно красивою для меня. Я сблизился съ нею нынѣшнею осенью, когда воображалъ, что чувствую влеченіе къ другой. Что сказать еще? Дѣло въ томъ, что она вселяетъ во мнѣ живѣйшее участіе, но ея 17 лѣтъ пугаютъ меня и что я не думаю, чтобъ былъ созданъ для брака.

писалось снова до 10 марта. Оно было какъ бы журналомъ, которому Грановскій, за недостаткомъ близкаго возлѣ себя лица, повѣрялъ свои волненія въ тревожные дни его жизни. 2-го марта онъ пишетъ: «Si *elle* était un peu coquette, un peu rusée elle aurait pu faire de moi tout ce qu'il lui plairait. Ce n'est plus une plaisanterie—je crois, que je l'aime au sérieux. Au reste je n'ai jamais vu un caractère aussi composé de simplicité et d'esprit, de bonté et de malice» [1]). Черезъ недѣлю послѣ этого признанія Грановскій проситъ у своего отца согласія на его женитьбу и поручаетъ сестрамъ ходатайствовать за него у старика.

«Je ne me marierai pas sans son consentement, пишетъ онъ. Les mariages sans l'aveu des parents portent malheur». Но тутъ-же прибавляетъ: «J'ai beaucoup fait la cour aux femmes, il y en a, pour lesquelles j'avais de l'attachement, mais c'est mon second et mon dernier amour». Письмо, писанное къ сестрамъ въ продолженіе двухъ недѣль, заключалось нетерпѣливою мольбою: «La réponse, la réponse, la réponse!» [2]). Проходили недѣли, отвѣта отъ отца не было. Грановскій считалъ дни и часы, повторяя сестрѣ свои просьбы ускорить отвѣтъ отца. Послѣ четырехъ недѣль напрасныхъ ожиданій онъ пишетъ ей о молчаніи отца: «Est ce paresse, est-ce indifférence ou bien véritable souci de mon avenir, qui l'empêchent de m'écrire? Mon Dieu, que j'au-

---

[1]) Будь *она* немного кокетлива, немного хитра—она могла бы дѣлать со мной все что бы ей захотѣлось. Это не шутка наконецъ—я думаю, что искренно люблю ее. Впрочемъ я никогда не встрѣчалъ характера, сложеннаго такимъ образомъ изъ простоты и ума, доброты и колкости.

[2]) Я не женюсь безъ его согласія. Браки безъ согласія родителей приносятъ несчастье... Я довольно ухаживалъ за женщинами: къ инымъ изъ нихъ я чувствовалъ привязанность, но это вторая и послѣдняя любовь моя... Отвѣтъ, отвѣтъ, отвѣтъ!..

rais donné cher, pour avoir tort envers lui, pour que la dernière des trois suppositions soit la juste» [1])! Молчаніе старика мучило его; неизвѣстность рѣшенія отца заставляла Грановскаго избѣгать частыхъ посѣщеній семьи будущей невѣсты своей. О своихъ отношеніяхъ къ дѣвушкѣ онъ писалъ сестрѣ (10 апрѣля 1841): «Savez-vous, que je n'ai jamais le courage de lui parler d'amour; elle sait tout ce qui se passe en moi, mais je me sers toujours de quelques détours pour lui faire entendre la vérité... Elle n'a qu'à me regarder pour me faire taire, quand mon sentiment m'emporte trop loin. Et cependant c'est une fille de 17 ans sans expérience, sans coquetterie et ayant de l'attachement pour moi, qu'elle trahit bien souvent... Je lui dis beaucoup, mais avec crainte et respect... Cependant j'ai fait de belles choses cet hiver! J'ai beaucoup vécu en peu de mois et la retenue auprès des femmes n'est plus ma grande qualité! Les autres peuvent me tourner la tête et me faire avoir la fièvre pendant 24 heures sans être aimées et estimées de moi, celle-ci a tout mon amour et mon respect sans me tourner la tête et sans me donner la fièvre. C'est une femme, comme il m'en faut une. Si le bon Dieu me la refuse, je lui demanderai de l'argent, des succès dans la science et le monde et beaucoup de femmes... Je dis des sottises... Je suis malade de coeur et de corps» [2]). Минуло шесть недѣль со дня письма Гра-

---

[1]) Лѣнь-ли, равнодушіе или-же искренняя забота о моемъ будущемъ препятствуютъ ему писать мнѣ? Боже мой, какъ дорого бы я далъ за то, чтобъ быть неправымъ противъ него, чтобы послѣднее изъ трехъ предположеній было справедливо.

[2]) Знаешь-ли ты, что у меня никогда нѣтъ смѣлости говорить ей о любви своей; она знаетъ все, что происходитъ внутри меня, но чтобы дать почувствовать ей правду въ этомъ отношеніи, я прибѣгаю всегда къ косвеннымъ путямъ... Ей стоитъ только взглянуть на меня, чтобы заставить замолчать, когда чувство увлекаетъ меня слиш-

повскаго къ отцу; послѣдній все молчалъ, и въ письмахъ Грановскаго къ сестрѣ появляются горькія, но все однакоже сдержанныя жалобы на равнодушіе и эгоизмъ отца. «Que Dieu nous pardonne à tous les deux, пишетъ онъ (17 апрѣля). Si je suis mauvais fils, il n'est pas bon père. J'emporterai dans la tombe le souvenir de ces six semaines. Un refus ne me ferait pas tant de mal, que ce silence, si froid, si dépourvu d'amour et de bonté» [1]). Отецъ, догадывался онъ, думаетъ затянуть дѣло, надѣясь, что сынъ самъ откажется отъ своихъ намѣреній, но онъ ошибается. Грановскій писалъ сестрѣ, что не женится безъ согласія отца, но уже не пріѣдетъ въ его семью. Онъ не сталъ-бы упрекать отца ни въ чемъ; но ему было-бы трудно быть съ нимъ такимъ, какимъ сынъ долженъ быть для отца. — Старшая сестра Грановскаго встрѣтила недовѣрчиво, можетъ быть ревниво, новую любовь брата, своего единственнаго друга, на которомъ была сосредоточена вся любовь несчастной дѣвушки.

комѣ далеко. А между тѣмъ это дѣвушка 17 лѣтъ, безъ опытности, безъ кокетства, и съ нѣжностію ко мнѣ, которая часто невольно обнаруживается ею... Я говорю ей многое, но съ опасеніемъ и почтительно... И однакожь, я такъ отличался нынѣшнею зимою! Я много испыталъ въ немногіе мѣсяцы, и сдержанность въ отношеніи къ женщинамъ не составляетъ болѣе моего отличительнаго качества. Другія могутъ вскружить мнѣ голову и возбудить во мнѣ лихорадку на 24 часа, не вселяя къ себѣ ни любви, ни уваженія, а она владѣетъ полною любовію и полнымъ уваженіемъ съ моей стороны, не кружа моей головы и не возбуждая во мнѣ лихорадки. Если Господь откажетъ мнѣ въ ней, я буду молить у него денегъ, успѣха въ наукѣ и въ свѣтѣ и много женщинъ... Я говорю вздоръ. Я боленъ духомъ и тѣломъ.

[1]) Да проститъ Богъ намъ обоимъ! Если я дурной сынъ, онъ недобрый отецъ. Я унесу съ собой въ могилу воспоминаніе объ этихъ шести недѣляхъ. Даже отказъ не огорчилъ-бы меня такъ, какъ это молчаніе, столь холодное и безъ признака любви и доброты.

Она писала ему о перемѣнѣ, которую замѣчаетъ въ немъ, о его разсѣянномъ образѣ жизни, о томъ, что въ короткое время ему нравились уже двѣ женщины. Подъ вліяніемъ мнѣній отца она высказывала брату свои опасенія слѣдствій брака, въ которомъ обѣ стороны не имѣли вѣрныхъ средствъ къ жизни. Грановскій отвѣчалъ, что надо выбирать между богатствомъ и счастіемъ, и онъ выбралъ последнее, что привычки и требованія дѣвушки, руки которой онъ желалъ, могли удовлетворяться самыми скромными средствами. «Et mon travail, et mon esprit, puisqu'il faut que j'en parle, n'est-ce donc rien? отвѣчалъ онъ сестрѣ. Ne puis-je pas me créer mon avenir, comme tant d'autres?... En général, je ne suis pas fait pour la richesse» [1]). Какъ передъ судьею, оправдывался онъ передъ сестрою въ ея подозрѣніяхъ, стараясь разсѣять ея опасенія: онъ любилъ только ту, которую желалъ назвать своею невѣстою, и она знаетъ и понимаетъ его жизнь и поведеніе. «Elle sait bien, que je vais dans bien d'autres maisons, que la leur, que j'y vois de jolies femmes et que je me plais dans leur société! Elle a assez de raison, peut-être, assez de connaissance de mon caractère pour ne pas s'en affliger; une fois marié, il me sera bien facile de renoncer à cette manière de vivre et de ne pas chercher de jouissance hors de ma famille. Comme si je tenais à ce genre de vie? Ce n'est que cet hiver que je l'ai connu, et je suis prêt à y renoncer aujourd'hui, si j'ai le bonheur en revanche» [2]).

---

[1]) А мой трудъ, а мой умъ, если ужь я вынужденъ упомянуть о немъ, развѣ все это ничто? Развѣ я не могу создать себѣ будущность, какъ многіе другіе?... Вообще, я не созданъ для богатства.

[2]) Она очень знаетъ, что я посѣщаю, кромѣ ихъ дома, еще очень многіе дома, что я встрѣчаю тамъ красивыхъ женщинъ и нахожу удовольствіе въ ихъ обществѣ. У нея довольно благоразумія, можетъ

Въ маѣ, послѣ двухъ мѣсяцевъ молчанія, отецъ отвѣчалъ наконецъ сыну, что не противится его счастію, и Грановскій сдѣлался женихомъ Е. Б. Мильгаузенъ. «Je suis très-heureux ces jours-ci, heureux comme je ne l'ai, peut-être, jamais été», писалъ онъ тогда сестрамъ [1]). Въ письмѣ кузинѣ (24 іюня 1841) онъ такъ знакомилъ ее съ своею невѣстою: «C'est une femme, comme il m'en faut une, spirituelle et simple, capable de comprendre les exigences de la vie, à laquelle je me suis voué, et de partager le bon et le mauvais de cette vie» [2]). Въ послѣдствіи, обѣщая кузинѣ лично познакомить ее съ женою, онъ писалъ (декабрь 1842): «Vous verrez que tout déraisonnable que je suis—j'ai fait un mariage de raison, en faisant un mariage d'inclination» [3]).

1 іюня 1841 г. Грановскій простился на шесть недѣль съ невѣстою, отправившись въ Погорѣлецъ. Въ теченіи этихъ недѣль онъ пишетъ къ ней каждый день, а иногда два раза въ день. Въ разлукѣ съ нею онъ потерялъ спокойствіе и ровное расположеніе духа, которыми наслаждался съ того времени, когда сдѣлался женихомъ. Онъ признается въ письмахъ, что измѣнился, что не узнаетъ себя, что сдѣлался неблагодарнымъ къ любви и ласкамъ, которыми окружаютъ его сестры; дни тянутся для него медленно; онъ нетерпѣ-

быть довольно знанія моего характера, чтобы не огорчаться этимъ. Женившись, мнѣ очень легко отказаться отъ такой жизни и не искать удовольствій внѣ своей семьи. Какъ будто я дорожу такимъ образомъ жизни. Я испыталъ его только въ эту зиму, и готовъ отказаться отъ него нынче-же, если въ замѣну мнѣ дастся счастье.

[1]) Я очень счастливъ въ эти дни, счастливъ, какъ можетъ быть никогда не бывалъ.

[2]) Это женщина, какая нужна для меня, умная и простая, способная понимать требованія той жизни, которой я посвятилъ себя и раздѣлять со мной дурное и хорошее этой жизни.

[3]) Вы увидите, что при всей моей безразсудности — я женился благоразумно, женясь по любви.

ливо считаетъ время до того срока, когда можетъ возвратиться къ невѣстѣ. Непривычное счастье внушаетъ ему порой сомнѣніе, больныя думы. Оно кажется ему сномъ, иногда ему представляется, что онъ откроетъ глаза, и оно исчезнетъ. Порой ему представляется, что онъ можетъ еще недожить до счастливаго дня, что счастье его можетъ достаться другому, что судьба захочетъ посмѣяться надъ нимъ. Онъ самъ упрекалъ себя за нетерпѣливыя желанія, порождавшія въ немъ такіе болѣзненные сны. «Il me semble, que je ne suis pas assez reconnaissant envers le ciel, qui t'a envoyée à ma rencontre, читаемъ въ письмѣ его къ невѣстѣ (27 іюня 1841). Je ne sais à quelle souffrance je ne m'exposerais pas, s'il s'agissait de te mériter et de t'avoir, et je cède en enfant au chagrin, que fait naître en moi une séparation de 6 semaines. Il y a une grande faiblesse en moi, mais je ne puis pas en venir à bout et la dompter — cette faiblesse est plus forte, que moi» [1]). Письма невѣсты къ Грановскому безпрерывно перечитывались имъ. Онъ ждалъ ихъ съ радостнымъ нетерпѣніемъ. «Je reçois tes lettres les lundis et les jeudis, пишетъ онъ ей (28 іюня), mais j'en jouis déjà le dimanche et le mercredi—parce que c'est alors, que je commence à les attendre. C'est le bonheur de l'espérance. Puis, après la réception de la lettre, la vie me semble de nouveau sans but jusqu'au dimanche ou jeudi suivant, quand je commence à espérer» [2]). Письма Грановскаго невѣстѣ полны

[1]) Мнѣ кажется, что я недовольно признателенъ небу, пославшему тебя на встрѣчу со мною. Не знаю, какому страданію не рѣшился бы я подвергнуться, чтобы только заслужить тебя и обладать тобою, и однако же я поддаюсь, какъ ребенокъ печали, порождаемой во мнѣ шестинедѣльною разлукою. Моя слабость велика, но я не могу сладить съ нею и одолѣть ее — эта слабость сильнѣе меня.

[2]) Я получаю твои письма по понедѣльникамъ и четвергамъ, но я уже наслаждаюсь ими въ воскресенье и въ среду, потому-что въ эти

повторяющихся выраженій любви, нѣжности, преданности и благодарности. «Fais ce que tu voudras, rends-moi heureux ou malheureux, selon ton bon plaisir, je ne t'en aimerai pas moins, говоритъ онъ въ письмѣ къ ней (7 іюня). Je t'ai donné mon avenir avec tant de foi, tant de confiance, que je ne t'en demanderai jamais compte» [1]). «Cela me fait de la peine, que d'autres hommes ont dit, et mille fois mieux, ce que je te dis là, à d'autres femmes, пишетъ онъ о выраженіяхъ своей любви къ невѣстѣ (9 іюня). Le véritable amour s'exprime de la même manière; d'autres ont aussi aimé véritablement, mais il y a en moi, à part l'amour, une reconnaissence infinie pour ce que je te dois, cher ange. C'est une reconnaissance dont je ne pourrai jamais m'acquitter, c'est une dette éternelle, que je payerai toujours sans pouvoir jamais être quitte, même si tu ne m'aimais plus. Tu m'a donné plus que je n'ai demandé au Ciel. Tu peux me le reprendre, quand il te plaira et je t'aimerai toujours. C'est justement cette reconnaissance, qui me garantit la durée de mon amour pour toi; ce n'est pas une de ces passions fortes, mais passagères, que cette affection, que je te porte. Il y a dedans—respect, amour, dévouement, reconnaissance, adoration (passe-moi le mot, qui est devenu banal—tellement on en a abusé) et que sais-je, moi» [2]).

дни начинаю ожидать ихъ. Это счастье надежды. Послѣ полученія твоего письма жизнь, кажется мнѣ, опять не имѣетъ цѣли до слѣдующаго воскресенья или четверга, когда вновь начинаю надѣяться.

[1]) Дѣлай, что хочешь, дѣлай меня счастливымъ или несчастнымъ, какъ тебѣ вздумается, я не буду отъ этого любить тебя менѣе. Я отдалъ тебѣ свою будущность съ такою вѣрою и съ такимъ довѣріемъ, что не стану спрашивать у тебя отчета о ней.

[2]) Мнѣ прискорбно, что другіе люди говорили другимъ женщинамъ и еще въ тысячу разъ лучше то же, что говорю я здѣсь. Искренняя любовь выражается одинаково; другіе также искренно любили, но во мнѣ, кромѣ любви, есть безконечная признательность за все, чѣмъ я обязанъ тебѣ,

Грановскій всегда оставался для невѣсты и жены своей страстнымъ любовникомъ, нѣжнымъ братомъ и преданнымъ сыномъ. Горячность любви его къ ней была всегда одинаково сильна и одинаково чиста. Его семейное счастье было опорой, прибѣжищемъ и охраной во всѣ трудныя минуты его жизни, при всѣхъ недугахъ души, одаренной способностію глубокаго страданія. Это счастье было прочно, потому-что тѣсно связывалось съ нравственнымъ достоинствомъ супруговъ, было скрѣплено общими нравственными, сердечными и умственными интересами. Грановскій глубоко понималъ причины непрочности счастія въ большинствѣ брачныхъ союзовъ и говорилъ объ нихъ невѣстѣ. Его слова объясняютъ намъ постоянное и благотворное счастье его собственной семейной жизни. «Pourquoi tant de mariages, conclus par suite de l'amour des deux cotés, deviennent-ils une source de malheur pour l'homme et la femme après quelques mois ou quelques années de bonheur? пишетъ онъ къ невѣстѣ (13 іюня 1841 г.). C'est une triste idée, il y a même quelque chose de menaçant dedans. Et cependant rien de plus vrai. L'amour, ordinairement, fait place à une espèce d'indifférence et ce qui reste d'affection mutuelle n'a pour garantie et pour base, que l'habitude d'être depuis nombre d'années ensemble. Puis il y a communauté d'intérêts matériels,

---

мой ангелъ. Это такая признательность, требованій которой я никогда не буду въ состояніи удовлетворить, это вѣчный долгъ, который буду уплачивать всегда, никогда не очистивъ его, даже еслибы ты перестала любить меня. Ты принесла мнѣ болѣе, чѣмъ я просилъ у неба; можешь все взять отъ меня назадъ, когда тебѣ будетъ угодно, и я все буду любить тебя. Именно эта признательность служитъ ручательствомъ въ прочности моей любви къ тебѣ. Чувство мое къ тебѣ не есть одна изъ сильныхъ, но преходящихъ страстей. Оно вмѣщаетъ въ себѣ— уваженіе, любовь, преданность, благодарность, обожаніе (прости мнѣ слово, опошлѣвшее отъ стольнихъ злоупотребленій) и не знаю что еще...

qui unit toujour le mari à la femme à défaut d'un lien plus noble, mais qui a cessé d'éxister. J'aimerais mieux te perdre à l'instant même, qu'en venir à ce point de *Spiessbürgerthum* dans le mariage. Ce serait la mort pour moi, si je devais remplacer les liens, qui nous unissent actuellement par ceux de l'égoisme et de l'habitude. Et cependant c'est l'écueil, où va se briser le bonheur de 99 mariages d'inclination sur 100. Je t'ai parlé de B.: cet homme est passionnément amoureux de sa femme, qui le lui rend. Il est au désespoir, quand il doit la quitter pour 10 jours, eh bien, je donne ma vie si dans trois, quatre ans d'ici, le terme assigné est encore trop long, peut-être, il ne cherche point à se distraire de la monotonie de la vie domestique en courant les salons, et madame fera de même. Cela m'inquiétait beaucoup pour notre avenir, ces réflexions qui m'assiègent sans me donner du repos. Mais maintenant je suis tranquille sur ce point: l'amour ne peut s'user, que dans un coeur vide de tout autre intérêt sérieux et noble, mais quand un homme a une belle vocation à remplir, quand lui et la femme de son choix sont des êtres moraux et pensant à leur perfectionnement moral, l'amour dure tant que la vie. Grâce à toi, je reviens aux sentiments religieux, que j'ai reçus de ma mère, mais qu'une jeunesse tristement passée a bien affaiblis en moi» [1]).

---

[1]) Отчего столько союзовъ, заключенныхъ вслѣдствіе искренней любви двухъ сторонъ, становятся источникомъ несчастія для мужчины и женщины послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ или нѣсколькихъ лѣтъ счастія? Это печальная мысль; въ ней есть даже что-то грозное. И однакожь нѣтъ ничего справедливѣе. Обыкновенно любовь уступаетъ мѣсто какому-то равнодушію, а остатокъ взаимной привязанности держится и обезпечивается только долголѣтнею привычкою быть вмѣстѣ. Кромѣ того, общіе матеріальные интересы всегда связываютъ мужа съ женою за недостаткомъ болѣе благородной, но уже исчезнувшей связи. Я желалъ бы лучше въ эту же минуту лишиться тебя, чѣмъ дожить до

Думы Грановскаго показались сомнѣніями его 17-лѣтней невѣстѣ, полной вѣры и счастія. Она читала ихъ и писала объ нихъ съ грустію своему жениху. «Tu me dis, que mes craintes pour notre avenir t'ont fait de la peine, отвѣчалъ Грановскій (27 іюня) на письмо ея. Et pourquoi donc, ma bonne? Ai-je douté de toi? Mais quand je suis venu à penser, l'autre jour, à tant de mariages, qui promettaient tant de bonheur et qui ont tenu si mal leurs promesses, j'ai eu un peu d'inquiétude et j'ai réfléchi aux causes de ce fait si triste et si menaçant. Je n'ai pas pensé à ces malheurs inévitables, que Dieu nous envoie et qu'il faut accepter sans en comprendre le pourquoi; non — j'avais en vue ces malheurs, non moins grands, selon moi, et que l'homme s'attire lui-même, dont par conséquent on peut très-bien découvrir la cause dans un repli de son coeur. J'ai pensé à ces refroidissements sans cause ap-

---

этого предѣла пошлости въ бракѣ. Еслибы связи теперь насъ соединяющія, должны были замѣниться связями эгоизма и привычки — это было бы смертію для меня. И однако же таковъ подводный камень, о который разбиваются 99 изо 100 браковъ, заключенныхъ по взаимной склонности. Я говорилъ тебѣ о Б—ѣ: этотъ человѣкъ страстно влюбленъ въ жену, которая платитъ ему взаимностію. Онъ въ отчаяніи, когда долженъ разстаться съ нею на 10 дней, и тѣмъ не менѣе я готовъ отвѣчать своею жизнію, если чрезъ два, три года, а можетъ быть и этотъ срокъ еще слишкомъ длиненъ, онъ не станетъ искать по гостинымъ развлеченія отъ скуки семейной жизни; жена будетъ поступать также. Эти мысли, неотступно преслѣдовавшія меня, сильно тревожили меня за наше будущее. Но теперь я покоенъ на этотъ счетъ: любовь можетъ изсякнуть только въ сердцѣ чуждомъ всякаго другаго серьезнаго и благороднаго интереса, но когда мужчинѣ предстоитъ исполненіе прекраснаго призванія, когда онъ и избранная имъ женщина, существа нравственныя и думающія о своемъ нравственномъ усовершенствованіи, любовь длится столько же, сколько жизнь. Благодаря тебѣ, я возвращаюсь къ религіознымъ чувствамъ, внушеннымъ мнѣ моей матерью, но ослабленнымъ во мнѣ печально прозеденною юностію.

parente, qui surviennent presque toujours après quelques années de mariage, à cette misérable habitude de prendre le thé et de diner ensemble, qui remplace l'amour disparu—et tu as vu, que j'ai nié la possibilité d'un tel changement pour nous. On parle beaucoup d'amour, il y a des hommes, qui croient de bon coeur aimer et s'en font croire par les autres, mais bien peu savent aimer véritablement. Or, je t'aime véritablement, moi, je puis le dire sans vanité, sans affecter une supériorité quelconque; tous le mérite est à toi, qui as su m'inspirer un tel amour. Je ne me suis pas fait d'illusions, je n'ai pas pensé, comme un jeune homme de 20 ans «à une chaumière et ton coeur» — en te recevant de Dieu je lui ai promis de devenir meilleur et de travailler davantage afin de payer aux hommes ce que j'ai reçu de lui. Naturellement la dette restera toujours grande, mais chacun peut faire du bien d'après ses forces. J'en ferai aussi un peu. Mon amour ne m'a pas rendu égoïste, il ne m'a pas fait renoncer aux autres buts de ma vie, au contraire, il m'a donné plus d'ardeur et de force. N'ai-je pas reçu la récompense avant d'avoir fait la tâche, qui m'est imposée? Il n'y a pas d'exaltation momentanée dans ce que je te dis, je te parle, comme je parle à Dieu, et dans dix ans tu ne me verras pas rougir en me montrant cette lettre. Tu vois donc, que je ne crains pas l'avenir et que j'ai grande foi en toi, puisque je t'ai proposé de partager cet avenir, qui conviendrait à bien peu de femmes. Je tiens beaucoup à me justifier à tes yeux, car ce serait vraiment triste, si l'un de nous doutait de notre bonheur. Pour moi il y aurait folie et ingratitude dans un doute semblable. Tu ne m'as donc pas compris, ma bonne maman. Depuis que tu es à lui, ton fils croit au bonheur» [1]).

---

[1]) Ты говоришь, что мои опасенія за наше будущее огорчили тебя. Отчего же, моя добрая? Развѣ я сомнѣвался въ тебѣ? Но когда на-

Чистая и сильная любовь Грановскаго къ невѣстѣ сливалась въ душѣ его съ преданностію драгоцѣннѣйшимъ цѣлямъ его жизни. «Mon amour pour toi, пишетъ онъ къ ней (24 іюня), est la meilleure, la plus sainte, la plus pure partie de moi peut-être, et cependant j'aime beaucoup mes

---

медни я подумалъ о многихъ бракахъ, обѣщавшихъ столько счастія и такъ мало оправдавшихъ свои обѣщанія, я нѣсколько встревожился и раздумывалъ о причинахъ этого явленія столько грустнаго и грознаго. Я не думалъ о тѣхъ неизбѣжныхъ бѣдствіяхъ, которыя посылаются намъ Богомъ и которыя надо принимать, не понимая ихъ цѣли, нѣтъ — я имѣлъ въ виду несчастія, которыя, по моему, не менѣе велики и которыя человѣкъ самъ навлекаетъ на себя, причины которыхъ потому не трудно открыть въ нѣдрахъ его сердца. Я думалъ о тѣхъ внезапныхъ охлажденіяхъ безъ видимой причины, которыя наступаютъ почти всегда послѣ нѣсколькихъ лѣтъ брака, объ этой жалкой привычкѣ пить чай и обѣдать вмѣстѣ, которая остается въ замѣнъ изчезнувшей любви — ты знаешь, что я не призналъ возможности такой перемѣны для насъ. Много толкуютъ о любви, есть люди, чистосердечно увѣренные, что любятъ сами и заставляютъ вѣрить въ это другихъ, но очень немногіе дѣйствительно умѣютъ любить, я же истинно люблю тебя; я могу это сказатъ безъ тщеславія, не приписывая себѣ никакого превосходства; вся заслуга въ этомъ принадлежитъ тебѣ, которая умѣла внушить мнѣ такую любовь. Я не тѣшился мечтами, я не думалъ какъ 20-лѣтній юноша «о хижинѣ и твоемъ сердцѣ». Принимая тебя отъ Бога я обѣщалъ ему сдѣлаться лучшимъ и трудиться болѣе, чтобы уплатить людямъ за то, что далъ мнѣ Онъ. Конечно долгъ всегда останется еще великъ, но каждый можетъ дѣлать добро по своимъ силамъ. Я также совершу его хоть нѣсколько. Моя любовь не сдѣлала меня эгоистомъ, она не заставила меня отказаться отъ другихъ цѣлей моей жизни, напротивъ, она дала мнѣ болѣе будущности и силы. Не получилъ ли я награды еще прежде чѣмъ выполнилъ возложенную на меня задачу? Не минутная восторженность говоритъ въ моихъ словахъ къ тебѣ, я говорю тебѣ, какъ говорю предъ Богомъ, и черезъ десять лѣтъ ты не заставишь меня покраснѣть, когда покажешь мнѣ это письмо. Итакъ ты видишь, что я не боюсь будущаго и что у меня большая вѣра въ тебя, если я предложилъ тебѣ раздѣлить со мной будущность, которая была бы

soeurs — et la Russie encore» [1]). Эта любовь освѣщала и расцвѣчивала жизнь его на столько полно, на сколько это возможно для жизни мужчины и такого человѣка, какимъ былъ Грановскій.

Безмятежная тишина, и глубокій миръ сошли въ его душу въ первыя недѣли новаго счастія. Свѣтлый взглядъ его 17-лѣтней невѣсты изгонялъ изъ нея всякую тревогу, всѣ порывистыя стремленія, всѣ больныя думы и ощущенія. Въ деревнѣ, гдѣ провелъ онъ шесть недѣль въ разлукѣ съ нею, его снова и часто посѣщаютъ часы мрачнаго душевнаго настроенія, тотъ humeur noire, который остается спутникомъ его жизни, о которомъ онъ говоритъ въ своихъ письмахъ, какъ о какомъ-то загадочномъ присущемъ его природѣ недугѣ. Въ письмахъ къ невѣстѣ онъ объясняетъ свое душевное настроеніе отношеніями и обстоятельствами, окружавшими его въ родной семьѣ. Скорбь объ участи сестеръ, опасенія за ихъ будущность, безплодные переговоры съ капризнымъ и слабымъ старикомъ, разъѣзды и мелочные хлопоты по дѣламъ отца, и вмѣстѣ нетерпѣливо сносимая разлука съ невѣстою, все наводило на него уныніе. Однакоже онъ признавался, что всѣ эти обстоятельства сами по себѣ не должны бы были угнетать его духъ до болѣзненнаго состоянія. «Et puis n'es-tu pas là, писалъ онъ не-

---

по силамъ весьма немногимъ женщинамъ. Для меня очень важно оправдаться въ твоихъ глазахъ, потому-что было бы въ самомъ дѣлѣ печально, еслибъ одинъ изъ насъ могъ сомнѣваться въ нашемъ счастіи. Подобное сомнѣніе съ моей стороны было бы безуміемъ и неблагодарностію. Итакъ ты не поняла меня, моя добрая мама. Твой сынъ вѣритъ въ счастье съ той минуты, съ которой ты принадлежишь ему.

[1]) Моя любовь къ тебѣ составляетъ, можетъ быть, лучшую, святѣйшую, чистѣйшую часть меня самого, и однакоже я сильно люблю моихъ сестеръ — и еще Россію.

вѣстѣ по поводу припадка своей тоски (29 іюня) toi, que je n'ai ni méritée, ni esperée, ni même demandée à Dieu. La réalité est donc belle pour moi, je ne suis pas homme à me créer des malheurs imaginaires; les désagréments, que j'éprouve de temps en temps ici, sont d'une nature trop petite, trop mesquine pour m'attrister sérieusement, quoiqu'ils me fatiguent et m'irritent quelquefois. Avec tout cela je puis avoir des heures, comme celle-ci. Il doit y avoir quelque chose de mauvais, de gâté en mon moi» [1]).

Грановскій не любилъ признавать надъ собою власть внѣшнихъ впечатлѣній и обстоятельствъ. Часы и дни душевной усталости, наступавшіе для него вслѣдствіе раздражающихъ впечатлѣній, послѣ внутреннихъ волненій или напряженной, усиленной дѣятельности, считалъ онъ своимъ нравственнымъ недостаткомъ. Между тѣмъ его же собственныя слова даютъ намъ возможность понять свойство того humeur noire, который по-временамъ посѣщалъ его. «Tu ne dois donc pas me juger d'après les moments, que j'ai passés avec toi, читаемъ въ одномъ изъ его писемъ къ невѣстѣ (10 іюня). J'étais un autre, un meilleur homme alors. Il me suffisait de regarder pendant quelques minutes ton visage si doux et si calme pour être calme moi-même. Te l'ai-je dis? Mais la nature a mis en moi un germe d'inquiétude et d'agitation continuelles. Ma tranquillité apparente ne vient le plus

---

[1]). И за всѣмъ тѣмъ развѣ нѣтъ тебя, тебя, которой я ни заслужилъ, ни ожидалъ, ни просилъ даже у Бога. Итакъ, дѣйствительность для меня прекрасна. Я не наклоненъ создавать себѣ воображаемыя несчастія; непріятности, по временамъ испытываемыя мною здѣсь, слишкомъ мелочны, слишкомъ ничтожны, чтобы серьезно огорчать меня, хотя иногда утомляютъ и раздражаютъ. И тѣмъ не менѣе я могу переживать такіе часы, какъ настоящій. Въ моемъ я должно быть что-то дурное, что-то искаженное.

souvent, que de la fatigue, c'est une espèce d'apathie morale, ou bien elle n'est qu'apparente, comme je te l'ai dit. Il y a toujours en moi quelque pensée, qui me travaille sans relâche. Jadis c'était encore plus fort. Mais tu me donneras du calme, mon bon ange. Je suis triste aujourd'hui» [1]). Тогда же (14 іюня) онъ пишетъ В. П. Б—ну: «Я думалъ, что счастье отучитъ меня отъ глупой привычки сверлить себя (по выраженію Станкевича) и подсматривать, что тамъ внутри дѣлается. Но я остался вѣренъ этой привычкѣ. За то какъ я высмотрѣлъ себя! Кажется нѣтъ ни одного закоулка въ сердцѣ моемъ, въ которомъ бы я не побывалъ и не посмотрѣлъ какъ тамъ все обстоитъ. Разумѣется, что эта работа теперь стала пріятнѣе и виды лучше. Но сколько грусти примѣшивается къ моему счастію! Въ самыя лучшія мгновенія меня охватываетъ чувство странной тоски и невольно приходятъ въ голову стихи Гёте, не помню изъ какой пьесы:

Besser durch Leiden
Will ich mich schlagen,
Als so viel Freuden
Des Lebens ertragen.

Можетъ быть это отъ того, что я еще не привыкъ къ счастію. За будущее свое я не боюсь; я не понимаю для себя

---

[1]) Ты не должна судить обо мнѣ по тѣмъ минутамъ, которыя я проводилъ съ тобою. Я былъ тогда другимъ, лучшимъ человѣкомъ. Мнѣ довольно было нѣсколько минутъ посмотрѣть на твое кроткое и спокойное лице, чтобы быть покойнымъ самому. Говорилъ ли я тебѣ объ этомъ? Но природа вложила въ меня зародышъ постоянныхъ безпокойствъ и волненій. Мое кажущееся спокойствіе происходитъ большею частію только отъ усталости, это родъ нравственной апатіи, или пожалуй оно только кажущееся, какъ я сказалъ. У меня всегда есть какая-нибудь мысль, неотступно тревожащая меня. Прежде такъ бывало со мною еще сильнѣе. Но ты дашь мнѣ миръ, мой добрый ангелъ. Мнѣ грустно нынче.

возможности быть несчастнымъ съ нею. При ней я даже не рефлектирую. Въ ней есть что-то успокоивающее меня». «Le besoin d'agir, de travailler est quelque fois bien fort chez moi, читаемъ въ другомъ его письмѣ къ невѣстѣ (20 іюня). C'est lui, qui cause en partie l'inquiétude inhérente à mon caractère» [1]).

Грановскій много читалъ въ деревнѣ и собиралъ матеріалы для предстоящаго курса своихъ университетскихъ лекцій, не желая, какъ писалъ онъ невѣстѣ, читать ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ читалъ два года тому назадъ, когда былъ новичкомъ на каѳедрѣ. Въ Погорѣльцѣ, по словамъ его, занималъ его только механическій трудъ. Подъ вліяніемъ заботъ и огорченій, переносимыхъ имъ въ родной семьѣ, онъ не былъ способенъ къ иному труду. «Je déteste l'oisiveté, mais quelquefois elle m'est imposée par la nécessité, говоритъ онъ въ письмѣ къ невѣстѣ (18 іюня). Quand je viens ici—c'est toujours le cas» [2]). Онъ былъ занятъ хлопотами по дѣламъ отца, напрасно мечтая спасти состояніе его для сестеръ и будущей жены своей. Лѣнь и эгоизмъ старика были сильнѣе попытокъ и усилій сына. Грановскій объяснялся за отца съ кѣмъ было нужно, ѣздилъ и хлопоталъ по присутственнымъ мѣстамъ, велъ переговоры съ чиновниками и уладилъ въ запутанныхъ дѣлахъ все, что могъ. Срокъ его отъѣзда изъ Погорѣльца приближался. Отецъ обѣщалъ вмѣстѣ съ дочерьми сопровождать Грановскаго въ Москву, откладывалъ отъѣздъ, задерживая сына, и кончилъ тѣмъ, что остался въ деревнѣ и удержалъ возлѣ себя доче-

---

[1]) Потребность дѣятельности, труда порой очень сильна во мнѣ; она-то отчасти причина безпокойства, присущаго моему характеру.

[2]) Я ненавижу праздность, но иногда принужденъ къ ней по необходимости. Это всегда случается, когда пріѣзжаю сюда.

рей. Онъ обѣщалъ пріѣхать послѣ.... Нетерпѣливо порывался Грановскій изъ Погорѣльца и наконецъ въ половинѣ іюля явился въ Москву къ своей невѣстѣ.

Смерть матери послѣдней заставила отсрочить свадьбу, день который назначенъ былъ въ августѣ. Межъ тѣмъ Грановскій былъ совсѣмъ безъ денегъ и едва выпутывался изъ затрудненій при самыхъ скромныхъ приготовленіяхъ къ своей семейной жизни. Минутами онъ приходилъ почти въ отчаяніе, но скоро утѣшался. «Au reste, Dieu m'aidera, peut-être» [1]), прибавляетъ онъ, описывая сестрамъ свое затруднительное положеніе. «Je viens de trouver un logement fort petit et fort propre, сообщаетъ онъ имъ въ другомъ письмѣ (августъ 1841). Il ne coute, que 600 roubles (acc.) par an. Pour nous deux il est assez grand; si vous venez chez nous—nous vous destinons le salon et nous ne serons pas du tout gênés. Mes préparatifs sont bien modestes et économiques. Que voulez-vous» [2])!... «Je n'ai pas un sou dans la poche, пишетъ онъ имъ же за нѣсколько дней до своей свадьбы (начало октября 1841), говоря о долгахъ, которые ему необходимо уплатить. Avec tout cela je suis heureux, mes bonnes.... Lise rit de ce que je n'ai pas d'argent, mais moi je ne suis pas en état de voir toujours le coté comique de la chose et parfois *жутко бываетъ*» [3]). Грановскій началъ давать

---

[1]) Впрочемъ Богъ поможетъ мнѣ, можетъ быть.

[2]) Я нашелъ квартиру, очень маленькую и очень чистую. Наемная плата только 600 рублей въ годъ (асс.). Для насъ двухъ она довольно просторна. Если пріѣдете къ намъ, мы назначаемъ вамъ гостиную, и нисколько не будемъ стѣснены. Мои приготовленія очень скромны и экономны. Что дѣлать!

[3]) У меня нѣтъ ни гроша въ карманѣ. Тѣмъ не менѣе я счастливъ, мои добрыя... Лиза смѣется тому, что у меня нѣтъ денегъ, но я не

уроки въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, которые вмѣстѣ съ лекціями въ университетѣ занимали у него всѣ утра; только вечерами могъ онъ видѣть свою невѣсту. «Je ne puis donc travailler pour moi, que pendant la nuit et de grand matin, en enlevant quelques heures à mon sommeil, dont j'ai grand besoin. Jusqu'à présent je me suis bien porté, mais une vie comme celle-là me nuirait à la longue» [1]), писалъ онъ сестрамъ (сентябрь 1841), объясняя свое желаніе ускорить день брака, къ которому ожидалъ въ Москву отца и сестеръ. Отецъ не пріѣзжалъ и даже не увѣдомлялъ пріѣдетъ ли. 15 октября Грановскій обвѣнчался съ своею невѣстою. .

Молодые супруги были почти всегда дома, выѣзжая только въ необходимыхъ случаяхъ. Только дѣла и университетъ вызывали Грановскаго изъ дому. Счастливое настроеніе молодой четы симпатически сообщалось тѣмъ, кто сближался съ ними, отражалось на всемъ окружающемъ ихъ. Друзья и знакомые часто посѣщали эту чету, отдыхая душою въ ея особенномъ, свѣтломъ мірѣ. Грановскій, казалось, забылся и замолкъ среди своего счастія. Послѣ пяти недѣль молчанія онъ пишетъ сестрамъ (21 ноября): «Si je ne vous ai pas écrit—c'est que je ne sais vraiment ce qui m'est arrivé, mais le fait est, que depuis mon malheureux mariage je ne fais rien—et ce n'est pas sans étonnement, que je m'aperçois, que j'ai encore gardé la faculté d'écrire. Je croyais l'avoir perdue.... Je suis heureux, comme un prince», и этотъ prince прибавляетъ: «mes affaires pécuniaires sont loin d'être brillan-

---

всегда въ состояніи видѣть только комическую сторону дѣла, и порой жутко бываетъ.

[1]) Итакъ, я могу работать для себя только ночью и раннимъ утромъ, похищая нѣсколько часовъ у сна, въ которомъ очень нуждаюсь. До сихъ поръ я еще чувствовалъ себя здоровымъ, но такая жизнь, продлившись, будетъ вредна для меня.

tes, mais jusqu'à ce moment nous avons toujours eu de quoi diner et même souper. Je ne sais, si ce luxe sera durable» [1])....

Семнадцатилѣтняя подруга Грановскаго была одарена серьезнымъ, яснымъ умомъ. Подъ ея спокойною, по выраженію нѣсколько строгою наружностію таилось много глубины и энергіи сердца. Она крѣпла и росла умственно и нравственно подъ живительнымъ вліяніемъ мужа, которому была предана до самозабвенія. Она прежде всего поняла его сердцемъ и безконечно увѣровала въ него разъ на всегда. Требованія жизни, ея цѣли, призваніе человѣка, его радости и страданія, все воплотилось и сказалось для нея въ лицѣ Грановскаго, все поняла она черезъ него. Она не утратила однакоже ни своей самостоятельности, ни оригинальнаго характера. Вліяніе мужа заставляло звучать въ душѣ ея еще безмолвныя, но присущія ей струны. Грановскій не любилъ ни въ комъ несвободнаго усвоенія его понятій и мнѣній. Ему было больно и непріятно встрѣчать въ людяхъ, безусловно признававшихъ его авторитетъ, рабское повтореніе того, что онъ говорилъ и думалъ. Довѣрчиво и свободно было вниманіе жены къ исповѣдямъ сердца и ума, которыя ввѣрялъ онъ ей, удовлетворяя собственной потребности и которыя заронили плодотворныя сѣмена въ молодой и чистой душѣ. Свободно выросла и сложилась она нравственно подъ такимъ вліяніемъ, и мужъ встрѣчалъ въ ней не докучное, влюбленное эхо свое, но самостоятельное женственное существо съ ясною мыслію, съ преданнымъ и великодушнымъ

---

[1]) Если я не писалъ вамъ, то потому, что самъ не знаю, что сталось со мною; дѣло въ томъ, что со времени моего несчастнаго брака я ничего не дѣлаю — и не безъ удивленія замѣчаю теперь, что еще сохранилъ способность писать. Я думалъ, что потерялъ ее.... Я счастливъ, какъ принцъ... мои денежныя дѣла далеко не блестящи, но до сей минуты у насъ всегда хватало на обѣдъ и даже на ужинъ. Не знаю, продлится ли эта роскошь....

сердцемъ. «Любовь невозможна безъ нѣкотораго равенства», говорилъ Грановскій въ одномъ изъ писемъ къ своему молодому воспитаннику, и онъ могъ раздѣлять съ женою своею все, что его занимало, радовало или печалило, какъ съ равнымъ себѣ существомъ, находить въ ней и сочувствіе и признаніе своихъ дѣлъ и намѣреній, могъ также встрѣчать съ ея стороны и правдивое, внушенное любовію слово совѣта, несогласія, сомнѣнія, предупреждающаго опасенія чуткой женственной предусмотрительности. Нерѣдко въ серьезныхъ вопросахъ жизни порывы его страстной природы умѣрялись и стихали отъ кроткаго, успокоительнаго, но твердаго вліянія подруги. «Хоть мнѣ и непріятно слышать, когда она не соглашается съ моими умными рѣчами, а потомъ я бываю ей благодаренъ», говорилъ Грановскій о женѣ близкому ея другу.

Грановскій всегда вѣрилъ въ возможность высокаго умственнаго и нравственнаго развитія женщины, всегда радовался, когда встрѣчалъ его. Онъ не любилъ и не желалъ того, что многіе разумѣютъ подъ словомъ *эманципація женщины*, уравненія во всемъ ея общественнаго положенія съ положеніемъ мужчины, уравненія ея съ послѣднимъ въ задачахъ жизни, въ практической дѣятельности, но онъ желалъ, чтобъ женщина равнялась мужчинѣ въ участіи ума и сердца къ общечеловѣческимъ интересамъ. Женщина-дѣлецъ, женщина-торгашъ, женщина-юристъ наводила на него смущеніе. «Не люблю женщинъ, знающихъ законы», говорилъ онъ по поводу дѣловыхъ способностей дамы, съ успѣхомъ занимавшейся своими процессами. За то съ уваженіемъ и живымъ участіемъ видѣлъ онъ женщину, воспитывающую и обучающую дѣтей, женщину, посвящающую себя попеченіямъ о больныхъ и страждущихъ. Съ уваженіемъ и благоговѣніемъ смотрѣлъ онъ

и на ту, которая подъ гнетомъ тяжкаго или исключительнаго положенія не падала духомъ, и изъ любви къ дорогимъ ей лицамъ принимала на себя даже такія заботы и труды, которые обыкновенно долженъ нести мужчина. Въ такомъ исключительномъ явленіи онъ узнавалъ торжество сильной любви и оно глубоко трогало его. Замѣчанія уважаемыхъ имъ женщинъ о предметахъ изъ области литературы, науки, искусства, встрѣчались имъ всегда съ уваженіемъ, съ признаніемъ, часто съ благодарностію. Ихъ вопросы всегда обращали на себя его искреннее вниманіе. Въ бесѣдахъ съ ними никогда не было съ его стороны признака небрежности или того грубаго снисхожденія, съ какимъ нерѣдко говорятъ съ женщинами даже люди высокаго ума и образованія. Въ числѣ его друзей были преданныя ему и искренно чтимыя имъ женщины. Ихъ дружба была всегда дорога ему, она была ему необходима, она одна могла удовлетворять вполнѣ потребности искренней исповѣди, довѣрчивыхъ признаній его нѣжной души. Случалось, что дружескія отношенія Грановскаго, отличавшіяся горячностію, свойственною его страстной природѣ, подавали поводъ къ недоразумѣніямъ лицамъ, не умѣвшимъ понять эту особенность его характера. Были женщины, готовыя въ горячности его дружбы признать иное чувство. Тогда наступали для нихъ минуты разочарованія, а вмѣстѣ нежданные для Грановскаго упреки и преслѣдованія, возбуждавшія въ немъ наивное недоумѣніе и смущеніе.

Участливость, горячность и молодость сердца, часто хранимыя женщиною даже въ позднемъ возрастѣ жизни, были всегда обаятельны для Грановскаго. «Je dois l'avouer, признавался онъ въ письмѣ къ сестрамъ (27 февраля 1841), les femmes exercent une fatale influence sur moi, même quand

je ne les aime pas» [1]). Живое участіе ко всему, что̀ достойно его, то участіе, котораго Грановскій желалъ отъ женщины вообще, пробудилось и хранилось подъ вліяніемъ его въ женщинѣ близкой ему изъ всѣхъ, въ его женѣ. Онъ не желалъ, чтобъ исключительная любовь къ нему поглощала всѣ силы ея души. Завѣтъ безконечной любви, Евангеліе было первою книгою, которую нашла на своемъ столѣ жена, введенная имъ въ домъ свой. Онъ пробуждалъ въ ея сердцѣ постоянное участіе къ людямъ и живой отвѣтъ на привязанность и преданность ихъ. «Laisse-toi aimer, mais sans apathie» [2]), не рѣдко говорилъ и писалъ онъ ей. И слова его падали на плодотворную почву: дѣятельная любовь и участіе къ людямъ были въ ней постоянны. У него-же научилась она признавать независимость лица, и во всю ихъ жизнь не являлось съ ея стороны ни одного изъ тѣхъ мелкихъ требованій, тѣхъ стѣснительныхъ заботъ, которыя бываютъ у большинства женщинъ слѣдствіемъ опасеній и волненій той-же преданности, той-же любви, изъ которыхъ истекаютъ также и счастье и радости семейной жизни. Она любила безъ эгоизма, безъ требовательности, съ тѣмъ счастливымъ самоотверженіемъ, которое не сознаетъ и не понимаетъ себя. Она не только беззавѣтно была предана мужу, но глубоко знала и понимала его. Послѣ кончины Грановскаго она продиктовала его біографу [3]) точныя указанія на многія стороны его характера, проницательныя и вѣрныя объясненія фактовъ его жизни и духа, многія изъ его понятій и воззрѣній. «Когда мнѣ тяжело на сердцѣ, я прихожу къ ней и никто не умѣетъ такъ лѣчить мои нрав-

---

[1]) Я долженъ признаться, женщины оказываютъ на меня неизбѣжное вліяніе, даже когда я не люблю ихъ.

[2]) Принимай любовь людей, но безъ апатіи.

[3]) Покойному П. Н. Кудрявцеву.

ственныя болѣзни, какъ она», писалъ Грановскій о женѣ своей М. Ѳ. К—ъ. Онъ часто говорилъ, что безъ нея его скоро не стало-бы на свѣтѣ. Ея близость, возможность довѣрять ей свои думы, всѣ мимолетныя движенія души были ему необходимы. Онъ любилъ трудиться съ увѣренностію, что она близко отъ него, любилъ готовиться къ своимъ лекціямъ подъ музыку ея игры на роялѣ. Во время своихъ публичныхъ курсовъ онъ прочитывалъ обыкновенно подготовленную лекцію передъ нею, и потомъ уже отправлялся читать ее публикѣ. Случалось, что раздумье и грусть Грановскаго высказывались стихами; онъ всегда прочитывалъ ихъ женѣ, не допуская впрочемъ записывать ихъ. Плоды своего разнообразнаго чтенія и изученія онъ часто излагалъ женѣ въ одушевленныхъ, полныхъ мысли и поэзіи разсказахъ. Онъ самъ однажды признался ей: «знаешь, Лиза, въ сущности ты одна слушала лучшія мои лекціи». Случалось, что отлучившись на нѣсколько часовъ изъ дому, онъ присылалъ ей свои строки для того только, чтобы сказать, какъ любитъ ее, чтобы увѣдомить, что у него весело или тяжело на душѣ. Иногда на листочкѣ, хранящемъ эти мимолетныя впечатлѣнія, читаемъ выраженіе ѣдкой грусти, встрѣчаемъ слѣды внезапнаго сознанія, посѣтившаго его подъ впечатлѣніемъ, оставшимся для насъ неизвѣстнымъ. Вотъ примѣръ: изъ Москвы, отправляясь на обѣдъ къ одному изъ знакомыхъ, онъ посылаетъ нѣсколько строкъ женѣ, которую оставилъ на дачѣ: «Знаешь-ли, какъ мнѣ безъ тебя бываетъ грустно, скучно даже среди друзей, среди оргій, пьяному или трезвому. Лиза моя, право, безъ тебя не стоило-бы жить на свѣтѣ. A la longue я начинаю догадываться, что я слишкомъ рано или поздно родился. Мнѣ нечего дѣлать на этомъ свѣтѣ. Я люблю жизнь только потому, что встрѣтилъ тебя. А вѣдь это былъ случай. Безъ тебя я не

любилъ-бы жизни и равнодушно-бы простился съ нею: Твой Грановскій». Иногда, особенно въ дни тоски, посѣщавшей его, боясь тревожить больную и слабую жену, онъ былъ молчаливъ съ нею, уходилъ изъ дому. Но ему нужна была увѣренность, что онъ во всякую минуту можетъ увидѣть ее, можетъ говорить съ нею. Въ какой-бы поздній часъ ночи ни возвращался онъ къ себѣ, онъ прерывалъ сонъ жены, чтобы довѣрить ей все, что̀ пережилъ безъ нея, чтобы сказать ей все, что̀ его радовало, или принести ей свою жалобу. Какъ ни былъ онъ доволенъ и оживленъ тѣмъ, что̀ встрѣчало и окружало его — вдали отъ нея у него скоро начиналось Heimweh. Онъ порывался сердцемъ къ ней. «Когда я въ Москвѣ, мнѣ ничего не сто̀итъ уѣхать отъ тебя на сутки, но когда я уѣзжаю въ другой городъ, мнѣ кажется что я осиротѣлъ, что я остался одинъ на свѣтѣ. Дитя моѐ и мать моя!» пишетъ онъ ей (3 ноября 1851) изъ Тулы, куда отлучался изъ Москвы дней на десять. Весною 1855 года, за нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины, Грановскій ѣздилъ на недѣлю въ Петербургъ и пишетъ оттуда женѣ (май 1855 года): «Пора домой, говоритъ сердце, а ранѣе пятницы выѣхать нельзя. Богъ знаетъ, какъ хочется обнять тебя и взглянуть въ твои глаза, изъ которыхъ черпаю Lebensmuth и Lebenslust. Какъ мнѣ благодарить за все данное мнѣ тобою? Развѣ не ты заставляешь меня жить, а жить съ тобою мнѣ такъ хорошо!»

Съ первыхъ дней счастія до мгновенія послѣдней разлуки и послѣ 14 лѣтъ брака у этой четы все та-же свѣжесть и поэзія чувства, та-же вѣра другъ въ друга, таже сильная и нѣжная любовь! Вспомнимъ слова, сказанныя женихомъ: «L'amour ne peut s'user, que dans un coeur vide de tout autre intérêt sérieux et noble, mais quand un homme a une belle vocation à remplir, quand lui et la femme

de son choix sont des êtres moraux, pensant à leur perfectionnement moral, l'amour dure tant que la vie» [1]).

Семейное счастье досталось Грановскому во время, чтобы служить опорою въ печали, которая готовилась ему въ новыхъ утратахъ дорогихъ лицъ. Весною 1842 года начала хворать старшая сестра его, любимая его Barbe. Больная, съ зловѣщимъ кашлемъ, она продолжала ухаживать за капризнымъ старикомъ и до позднихъ часовъ ночи занимать его картами. Лѣтомъ Грановскій вмѣстѣ съ женою спѣшили къ ней въ Погорѣлецъ и застали ее уже въ постели. Грановскій былъ возлѣ нея, когда она закрыла глаза и простоялъ цѣлую ночь на колѣнахъ, обнявъ остатки несчастной сестры. «Le sort ne me ménage pas trop, ma bonne cousine, писалъ онъ въ декабрѣ, il semble trouver du plaisir à me rappeler sans cesse, qu'il est le plus fort de nous deux. Un coup succède à l'autre. Et je n'ai même pas le temps de me remettre dans l'intervalle des coups. Que faire? Il faut souffrir, quand on ne peut pas faire autrement. J'ai été triste et malade tout ce temps-ci, et sans ma femme, que je vous montrerai ce printemps, et qui, j'espère, sera digne de votre amitié, parce que c'est un être vraiment noble et généreux, je ne sais ce que j'aurais fait» [2]).

---

[1]) Любовь можетъ изсякнуть только въ сердцѣ чуждомъ всякаго другаго серьезнаго и благороднаго интереса, но когда мужчинѣ предстоитъ исполненіе прекраснаго призванія, когда онъ и избранная имъ женщина существа нравственныя и думающія о своемъ нравственномъ усовершенствованіи, любовь длится столько же, сколько жизнь.

[2]) Судьба не щадитъ меня, моя добрая кузина. Она будто находитъ удовольствіе напоминать мнѣ безпрерывно, что она сильнѣйшая изъ насъ двухъ. Удары, слѣдуя за ударами, не даютъ мнѣ даже времени опомниться. Что дѣлать? Надо страдать, если больше нечего дѣлать. Я былъ грустенъ и боленъ все это время, и не знаю что бы

Вскорѣ послѣ того, какъ Грановскій писалъ эти строки, жена его проводила дни въ Орлѣ возлѣ умирающей послѣдней сестры его. Бѣдная дѣвушка твердила о покойной сестрѣ своей, видѣла ее всякой разъ какъ смыкала глаза свои, отказывалась отъ лѣкарства и въ январѣ (1843) Грановскій уже узналъ о ея кончинѣ. Въ томъ же году скончался младшій братъ его. Въ письмѣ къ родной теткѣ (Н. В. Чернышъ) онъ говорилъ (13 дек. того же года): «Изъ четырехъ я остался одинъ. Покойные сестры и братъ мало видѣли радостнаго въ жизни и умерли рано. Болѣе или менѣе всѣ они умерли жертвами какой-то страшной и несправедливой судьбы. Надѣюсь, что теперь имъ лучше. Вы мало знали сестеръ моихъ. Ихъ безконечное самоотверженіе, безропотное страданіе, ихъ свѣтлый умъ, развившійся безъ помощи хорошаго образованія, даже наперекоръ вліянію обстоятельствъ — вамъ не могли быть извѣстны. А я все видѣлъ и все зналъ, и ничему не могъ пособить.... Да будетъ воля Божія! Сестры купили дорогою цѣною право воздаянія въ будущей жизни».

Единственный сынъ, оставшійся въ живыхъ изъ всѣхъ дѣтей Николая Тимоѳеевича Грановскаго, пріѣхалъ изъ Москвы лѣтомъ 1844 года къ осиротѣлому отцу. Больной и одинокій старикъ обрадовался его пріѣзду болѣе, чѣмъ когда нибудь. Онъ не свыкся еще съ мыслію о потерѣ дѣтей и часто говорилъ о нихъ, какъ о живыхъ. Онъ привыкъ къ ихъ попеченіямъ о немъ; одиночество пугало его. У старика начиналась водяная болѣзнь. Я бы хотѣлъ умереть пока ты здѣсь, твердилъ онъ сыну, а то умрешь одинъ съ лакеями. Тяжелая печаль давила Грановскаго въ опустѣ-

---

дѣлалъ безъ жены моей, которую представлю вамъ нынѣшнею весною и которая, надѣюсь, будетъ достойна вашей дружбы, потому-что она существо истинно благородное и великодушное.

ломъ деревенскомъ домѣ. «Неужели это не сонъ, и ихъ въ самомъ дѣлѣ нѣтъ болѣе, пишетъ онъ отсюда женѣ о своихъ сестрахъ. На крыльцѣ не онѣ стояли, когда я подъѣхалъ. Въ комнатахъ такъ пусто. Я былъ у Саши на могилѣ, она лежитъ рядомъ съ маменькой. Здѣсь я около трехъ дней, и только разъ былъ у нихъ въ комнатѣ. Висятъ четыре портрета, постели приняты, мебели нѣтъ никакой. Слава Богу я могу плакать. Я много плакалъ. Но помириться съ мыслію объ ихъ кончинѣ, привыкнуть къ этой мысли мнѣ невозможно. Онѣ были такъ нужны для меня.... Въ одномъ я похожъ на Жака въ романѣ George Sand. Я никогда не утѣшаюсь въ моихъ душевныхъ утратахъ. Я беру съ собой всякое горе на цѣлую жизнь. Станкевичъ, сестры, они для меня ежедневно умираютъ снова. Но въ этомъ нѣтъ того, что Герценъ называетъ моимъ романтизмомъ. Это постоянное, глубокое настроеніе души моей». Грустное письмо заключается словами: «не будь же грустна, моя Лиза. Есть другая жизнь, безъ разлуки».

Грановскій перевезъ больнаго отца для лѣченія изъ деревни въ Орелъ и почти не отходилъ отъ старика, пока не стало ему лучше. Больной сдѣлался уступчивымъ и, казалось, соглашался на всѣ совѣты сына. Чтобы спасти имѣніе старика отъ продажи, необходимо было заплатить долги кредиторамъ, предлагавшимъ ему возвратить его заемныя письма съ огромными уступками. Но старикомъ овладѣла какая-то странная любовь къ деньгамъ, безполезно хранимымъ въ его шкатулкѣ, хотя въ то же время онъ высказывалъ сыну опасеніе, что можетъ умереть одинокимъ, и деньги пропадутъ. Грановскій рѣшился тогда продать свое небольшое имѣніе въ Полтавской губерніи, доставшееся ему отъ матери, чтобъ уплатить долги отца, который свое орловское имѣніе соглашался передать ему. Въ такомъ случаѣ

Грановскій имѣлъ бы 15 т. годоваго дохода, и онъ уже надѣялся «что у него будетъ свой уголъ и кусокъ хлѣба». Онъ отправился въ Полтавскую губернію, но не нашелъ здѣсь покупщика для имѣнія. Сдѣлавъ тысячу верстъ и возвратясь къ отцу послѣ двухъ недѣль отсутствія, сынъ засталъ его поздоровѣвшимъ. Съ возвращеніемъ силъ возвратилась къ старику прежняя безпечность и прежняя привычка обѣщать, уступать на словахъ и откладывать исполненіе, капризно перетолковывая все съизнова свои намѣренія. Всѣ хлопоты Грановскаго остались напрасными, и когда поправилось здоровье отца, онъ возвратился въ половинѣ августа въ Москву къ своей дѣятельности и въ среду друзей своихъ.

Мы уже говорили въ предшествующей главѣ о знакомствахъ и дружескихъ связяхъ Грановскаго въ Москвѣ. Съ 1842 года онъ тѣсно сблизился съ поселившимся здѣсь Герценомъ. Дружба Грановскаго къ послѣднему отличалась той страстностію, которую вносилъ онъ во всѣ свои сердечныя привязанности. «Жаль, что ты мало знаешь Герцена, пишетъ онъ Фролову (17 окт. 1845). Встрѣча и близкое знакомство съ такимъ человѣкомъ доставили бы тебѣ много радости. Это одна изъ самыхъ чистыхъ, умныхъ и твердыхъ натуръ, какія мнѣ встрѣтились, не смотря на его наружное легкомысліе». Грановскаго глубоко радовала дѣятельность его друга, его философскія и литературныя произведенія, появлявшіяся въ современныхъ изданіяхъ. Онъ расчитывалъ на его живое участіе въ журналѣ, который надѣялся издавать кругъ ихъ общихъ друзей. Дѣятельность друзей питалась взаимнымъ сочувствіемъ и взаимнымъ обмѣномъ мнѣній. Мысль ихъ однако же не всегда и не во всемъ доходила до однихъ результатовъ и выводовъ. Свое изученіе философіи Герценъ заключилъ полнымъ отрица-

ніемъ съ своей стороны тѣхъ вѣрованій, признаніе которыхъ было присуще душѣ Грановскаго во всю его жизнь и укрѣплялось въ немъ историческими занятіями и собственными нравственными требованіями.

Другъ Грановскаго долго бился въ бѣличьемъ колесѣ діалектическихъ повтореній и выпрыгнулъ наконецъ изъ него на свой страхъ. Авторъ «Писемъ объ изученіи природы» призналъ, что тѣ сѣдые утесы, о которые бились отъ семи греческихъ мудрецовъ до Канта и Гегеля всѣ дерзавшіе думать — вовсе не скалы, а одинъ туманъ, фантастически освѣщенный. Вмѣсто простыхъ объясненій всѣ пытались ихъ обогнуть и только покрывали ихъ новыми слоями символовъ и аллегорій. Итакъ, довольно было простыхъ объясненій, да скачка на свой страхъ, чтобы дойти до истины. Грановскій не послѣдовалъ за скачкомъ своего друга, а простыя объясненія не казались ему убѣдительными къ глубокому сожалѣнію послѣдняго. Отсюда между друзьями споры и разномысліе, доведшее ихъ наконецъ до теоретическаго разрыва. Въ перепискѣ Грановскаго находимъ слѣды возникавшихъ несогласій.

Лѣтомъ 1844 года, уѣзжая изъ Москвы къ отцу, Грановскій оставилъ жену свою на дачѣ въ семьѣ друга. Лѣто было необычайно дождливое и холодное. Въ Аугсбургской газетѣ появилась статья, упоминавшая о связи такого состоянія погоды съ пятномъ, замѣченнымъ на сонцѣ. По поводу такого явленія, Герценъ думалъ о возможности измѣненій и переворотовъ въ солнечной системѣ: солнце когда нибудь можетъ потухнуть; слѣдствія этого холодъ, мракъ и гибель. Кто можетъ поручиться, что это невозможно? — На письмо жены, упоминавшей о мнѣніяхъ друга, Грановскій отвѣчалъ: «Великій астрономъ, увѣряющій тебя, что пятна на солнцѣ знаменуютъ переворотъ въ солнечной системѣ,

безсовѣстно пользуется правомъ математиковъ пороть дичь и не знать исторіи. Это явленіе повторялось тысячу разъ, и каждый разъ математики и чернь объясняли его по своему и выводили страшныя заключенія. А между тѣмъ солнце также грѣетъ и свѣтитъ по прежнему. Изъ холоднаго лѣта 1844 года, пятнышка на солнцѣ и статьи въ Аугсбургской газетѣ нельзя еще заключать о переворотѣ въ солнечной системѣ. Но пусть будетъ такъ, какъ они говорятъ. Пусть потухнетъ *это* солнце и охладится *эта* земля, духъ будетъ продолжать начатую имъ здѣсь работу гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Какая китайская нелѣпость въ предположеніи, что вся жизнь духа связана съ органическою жизнію нашей планеты исключительно; какая хула на разумъ, какое отрицаніе всякой разумной цѣли въ бытіи космоса заключается въ этой вѣрѣ въ силу слѣпаго, глупаго случая, который, чертъ знаетъ для чего, вздумалъ запачкать солнце. Такія дикія нелѣпости могутъ прійти въ голову только математику. Покажи это письмо Герцену. Онъ вѣрно будетъ со мною согласенъ, тѣмъ болѣе, что онъ теперь уже, слава Богу, не знаетъ математики». Въ 1845 году авторъ «Писемъ объ изученіи природы» слушалъ въ Москвѣ лекціи сравнительной анатоміи и ему казалось, что онъ познакомился въ аудиторіи и анатомическомъ театрѣ съ новымъ, сильнымъ поколѣніемъ юношей съ направленіемъ реалистическимъ, т. е положительно научнымъ. Эта молодежь разглядѣла, въ чемъ онъ расходился съ Грановскимъ и хотѣла, чтобы онъ непремѣнно склонилъ его на сторону ихъ будто бы философскихъ мнѣній. Все это опять приводило къ спорамъ между друзьями.

Философскія мнѣнія и примѣръ юношей не могли увлекать Грановскаго. Положительно научное направленіе понималъ онъ не менѣе и не хуже чѣмъ они. Не положитель-

но научное направленіе, не пріемы и способы естествовѣдѣнія осуждалъ Грановскій, а легкомысліе, въ началѣ изученія и труда уже смѣло провозглашающее послѣдніе результаты науки, возводящеё въ догматы свои догадки, свои шаткія соображенія. Впрочемъ Грановскій ясно видѣлъ, какіе нездоровые плоды можетъ приносить естествовѣдѣніе, если получаетъ въ воспитаніи юношей перевѣсъ надъ другими науками, и послѣ споровъ съ другомъ высказалъ печатно въ 1847 году свои замѣчанія на этотъ счетъ [1]).

Въ 1846 году, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія за границей, возвратился въ Москву поэтъ и другъ Герцена, сочувствовавшій его направленію и принимавшій участіе въ его спорахъ съ Грановскимъ. Мы видѣли, какъ Грановскій отвергалъ мысль, что жизнь духа связана исключительно съ органическою жизнію нашей планеты. Подобное же вѣрованіе защищалъ онъ и въ спорѣ съ друзьями о духѣ человѣка. Онъ не признавалъ, чтобы онъ былъ связанъ исключительно съ земнымъ организмомъ человѣка, онъ вѣрилъ въ его безсмертіе, какъ уже знаютъ читатели по словамъ его писемъ. Возраженія друзей, выдаваемыя ими за неопровержимые факты сознанія, за истины современной науки, а потому обязательныя, не казались Грановскому такими.

Есть вопросы вѣчно живые, вѣчно возникающіе во всѣ времена на всѣхъ ступеняхъ развитія человѣчества. Отношеніе Грановскаго къ такимъ вопросамъ имѣло болѣе глубокій характеръ, чѣмъ у людей, которые упрекали его въ романтизмѣ, въ недостаткѣ скептицизма потому только, что онъ не былъ способенъ къ легкому отрицанію. Въ немъ были глубокія вѣрованія, и онъ оставался имъ вѣренъ не изъ страха разстаться съ утѣшительной и успокоивающей

---

[1]) Въ Современникѣ 1847. См. Соч. Гран. Изд. 2. Т. II, стр. 191.

привычкой. Люди, требующіе простаго, естественнаго пониманія, нерѣдко выдаютъ за результаты науки ея шаткіе опыты, ея преждевременные выводы, путь ея принимаютъ за достигнутую цѣль. Грановскій понималъ, что люди, толкующіе о точномъ, положительномъ, научномъ, математическомъ методѣ въ наукѣ, этимъ самымъ, когда касаются неразрѣшимыхъ вопросовъ человѣческаго сознанія, не застрахованы еще отъ тѣхъ же произвольныхъ или неясныхъ толкованій, къ какимъ прибѣгаютъ и мистики. Догматизмъ современнаго химика или физіолога оказывалъ въ такихъ вопросахъ такъ же мало власти надъ Грановскимъ, какъ и догматизмъ какого нибудь протестантскаго теолога. Длинная цѣпь системъ, ученій, школъ и сектъ не даромъ протянулась передъ созерцаніемъ историка. Такъ называемыя простыя и естественныя рѣшенія вѣчныхъ вопросовъ не были новостію для него. Въ своемъ біографическомъ очеркѣ «Бартольдъ Георгъ Нибуръ» Грановскій приводилъ слова великаго ученаго, въ которыхъ мы узнаемъ и его собственное воззрѣніе: «для каждаго, кто не довольствуется словами и обращающимися въ одномъ кругѣ толкованіями, ясно, что надъ нашими науками есть истина, которая къ нимъ относится какъ живое существо къ своему изображенію. Но мы не въ состояніи обойтись безъ науки, и всѣ наши чаянія и догадки получаютъ смыслъ только при твердомъ опредѣленіи границъ положительнаго знанія. Взятыя отдѣльно, онѣ обращаются въ сны и воздушные образы». Предѣлы положительнаго знанія были давно извѣстны Грановскому. Тамъ, гдѣ кончались эти предѣлы, онъ оставался вѣренъ голосу нравственнаго и религіознаго чувства, требованію разума, если не отвѣтамъ его.

Поэтъ, оспаривавшій убѣжденія Грановскаго, въ 1847 году жилъ въ своей деревнѣ, гдѣ между прочимъ занимался и

ственныя болѣзни, какъ она», писалъ Грановскій о женѣ своей М. Ѳ. К—ъ. Онъ часто говорилъ, что безъ нея его скоро не стало-бы на свѣтѣ. Ея близость, возможность довѣрять ей свои думы, всѣ мимолетныя движенія души были ему необходимы. Онъ любилъ трудиться съ увѣренностію, что она близко отъ него, любилъ готовиться къ своимъ лекціямъ подъ музыку ея игры на роялѣ. Во время своихъ публичныхъ курсовъ онъ прочитывалъ обыкновенно подготовленную лекцію передъ нею, и потомъ уже отправлялся читать ее публикѣ. Случалось, что раздумье и грусть Грановскаго высказывались стихами; онъ всегда прочитывалъ ихъ женѣ, не допуская впрочемъ записывать ихъ. Плоды своего разнообразнаго чтенія и изученія онъ часто излагалъ женѣ въ одушевленныхъ, полныхъ мысли и поэзіи разсказахъ. Онъ самъ однажды признался ей: «знаешь, Лиза, въ сущности ты одна слушала лучшія мои лекціи». Случалось, что отлучившись на нѣсколько часовъ изъ дому, онъ присылалъ ей свои строки для того только, чтобы сказать, какъ любитъ ее, чтобы увѣдомить, что у него весело или тяжело на душѣ. Иногда на листочкѣ, хранящемъ эти мимолетныя впечатлѣнія, читаемъ выраженіе ѣдкой грусти, встрѣчаемъ слѣды внезапнаго сознанія, посѣтившаго его подъ впечатлѣніемъ, оставшимся для насъ неизвѣстнымъ. Вотъ примѣръ: изъ Москвы, отправляясь на обѣдъ къ одному изъ знакомыхъ, онъ посылаетъ нѣсколько строкъ женѣ, которую оставилъ на дачѣ: «Знаешь-ли, какъ мнѣ безъ тебя бываетъ грустно, скучно даже среди друзей, среди оргій, пьяному или трезвому. Лиза моя, право, безъ тебя не стòило-бы жить на свѣтѣ. A la longue я начинаю догадываться, что я слишкомъ рано или поздно родился. Мнѣ нечего дѣлать на этомъ свѣтѣ. Я люблю жизнь только потому, что встрѣтилъ тебя. А вѣдь это былъ случай. Безъ тебя я не

любилъ-бы жизни и равнодушно-бы простился съ нею: Твой Грановскій». Иногда, особенно въ дни тоски, посѣщавшей его, боясь тревожить больную и слабую жену, онъ былъ молчаливъ съ нею, уходилъ изъ дому. Но ему нужна была увѣренность, что онъ во всякую минуту можетъ увидѣть ее, можетъ говорить съ нею. Въ какой-бы поздній часъ ночи ни возвращался онъ къ себѣ, онъ прерывалъ сонъ жены, чтобы довѣрить ей все, что̀ пережилъ безъ нея, чтобы сказать ей все, что̀ его радовало, или принести ей свою жалобу. Какъ ни былъ онъ доволенъ и оживленъ тѣмъ, что̀ встрѣчало и окружало его — вдали отъ нея у него скоро начиналось Heimweh. Онъ порывался сердцемъ къ ней. «Когда я въ Москвѣ, мнѣ ничего не сто̀итъ уѣхать отъ тебя на сутки, но когда я уѣзжаю въ другой городъ, мнѣ кажется что я осиротѣлъ, что я остался одинъ на свѣтѣ. Дитя мое и мать моя!» пишетъ онъ ей (3 ноября 1851) изъ Тулы, куда отлучался изъ Москвы дней на десять. Весною 1855 года, за нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины, Грановскій ѣздилъ на недѣлю въ Петербургъ и пишетъ оттуда женѣ (май 1855 года): «Пора домой, говоритъ сердце, а ранѣе пятницы выѣхать нельзя. Богъ знаетъ, какъ хочется обнять тебя и взглянуть въ твои глаза, изъ которыхъ черпаю Lebensmuth и Lebenslust. Какъ мнѣ благодарить за все данное мнѣ тобою? Развѣ не ты заставляешь меня жить, а жить съ тобою мнѣ такъ хорошо!»

Съ первыхъ дней счастія до мгновенія послѣдней разлу и послѣ 14 лѣтъ брака у этой четы все та-же свѣжесть и поэзія чувства, та-же вѣра другъ въ друга, та-же сильная и нѣжная любовь! Вспомнимъ слова, сказанныя женихомъ: «L'amour ne peut s'user, que dans un coeur vide de tout autre intérêt sérieux et noble, mais quand un homme a une belle vocation à remplir, quand lui et la femme

de son choix sont des êtres moraux, pensant à leur perfectionnement moral, l'amour dure tant que la vie» [1]).

Семейное счастье досталось Грановскому во время, чтобы служить опорою въ печали, которая готовилась ему въ новыхъ утратахъ дорогихъ лицъ. Весною 1842 года начала хворать старшая сестра его, любимая его Barbe. Больная, съ зловѣщимъ кашлемъ, она продолжала ухаживать за капризнымъ старикомъ и до позднихъ часовъ ночи занимать его картами. Лѣтомъ Грановскій вмѣстѣ съ женою спѣшили къ ней въ Погорѣлецъ и застали ее уже въ постели. Грановскій былъ возлѣ нея, когда она закрыла глаза и простоялъ цѣлую ночь на колѣнахъ, обнявъ остатки несчастной сестры. «Le sort ne me ménage pas trop, ma bonne cousine, писалъ онъ въ декабрѣ, il semble trouver du plaisir à me rappeler sans cesse, qu'il est le plus fort de nous deux. Un coup succède à l'autre. Et je n'ai même pas le temps de me remettre dans l'intervalle des coups. Que faire? Il faut souffrir, quand on ne peut pas faire autrement. J'ai été triste et malade tout ce temps-ci, et sans ma femme, que je vous montrerai ce printemps, et qui, j'espère, sera digne de votre amitié, parce que c'est un être vraiment noble et généreux, je ne sais ce que j'aurais fait» [2]).

---

[1]) Любовь можетъ изсякнуть только въ сердцѣ чуждомъ всякаго другаго серьезнаго и благороднаго интереса, но когда мужчинѣ предстоитъ исполненіе прекраснаго призванія, когда онъ и избранная имъ женщина существа нравственныя и думающія о своемъ нравственномъ усовершенствованіи, любовь длится столько же, сколько жизнь.

[2]) Судьба не щадитъ меня, моя добрая кузина. Она будто находитъ удовольствіе напоминать мнѣ безпрерывно, что она сильнѣйшая изъ насъ двухъ. Удары, слѣдуя за ударами, не даютъ мнѣ даже времени опомниться. Что дѣлать? Надо страдать, если больше нечего дѣлать. Я былъ грустенъ и боленъ все это время, и не знаю что̀ бы

Вскорѣ послѣ того, какъ Грановскій писалъ эти строки, мысли его проводили дни въ Орлѣ возлѣ умирающей послѣдней сестры его. Вторая дѣвушка твердила о покойной сестрѣ своей, видѣла ее [illegible] разъ пять сквозь слезы, отказывалась отъ лекарства и въ январѣ (1842) Грановскій уже узналъ о ея кончинѣ. Въ томъ же году скончался младшій братъ его. Въ письмѣ къ родной теткѣ (Е. В. Черниловой) онъ говоритъ (13 дек. того же года): «Изъ четырехъ я остался одинъ. Покойныя сестры и братъ мало видѣли радостнаго въ жизни и умерли рано. Болѣе или менѣе всѣ они умерли жертвами какой-то страшной и несправедливой судьбы. Надѣюсь, что теперь имъ лучше. Вы мало знали сестеръ моихъ. Ихъ безконечное самоотверженіе, безропотное страданіе, ихъ свѣтлый умъ, развившійся безъ помощи хорошаго образованія, даже наперекоръ вліянію обстоятельствъ — вамъ не могли быть извѣстны. А я все видѣлъ и все зналъ, и ничему не могъ пособить.... Да будетъ воля Божія! Сестры купили дорогою цѣною право воздаянія въ будущей жизни».

Единственный сынъ, оставшійся въ живыхъ изъ всѣхъ дѣтей Николая Тимоѳеевича Грановскаго, пріѣхалъ изъ Москвы лѣтомъ 1844 года къ осиротѣлому отцу. Больной и одинокій старикъ обрадовался его пріѣзду болѣе, чѣмъ когда нибудь. Онъ не свыкся еще съ мыслію о потерѣ дѣтей и часто говорилъ о нихъ, какъ о живыхъ. Онъ привыкъ къ ихъ попеченіямъ о немъ; одиночество пугало его. У старика начиналась водяная болѣзнь. Я бы хотѣлъ умереть пока ты здѣсь, твердилъ онъ сыну, а то умрешь одинъ съ лакеями. Тяжелая печаль давила Грановскаго въ опустѣ-

ѣхалъ безъ жены моей, которую представлю вамъ нынѣшнею весною и которая, надѣюсь, будетъ достойна вашей дружбы, потому-что она существо истинно благородное и великодушное.

ломъ деревенскомъ домѣ. «Неужели это не сонъ, и ихъ въ самомъ дѣлѣ нѣтъ болѣе, пишетъ онъ отсюда женѣ о своихъ сестрахъ. На крыльцѣ не онѣ стояли, когда я подъѣхалъ. Въ комнатахъ такъ пусто. Я былъ у Саши на могилѣ, она лежитъ рядомъ съ маменькой. Здѣсь я около трехъ дней, и только разъ былъ у нихъ въ комнатѣ. Висятъ четыре портрета, постели приняты, мебели нѣтъ никакой. Слава Богу я могу плакать. Я много плакалъ. Но помириться съ мыслію объ ихъ кончинѣ, привыкнуть къ этой мысли мнѣ невозможно. Онѣ были такъ нужны для меня.... Въ одномъ я похожъ на Жака въ романѣ George Sand. Я никогда не утѣшаюсь въ моихъ душевныхъ утратахъ. Я беру съ собой всякое горе на цѣлую жизнь. Станкевичъ, сестры, они для меня ежедневно умираютъ снова. Но въ этомъ нѣтъ того, что Герценъ называетъ моимъ романтизмомъ. Это постоянное, глубокое настроеніе души моей». Грустное письмо заключается словами: «не будь же грустна, моя Лиза. Есть другая жизнь, безъ разлуки».

Грановскій перевезъ больнаго отца для лѣченія изъ деревни въ Орелъ и почти не отходилъ отъ старика, пока не стало ему лучше. Больной сдѣлался уступчивымъ и, казалось, соглашался на всѣ совѣты сына. Чтобы спасти имѣніе старика отъ продажи, необходимо было заплатить долги кредиторамъ, предлагавшимъ ему возвратить его заемныя письма съ огромными уступками. Но старикомъ овладѣла какая-то странная любовь къ деньгамъ, безполезно хранимымъ въ его шкатулкѣ, хотя въ то же время онъ высказывалъ сыну опасеніе, что можетъ умереть одинокимъ, и деньги пропадутъ. Грановскій рѣшился тогда продать свое небольшое имѣніе въ Полтавской губерніи, доставшееся ему отъ матери, чтобъ уплатить долги отца, который свое орловское имѣніе соглашался передать ему. Въ такомъ случаѣ

Грановскій имѣлъ бы 15 т. годоваго дохода, и онъ уже надѣялся «что у него будетъ свой уголъ и кусокъ хлѣба». Онъ отправился въ Полтавскую губернію, но не нашелъ здѣсь покупщика для имѣнія. Сдѣлавъ тысячу верстъ и возвратясь къ отцу послѣ двухъ недѣль отсутствія, сынъ засталъ его поздоровѣвшимъ. Съ возвращеніемъ силъ возвратилась къ старику прежняя безпечность и прежняя привычка обѣщать, уступать на словахъ и откладывать исполненіе, капризно перетолковывая все съизнова свои намѣренія. Всѣ хлопоты Грановскаго остались напрасными, и когда поправилось здоровье отца, онъ возвратился въ половинѣ августа въ Москву къ своей дѣятельности и въ среду друзей своихъ.

Мы уже говорили въ предшествующей главѣ о знакомствахъ и дружескихъ связяхъ Грановскаго въ Москвѣ. Съ 1842 года онъ тѣсно сблизился съ поселившимся здѣсь Герценомъ. Дружба Грановскаго къ послѣднему отличалась той страстностію, которую вносилъ онъ во всѣ свои сердечныя привязанности. «Жаль, что ты мало знаешь Герцена, пишетъ онъ Фролову (17 окт. 1845). Встрѣча и близкое знакомство съ такимъ человѣкомъ доставили бы тебѣ много радости. Это одна изъ самыхъ чистыхъ, умныхъ и твердыхъ натуръ, какія мнѣ встрѣтились, не смотря на его наружное легкомысліе». Грановскаго глубоко радовала дѣятельность его друга, его философскія и литературныя произведенія, появлявшіяся въ современныхъ изданіяхъ. Онъ расчитывалъ на его живое участіе въ журналѣ, который надѣялся издавать кругъ ихъ общихъ друзей. Дѣятельность друзей питалась взаимнымъ сочувствіемъ и взаимнымъ обмѣномъ мнѣній. Мысль ихъ однако же не всегда и не во всемъ доходила до однихъ результатовъ и выводовъ. Свое изученіе философіи Герценъ заключилъ полнымъ отрица-

ніемъ съ своей стороны тѣхъ вѣрованій, признаніе которыхъ было присуще душѣ Грановскаго во всю его жизнь и укрѣплялось въ немъ историческими занятіями и собственными нравственными требованіями.

Другъ Грановскаго долго бился въ бѣличьемъ колесѣ діалектическихъ повтореній и выпрыгнулъ наконецъ изъ него на свой страхъ. Авторъ «Писемъ объ изученіи природы» призналъ, что тѣ сѣдые утесы, о которые бились отъ семи греческихъ мудрецовъ до Канта и Гегеля всѣ дерзавшіе думать — вовсе не скалы, а одинъ туманъ, фантастически освѣщенный. Вмѣсто простыхъ объясненій всѣ пытались ихъ обогнуть и только покрывали ихъ новыми слоями символовъ и аллегорій. Итакъ, довольно было простыхъ объясненій, да скачка на свой страхъ, чтобы дойти до истины. Грановскій не послѣдовалъ за скачкомъ своего друга, а простыя объясненія не казались ему убѣдительными къ глубокому сожалѣнію послѣдняго. Отсюда между друзьями споры и разномысліе, доведшее ихъ наконецъ до теоретическаго разрыва. Въ перепискѣ Грановскаго находимъ слѣды возникавшихъ несогласій.

Лѣтомъ 1844 года, уѣзжая изъ Москвы къ отцу, Грановскій оставилъ жену свою на дачѣ въ семьѣ друга. Лѣто было необычайно дождливое и холодное. Въ Аугсбургской газетѣ появилась статья, упоминавшая о связи такого состоянія погоды съ пятномъ, замѣченнымъ на сонцѣ. По поводу такого явленія, Герценъ думалъ о возможности измѣненій и переворотовъ въ солнечной системѣ: солнце когда нибудь можетъ потухнуть; слѣдствія этого холодъ, мракъ и гибель. Кто можетъ поручиться, что это невозможно? — На письмо жены, упоминавшей о мнѣніяхъ друга, Грановскій отвѣчалъ: «Великій астрономъ, увѣряющій тебя, что пятна на солнцѣ знаменуютъ переворотъ въ солнечной системѣ,

безсовѣстно пользуется правомъ математиковъ корить тѣмъ я не знаю исторіи. Это явленіе повторялось тысячу разъ, и каждый разъ математики и теперь объясняли его по своему и выводили страшныя заключенія. А между тѣмъ солнце также грѣетъ и свѣтитъ по прежнему. Изъ холоднаго лѣта 1844 года, затмѣвшаго солнце, и статьи въ Аугсбургской газетѣ нельзя еще заключать о переворотѣ въ солнечной системѣ. Но пусть будетъ такъ, какъ они говорятъ. Пусть потухаетъ это солнце и охладится эта земля, духъ будетъ продолжать начатую имъ здѣсь работу гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Какая китайская нелѣпость въ предположеніи, что вся жизнь духа связана съ органическою жизнію нашей планеты исключительно; какая хула на разумъ, какое отрицаніе всякой разумной цѣли въ бытіи космоса заключается въ этой вѣрѣ въ силу слѣпаго, глупаго случая, который, чертъ знаетъ для чего, вздумалъ запачкать солнце. Такія дикія нелѣпости могутъ прійти въ голову только математику. Покажи это письмо Герцену. Онъ вѣрно будетъ со мною согласенъ, тѣмъ болѣе, что онъ теперь уже, слава Богу, не знаетъ математики». Въ 1845 году авторъ «Писемъ объ изученіи природы» слушалъ въ Москвѣ лекціи сравнительной анатоміи и ему казалось, что онъ познакомился въ аудиторіи и анатомическомъ театрѣ съ новымъ, сильнымъ поколѣніемъ юношей съ направленіемъ реалистическимъ, т. е. положительно научнымъ. Эта молодежь разглядѣла, въ чемъ онъ расходился съ Грановскимъ и хотѣла, чтобы онъ непремѣнно склонилъ его на сторону ихъ будто бы философскихъ мнѣній. Все это опять приводило къ спорамъ между друзьями.

Философскія мнѣнія и примѣръ юношей не могли увлечь Грановскаго. Положительно научное направленіе понималъ онъ не менѣе и не хуже чѣмъ они. Не положитель-

но научное направленіе, не пріемы и способы естествовѣдѣнія осуждалъ Грановскій, а легкомысліе, въ началѣ изученія и труда уже смѣло провозглашающее послѣдніе результаты науки, возводящее въ догматы свои догадки, свои шаткія соображенія. Впрочемъ Грановскій ясно видѣлъ, какіе нездоровые плоды можетъ приносить естествовѣдѣніе, если получаетъ въ воспитаніи юношей перевѣсъ надъ другими науками, и послѣ споровъ съ другомъ высказалъ печатно въ 1847 году свои замѣчанія на этотъ счетъ [1]).

Въ 1846 году, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія за границей, возвратился въ Москву поэтъ и другъ Герцена, сочувствовавшій его направленію и принимавшій участіе въ его спорахъ съ Грановскимъ. Мы видѣли, какъ Грановскій отвергалъ мысль, что жизнь духа связана исключительно съ органическою жизнію нашей планеты. Подобное же вѣрованіе защищалъ онъ и въ спорѣ съ друзьями о духѣ человѣка. Онъ не признавалъ, чтобы онъ былъ связанъ исключительно съ земнымъ организмомъ человѣка, онъ вѣрилъ въ его безсмертіе, какъ уже знаютъ читатели по словамъ его писемъ. Возраженія друзей, выдаваемыя ими за неопровержимые факты сознанія, за истины современной науки, а потому обязательныя, не казались Грановскому такими.

Есть вопросы вѣчно живые, вѣчно возникающіе во всѣ времена на всѣхъ ступеняхъ развитія человѣчества. Отношеніе Грановскаго къ такимъ вопросамъ имѣло болѣе глубокій характеръ, чѣмъ у людей, которые упрекали его въ романтизмѣ, въ недостаткѣ скептицизма потому только, что онъ не былъ способенъ къ легкому отрицанію. Въ немъ были глубокія вѣрованія, и онъ оставался имъ вѣренъ не изъ страха разстаться съ утѣшительной и успокоивающей

---

[1]) Въ Современникѣ 1847. См. Соч. Гран. Изд. 2. Т. II, стр. 191.

привычкой. Люди, требующіе простаго, естественнаго пониманія, нерѣдко выдаютъ за результаты науки ея шаткіе опыты, ея преждевременные выводы, путь ея принимаютъ за достигнутую цѣль. Грановскій понималъ, что люди, толкующіе о точномъ, положительномъ, научномъ, математическомъ методѣ въ наукѣ, этимъ самымъ, когда касаются неразрѣшимыхъ вопросовъ человѣческаго сознанія, не застрахованы еще отъ тѣхъ же произвольныхъ или неясныхъ толкованій, къ какимъ прибѣгаютъ и мистики. Догматизмъ современнаго химика или физіолога оказывалъ въ такихъ вопросахъ такъ же мало власти надъ Грановскимъ, какъ и догматизмъ какого нибудь протестантскаго теолога. Длинная цѣпь системъ, ученій, школъ и сектъ не даромъ протянулась передъ созерцаніемъ историка. Такъ называемыя простыя и естественныя рѣшенія вѣчныхъ вопросовъ не были новостію для него. Въ своемъ біографическомъ очеркѣ «Бартольдъ Георгъ Нибуръ» Грановскій приводилъ слова великаго ученаго, въ которыхъ мы узнаемъ и его собственное воззрѣніе: «для каждаго, кто не довольствуется словами и обращающимися въ одномъ кругѣ толкованіями, ясно, что надъ нашими науками есть истина, которая къ нимъ относится какъ живое существо къ своему изображенію. Но мы не въ состояніи обойтись безъ науки, и всѣ наши чаянія и догадки получаютъ смыслъ только при твердомъ опредѣленіи границъ положительнаго знанія. Взятыя отдѣльно, онѣ обращаются въ сны и воздушные образы». Предѣлы положительнаго знанія были давно извѣстны Грановскому. Тамъ, гдѣ кончались эти предѣлы, онъ оставался вѣренъ голосу нравственнаго и религіознаго чувства, требованію разума, если не отвѣтамъ его.

Поэтъ, оспаривавшій убѣжденія Грановскаго, въ 1847 году жилъ въ своей деревнѣ, гдѣ между прочимъ занимался и

химіей и откуда упрекалъ Грановскаго въ недостаткѣ скептицизма. Выписываемъ искреннія слова Грановскаго изъ отвѣта его поэту (январь 1847): «Я не согласенъ съ послѣднимъ письмомъ твоимъ и крѣпко отстаиваю права мои на скептицизмъ. Я могу запомнить его рожденіе и ростъ во мнѣ. Онъ былъ естественнымъ слѣдствіемъ почти исключительнаго занятія исторіею. Нѣтъ науки болѣе враждебной всякому догматизму, чѣмъ исторія. Ты говоришь, что скептицизмъ по натурѣ своей насмѣшливъ, бьетъ направо и налѣво. Это опредѣленіе слишкомъ узко. Въ немъ можетъ быть по крайней мѣрѣ столько скорби, сколько ироніи, и не всегда бьетъ онъ направо и налѣво, а *чаще смотритъ недовѣрчиво на обѣ стороны*. Насмѣшливость есть личная способность, приносимая человѣкомъ. У меня ея нѣтъ. Ты неправъ, приписывая мнѣ пошлость въ родѣ: не троньте меня, а я васъ не трону. Но во мнѣ дѣйствительно глубокая ненависть ко всякой нетерпимости, неспособной уважить особенность взгляда, который у всякаго сколько нибудь умнаго, мыслящаго человѣка есть результатъ цѣлаго развитія, цѣлой жизни. Я не хвастаюсь своимъ скептицизмомъ, а говорю объ немъ, какъ о фактѣ; знаю, что это нѣчто болѣзненное, можетъ-быть знакъ безсилія, но благодаренъ ему за то, что онъ воспиталъ во мнѣ истинную, гуманную терпимость. Нетерпимость понятна и извинительна только въ юношѣ, который думаетъ, что овладѣлъ истиною, потому что прочелъ и горячо принялъ къ сердцу умную и благородную книгу, да въ людяхъ съ ограниченнымъ и жесткимъ умомъ, каковы, напримѣръ, протестантскіе богословы 17 и даже 19 вѣка. Чѣмъ ограниченнѣе умъ, тѣмъ легче ему дается какое нибудь маленькое убѣжденіе, на которомъ ему ловко спать. Да, исторія великая наука, и что бы вы ни говорили о естественныхъ наукахъ, онѣ

никогда не дадутъ человѣку той нравственной силы, какую она даетъ».

Грановскій никогда никому не навязывалъ нетерпѣливо своихъ вѣрованій, но и не уступалъ ихъ никому. Въ спорахъ съ друзьями оскорбляли его не ихъ мнѣнія, а нетерпимость, ихъ способъ спорить. Кромѣ того, были вліянія, были обстоятельства, разъединявшія друзей можетъ-быть болѣе, чѣмъ различіе мнѣній между ними по нѣкоторымъ вопросамъ. Эти обстоятельства не имѣютъ для читателей ни важности, ни интереса. Мы не упоминаемъ объ нихъ, считая своею обязанностію говорить только о томъ, что имѣетъ значеніе для характеристики Грановскаго и болѣе или менѣе общій интересъ.

Друзья разстались съ наболѣвшимъ сердцемъ. Въ январѣ 1847 года Герценъ уѣхалъ за границу. Поэтъ поселился въ своей деревнѣ. Отношенія Грановскаго къ послѣднему ярко высказываютъ его неспособность къ забвенію, къ примиренію съ утратой дружбы или любви.

Грановскій узналъ поэта вскорѣ послѣ пріѣзда своего въ Москву изъ-заграницы. Онъ признавалъ въ немъ изящную, воспріимчивую, нравственную и даровитую природу, и сильно полюбилъ его. Въ 1841 году поэтъ уѣхалъ за границу и оставался тамъ до 1846. Время шло; въ лицѣ поэта для Грановскаго открывались новыя, не радовавшія его, черты, но онъ продолжалъ любить его. Онъ пишетъ о немъ Фролову (21 окт. 1844): «На что̀ употребилъ онъ всѣ средства, которыя съ такою расточительностію дала ему природа и судьба.... Для меня онъ, какъ двѣ капли воды, похожъ на Христину испанскую. Въ одну форму вылиты. Разница въ томъ только, что я его люблю, а ее терпѣть не могу». Въ другомъ письмѣ къ Фролову (17 окт. 1845) онъ говоритъ о немъ же: «Какъ много природа и судьба

дала этому человѣку и что онъ сдѣлалъ изъ этихъ даровъ! Жизнь, преданная исканію мелкихъ, дешевыхъ наслажденій, припадки раскаянія, и потомъ успокоеніе себя въ сознаніи собственнаго безсилія. Такъ мириться съ совѣстію нетрудно. И сколько эгоизма въ такой жизни». Еще позднѣе онъ разглядѣлъ въ своемъ другѣ ничѣмъ не оправдываемую самонадѣянность и самолюбіе, былъ недоволенъ капризами его въ личныхъ отношеніяхъ, но не переставалъ глубоко, съ болію и печалію любить его. Въ привязанности Грановскаго къ этому другу было нѣчто похожее на чувство страстнаго отца, болѣзненно и неразрывно привязывающагося сердцемъ именно къ тому изъ дѣтей, кто наиболѣе нанесъ ему ранъ, кто наименѣе оправдалъ его надежды.

У Грановскако была глубокая вѣра въ человѣка, въ раннее или позднее торжество лучшихъ сторонъ его существа, онъ не любилъ жестокихъ и безвозвратныхъ приговоровъ надъ людьми. Если обстоятельства приводили его къ неизбѣжному разрыву съ лицами близкими, онъ расходился съ ними съ уваженіемъ, съ доброй памятію, съ благодарнымъ чувствомъ за прошлое, часто съ надеждою на лучшую, новую встрѣчу. Даже личныя обиды и непріятности, наносимыя ему, извинялъ и забывалъ онъ очень легко. Только оскорбленія его нравственнаго чувства оставляли въ душѣ его неизгладимые слѣды.

По смерти Грановскаго въ бумагахъ его осталось письмо къ поэту. Онъ не успѣлъ отправить его по назначенію. «Намъ нечего оправдываться другъ передъ другомъ, пишетъ онъ. Придетъ пора — я крѣпко держусь за эту надежду — мы сойдемся безъ объясненій и безъ оправданій, также близкіе одинъ другому, какъ въ лучшіе годы нашей дружбы. Теперь это невозможно.... Я люблю тебя, сколько

могу любить, я недоволенъ тобою, у меня есть душевныя и горкія griefs противъ тебя—но мысль о разрывѣ съ тобою такъ страшна, какъ мысль о смерти. Я не даю ей мѣста въ головѣ моей».

Полный, безвозвратный разрывъ съ друзьями былъ для Грановскаго невозможенъ. Онъ плакалъ и обвинялъ себя въ безсиліи разорвать дружескую связь, которая, по видимому, не могла продолжаться. Съ отчаяніемъ замѣчалъ онъ, что друзья прикрѣплены къ душѣ его такими нитями, которыхъ нельзя перерѣзать не захвативъ живаго мяса. До конца своей жизни онъ не отказался, какъ увидимъ далѣе, отъ тѣхъ вѣрованій, которыя возбуждали его споры съ друзьями, но порой подъ вліяніемъ тоски по нимъ, готовъ былъ обвинять себя въ романтизмѣ, лишь бы уменьшить ту пропасть, которая раздѣляла его отъ нихъ. Онъ понималъ ошибки и заблужденія Герцена, сожалѣлъ о безплодной тратѣ его таланта, нерѣдко негодовалъ на его мнѣнія, хотѣлъ печатно возражать имъ, но и на одрѣ смерти думалъ и болѣлъ душою о своемъ далекомъ, заблудившемся на чужбинѣ другѣ.

Разрывъ и разлука съ друзьями въ 1847 году оставили въ Грановскомъ неизлѣчимые слѣды. Въ душѣ его было такъ пусто, такъ страшно, какъ въ домѣ, изъ котораго вынесли дорогихъ покойниковъ. Онъ старался забыться, уйти отъ самого себя. Въ это-то время онъ въ первый разъ поддался страсти къ азартной игрѣ, которую онъ сдерживалъ, съ которою боролся, но которая съ этихъ дней нерѣдко одолѣвала его. Дѣдъ и отецъ Грановскаго были страстными игроками, его мать любила карты и порою искала въ нихъ забвенія своихъ домашнихъ печалей. Въ Грановскомъ также таилась наклонность къ игрѣ, которой онъ однакоже не поддавался до 1847 года. Только съ этого времени, и особенно

послѣ 1848 года началъ онъ прибѣгать къ игрѣ среди душевныхъ невзгодъ и нравственныхъ страданій, среди неудачъ и обманутыхъ надеждъ своей дѣятельности, доводившихъ его до отчаянія и безвѣрія въ собственныя силы, въ достиженіе лучшихъ его цѣлей. Много часовъ, много безсонныхъ ночей проводилъ онъ надъ карточными столами. Это былъ странный, невиданный игрокъ! Выигрышъ былъ для него исключительнымъ случаемъ, и онъ бывалъ смущенъ имъ, онъ не могъ прекратить игры, пока проигравшій партнеръ не отыгрывался или, въ свою очередь, не обыгрывалъ его самого. Странно и больно было видѣть благородный образъ Грановскаго, его блѣдное, усталое, печальное лицо, его лихорадочно блестящіе глаза за карточнымъ столомъ, среди тускнѣющаго освѣщенія поздней ночи, среди молчаливыхъ лицъ игроковъ съ выраженіемъ напряженнаго вниманія и сдержанной жадности. А онъ игралъ торопливо, разсѣянно, ронялъ карты, не умѣлъ ихъ скрыть отъ зоркихъ глазъ партнеровъ, забывалъ записывать свой выигрышъ. Онъ былъ почти всегда въ проигрышѣ и платилъ, дѣлая долги. Случайные изъ своихъ выигрышей онъ не получалъ по цѣлымъ годамъ или ему вовсе не платили ихъ. Случалось, что этотъ странный игрокъ внушалъ невольное участіе къ себѣ опытнымъ и даже нечистымъ игрокамъ. Они являлись къ нему на помощь, охраняли его отъ ошибокъ и разсѣянности въ игрѣ, предупреждали его противъ опасныхъ партнеровъ. Истомленный, измученный волненіемъ и безсонною ночью, Грановскій покидалъ игру съ внутренними упреками самому себѣ, и однако же въ слѣдующую ночь печальный игрокъ являлся опять за роковымъ зеленымъ столомъ. Его приводила сюда потребность забвенія тяжкихъ думъ и нравственныхъ лишеній, глубокая тоска, овладѣвавшая имъ, потребность волненій, при-

сущая страстнымъ натурамъ и невсегда находившая для себя лучшую цѣль въ ту эпоху, когда суждено было жить ему. Можно объяснить игру Грановскаго многими обстоятельствами и впечатлѣніями жизни, но несомнѣнно, что влеченіе къ ней порой бывало сильнѣе его, что онъ изнемогалъ въ борьбѣ съ нимъ. Его смущали и огорчали замѣчанія и опасенія друзей, высказываемыя по поводу его игры; онъ оправдывался какъ ребенокъ, каялся, на долго бросалъ ее, но по временамъ внезапно возвращался къ ней. Игра вовлекла Грановскаго въ долги, унесла у него много времени и силъ, оставила въ немъ тяжкіе, мучительные упреки самому себѣ; она оставила такіе печальные слѣды въ благородной жизни Грановскаго, что, стараясь представить ее читателямъ въ возможной полнотѣ, мы не хотѣли и не могли скрывать поучительнаго недуга замѣчательнаго человѣка.

Около этого печальнаго для Грановскаго времени онъ былъ избранъ въ члены Англійскаго клуба въ Москвѣ. Никогда ни какой успѣхъ сына не казался столь лестнымъ сердцу отца, какъ это избраніе. Узнавъ о немъ, старикъ Грановскій нетерпѣливо ждалъ свиданія съ сыномъ и съ радостнымъ волненіемъ обнялъ въ немъ новаго члена чтимаго имъ клуба. Больной старикъ переѣхалъ тогда въ Москву къ сыну и жилъ у него, окруженный попеченіями жены Грановскаго. Дѣла старика были по прежнему разстроены. Осенью 1847 года Грановскій былъ выброшенъ изъ сломавшагося экипажа, и отъ сильнаго ушиба о мостовую болѣлъ въ теченіи нѣсколькихъ недѣль, который долженъ былъ безвыходно провести въ своей комнатѣ. Жена его отъ испуга опасно занемогла. Въ это время давно хворавшій старикъ скончался; деньги, сберегаемыя имъ, были украдены. Безъ нихъ невозможно было спасти состояніе, наслѣдникомъ ко-

тораго оставался одинъ Грановскій; имѣніе старика было продано съ публичнаго торга. Случай еще разъ лишилъ Грановскаго состоянія, готоваго перейти въ его руки. Увѣдомляя объ этомъ Фролова, онъ писалъ ему: «Мнѣ слѣдовательно предстоитъ участь пролетарія, борьба съ нуждою и т. д. Спокойно смотрю и на это». Разрывъ съ друзьями, сильныя физическія страданія вслѣдствіе ушиба, опасеніе за жизнь больной жены, предстоящее отреченіе отъ профессорской дѣятельности, о которомъ говорили мы прежде, и наконецъ смерть отца, окончательно рушившая надежды Грановскаго на независимое положеніе — вотъ обстоятельства среди которыхъ наступалъ для него новый 1848 годъ, заставившій его забыть о личныхъ потеряхъ и страданіяхъ и принесшій съ собою для Грановскаго новыя надежды, новыя ожиданія и новые обманы.

V.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ ЖИЗНИ.

1848—1855.

Грановскій внимательно слѣдилъ за современною исторіею, за событіями дня, даже за мелочными явленіями въ жизни народовъ, исторія которыхъ была для него постояннымъ предметомъ изученія, судьба которыхъ постоянно занимала мысль его. Газеты, извѣстія о ежедневныхъ событіяхъ были для него также необходимы, также полны смысла какъ и историческіе матеріалы, памятники, лѣтописи и ученые труды, съ помощію которыхъ онъ изучалъ минувшее. События въ Европѣ 1848 года, глубоко взволновали его.

Февральская революція во Франціи, казалось, обѣщала странѣ политическую свободу и политическія права ея гражданамъ, права, принадлежавшія доселѣ меньшинству, буржуазіи. Грановскій любилъ свободу, вѣрилъ въ ея пришествіе и съ живыми надеждами встрѣтилъ ея успѣхи. Но политическій вопросъ во Франціи усложнялся другими задачами. Февральской революціи предшествовала теоретическая разработка соціальныхъ вопросовъ и отрицательная критика существующихъ экономическихъ отношеній; ей предшествовало немало разнообразныхъ утопій и плановъ общественныхъ перестроекъ, новаго общественнаго порядка,

который долженъ былъ осуществить на землѣ царство полнаго равенства, братства вмѣстѣ съ удовлетвореніемъ нуждъ, требованій и способностей всѣхъ и каждаго. Ей уже неразъ предшествовали также попытки соціалистовъ и взволнованныхъ ихъ ученіями работниковъ къ ниспроверженію существующаго общественнаго порядка. Ярая отрицательная критика и соблазнительные планы будущаго счастливаго устройства общественныхъ и экономическихъ отношеній, возбуждали преувеличенныя надежды и желанія рабочаго класса страны, гдѣ въ царствованіе Лудвига-Филиппа матеріальное и промышленное развитіе достигли небывалыхъ размѣровъ, увеличивъ вмѣстѣ и размѣры нуждъ и требованій работниковъ. Со времени февральскаго переворота надежды и требованія послѣднихъ подняли свой голосъ, заглушая вопросы политическаго права и свободы. Февральская революція во Франціи и событія, слѣдовавшія за нею въ остальной Европѣ, казалось Грановскому, открывали одну изъ тѣхъ эпохъ, когда человѣчество начинаетъ жить ускоренною жизнію, приближаясь къ разрѣшенію сложныхъ и трудныхъ задачъ длиннаго историческаго процесса. Слѣдя съ страстнымъ участіемъ за характеромъ событій въ Европѣ 1848 года, переживая сердцемъ и мыслію современную борьбу противорѣчащихъ началъ, Грановскій, казалось, утратилъ спокойствіе и независимость историческаго созерцанія.

Грановскій видѣлъ въ новой исторіи стремленіе народныхъ массъ къ участію въ умственной и политической жизни обществъ, въ пользованіи плодами цивилизаціи, участію, невозможному для тѣхъ, на чью долю достается только трудъ безъ досуга для образованія, для пріобрѣтенія знанія, для наслажденія искусствомъ. Не раздѣляя мнѣнія людей, признающихъ въ пролетаріатѣ новое, небывалое въ

исторіи явленіе, Грановскій замѣчалъ, что съ 1848 года пролетаріатъ въ первый разъ является на сцену исторіи съ небывалою силою, съ единодушіемъ, съ настойчивыми требованіями, съ опредѣленными цѣлями. Еще въ предшествующемъ году Грановскій писалъ: «Настоящее положеніе и будущность бѣдныхъ классовъ обращаютъ на себя преимущественное вниманіе государственныхъ людей и мыслителей западной Европы, гдѣ пролетаріатъ дѣйствительно получилъ огромное значеніе». Замѣчая, что пролетаріатъ явленіе не новое, онъ говорилъ по поводу усилій, употребленныхъ государственными мужами римской республики къ излѣченію этой язвы: «Имъ были невѣдомы основныя начала политической экономіи. Безъ помощи ея руководныхъ теорій, смѣлые Римляне шли на бой съ общественнымъ зломъ, такъ, какъ они ходили на враговъ республики, вѣруя въ ея неизмѣнное счастье и въ собственную силу. Но эта увѣренность продолжалась недолго. Самые великіе умы, самыя благородныя сердца древняго Рима, Фламиній, Сципіовъ, Катонъ, Гракхи изнемогли въ спорѣ съ неотвратимымъ ходомъ событій» [1]). Онъ замѣчалъ, что чрезъ двѣ тысячи лѣтъ вновь поднялись вопросы, надъ рѣшеніемъ которыхъ потратили столько силъ лучшіе умы и сердца древняго Рима [2]).

Современный пролетаріатъ и его руководители шли теперь снова на бой. Путеводныя теоріи политической экономіи уже были извѣстны, но ихъ не признавали руководители бойцовъ, вѣрившіе только въ свои желанія, въ право и силу массъ. Снова потрачено было много силъ, пролито много крови, но рѣшеніе экономическихъ вопросовъ только бо-

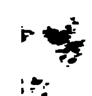
---

[1]) Современникъ 1847 г. См. Соч. Грановкаго Изд. 2. т. II стр. 202.

[2]) Сочиненія Грановскаго Изд. 2. т. II стр. 216.

емъ и кровію не удалось. Новые бойцы изнемогли въ спорѣ съ неотвратимымъ ходомъ событій.

Справедливость, требованіе исторіи, думалъ Грановскій, были на сторонѣ побѣжденныхъ. Участіемъ къ ихъ положенію, къ ихъ страданіямъ и надеждамъ онъ стоялъ въ ихъ рядахъ. Онъ не былъ послѣдователемъ какого нибудь изъ опредѣленныхъ ученій соціалистовъ, какой нибудь изъ системъ, предлагавшихъ программу новыхъ общественныхъ учрежденій и преобразованій общественныхъ отношеній, но онъ признавалъ права массъ на участіе въ плодахъ, добытыхъ развитіемъ цивилизаціи. Не во всемъ и не всегда сочувствовалъ онъ движенію и средствамъ современныхъ радикальныхъ партій, но онъ признавалъ ихъ цѣль; съ нетерпѣніемъ и раздраженіемъ выслушивалъ онъ возраженія на возможность удовлетворить ихъ требованіямъ, на запутанность ихъ понятій, на невѣрную постановку ихъ цѣлей. Но не одни нетерпѣливыя ожиданія и надежды пробуждались въ Грановскомъ подъ вліяніемъ современныхъ событій; въ немъ скоро возникли тяжелое раздумье, неразрѣшимая борьба.

Мы уже приводили слова Грановскаго изъ статьи его, явившейся въ печати въ 1847 году: «Массы, говорилъ онъ тогда, коснѣютъ подъ тяжестію историческихъ и естественныхъ опредѣленій, отъ которыхъ освобождается мыслію только отдѣльная личность. Въ этомъ разложеніи массъ мыслію заключается процессъ исторіи. Ея задача — нравственная, просвѣщенная, независимая отъ роковыхъ опредѣленій личность и сообразное требованіямъ такой личности общество».

Въ 1848 году массы выступили съ громкими, грозными требованіями. Грановскій готовъ былъ признать право за ними, но ихъ шумное появленіе на сцену исторіи обѣща-

етъ-ли новое общество, сообразное требованіямъ просвѣщенной, независимой отъ роковыхъ опредѣленій личности? Торжество массъ не будетъ-ли гибелью лучшихъ плодовъ цивилизаціи, доступныхъ покуда меньшинству. Побѣда пролетаріевъ не сгубитъ-ли современную цивилизацію, какъ вторженіе варваровъ сгубило древнюю? А въ глазахъ Грановскаго цивилизація, просвѣщеніе были не роскошью, не утонченнымъ наслажденіемъ аристократическаго меньшинства, но необходимая, высокая цѣль жизни человѣчества. Торжество консервативныхъ и реакціонныхъ партій надъ революціонными движеніями и требованіями не были въ глазахъ Грановскаго рѣшеніемъ возбудившихъ это движеніе вопросовъ и задачъ. «Такія задачи, думалъ онъ, не могутъ рѣшаться картечью. Насиліе, торжество произвола и грубой силы — лучшія доказательства, что порядокъ, на нихъ опирающійся и ими только охраняемый, отжилъ. Но онъ выводъ изъ всего нашего прошлаго, связанъ со всею нашею цивилизаціей: что̀ станется съ нею при его паденіи?»

Подъ вліяніемъ тяжелаго раздумья Грановскій начиналъ уже съ грустною улыбкой встрѣчать ожиданія энтузіастовъ, вѣровавшихъ въ легкіе и скорые успѣхи современнаго политическаго и общественнаго движенія. Въ 1849 году онъ часто припоминалъ четверостишіе Гёте:

Komm her, wir setzen uns zu Tisch;
Wen möchte solche Narrheit rühren!
Die Welt geht auseinander wie ein fauler Fisch,
Wir wollen sie nicht balsamiren [1]).

---

[1]) Это четверостишіе сложилось у него тогда по русски:

Приди и сядь со мной за пиръ,
Грустить о дрязгахъ перестанемъ!
Гніетъ, какъ рыба, старый міръ,
Его мы въ прокъ солить не станемъ.

Легко говорить объ ошибкахъ, преувеличеніяхъ или односторонних воззрѣніяхъ, возбужденныхъ въ Грановскомъ событіями 48 года, особенно теперь на разстояніи двухъ десятковъ лѣтъ отъ нихъ, но нельзя не понять, что при умѣ Грановскаго такъ ошибаться могъ только тотъ, кто принималъ страстное участіе въ судьбѣ человѣчества, кто сдѣлалъ своими личными его страданія, надежды и разочарованія «Какой нибудь позднѣй историкъ, говорилъ Грановскій въ 1849 году, умно и интересно будетъ объяснять все, что теперь совершается, но каково переживать это современникамъ!» Позднѣе Грановскій пишетъ (въ 1853 году) Е. Б. Ч—ой... «Les élements révolutionnaires ou déstructifs, comme on les nomme maintenant, n'ont rien perdu de leur force et peuvent eclater d'un jour à l'autre avec une violence, malheureusement, provoquée par les excès de la réaction. La providence parait avoir condamné les générations actuelles à un provisoire continuel, à un état de lutte, qui les fera passer d'un extrême à l'autre. C'est l'opinion des hommes pensants en Europe et c'est cette même conviction, qui existe à un dégré différent dans toutes les classes de la société, qui rend la vie là-bas si peu sûre et si peu agréable» [1]).

или:

Приди и сядь со мной за пиръ.
Пустое горе позабудемъ!
Гніетъ какъ рыба старый міръ.
Его мы въ прокъ солить не будемъ.

Это переложеніе слышала отъ Грановскаго только покойная жена его и послѣ его кончины продиктовала его, насколько могла запомнить, въ своихъ замѣткахъ объ умершемъ мужѣ.

[1]) Элементы революціонные или, какъ называютъ ихъ теперь, разрушительные не потеряли нисколько своей силы, и не нынче—завтра могутъ разразиться съ жестокостію, къ несчастію вызванною крайностями реакціи. Провидѣніе, кажется, осудило современныя поколѣ-

Въ 1848 году Грановскій пережилъ послѣдніе дни молодыхъ увлеченій и обольщающихъ надеждъ. Они закончились въ немъ одновременно съ замираніемъ надеждъ и увлеченій Европы 1848 года. Грановскій съ этой поры быстро созрѣлъ и возмужалъ вполнѣ, мысль его вполнѣ окрѣпла и установилась; всѣ его сужденія въ послѣдніе годы жизни отличались трезвостію и глубиною, но вмѣстѣ съ этимъ жизнь болѣе и болѣе дѣлалась въ его глазахъ только тяжкимъ долгомъ, трудовой задачей. Грустная покорность часто слышится съ этого времени въ рѣчахъ Грановскаго, высказывается въ его перепискѣ. Подчасъ бремя жизни казалось ему невыносимымъ. Уже въ августѣ 1848 года онъ пишетъ Фролову: «Съ каждымъ днемъ чувствую болѣе и болѣе необходимость труда. Жизнь становится тяжела безъ него. Сердце бѣднѣетъ, вѣрованія и надежды уходятъ. Подчасъ глубоко завидую Бѣлинскому, во время ушедшему отсюда. Скучно жить, Фроловъ! Еслибъ не жена.....»

Грановскій не измѣнилъ своимъ вѣрованіямъ въ будущіе успѣхи человѣчества. Но всѣ свои упованія перенесъ онъ въ далекое будущее, къ которому для человѣчества лежитъ длинный, тяжкій путь. Только въ будущемъ, начиналъ онъ думать, примирятся неразрѣшимыя въ настоящемъ противорѣчія жизни, разрѣшатся трудныя задачи, можетъ быть совсѣмъ не тѣмъ путемъ, на которомъ думали достигнуть ихъ разрѣшенія. Человѣчество должно пережить вѣка труда и ученія, вѣка подвига прежде чѣмъ достигнетъ цѣли своихъ стремленій, разрѣшенія волнующихъ его за-

---

нія на постоянное переходное положеніе, на состояніе въ борьбѣ, которая будетъ бросать ихъ изъ одной крайности въ другую. Это мнѣніе мыслящихъ людей въ Европѣ, и то-же убѣжденіе, болѣе или менѣе существующее во всѣхъ классахъ общества, дѣлаетъ жизнь тамъ такъ мало обезпеченною, такъ мало пріятною.

дачъ. Къ какимъ мыслямъ и соображеніямъ пришелъ наконецъ Грановскій по поводу вопросовъ, занимавшихъ его въ виду общественныхъ движеній 1848 года, можно отчасти видѣть изъ нѣсколькихъ страницъ рѣчи, произнесенной имъ въ январѣ 1852 года въ торжественномъ университетскомъ собраніи. Говоря о вліяніи природы и ея условій на судьбу человѣчества, онъ указывалъ на мнѣнія естествоиспытателей, что со временемъ человѣкъ, размножившійся въ цивилизованныхъ странахъ, переселится обратно въ теплый поясъ, гдѣ громадная производительность силъ природы облегчитъ его физическій трудъ, увеличитъ досугъ человѣка. Но возвращаясь въ свою древнюю отчизну, человѣкъ принесетъ съ собою изъ Европы сокровища, которыхъ никогда не пріобрѣлъ-бы подъ тропиками: трудолюбіе, науки, искусства, промышленность и сознаніе необходимости благоустроенной государственной жизни. Можно надѣяться, что тамъ, гдѣ требуется меньше времени для произведенія пищи, гдѣ она отъ природы зрѣетъ на деревьяхъ, умственная образованность будетъ гораздо болѣе общею, нежели на сѣверѣ. Европа останется тогда для человѣчества высокою школою, гдѣ оно принуждено было трудиться и научилось любить умственныя занятія [1]).

То, что совершалось вокругъ Грановскаго въ Россіи, въ самыхъ близкихъ и дорогихъ ему сферахъ, подъ вліяніемъ впечатлѣнія, произведеннаго у насъ событіями Европы 1848 года, могло только увеличивать тяжелое бремя думъ и разочарованій, тяготившихъ его душу. Въ 1849 году возникли слухи о предстоящемъ закрытіи университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, возбуждавшіе въ немъ серьезныя опасенія. Дворянскій институтъ въ Москвѣ былъ дѣй-

---

[1]) См. Сочиненія Грановскаго Изд. 2 т. I стр. 37—38.

ствительно закрыть. Число студентовъ и вольныхъ слушателей въ каждомъ университетѣ должно было ограничиться тремя стами. Плата за слушаніе лекцій была возвышена. Издавались строгія инструкціи для способа преподаванія въ учебныхъ заведеніяхъ и надзора за нимъ. Профессора университетовъ должны были представлять подробныя программы своихъ лекцій для предварительнаго просмотра со стороны начальства. Цензура журналовъ и книгъ дѣлалась болѣе и болѣе строгою. Разрѣшеніе крестьянскаго вопроса, попытки котораго появились въ сороковыхъ годахъ, было окончательно оставлено.

Въ октябрѣ 1849 министръ народнаго просвѣщенія, графъ Уваровъ вышелъ въ отставку. Въ томъ же году попечитель московскаго университета Д. П. Голохвастовъ испросилъ увольненіе отъ должности. Многіе изъ профессоровъ университета начали думать объ отставкѣ, о перемѣнѣ службы ученаго вѣдомства на иную.

Есть отчего сойти съ ума, говорилъ тогда Грановскій. О немъ часто наводили справки, на него было устремлено постоянное, подозрительное вниманіе. Положеніе его было не только непріятно, оно было опасно, но личная опасность всего менѣе смущала и тревожила его. Именно въ виду грозы скоплявшейся надъ русскимъ просвѣщеніемъ и его дѣятелями онъ отказался отъ своего прежняго намѣренія оставить университетъ. Онъ рѣшился нейдти въ отставку и ждать, какъ говорилъ онъ, на мѣстѣ совершенія судебъ, служить пока его не выгонятъ. Кое-что, думалъ онъ, еще можно дѣлать благородному чловѣку, и мечталъ заказывать переводы, издавать книги. «Журналы едва существуютъ, говорилъ онъ. Надобно дать публикѣ хорошія книги; онѣ легче проходятъ цензуру, у насъ читаютъ много, болѣе дѣлать нечего, а читать что?» Онъ замѣчалъ, что ученая про-

емъ и кровію не удалось. Новые бойцы изнемогли въ спорѣ съ неотвратимымъ ходомъ событій.

Справедливость, требованіе исторіи, думалъ Грановскій, были на сторонѣ побѣжденныхъ. Участіемъ къ ихъ положенію, къ ихъ страданіямъ и надеждамъ онъ стоялъ въ ихъ рядахъ. Онъ не былъ послѣдователемъ какого нибудь изъ опредѣленныхъ ученій соціалистовъ, какой нибудь изъ системъ, предлагавшихъ программу новыхъ общественныхъ учрежденій и преобразованій общественныхъ отношеній, но онъ признавалъ права массъ на участіе въ плодахъ, добытыхъ развитіемъ цивилизаціи. Не во всемъ и не всегда сочувствовалъ онъ движенію и средствамъ современныхъ радикальныхъ партій, но онъ признавалъ ихъ цѣль; съ нетерпѣніемъ и раздраженіемъ выслушивалъ онъ возраженія на возможность удовлетворить ихъ требованіямъ, на запутанность ихъ понятій, на невѣрную постановку ихъ цѣлей. Но не одни нетерпѣливыя ожиданія и надежды пробуждались въ Грановскомъ подъ вліяніемъ современныхъ событій; въ немъ скоро возникли тяжелое раздумье, неразрѣшимая борьба.

Мы уже приводили слова Грановскаго изъ статьи его, явившейся въ печати въ 1847 году: «Массы, говорилъ онъ тогда, коснѣютъ подъ тяжестію историческихъ и естественныхъ опредѣленій, отъ которыхъ освобождается мыслію только отдѣльная личность. Въ этомъ разложеніи массъ мыслію заключается процессъ исторіи. Ея задача—нравственная, просвѣщенная, независимая отъ роковыхъ опредѣленій личность и сообразное требованіямъ такой личности общество».

Въ 1848 году массы выступили съ громкими, грозными требованіями. Грановскій готовъ былъ признать право за ними, но ихъ шумное появленіе на сцену исторіи обѣща-

Казалось, трудно было избрать для диссертаціи предметъ болѣе удобный, менѣе могущій подавать поводъ къ кривымъ толкамъ и цензурной придирчивости; тѣмъ не менѣе, диссертація Грановскаго возбудила странные толки и обвиненія противъ самаго автора.

Историкъ, замѣчаетъ Гервинусъ, естественно долженъ быть поборникомъ прогресса, и ему трудно избѣгнуть подозрѣній въ сочувствіи къ дѣлу свободы, ибо свобода одно и то же съ движеніемъ силъ, а здѣсь-то и заключается элементъ, въ которомъ онъ дышетъ и живетъ [1]). Однимъ этимъ замѣчаніемъ нѣмецкаго историка уже можно объяснить подозрительность и частыя обвиненія противъ Грановскаго, обвиненія возникавшія даже тогда, когда для нихъ не было никакого достаточнаго повода.

«Здѣсь носятся престранные слухи о невинной книжкѣ, пишетъ Грановскій Фролову въ декабрѣ 1849 года по поводу своей диссертаціи. Въ ней вычитываютъ то, чего я не думалъ писать. Всѣ прежніе враги мои поднялись на ноги».

Обвиненія, поднявшіяся противъ диссертаціи, выросли въ обвиненія противъ всей профессорской дѣятельности Грановскаго. По слухамъ, доходившимъ до него, его обвиняли въ томъ, что въ чтеніяхъ исторіи онъ будто бы никогда не упоминаетъ о волѣ и рукѣ Божіей, управляющихъ событіями и судьбою народовъ. Вслѣдствіе такихъ толковъ Грановскій вскорѣ долженъ былъ принести свои объясненія митрополиту московскому, Филарету. Явясь къ нему, онъ принялъ его благословеніе и поцѣловалъ руку. «Я давно слѣжу за вашею дѣятельностію, говорилъ ему мудрый глава московской церкви; она оказываетъ сильное вліяніе на умы юношества, талантъ вашъ извѣстенъ, но въ вашей дѣятель-

[1]) Grundzüge der Historik von G. Gervinus. Leipzig. 1839. Стр. 94.

ности есть что-то скрытое, въ ней будто таится невысказываемая мысль». Грановскій въ отвѣтъ упомянулъ о невозможности отвѣчать на неопредѣленныя обвиненія, о томъ, что можно требовать, чтобы преподаватель не пользовался наукой для постороннихъ ей цѣлей, но что пока она существуетъ нельзя избѣгнуть выводовъ или толкованій, можетъ быть и не всегда справедливыхъ. «Вы, кажется, думаете, продолжалъ митрополитъ, что я намѣренъ вступать съ вами въ пренія.... Я не для того вижусь съ вами». Грановскій отвѣчалъ пастырю съ глубокимъ поклономъ: «Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ удалиться, объясненія мои съ вами были бы при неравныхъ условіяхъ». Кроткій пастырь движеніемъ руки пригласилъ Грановскаго садиться. «Вы меня не такъ поняли», сказалъ онъ, и началъ разговоръ о диссертаціи Грановскаго. Отвѣчая на замѣчанія митрополита, Грановскій заключилъ свое объясненіе ссылкою на личный опытъ пастыря, краснорѣчіе и духовныя произведенія котораго, какъ извѣстно, также нѣкогда возбуждали противъ себя обвиненія и порицанія: «Вы ранѣе меня начали свое поприще, сказалъ онъ, и уже могли испытать, какъ трудно бываетъ уложить свою мысль въ слово такъ, чтобъ она не допускала никакого толкованія». Митрополитъ простился съ Грановскимъ, осѣнивъ его своимъ благословеніемъ.

Наступило время, когда Грановскому чаще представлялась необходимость заботиться о защитѣ русскаго просвѣщенія отъ грозившихъ ему съ разныхъ сторонъ опасностей, чѣмъ возможность положительно служить на пользу его своею дѣятельностію. Московскій университетъ обращалъ на себя подозрительное вниманіе. Собирались свѣдѣнія о его преподавателяхъ, объ ихъ образѣ мыслей, ихъ лекціяхъ, о настроеніи и духѣ университескаго юношества, и когда

ходили уже слухи о предстоящемъ закрытіи университета Грановскому представился случай защищать его не совсѣмъ обыкновеннымъ путемъ.

Между людьми, знакомыми Грановскому по клубу и карточной игрѣ было лицо почтенныхъ лѣтъ и въ почтенномъ чинѣ. Ему было поручено его начальствомъ доставить записку о преподаваніи въ московскомъ университетѣ, о духѣ преподавателей и студентовъ. Такое порученіе крайне затрудняло почтенное лицо. Преподаваніе и духъ были для него предметы неясные и затруднительные. Какъ и что̀ объ этомъ писать? Вспомнивъ, что между его знакомыми есть профессоръ, который даже игрывалъ съ нимъ въ карты, лицо обратилось къ Грановскому въ надеждѣ съ честію выйти изъ затрудненія, въ которое поставило его данное ему порученіе. Грановскій обѣщалъ свое содѣйствіе и составилъ для него записку о благонамѣренномъ характерѣ и направленіи московскаго университета. Почтенный господинъ, получивъ эту записку, вмѣстѣ съ своею признательностію, выразилъ Грановскому опасенія, что, пожалуй, не повѣрятъ, что онъ написалъ ее самъ. Скажутъ, говорилъ онъ, что я такъ не умѣю писать, слогъ надо будетъ поправить.

Мы видѣли, что Грановскій рѣшился не выходить въ отставку, пока его не выгонятъ изъ службы, въ надеждѣ, что кое-что еще можно дѣлать на избранномъ имъ поприщѣ. Онъ дѣйствительно не упускалъ случая личнымъ ходатайствомъ, словомъ или невѣдомымъ дѣломъ поддерживать и защищать русское просвѣщеніе и его дѣятелей. У начальствъ ходатайствовалъ онъ за мѣста для способнѣйшихъ учителей, давалъ совѣты и книги молодымъ людямъ, готовившимся къ ученой или учебной дѣятельности, у себя на дому бесѣдовалъ съ студентами и руководилъ ихъ занятіями,

читалъ нѣкоторымъ изъ нихъ приватныя лекціи, иногда хлопоталъ у цензоровъ о дозволеніи печатать предпринятое кѣмъ-нибудь изданіе, иногда защищалъ какую-нибудь гонимую диссертацію. Учитель, занесенный судьбою въ далекій, глухой уголъ Россіи, обращался къ нему за совѣтомъ и книгами и всегда встрѣчалъ въ немъ участіе и одобреніе въ трудѣ, а участіе Грановскаго живило человѣка и поднимало его въ собственныхъ глазахъ. Много отцовъ и матерей пользовались совѣтами Грановскаго въ воспитаніи своихъ дѣтей и въ выборѣ имъ наставниковъ. Болѣе чѣмъ когда нибудь благотворное участіе его было готово для всѣхъ и каждаго, кто призывалъ его, вездѣ, гдѣ оно было нужно.

Управленіе министерствомъ просвѣщенія съ октября 1849 года было поручено князю Ширинскому-Шахматову. Обученіе классическимъ языкамъ въ гимназіяхъ было тогда почти прекращено; возникалъ вопросъ и о способѣ преподаванія исторіи въ учебныхъ заведеніяхъ, о необходимости дать ему хорошее направленіе. Находились педагоги, по мнѣнію которыхъ было бы полезно всю греческую и римскую исторію до временъ Августа почти исключить изъ историческаго курса. Греческая и римская исторія, написанныя язычниками или республиканскими историками, каковы Геродотъ и Θукидидъ, Титъ Ливій и Тацитъ, по мнѣнію такихъ педагоговъ, должны оказывать вредное вліяніе на юные умы [1]). Итакъ нужно было озаботиться составленіемъ хорошаго учебника исторіи. Новый министръ обратился къ попечителю московскаго университета съ объясненіемъ «необходимости предварительнаго начертанія программъ, ко-

[1]) См. Вѣст. Евр. 1866, т. III, «Педагогическая хроника», стр. 14.

торыя могли бы служить основаніемъ при составленіи новаго руководства». Такая необходимость объяснялась «давно ощущаемою у насъ потребностію въ хорошемъ руководствѣ къ изученію всеобщей исторіи, написанномъ въ русскомъ духѣ и съ русской точки зрѣнія».

Составленіе програмы учебника всеобщей исторіи было поручено Грановскому. Памятникомъ и указателемъ педагогическихъ понятій и требованій того времени могутъ служить программы преподаванія для руководства учителей военно-учебныхъ заведеній напечатанныя въ 1849 году. Учитель исторіи, на основаніи изданной программы, выборомъ фактовъ и толкованіемъ ихъ долженъ былъ служить развитію въ ученикѣ опредѣленныхъ въ программѣ убѣжденій и понятій. Между прочимъ учитель долженъ былъ разоблачить мишурныя добродѣтели древняго міра и показать величіе, непонятое историками римской имперіи. Легко понять, какъ трудно было для Грановскаго исполненіе даннаго ему порученія при существующихъ педагогическихъ требованіяхъ. Грановскій однакожь не отказался отъ этой задачи и выполнилъ ее съ тѣмъ тактомъ, который дѣлалъ его способнымъ давать правдивые совѣты и указанія, защищать русское просвѣщеніе при самыхъ неблагопріятныхъ для него условіяхъ. Педагогамъ, озабоченнымъ опасностями историческихъ уроковъ и примѣровъ, назначавшимъ внѣшнія или произвольныя цѣли для преподаванія, онъ указывалъ на честное и вполнѣ правдивое изложеніе науки, какъ на лучшее средство устранять опасность лживыхъ и безнравственныхъ ученій или одностороннихъ выводовъ, какъ на средство, которое уже само по себѣ представляетъ ученіе добра и нравственности для учащихся.

Представляя начальству составленную имъ программу учебника всеобщей исторіи, Грановскій предпослалъ ей объ-

изводительность идетъ у насъ не въ уровень съ требованіями читающей публики, что у насъ нѣтъ не только хорошихъ оригинальныхъ, но даже и переводныхъ книгъ объ исторіи главныхъ народовъ древняго и новаго міра, и что при такомъ положеніи исторической литературы монографіи не могутъ принести существенной пользы для публики, мало знакомой съ содержаніемъ цѣлаго [1]). Чтобъ удовлетворить замѣчаемой потребности, Грановскій задумалъ издавать вмѣстѣ съ Фроловымъ переводы историческихъ сочиненій, что, впрочемъ, при тогдашней цензурѣ оказалось невыполнимымъ.

Осенью 1849 года появилась въ печати диссертація Грановскаго на докторскую степень «Аббатъ Сугерій». Диссертація представляла жизнь и дѣятельность человѣка, при могущественномъ участіи котораго въ дѣлахъ царствованія Людовика Толстаго было положено во Франціи начало правильнаго центральнаго правительства. При участіи аббата Сугерія изъ феодальнаго порядка выступала во Франціи монархія, власть, призванная поддерживать въ пользу всѣхъ и противъ всѣхъ справедливость и порядокъ. Диссертація указывала на заслуги аббата, не вполнѣ оцѣненныя исторіею. «Въ славѣ болѣе случайнаго, чѣмъ обыкновенно думаютъ, писалъ Грановскій въ предисловіи къ своей диссертаціи. Въ исправленіи несправедливостей исторіи заключается одна изъ самыхъ благородныхъ обязанностей историка. Онъ долженъ поставить на видъ забытыя заслуги, уличить беззаконныя притязанія. Это нравственная въ высшемъ значеніи слова юридическая часть его труда.... Въ возможности такого суда есть нѣчто глубоко утѣшительное для человѣка. Мысль о немъ даетъ усталой душѣ новыя силы для спора съ жизнію».

---

[1]) Соч. Гр. Т. I, предисловіе къ диссертаціи «Аббатъ Сугерій».

Казалось, трудно было избрать для диссертаціи предметъ болѣе удобный, менѣе могущій подавать поводъ къ кривымъ толкамъ и цензурной придирчивости; тѣмъ не менѣе, диссертація Грановскаго возбудила странные толки и обвиненія противъ самаго автора.

Историкъ, замѣчаетъ Гервинусъ, естественно долженъ быть поборникомъ прогресса, и ему трудно избѣгнуть подозрѣній въ сочувствіи къ дѣлу свободы, ибо свобода одно и то же съ движеніемъ силъ, а здѣсь-то и заключается элементъ, въ которомъ онъ дышетъ и живетъ [1]). Однимъ этимъ замѣчаніемъ нѣмецкаго историка уже можно объяснить подозрительность и частыя обвиненія противъ Грановскаго, обвиненія возникавшія даже тогда, когда для нихъ не было никакого достаточнаго повода.

«Здѣсь носятся престранные слухи о невинной книжкѣ, пишетъ Грановскій Фролову въ декабрѣ 1849 года по поводу своей диссертаціи. Въ ней вычитываютъ то, чего я не думалъ писать. Всѣ прежніе враги мои поднялись на ноги».

Обвиненія, поднявшіяся противъ диссертаціи, выросли въ обвиненія противъ всей профессорской дѣятельности Грановскаго. По слухамъ, доходившимъ до него, его обвиняли въ томъ, что въ чтеніяхъ исторіи онъ будто бы никогда не упоминаетъ о волѣ и рукѣ Божіей, управляющихъ событіями и судьбою народовъ. Вслѣдствіе такихъ толковъ Грановскій вскорѣ долженъ былъ принести свои объясненія митрополиту московскому, Филарету. Явясь къ нему, онъ принялъ его благословеніе и поцѣловалъ руку. «Я давно слѣжу за вашею дѣятельностію, говорилъ ему мудрый глава московской церкви; она оказываетъ сильное вліяніе на умы юношества, талантъ вашъ извѣстенъ, но въ вашей дѣятель-

[1]) Grundzüge der Historik von G. Gervinus. Leipzig. 1839. Стр. 94.

ности есть что-то скрытое, въ ней будто таится невысказываемая мысль». Грановскій въ отвѣтъ упомянулъ о невозможности отвѣчать на неопредѣленныя обвиненія, о томъ, что можно требовать, чтобы преподаватель не пользовался наукой для постороннихъ ей цѣлей, но что пока она существуетъ нельзя избѣгнуть выводовъ или толкованій, можетъ быть и не всегда справедливыхъ. «Вы, кажется, думаете, продолжалъ митрополитъ, что я намѣренъ вступать съ вами въ пренія.... Я не для того вижусь съ вами». Грановскій отвѣчалъ пастырю съ глубокимъ поклономъ: «Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ удалиться, объясненія мои съ вами были бы при неравныхъ условіяхъ». Кроткій пастырь движеніемъ руки пригласилъ Грановскаго садиться. «Вы меня не такъ поняли», сказалъ онъ, и началъ разговоръ о диссертаціи Грановскаго. Отвѣчая на замѣчанія митрополита, Грановскій заключилъ свое объясненіе ссылкою на личный опытъ пастыря, краснорѣчіе и духовныя произведенія котораго, какъ извѣстно, также нѣкогда возбуждали противъ себя обвиненія и порицанія: «Вы ранѣе меня начали свое поприще, сказалъ онъ, и уже могли испытать, какъ трудно бываетъ уложить свою мысль въ слово такъ, чтобъ она не допускала никакого толкованія». Митрополитъ простился съ Грановскимъ, осѣнивъ его своимъ благословеніемъ.

Наступило время, когда Грановскому чаще представлялась необходимость заботиться о защитѣ русскаго просвѣщенія отъ грозившихъ ему съ разныхъ сторонъ опасностей, чѣмъ возможность положительно служить на пользу его своею дѣятельностію. Московскій университетъ обращалъ на себя подозрительное вниманіе. Собирались свѣдѣнія о его преподавателяхъ, объ ихъ образѣ мыслей, ихъ лекціяхъ, о настроеніи и духѣ университескаго юношества, и когда

ходили уже слухи о предстоящемъ закрытіи университета Грановскому представился случай защищать его не совсѣмъ обыкновеннымъ путемъ.

Между людьми, знакомыми Грановскому по клубу и карточной игрѣ было лицо почтенныхъ лѣтъ и въ почтенномъ чинѣ. Ему было поручено его начальствомъ доставить записку о преподаваніи въ московскомъ университетѣ, о духѣ преподавателей и студентовъ. Такое порученіе крайне затрудняло почтенное лицо. Преподаваніе и духъ были для него предметы неясные и затруднительные. Какъ и что объ этомъ писать? Вспомнивъ, что между его знакомыми есть профессоръ, который даже игрывалъ съ нимъ въ карты, лицо обратилось къ Грановскому въ надеждѣ съ честію выйти изъ затрудненія, въ которое поставило его данное ему порученіе. Грановскій обѣщалъ свое содѣйствіе и составилъ для него записку о благонамѣренномъ характерѣ и направленіи московскаго университета. Почтенный господинъ, получивъ эту записку, вмѣстѣ съ своею признательностію, выразилъ Грановскому опасенія, что, пожалуй, не повѣрятъ, что онъ написалъ ее самъ. Скажутъ, говорилъ онъ, что я такъ не умѣю писать, слогъ надо будетъ поправить.

Мы видѣли, что Грановскій рѣшился не выходить въ отставку, пока его не выгонятъ изъ службы, въ надеждѣ, что кое-что еще можно дѣлать на избранномъ имъ поприщѣ. Онъ дѣйствительно не упускалъ случая личнымъ ходатайствомъ, словомъ или невѣдомымъ дѣломъ поддерживать и защищать русское просвѣщеніе и его дѣятелей. У начальствъ ходатайствовалъ онъ за мѣста для способнѣйшихъ учителей, давалъ совѣты и книги молодымъ людямъ, готовившимся къ ученой или учебной дѣятельности, у себя на дому бесѣдовалъ съ студентами и руководилъ ихъ занятіями,

читалъ нѣкоторымъ изъ нихъ приватныя лекціи, иногда хлопоталъ у цензоровъ о дозволеніи печатать предпринятое кѣмъ-нибудь изданіе, иногда защищалъ какую-нибудь гонимую диссертацію. Учитель, занесенный судьбою въ далекій, глухой уголъ Россіи, обращался къ нему за совѣтомъ и книгами и всегда встрѣчалъ въ немъ участіе и одобреніе въ трудѣ, а участіе Грановскаго живило человѣка и поднимало его въ собственныхъ глазахъ. Много отцовъ и матерей пользовались совѣтами Грановскаго въ воспитаніи своихъ дѣтей и въ выборѣ имъ наставниковъ. Болѣе чѣмъ когда нибудь благотворное участіе его было готово для всѣхъ и каждаго, кто призывалъ его, вездѣ, гдѣ оно было нужно.

Управленіе министерствомъ просвѣщенія съ октября 1849 года было поручено князю Ширинскому-Шахматову. Обученіе классическимъ языкамъ въ гимназіяхъ было тогда почти прекращено; возникалъ вопросъ и о способѣ преподаванія исторіи въ учебныхъ заведеніяхъ, о необходимости дать ему хорошее направленіе. Находились педагоги, по мнѣнію которыхъ было бы полезно всю греческую и римскую исторію до временъ Августа почти исключить изъ историческаго курса. Греческая и римская исторія, написанныя язычниками или республиканскими историками, каковы Геродотъ и Ѳукидидъ, Титъ Ливій и Тацитъ, по мнѣнію такихъ педагоговъ, должны оказывать вредное вліяніе на юные умы [1]). Итакъ нужно было озаботиться составленіемъ хорошаго учебника исторіи. Новый министръ обратился къ попечителю московскаго университета съ объясненіемъ «необходимости предварительнаго начертанія программъ, ко-

---

[1]) См. Вѣст. Евр. 1866, т. III, «Педагогическая хроника», стр. 14.

торыя могли бы служить основаніемъ при составленіи новаго руководства». Такая необходимость объяснялась «давно ощущаемою у насъ потребностію въ хорошемъ руководствѣ къ изученію всеобщей исторіи, написанномъ въ русскомъ духѣ и съ русской точки зрѣнія».

Составленіе программы учебника всеобщей исторіи было поручено Грановскому. Памятникомъ и указателемъ педагогическихъ понятій и требованій того времени могутъ служить программы преподаванія для руководства учителей военно-учебныхъ заведеній напечатанныя въ 1849 году. Учитель исторіи, на основаніи изданной программы, выборомъ фактовъ и толкованіемъ ихъ долженъ былъ служить развитію въ ученикѣ опредѣленныхъ въ программѣ убѣжденій и понятій. Между прочимъ учитель долженъ былъ разоблачить мишурныя добродѣтели древняго міра и показать величіе, непонятое историками римской имперіи. Легко понять, какъ трудно было для Грановскаго исполненіе даннаго ему порученія при существующихъ педагогическихъ требованіяхъ. Грановскій однакожъ не отказался отъ этой задачи и выполнилъ ее съ тѣмъ тактомъ, который дѣлалъ его способнымъ давать правдивые совѣты и указанія, защищать русское просвѣщеніе при самыхъ неблагопріятныхъ для него условіяхъ. Педагогамъ, озабоченнымъ опасностями историческихъ уроковъ и примѣровъ, назначавшимъ внѣшнія или произвольныя цѣли для преподаванія, онъ указывалъ на честное и вполнѣ правдивое изложеніе науки, какъ на лучшее средство устранять опасность лживыхъ и безнравственныхъ ученій или одностороннихъ выводовъ, какъ на средство, которое уже само по себѣ представляетъ ученіе добра и нравственности для учащихся.

Представляя начальству составленную имъ программу учебника всеобщей исторіи, Грановскій предпослалъ ей объ-

яснительную записку. Въ ней онъ признавалъ, что недостатокъ хорошаго руководства къ изученію всеобщей исторіи давно ощутителенъ въ нашей учебной литературѣ, и что переводы лучшихъ иностранныхъ учебниковъ на русскій языкъ не могутъ однакоже удовлетворить этой потребности. Иностранныя руководства опираются на обширную историческую литературу, въ которой не только наставникъ, но и ученикъ легко могутъ найти дополненія къ намекамъ и указаніямъ, содержащимся въ учебникѣ. Не имѣя подъ рукою такихъ богатствъ, мы должны требовать отъ русскаго учебника такого полнаго изложенія фактовъ, которое могло бы служить достаточнымъ запасомъ для всякаго образованнаго человѣка [1]).

«Разсматривая иностранныя руководства къ всеобщей исторіи съ точки зрѣнія нашей церкви и нашихъ государственныхъ учрежденій, говорилось въ запискѣ, мы найдемъ, что они вовсе не приспособлены къ употребленію въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Византійская исторія, столь важная для насъ по связи съ судьбою Славянъ вообще и древней Руси въ особенности, излагается въ заграничныхъ сочиненіяхъ весьма поверхностно...... Столько же неудовлетворительно оцѣнена и объяснена въ историческомъ развитіи своемъ монархическая форма правленія. Воззрѣніе на эту форму писателей либеральной школы извѣстно; о немъ здѣсь не можетъ быть рѣчи. Смѣемъ думать, что учебныя сочиненія вышедшія изъ подъ пера западныхъ писателей, враждебныхъ либерализму, далеко не достигаютъ своей цѣли

---

[1]) При этомъ, замѣчалъ Грановскій въ своей запискѣ, не мѣшало бы въ видѣ пособія ввести въ наши учебныя зведенія историческую христоматію, составленную изъ замѣчательныхъ мѣстъ переведенныхъ изъ древнихъ и средневѣковыхъ писателей.

и болѣе принесли вреда, чѣмъ пользы. Въ большей части изъ нихъ видно не живое и глубокое пониманіе монархическаго начала, не основательное опроверженіе противоположныхъ теорій, а намѣреніе обмануть ученика, скрывъ отъ него или представивъ ему въ ложномъ видѣ факты важные, но не подходящіе подъ точку зрѣнія автора. Такіе учебники употреблялись въ австрійскихъ школахъ и немало содѣйствовали къ развитію превратныхъ понятій, обнаруженныхъ тамошнимъ юношествомъ въ 1848 году. Умышленная утайка или обманъ, внесенный въ учебную книгу, не могутъ не открыться любознательному и опытному ученику. Послѣдствія такого открытія опредѣлить не трудно: оно неминуемо разовьетъ въ юношахъ гибельный духъ недовѣрія къ преподавателямъ и заставитъ ихъ искать истины внѣ школы, въ мутныхъ и лживыхъ источникахъ, вліяніе которыхъ можетъ быть устранено только *честнымъ и вѣрнымъ изложеніемъ науки*».

Записка Грановскаго признавала, что монархическое начало должно быть раскрыто и объяснено въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ достойнымъ образомъ. «Для достиженія такой цѣли нѣтъ надобности прибѣгать къ утайкамъ и лжи. Дѣло науки и преподаванія показать, что русское самодержавіе много отличается отъ тѣхъ формъ, въ которыя монархическая идея облекалась въ другихъ странахъ..... Между тѣмъ какъ развитіе западныхъ народовъ совершалось во многихъ отношеніяхъ нетолько независимо отъ монархическаго начала, но даже наперекоръ ему, у насъ самодержавіе положило печать на всѣ важныя явленія русской жизни. .... Положивъ такое чисто русское воззрѣніе въ основаніи своему труду, составитель предполагаемаго руководства къ всеобщей исторіи будетъ имѣть надежное и вѣрное мѣрило для оцѣнки политической жизни у другихъ

народовъ. Полное и отчетливое изложеніе исторіи древнихъ и новыхъ республикъ не представитъ ему особенныхъ трудностей, когда напередъ будутъ объяснены историческія и географическія условія, при которыхъ подобныя явленія становятся возможными. Но при этомъ надобно показать учащемуся, что благосостояніе правильно устроенныхъ республиканскихъ государствъ основано также на уваженіи и довѣріи гражданъ къ той власти, которая замѣняетъ у нихъ монархическую. Политическая сила и значеніе народа выражается постоянно въ силѣ правительства, ослабленіе котораго неминуемо ведетъ государство къ упадку. Съ другой стороны, составитель русскаго учебника, опредѣливъ по достоинству святость монархической идеи и показавъ ея благотворное осуществленіе на родной почвѣ, не будетъ поставленъ въ необходимость искушать юные умы безусловными похвалами тѣмъ явленіямъ, въ которыхъ видно только искаженіе этой идеи» [1]).

Итакъ, на требованія руководства къ исторіи въ русскомъ духѣ и съ русской точки зрѣнія Грановскій отвѣчалъ предложеніемъ программы учебника, русскій характеръ котораго долженъ былъ состоять собственно въ полнотѣ изложенія фактовъ, въ отсутствіи утаекъ и искаженія истиннаго характера историческихъ явленій, въ безпристрастіи, въ честномъ и вѣрномъ изложеніи науки.

Въ концѣ 1850 года Грановскій прибылъ самъ въ Петербургъ для объясненій съ министромъ просвѣщенія по поводу составленной имъ программы учебника. Здѣсь онъ представлялся также генералу Ростовцову, подъ вѣдом-

---

[1]) Записка Т. Н. Грановскаго къ программѣ учебника всеобщей исторіи напечатана въ Вѣстникѣ Европы 1866 года, т. III-й, отдѣлъ педагогической хроники.

ствомъ котораго находились военно-учебныя заведенія. Въ высшихъ слояхъ учебной администраціи выслушивали Грановскаго съ одобреніемъ, но до 1854 года, когда составленіе историческаго учебника, было поручено Грановскому новымъ министромъ просвѣщенія А. С. Норовымъ, программа, составленная Грановскимъ, не имѣла по видимому никакихъ послѣдствій. Она была сдана въ архивъ министерства народнаго просвѣщенія, гдѣ и хранится въ настоящее время. Грановскій, по всей вѣроятности, не пользовался довѣріемъ высшей учебной администраціи въ то время, когда представлялъ свою программу историческаго учебника. Это доказывается уже тѣмъ, что въ 1851 году онъ не былъ утвержденъ въ должности декана, на которую былъ избранъ историко-филологическимъ факультетомъ московскаго университета. Вмѣсто него деканомъ былъ назначенъ отъ правительства С. П. Шевыревъ. Грановскій не былъ тогда увѣренъ даже въ возможности продолжать свою дѣятельность на каѳедрѣ. Осенью этого года онъ пишетъ кузинѣ: «Можетъ быть мнѣ понадобится твое гостепріимство..... Я могу въ этотъ годъ разстаться съ университетомъ».

Выступая на защиту университетскаго преподаванія, на защиту науки, образованія и воспитанія въ Россіи, Грановскій защищалъ также и литературу и ея дѣятелей противъ печатныхъ обвиненій и клеветъ.

Въ 1851 году въ № 40 «Московскихъ Вѣдомостей» появилась статья «О старомъ и новомъ поколѣніи». Авторъ ея указывалъ на выраженія «старое и новое поколѣніе», какъ на занесенныя къ намъ тлетворнымъ вліяніемъ Запада, гдѣ духъ нечестивый, духъ нечестія и безначалія, вводитъ въ гражданское общество враждебное раздѣленіе поколѣній, а съ нимъ вмѣстѣ забвеніе преданій и нарушеніе искон-

ныхъ правилъ, на коихъ зиждется семейство и государство. Главными дѣятелями этого духа, говорилъ авторъ, были языкъ и перо. По мнѣнію автора, многія выраженія имѣли у прогрессистовъ условныя значенія: *обновленіе*, *возрожденіе* значили разрушеніе общественнаго порядка, собственность называли они воровствомъ и т. д. Въ статьѣ были разсыпаны обвиненія и намеки на русскую литературу и ея выраженія.

Статья, появившаяся въ оффиціальномъ органѣ московскаго университета въ то время могла быть напечатана только по дозволенію, если не по одобренію начальства. Отвѣчать на нее удовлетворительно въ печати было невозможно при современныхъ цензурныхъ условіяхъ. Грановскій рѣшился возражать ей и показать несправедливость и вредное значеніе статьи въ запискѣ, которую онъ предназначалъ для неизвѣстнаго намъ, но вѣроятно вліятельнаго лица. Онъ надѣялся своей запиской отвратить возможность появленія въ университетской газетѣ новыхъ статей подобныхъ той, на которую возражалъ. Своимъ откровеннымъ обьясненіемъ, своими правдивыми словами, высказываемыми съ свойственнымъ ему тактомъ и всегда присущею ему вѣрою въ побѣждающую силу добра и правды, онъ нерѣдко успѣвалъ отклонять ложныя понятія и вредныя дѣйствія, къ которымъ лучшіе люди относились только съ молчаливымъ негодованіемъ.

Черновая рукопись записки или письма Грановскаго сохранилась среди его бумагъ. Изъ ней не видно, для кого предназначалось письмо Грановскаго.

«Никто не знаетъ о моемъ намѣреніи писать къ вамъ, читаемъ въ рукописи Я взялся за перо, какъ профессоръ и какъ человѣкъ, искренно преданный и многимъ обязанный вамъ. Если письмо мое навлечетъ на меня ваше не-

удовольствіе, мнѣ будетъ больно, но я не раскаюсь въ поступкѣ, внушенномъ мнѣ моимъ понятіемъ о долгѣ вообще и личною привязанностію къ вамъ въ особенности.

«Вопросъ поставленъ такъ, что онъ становится почти личнымъ для каждаго образованнаго Русскаго. Каждый изъ насъ невольно спроситъ себя: на кого метитъ эта статья? Для чего провелъ авторъ эту странную, но къ счастію несуществующую черту между старымъ и молодымъ? На какомъ основаніи заподозрено благомысліе нашей литературы и приписаны ей нечистыя цѣли и гибельное, ненавистное направленіе?»

Грановскій допускалъ, что авторъ статьи имѣлъ благія намѣренія, хотѣлъ сказать полезное слово, но она не достигала своей цѣли. «Она заслужила одобреніе людей, радостно подхватывающихъ всякую выходку противъ науки или литературы, смотрящихъ на каждаго писателя или даже просто образованнаго человѣка, какъ на вольнодумца и безбожника. Дѣды этихъ людей ненавидѣли Петра Великаго; внуки ненавидятъ его дѣло. Не они ли радовались и ликовали, когда разнеслись слухи о возможности закрытія университетовъ?»

Грановскій замѣчалъ, что у насъ въ Россіи нельзя проводить рѣзкую черту между поколѣніями. У насъ было развитіе, успѣхъ, движеніе впередъ подъ вліяніемъ правительственныхъ мѣръ, постоянно улучшавшихъ средства образованія, но вражды между отдѣльными поколѣніями не было и не могло быть. Нѣкоторое разномысліе неизбѣжно между людьми зрѣлыми и юношами, но такое разномысліе не есть еще разрывъ стараго съ новымъ. На Западѣ слова, старое и новое поколѣніе имѣютъ дѣйствительно другое значеніе. Тамъ они означаютъ враждующія партіи, изъ которыхъ одна стоитъ за старый, другая за совершенно новый по

рядокъ вещей. У насъ нѣтъ ничего подобнаго. «Не къ чему слѣдовательно было тревожить наше спокойное общество намеками на зло, отъ насъ далекое и по ходу русской исторіи у насъ едва ли возможное. Мнительность вредна. Зачѣмъ же искусственно развивать ее?» «Къ чему вводить въ искушеніе пугливые, подозрительные или недоброжелательные умы, намекая на существованіе необличенныхъ еще государственныхъ преступниковъ, тайныхъ враговъ общественнаго порядка въ негустыхъ рядахъ нашей литературы? Писателей и ученыхъ нашихъ, старыхъ и молодыхъ, не много, ихъ перечесть не трудно. Чѣмъ заслужили они обвиненія, можетъ быть безъ намѣренія высказанныя въ № 40 «Московскихъ Вѣдомостей?»

«Наше правительство образованнѣе народа, оно крѣпко и твердо, оно располагаетъ не только настоящими, но и будущими судьбами преданной ему Россіи, слѣдовательно оно не имѣетъ надобности торопиться и дѣйствовать крупными мѣрами на общественное мнѣніе. У него есть средства руководить этимъ мнѣніемъ, просвѣщать его, не нанося ему болѣзненныхъ ранъ. Какъ же Русскому человѣку, тѣмъ болѣе писателю не оцѣнить выгодъ нашего положенія, допускающихъ мирное и зрѣлое развитіе идей, ведущихъ къ благосостоянію всѣхъ и каждаго. Намъ ли бросать въ общество сѣмя ненужныхъ раздоровъ и распрей?»

Такъ исполнялъ Грановскій въ печальное время, слѣдовавшее за 1848 годомъ, то кое-что, что было возможно тогда съ его стороны для науки и просвѣщенія въ Россіи. Силы его тратились по мелочамъ. Его лучшія намѣренія, планы трудовъ оставались безъ исполненія, его знаніе и дарованіе, казалось ему, были напрасны, не нужны. Его собственное существованіе часто казалось ему лишнимъ. «Тѣломъ я здоровъ, но душа едва ли выздоровѣетъ», читаемъ въ

письмѣ его 1849 года къ одному изъ друзей. Въ томъ же году пишетъ онъ М. Ѳ—ѣ К—ъ: «Еслибъ вы знали, какая безвыходная, тяжелая хандра стала навѣщать меня. Впереди все такъ пусто и темно; въ настоящемъ такъ безцвѣтно. Только въ прошедшемъ есть хорошее и святое, но я боюсь глядѣть въ ту сторону. За то не могу отдѣлаться отъ сновъ, въ которыхъ это прошедшее оживаетъ передо мною до того ясно, что просыпаясь я готовъ плакать о недавней, только что испытанной утратѣ. Еслибы для счастія человѣка достаточно было любви самой благородной, чистой и самоотверженной — я былъ бы безконечно счастливъ.... А неблагодарное, капризное и больное сердце требуетъ еще чего-то, въ чемъ ему отказано судьбою». Въ этомъ же году писалъ онъ къ женѣ приведенныя въ предшествовавшей главѣ строки, въ которыхъ высказывалъ, что ему нечего дѣлать на свѣтѣ, что ему надо было родиться или ранѣе или позднѣе. Подавленныя силы, чувство безплодно гибнущихъ даровъ его духа доводили Грановскаго до отчаянія, съ которымъ онъ не всегда могъ бороться. Онъ часто безуспѣшно силился заглушить глубокую тоску, овладѣвавшую имъ, усыпить грызущаго его червя. «Вы лучше другихъ знаете, отвѣчаетъ онъ въ 1849 году на дружескія опасенія М. Ѳ—ы К—ъ, какіе тяжелые припадки тоски бываютъ у меня. Я борюсь съ ними, но обыкновенно уступаю. Я ищу разсѣянія въ винѣ, въ картахъ, чертъ знаетъ въ чемъ.... Когда же поймутъ, что человѣку нельзя серьезно помириться съ мыслію о погибшемъ собственномъ существованіи, что эта мысль, временно подавленная и заглушенная, безпрерывно грызетъ его. Еслибы семейное счастіе залечивало всѣ раны сердца, неужели думаютъ, что я не понялъ бы своего счастія?... Безъ Лизы мнѣ не зачѣмъ было бы жить.... Она и друзья мои — вотъ всѣ мои сокро-

вища». «J'ai le spleen et je suis malade, пишетъ Грановскій кузинѣ въ мартѣ 1850 года. Je suis rentré dans le monde, auquel j'ai renoncé il y a 5 ou 6 ans de cela, et je vais faire la cour aux lionnes de Moscou. Triste métier, ma cousine, quand on le fait sans illusions, sans vanité, uniquement pour s'échapper à soi-même, pour endormir le ver, qui vous ronge le coeur»[1]). Лѣто 1850 года Грановскій проводитъ въ Малороссіи въ деревнѣ своей кузины и пишетъ оттуда Фролову: «Я отдохнулъ нынѣшнимъ лѣтомъ, но не могу сказать, чтобы на душѣ было легко и весело. Хочется работать безъ вѣры въ успѣхъ труда». Порой онъ напрасно мечталъ объ уединеніи и досугѣ, среди которыхъ онъ могъ бы отдаться давно задуманнымъ трудамъ. Въ маѣ 1851 года онъ пишетъ изъ Москвы кузинѣ: «Мнѣ опять захотѣлось хутора и той вѣчно манящей и недостижимой для меня тишины деревенскаго существованія, о которой я мечталъ въ лучшія минуты моей жизни. Я знаю, что это несбыточная, смѣшная почти фантазія, но знаю, что съ другой стороны только такимъ образомъ могъ бы я собраться на большой трудъ и сосредоточить на него силы, которыя теперь пущены въ расходъ, т. е. тратятся на мелочи. Богъ съ ними впрочемъ!» прибавлялъ онъ, будто признавая трату своихъ силъ необходимостію, велѣніемъ рока.

Средства, къ которымъ прибѣгалъ Грановскій, чтобы усыпить грызущаго его червя, только увеличивали его страданія. Зимой 1850 года онъ часто прибѣгалъ къ карточной

---

[1]) У меня сплинъ и я боленъ. Я вновь появился въ свѣтѣ, отъ котораго отказался 5 или 6 лѣтъ тому назадъ, и примусь ухаживать за московскими львицами. Печальное ремесло, кузина, когда принимаешься за него безъ иллюзій, безъ тщеславія, съ единственною цѣлію—уйти отъ самого себя, усыпить червя, который грызетъ ваше сердце.

игрѣ. Денежные долги его увеличились и прибавили ему новыя муки. Въ зиму слѣдующаго года онъ пишетъ кузинѣ: «Изъ числа нравственныхъ страданій моихъ одно изъ самыхъ горькихъ есть мысль о моихъ долгахъ, т. е. сдѣланныхъ мною лично, а не наслѣдственныхъ. Молодость моя прошла гордо и чисто среди лишеній всякаго рода. Я ихъ вынесъ. И вотъ, въ лѣтахъ зрѣлыхъ у меня не стало прежняго терпѣнія и я запуталъ себя въ денежныя обязательства. Многое было вынуждено обстоятельствами, но во многомъ виноватъ я одинъ. Нерасчетливость и игра прошлаго года разстроили меня на долго. Поправлюсь ли я когда-нибудь — Богъ знаетъ. Но знаю одно — что я не могу быть счастливъ и покоенъ, не могу сохранить къ себѣ прежняго уваженія, пока за мною будетъ чужая копѣйка. Новыхъ долговъ не могу дѣлать безъ сердечной боли.... Я дѣлалъ долги по какому-то дѣтскому довѣрію въ возможность поправить свои дѣла и заплатить всѣмъ, кому долженъ. Вѣры этой болѣе нѣтъ во мнѣ; а годы идутъ, небо становится темнѣе надо мною, и я не хочу унести въ могилу больнаго чувства собственнаго униженія».

Чтобы расплатиться съ своими долгами, Грановскій продалъ небольшое имѣніе, наслѣдованное имъ въ Малороссіи отъ матери.

Ко всѣмъ нравственнымъ страданіямъ, испытываемымъ Грановскимъ съ 1848 года, присоединились скоро тяжелые болѣзненные припадки, постепенно усиливавшіеся въ немъ съ 1850 года, прекращавшіеся только на короткіе сроки и возвращавшіяся къ нему съ ожесточенною силою. Видя его бодрость, его способность сохранять участіе ко всѣмъ занимавшимъ его интересамъ, можно было обманываться, можно было думать, что недугъ, уже готовившійся сократить дни его, не осилитъ его. Едва отдохнувъ отъ жестокихъ стра-

даній, онъ продолжалъ много читать и работать въ своемъ кабинетѣ, являлся на каѳедрѣ, писалъ статьи.

Въ 1851 году появились въ печати нѣсколько статей его (рецензіи: книги Г. Бабста «Государственные мужи древней Греціи въ эпоху ея возрожденія», и сочиненія П. Н. Кудрявцева «Судьбы Италіи отъ паденія Западной Римской Имперіи до возстановленія ея Карломъ Великимъ» и статья о «Пѣсняхъ Эдды о Нифлунгахъ».) Въ мартѣ того же года московское общество въ послѣдній разъ слышало его публичныя чтенія. Онъ прочелъ четыре историческія характеристики: Тамерлана, Александра Македонскаго, Людовика IX и канцлера Бэкона. Грановскій началъ свои чтенія вопросомъ: какое призваніе въ исторіи людей, означенныхъ именемъ великихъ? Этотъ вопросъ не былъ лишенъ современности. Съ 1848 года въ европейской литературѣ поднимались голоса, отрицавшіе необходимость великихъ людей въ исторіи, утверждавшіе, что роль ихъ кончена, что народы сами, безъ ихъ посредства, могутъ исполнять свое историческое назначеніе. Все равно сказать бы, говорилъ Грановскій о такихъ мнѣніяхъ, что одна изъ силъ дѣйствующихъ въ природѣ утратила свое назначеніе, что одинъ изъ органовъ человѣческаго тѣла теперь сталъ ненуженъ. «Народъ есть нѣчто собирательное. Его собирательная мысль, его собирательная воля должны, для обнаруженія себя, претвориться въ мысль и волю одного, одареннаго особенно чуткимъ нравственнымъ слухомъ, особенно зоркимъ умственнымъ взглядомъ лица. При внимательномъ созерцаніи великихъ личностей, онѣ являются намъ откровеніями цѣлаго народа и цѣлой эпохи. Для чего бы они ни были призваны на землю, для блага-ли, для зла-ли, во всякомъ случаѣ онѣ стоятъ не отдѣльно, не независимо, но тѣсно и крѣпко связаны съ землею, на ко-

торой выросли, и съ временемъ, въ которомъ дѣйствуютъ». Указаніе этой тѣсной связи давало единство бесѣдамъ профессора о четырехъ великихъ историческихъ дѣятеляхъ разныхъ и отдаленныхъ одна отъ другой эпохъ исторіи.

Послѣднія публичныя чтенія Грановскаго сохранились въ печати [1]). Четыре лекціи преподавателя не даютъ намъ полнаго понятія ни о его знаніи и учености, ни о всемъ объемѣ его мысли и таланта. Тѣмъ не менѣе онѣ остались образцомъ и къ глубокому прискорбію, почти единственнымъ, пріема и способа преподаванія Грановскаго.

Въ бесѣдахъ, ограниченныхъ предѣлами скудно отмѣреннаго времени, онъ умѣлъ представить слушателямъ выразительныя и законченныя изображенія лицъ тѣми характеристическими чертами, которыя ясно и опредѣленно рисовали передъ слушателями и лица великихъ историческихъ дѣятелей и тѣ народы и эпохи которыхъ они были представителями.

Въ чтеніяхъ передъ публикою, какъ и въ лекціяхъ для студентовъ, Грановскій оставался вѣренъ тому, что признавалъ дѣйствительною цѣлію исторической науки, «имѣющей понять и передать въ сжатомъ изложеніи внутреннюю истину волнующихся въ безконечномъ разнообразіи явленій» [1]). Онъ приготовился къ своей профессорской дѣятельности долгимъ и упорнымъ трудомъ, многостороннимъ изученіемъ источниковъ, пособій и матеріаловъ науки. Онъ постоянно готовился къ каждой предстоящей лекціи справками, обдумываніемъ и соображеніемъ всего, что относилось

[1]) Онѣ появились въ книгѣ «Публичныя лекціи Ор. профессоровъ Геймапна, Рулье, Соловьева, Грановскаго и Шевырева». Москва. 1852. См. также Собраніе сочиненій Грановскаго т. I.

[1]) См. Рѣчь о современномъ состояніи и значеніи всеобщей исторіи въ Собраніи сочиненій Грановскаго Изд. 2 т. I стр. 25.

къ ея предмету. Но являясь на каѳедрѣ, онъ не приносилъ съ собою сыраго матеріала науки въ видѣ тяжелаго запаса. Онъ не любилъ ни многочисленныхъ цитатъ, ни щеголъства ссылками на имена и заглавія научной литературы, никакого ученаго наряда. Все внѣшнее содержаніе науки, казалось, было тогда собственностію его духа. Излагая исторію человѣчества, онъ, казалось, исповѣдывалъ передъ слушателями свои личныя, пустившія глубокіе корни въ душѣ его воспоминанія. Изящество формы его чтеній было слѣдствіемъ поэтическаго строя его души, изученія изящныхъ произведеній литературъ и творческой фантазіи, которою одарила его природа и безъ которой, по его собственному замѣчанію, невозможенъ великій историкъ [1]). Когда историческія характеристики Грановскаго появились въ печати, нашлись читатели, недоумѣвавшіе—не слишкомъ-ли онѣ хорошо написаны для ученыхъ сочиненій.

Въ 1852 году въ торжественномъ собраніи Московскаго Университета 12 января Грановскій произнесъ рѣчь «О современномъ состояніи и значеніи всеобщей исторіи». Въ рѣчи своей онъ упомянулъ о главныхъ направленіяхъ исторической науки у древнихъ народовъ, Грековъ и Римлянъ. Изслѣдованіе въ точномъ смыслѣ, критика были чужды древнимъ историкамъ. Языческому міру было чуждо и понятіе о всеобщей исторіи, соединяющей въ одно цѣлое разрозненныя семьи человѣческаго рода. Древніе ограничивались эпизодическимъ изложеніемъ исторіи, имѣвшей у нихъ по преимуществу нравственно-эстетическій характеръ. При настоящемъ своемъ состояніи исторія «должна отказаться отъ притязаній на художественную оконченность формы, возможной только при строгой опредѣленности со-

---

[1]) Сочиненія Грановскаго Изд. 2 т. II, стр. 107.

держанія, и стремиться къ другой цѣли, т. е. къ приведенію разнородныхъ стихій своихъ подъ одно единство науки».

Всѣ вышедшія въ теченіе нынѣшняго столѣтія сочиненія о всеобщей исторіи представляютъ рядъ болѣе или менѣе неудачныхъ попытокъ осуществить идеалъ всеобщей исторіи. Причины неудачъ заключаются въ отсутствіи строгаго метода и въ недовольно ясномъ сознаніи цѣлей науки исторіи.

Грановскій указывалъ на сдѣланные уже главные шаги къ усовершенствованію историческаго метода. Нибуръ нашелъ настоящіе законы исторической критики. Вліяніе его обнаружилось, преимущественно въ исторической критикѣ его послѣдователей. Нибуръ высказалъ также нѣсколько смѣлыхъ и плодотворныхъ мыслей о необходимости дать исторіи новыя, заимствованныя изъ естествовѣдѣнія основы. Историческое значеніе человѣческихъ породъ не ускользнуло отъ его вниманія. Въ 1829 году В. Ф. Эдвардсъ издалъ письмо свое къ Амедею Тьерри о физіологическихъ признакахъ человѣческихъ породъ и отношеніи ихъ къ исторіи. Высказанныя Эдвардсомъ мысли были приняты съ общимъ одобреніемъ, но до сихъ поръ еще не принесли желаемой пользы. Тѣмъ не менѣе «исторія по необходимости должна выступить изъ круга наукъ филолого-юридическихъ, въ которомъ она такъ долго была заключена, на обширное поприще естественныхъ наукъ». Грановскій въ своей рѣчи обращалъ вниманіе на тѣ стороны исторіи, которыми она граничитъ съ естествознаніемъ, на важное вліяніе географическихъ условій, климата, произведеній земли, природныхъ опредѣленій вообще на судьбу народовъ. Онъ ссылался на идеи и труды Карла Риттера, проложившаго новые пути историкамъ нашего времени, пути которыми однакоже воспользовались еще немногіе. Онъ приводилъ также въ своей рѣчи соображенія о важности естествовѣ-

дѣнія въ приложеніи къ исторіи, высказанныя извѣстнымъ натуралистомъ, Академикомъ Беромъ. «Къ сожалѣнію, продолжалъ Грановскій, ученые, посвятившіе себѣ исключительно послѣдней наукѣ, еще не въ силахъ выполнить задачи, имъ предстоящей».

Говоря о вліяніи философскихъ системъ на исторію, Грановскій не признавалъ правъ философіи на логическое построеніе исторіи независимо отъ фактическаго ея изложенія. Всякое покушеніе съ ея стороны провести рѣзкую черту между событіями логически необходимыми и случайными можетъ повести къ ошибкамъ и произволу. Смутно понятая философская мысль о господствующей въ ходѣ историческихъ событій необходимости приняла подъ перомъ нѣкоторыхъ писателей характеръ фатализма.

Систематическое построеніе исторіи вызвало другую крайность, явились писатели, ограничивающіе задачу историка передачею того, что было, разсказомъ безъ собственныхъ сужденій, безъ попытокъ внести въ хаосъ событій единство связующихъ и объясняющихъ ихъ идей.

Изложивъ различныя воззрѣнія на исторію, Грановскій приходилъ къ заключенію, что ни одно изъ нихъ не могло привести историческую науку къ точному методу, недостатокъ котораго въ ней такъ очевиденъ. «У исторіи, говорилъ онъ, двѣ стороны: въ одной является намъ свободное творчество духа человѣчества, въ другой—независимыя отъ него, данныя природою условія его дѣятельности. Новый методъ долженъ возникнуть изъ внимательнаго изученія фактовъ міра духовнаго и природы въ ихъ взаимодѣйствіи. Только такимъ образомъ можно достигнуть до прочныхъ, основныхъ началъ, т. е, до яснаго знанія законовъ, опредѣляющихъ движеніе историческихъ событій. Можетъ быть, мы найдемъ тогда въ этомъ движеніи правиль-

ность, которая теперь ускользаетъ отъ нашего вниманія».— «Пока исторія не усвоитъ себѣ надлежащаго метода, ее нельзя будетъ назвать опытною наукою».

Изъ рѣчи Грановскаго видно, какъ много ожидалъ онъ для успѣховъ исторической науки отъ естествовѣдѣнія и способовъ его изслѣдованій въ приложеніи къ исторіи, какое великое и еще далеко не изслѣдованное вліяніе приписывалъ онъ природѣ и ея участію въ историческихъ судьбахъ человѣчества. Нельзя однакоже не замѣтить, что рѣчь его о современномъ состояніи и значеніи всеобщей исторіи чужда тѣхъ крайнихъ увлеченій и одностороннихъ понятій, свидѣтелями которыхъ мы были въ недавнее время при появленіи произведеній историковъ, которые историческую науку и по пріемамъ, и по задачамъ ея ставили въ кругъ наукъ естественныхъ, историковъ, по мнѣнію которыхъ судьба человѣчества всецѣло подчинена природѣ и опредѣлена только непреложными физическими законами [1]).

Со временемъ Исторіи «предстоитъ, по мнѣнію Грановскаго, совершить для міра нравственныхъ явлен й тотъ же подвигъ, какой совершенъ естествовѣдѣніемъ въ принадлежащей ему области. Открытія натуралистовъ разсѣяли вѣковые и вредные предразсудки, затмѣвавшіе взглядъ человѣка на природу; знакомый съ ея дѣйствительными силами, онъ пересталъ приписывать ей несуществующія свойства и не требуетъ отъ нея невозможныхъ уступокъ. Уясненіе историческихъ законовъ приведетъ къ результатамъ такого-же рода. Оно положитъ конецъ несбыточнымъ теоріямъ и стре-

---

[1]) Для указанія мнѣнія Грановскаго объ отношеніи природы и исторіи припомнимъ слѣдующія слова: «Она (природа) есть только подножіе исторіи, въ сферѣ которой совершается главный подвигъ человѣка, гдѣ онъ самъ является зодчимъ и матеріаломъ.—Современникъ 1847. Соч. Гранов. Изд. 2 т. II стр. 101.

мленіямъ, нарушающимъ правильный ходъ общественной жизни, ибо обличитъ ихъ противорѣчіе съ вѣчными цѣлями, поставленными человѣку Провидѣніемъ. Исторія сдѣлается въ высшемъ и обширнѣйшемъ смыслѣ, чѣмъ у древнихъ, наставницею народовъ и отдѣльныхъ лицъ и явится намъ не какъ отрѣзанное отъ насъ прошедшее, но какъ цѣльный организмъ жизни, въ которомъ прошедшее, настоящее и будущее находятся въ постоянномъ между собою взаимодѣйствіи» [1]).

Въ томъ же году въ «Магазинѣ землевѣдѣнія и путешествій», издававшемся Н. Г. Фроловымъ, появился переводъ, сдѣланный Грановскимъ, письма В. Ф. Эдвардса къ Амедею Тьерри о физіологическихъ признакахъ человѣческихъ породъ и ихъ отношеніи къ исторіи. Переводъ былъ снабженъ примѣчаніями переводчика, изъ которыхъ можно замѣтить, что вопросъ этотъ былъ предметомъ серьезнаго изученія со стороны Грановскаго. Мысль объ историческомъ значеніи человѣческихъ породъ долго и сильно занимала его умъ. Онъ думалъ, что опредѣленіе физіологическихъ признаковъ народа тогда только получитъ настоящее значеніе для исторіи, когда будетъ показана связь этихъ признаковъ съ духовными и нравственными особенностями даннаго племени,

---

[1]) Для людей, не вѣрующихъ въ практическіе плоды исторической науки, приведемъ слѣдующія слова изъ рѣчи Грановскаго: «Конечно ни народы, ни ихъ вожди не повѣряютъ поступковъ своихъ съ учебниками всеобщей исторіи и не ищутъ въ ней примѣровъ и указаній для своей дѣятельности. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать въ самыхъ массахъ извѣстнаго историческаго смысла, болѣе или менѣе развитаго на основаніи сохранившихся преданій о прошедшемъ. Въ лицахъ, стоящихъ во главѣ государственнаго управленія, этотъ смыслъ переходитъ, по необходимости, въ отчетливое сознаніе отношеній, существующихъ между прежнимъ и новымъ порядкомъ вещей».

но что при настоящемъ состоянiи наукъ нельзя ожидать удовлетворительнаго рѣшенiя этого вопроса, а покуда надо собирать факты для соображенiй [1]). Читателямъ «Магазина» онъ обѣщалъ представить сводъ современныхъ свидѣтельствъ о характерѣ Галловъ отъ выступленiя ихъ на театръ исторiи до новыхъ временъ. Преждевременная кончина Грановскаго не допустила исполненiя труда, задуманнаго имъ по вопросу объ историческомъ значенiи человѣческихъ породъ.

Обширный отдѣлъ библiотеки Грановскаго составляли сочиненiя и записки путешественниковъ по всѣмъ частямъ свѣта, а также перiодическiя изданiя, представлявшiя статьи и матерiалы для изученiя малоизвѣданныхъ странъ и племенъ, ихъ населяющихъ. Въ этой литературѣ онъ слѣдилъ за человѣкомъ на всѣхъ ступеняхъ развитiя и умѣлъ находить въ ней указанiя для историческихъ аналогiй. Глубокое и подробное изслѣдованiе исторiи и учрежденiй одного народа, какъ бы ни маловажно было его политическое значенiе, по мнѣнiю Грановскаго, служитъ лучшимъ проводникомъ и комментарiемъ къ исторiи другихъ, даже болѣе значительныхъ народовъ [2]). «Океанiя и ея жители», лекцiя Грановскаго, явившаяся въ печати послѣ его кончины, представляетъ намъ образецъ живыхъ впечатлѣнiй, думъ и вопросовъ, выносимыхъ имъ изъ изученiя быта и нравовъ еще полудикихъ племенъ. Грановскiй читалъ ее для своихъ друзей въ семьѣ Фролова, среди которой проводилъ лѣто 1852 года. Онъ удовлетворялъ ею своей потребности дѣлиться съ близкими людьми своими воззрѣнiями, и она никогда не явилась бы въ печати, еслибъ со словъ Грановскаго не была записана дружескою рукою [3]).

---

[1]) Соч. Грановскаго, Изд. 2 т. I, стр. 128.

[2]) Сочиненiя Грановскаго. Изд. 2 Т. II, стр. 10.

[3]) Лекцiя «Океанiя и ея жители» была записана Фроловымъ.

Устное изложеніе, живое слово были любимою и наиболѣе родственною духу Грановскаго формою для сообщенія другимъ его мыслей и ученія. Обстоятельства однакоже не давали ему свободы пользоваться, на сколько онъ желалъ, своимъ даромъ слова. Съ 1848 года публичныя чтенія въ университетѣ дозволялись весьма рѣдко, и послѣдній публичный курсъ Грановскаго заключался только въ четырехъ лекціяхъ. Вотъ, почему въ пору полной зрѣлости своего таланта и мысли онъ уже не являлся передъ публикою съ своими чтеніями, хотя еще не задолго до кончины надѣялся снова читать публичный историческій курсъ. Кромѣ лекцій въ университетѣ онъ нерѣдко читалъ лекціи у себя на дому для нѣсколькихъ студентовъ изъ лучшихъ учениковъ своихъ, нерѣдко читалъ ихъ также въ кругу друзей своихъ или же для тѣхъ людей, которымъ надѣялся быть полезнымъ своими историческими чтеніями. Онъ нерѣдко и охотно отвѣчалъ ими на вопросы, сомнѣнія или неправильныя мнѣнія, если онѣ встрѣчались въ людяхъ, которыхъ онъ уважалъ или въ которыхъ принималъ глубокое участіе. Изъ этихъ живыхъ бесѣдъ почти ничего не сохранилось въ письмѣ и печати, хотя многіе изъ нихъ были весьма замѣчательны и представляли зрѣлый плодъ мысли и изученій историка. Таково напримѣръ, было чтеніе Грановскаго «О переходныхъ эпохахъ въ исторіи человѣчества», предложенное имъ слушателямъ, если не ошибаемся, лѣтомъ 1849 года въ Порѣчьи, имѣніи бывшаго министра просвѣщенія, графа С. С. Уварова. Нельзя безъ глубокаго сожалѣнія думать, что не сохранилось никакого слѣда отъ чтенія, въ которомъ историкъ высказалъ свои воззрѣнія по вопросамъ, занимавшимъ его мысль много лѣтъ.

«При самомъ началѣ моихъ занятій Исторіею, такъ началъ Грановскій свое чтеніе о переходныхъ эпохахъ, эти

печальныя эпохи приковали къ себѣ мое вниманіе. Меня влекла къ нимъ не одна трагическая красота, въ которую онѣ облечены, а желаніе услышать послѣднее слово всякаго отходившаго, начальную мысль зарождавшагося порядка вещей. Мнѣ казалось, что только здѣсь возможно опытному уху подслушать таинственный ростъ Исторіи, поймать ее на творческомъ дѣлѣ. И если долгое, глубокое изученіе не исполнило моихъ желаній, оно не охладило моихъ надеждъ».

Грановскій, на свою литературную дѣятельность смотрѣлъ, какъ на второстепенную сравнительно съ дѣятельностію живымъ словомъ, къ которой онъ чувствовалъ наиболѣе призванія. Онъ признавался, что не смотря на постоянную подготовку къ своимъ лекціямъ, лучшимъ часто являлось въ нихъ то, что приходило ему на мысль во время самаго чтенія. Если случалось ему, хотя и очень рѣдко, явиться на каѳедрѣ съ приготовленною письменно лекціею, то рукопись оставалась у него въ карманѣ, и аудиторія слышала отъ него не то, что было имъ приготовлено письменно. Несомнѣнно, что талантъ Грановскаго былъ по преимуществу талантъ живаго слова, отчасти даже можно сказать талантъ импровизатора, если только позволительно назвать импровизаціею рѣчь, къ которой произносящій ее подготовленъ долгимъ трудомъ изученія и постоянно дѣятельною мыслію. Такое свойство таланта Грановскаго было среди другихъ причинъ едва ли не главною причиною того, что многіе изъ задуманныхъ имъ трудовъ не были исполнены, а начатые труды оставались недоконченными. Людямъ, бесѣдовавшимъ съ нимъ о какомъ нибудь историческомъ вопросѣ, объ эпохѣ или историческомъ лицѣ, занимавшихъ его мысль, нерѣдко случалось слышать отъ него намѣреніе скоро представить публикѣ свое изслѣдованіе объ этихъ пред-

метахъ или сказать печатно объ нихъ свое слово. Это у меня ужь готово, говорилъ онъ. Очень ошибся бы тотъ, кто понялъ бы изъ этихъ словъ, что его изслѣдованіе написано, что у него приготовлена статья для печати. Все это было дѣйствительно готово, но только въ самомъ Грановскомъ. Для того, чтобы готовое явилось для слушателей, для публики нуженъ былъ поводъ, случай, болѣе всего нужна была живая аудиторія, сочувственно настраивающая его сообщительную душу и вызывающая изъ глубины ея скрытые въ ней, но уже готовые образы, представленія и думы.

Чѣмъ болѣе однакожъ зрѣла мысль Грановскаго, чѣмъ болѣе овладѣвалъ онъ предметами своего изученія, тѣмъ чаще и тѣмъ сильнѣе началъ онъ ощущать потребность въ трудѣ литературномъ, въ трудѣ надъ произведеніями, въ которыхъ бы онъ могъ оставить прочный слѣдъ и плодъ своихъ ученыхъ занятій и воспитанной ими мысли. Такая потребность чаще и настойчивѣе, чѣмъ когда нибудь прежде, появлялась въ немъ съ 1850 года, въ эпоху вполнѣ неблагопріятную для дѣятельности писателя, и именно въ тѣ годы, когда физическія силы Грановскаго видимо начали измѣнять ему, когда серьезный недугъ его принималъ болѣе и болѣе грозное развитіе.

Въ рѣдкомъ изъ писемъ его, писанныхъ въ пятидесятыхъ годахъ къ друзьямъ и роднымъ, не встрѣчаются жалобы на болѣзнь, на мучительные припадки, отрывавшіе его отъ желаннаго труда. «Я болѣнъ, хотя не говорю о томъ Лизѣ» (женѣ), пишетъ онъ Е. К. С—ъ лѣтомъ 1851 года съ подмосковной дачи, гдѣ онъ лѣчился минеральными водами. «Я становлюсь старъ, припадки моей тоски ожесточаются, пишетъ онъ ей же въ августѣ:—впереди нѣтъ болѣе юношескихъ упованій, а въ настоящемъ.... Дай

Богъ чтобы оно не испортилось и чтобы мнѣ сохранены были тѣ немногія любимыя мною существа, на которыхъ сосредоточилась теперь вся внутренняя жизнь моя. Каждый день отмѣченъ новою потерею. Хоть что нибудь да потеряешь. Сноснѣе всего терять деньги....». Въ слѣдующую зиму недугъ часто возвращался къ нему и онъ рѣшился провести лѣто 1852 года въ Малороссіи въ семьѣ Фролова, надѣясь что силы его поправятся среди деревенской свободы и что у него будетъ досугъ для труда, но онъ продолжалъ хворать и тамъ. Онъ пишетъ оттуда Е. К. С—ъ (16 іюня 1852): «Я становлюсь старъ духомъ и тѣломъ. Надѣюсь помолодѣть надъ работою, которую задаю себѣ, какъ уроки лѣнивому мальчишкѣ». Возвратясь въ Москву, онъ писалъ Фролову (осенью 1852 года): «Съ пріѣзда моего сюда боли мои усилились до того, что я не въ состояніи писать ни сидя, ни стоя». Лѣто 1853 года онъ провелъ невдалекѣ отъ Москвы въ деревнѣ пріятеля [1]); силы его здѣсь нѣсколько поправились, но мучительныя боли по прежнему не оставляли его. Онъ уже не могъ писать самъ и долженъ былъ взять себѣ писца. Медики, съ которыми онъ совѣтовался, подозрѣвали въ немъ каменную болѣзнь, другіе отрицали ее. «Доктора, писалъ онъ Фролову (осень 1853), противорѣчатъ одинъ другому, да и у меня къ нимъ прошло довѣріе». Въ эту осень Грановскій опасно заболѣлъ холерою, которая посѣтила Москву. «Если бы не П—ъ (докторъ), то я отправился бы непремѣнно на Ваганьково. Онъ пріѣхалъ во время и спасъ меня своею заботливостію», пишетъ Грановскій въ сентябрѣ А. С—у. Силы его тогда, казалось, поправились и онъ сталъ бодрѣе духомъ. «Я здоровъ и работаю, писалъ онъ Е. К. С—ъ

---

[1]) Въ селѣ Никольскомъ Н. М. Щ—а.

31 октября 1853 года. Къ счастію во мнѣ воскресло, можетъ быть, съ бо́льшею, чѣмъ прежде, силою довѣріе къ себѣ. Надѣюсь что нибудь сдѣлать, искупить личные грѣхи пользою общею. А, можетъ быть, и это мечта. Но она даетъ мнѣ много крѣпости». Съ апрѣля этого года въ управленіи министерствомъ просвѣщенія смѣнилъ князя, Ширинскаго-Шихматова А. С. Норовъ. Въ февралѣ 1854 года Грановскій не смотря на трудность ѣзды при его болѣзненныхъ припадкахъ прибылъ изъ Москвы въ Петербургъ для объясненій съ министромъ, который желалъ поручить ему составленіе учебника всеобщей исторіи по программѣ, уже представленной Грановскимъ его предшественнику въ управленіи министерствомъ. Бодрое настроеніе Грановскаго длилось не долго. Въ письмѣ его, писанномъ въ мартѣ, читаемъ: «Быстрое наступленіе весны усилило мои боли и сдѣлало меня рѣшительно калѣкою. Едва могу ходить» [1]). Лѣтомъ онъ разсчитывалъ лѣчиться и отдохнуть въ деревнѣ у родныхъ, но уже въ началѣ лѣта пишетъ двоюродной сестрѣ своей, Е. К. С.: «Надежды мои на поѣздку къ вамъ съ каждымъ днемъ слабѣютъ. Я много ждалъ себѣ добра отъ этой поѣздки. И въ физическомъ, и въ душевномъ отношеніи она принесла бы мнѣ большую пользу. Но боли мои до того усилились съ вашего отъѣзда, что каждый выѣздъ изъ дому дѣлается для меня подвигомъ мученичества». Иногда выѣзжая по необходимости, Грановскій возвращался домой почти въ безпамятствѣ отъ мучительныхъ страданій. «Сижу дома и не работаю, продолжаетъ онъ въ томъ же письмѣ. Сознаніе безплодно уходящаго времени грызстъ меня, но силъ недостаетъ для труда. Это чувство праздности похоже на безсонницу. Еще хуже. Я могу ихъ срав-

---

[1]) Письмо къ А. В. С. (мартъ 1854 г.).

нивать на досугѣ, потому что и сонъ мой измѣняетъ мнѣ.... Ты не повѣришь, Елена, до какой степени во мнѣ развилось это желаніе провести вдали отъ Москвы и отъ города вообще хоть годъ. Я убѣжденъ, что я оправился бы и физически и духовно. Ничто такъ не возстановляетъ меня какъ трудъ, а я уже давно не лѣчился этимъ лѣкарствомъ. Отрывочныя занятія, чтеніе и т. д. не только не удовлетворяютъ меня, но еще болѣе раздражаютъ противъ самого себя. Голова полна плановъ и затѣй. Чувствую самъ, что мысль моя достигла возможной для меня зрѣлости, что языкъ мой довольно послушенъ. Доказательствомъ могутъ служить мои лекціи. Я много читалъ лекцій эту зиму, кромѣ университетскихъ, принаровился къ разнымъ степенямъ знанія и пониманія и въ этомъ дѣлѣ (по крайней мѣрѣ) былъ доволенъ собою. Я прочелъ между прочимъ краткій курсъ древней исторіи За—у и С—у.... За—ъ доставилъ мнѣ большое удовольствіе своимъ отзывомъ о пользѣ, принесенной ему моими чтеніями.... Если Богъ продлитъ жизнь, то на будущее лѣто П—ъ (докторъ) не удержитъ меня въ Москвѣ». Только въ концѣ іюня могъ онъ выѣхать въ подмосковную деревню, въ которой провелъ и предшествовавшее лѣто. Въ іюлѣ онъ пишетъ оттуда двоюродной сестрѣ о своихъ занятіяхъ: «Въ теченіи десяти дней, проведенныхъ здѣсь, я написалъ болѣе, чѣмъ въ теченіи цѣлой зимы въ Москвѣ, а боли мои еще не унялись, не смотря на теплыя ванны, которыя беру ежедневно. Отъ прогулокъ почти отказался, пройду сто шаговъ и тотчасъ схватитъ меня острая, жгучая боль».

Въ 1854 году Грановскій напечаталъ въ Отечественныхъ запискахъ свою статью «Испанскій эпосъ», написанную имъ по поводу книги Дози о Сидѣ. Въ этомъ-же году онъ трудился надъ собираніемъ матеріаловъ для своего сочиненія

«О характерѣ Галловъ». Онъ обѣщалъ другу своему, Фролову свое сотрудничество по отдѣлу этнографіи въ издаваемомъ послѣднимъ «Магазинѣ землевѣдѣнія и путешествій». Но тогда-же задумалъ онъ и другой трудъ. «Я много прочелъ книгъ, касающихся этнографіи, писалъ онъ Фролову въ октябрѣ 1854 года. Я надѣюсь быть дѣятельнымъ и постояннымъ сотрудникомъ твоего «Магазина» съ будущимъ лѣтомъ. Теперь я занятъ спѣшною работой. Мнѣ хочется напечатать въ январѣ, къ юбилею [1]), небольшой томъ, въ которомъ помѣстятся біографіи: Теодориха Великаго, Карла Великаго и Альфреда Великаго, трехъ главныхъ распространителей просвѣщенія на Западѣ въ средній вѣкъ. Кончивъ эту работу, я примусь за дѣло для «Магазина». Физическое здоровье мое поправилось, да и душою я здоровѣе. Жизнь уходитъ и уноситъ съ каждымъ днемъ что нибудь изъ задуманныхъ прежде, въ молодости, плановъ. Авось не унесла еще всего, еще осталось у меня нѣсколько лѣтъ на труды и expiation». Въ томъ же письмѣ встрѣчаемъ извѣстіе, которое странно читать рядомъ съ надеждами, высказываемыми Грановскимъ на успѣхъ задуманныхъ трудовъ. «Этнографическій сборникъ Геофрафическаго Общества, извѣщаетъ онъ Фролова, прекращается вслѣдствіе запрещенія печатать статьи о древнихъ нравахъ и обычаяхъ русскаго народа».

Надежды на исполненіе задуманныхъ трудовъ, по временамъ пробуждавшіяся въ Грановскомъ, не оправдывались на дѣлѣ. Болѣзнь постоянно прерывала его начинанія.

Между тѣмъ съ 1853 года на Западѣ скоплялась гроза и надвигалась на Россію. Русское общество исполнялось

---

[1]) 12 января 1855 года долженъ былъ праздноваться юбилей столѣтія московскаго университета.

тревожныхъ и неясныхъ ожиданій. Началось передвиженіе войскъ нашихъ, начались уже столкновенія съ турецкими войсками. Торжество русскаго флота при Синопѣ (18 ноября 1853) возбудило радость въ русскомъ обществѣ, но пораждало вмѣстѣ и преувеличенные, легкомысленные надежды. Въ кругахъ московскаго общества Грановскій встрѣчалъ людей, говорившихъ о врагахъ, выступавшихъ противъ Россіи: мы ихъ шапками забросаемъ. Когда союзный флотъ французскій и англійскій уже готовился войти въ Черное море, въ Москвѣ нетолько многія изъ дамъ, но и изъ воиновъ, доживавшихъ въ ней свой вѣкъ, толковали, что враги недоумѣваютъ что̀ имъ дѣлать и хлопочутъ только о томъ, какъ выпросить себѣ пощады и мира у Россіи. Опасенія и тревоги при успѣхахъ враговъ пораждали иногда въ Москвѣ неменѣе странные толки и соображенія.

Грановскій съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдившій за ходомъ готовившихся и грозно развивавшихся событій, за общественнымъ мнѣніемъ Европы, за планами и переговорами европейскихъ правительствъ, за приготовленіями къ войнѣ, раздражался и оскорблялся невѣжественными или легкомысленными толками и мнѣніями, раздававшимися вокругъ его. Опасность, грозившая Россіи, была для него ясна. «Чѣмъ приготовились мы для борьбы съ цивилизаціей, высылающей противъ насъ свои силы?» задавалъ онъ горькій вопросъ людямъ, легко вѣровавшимъ въ счастливый для Россіи исходъ возникшей борьбы. Встрѣча съ людьми иныхъ мнѣній, съ людьми, готовыми легко, безъ сердечной боли помириться съ неудачами, даже съ пораженіемъ Россіи, какъ съ неизбѣжнымъ и полезнымъ урокомъ, производила на него такое же тягостное, оскорбительное впечатлѣ-
какое производили и толки невѣжественной самоувѣ-
и. Онъ желалъ встрѣчать въ своихъ соотечествен-

никахъ готовность бороться и умереть за отечество даже еслибъ въ нихъ не было надежды на его торжество, или желанія побѣды.

Враги уже высадились на русскую землю, и началась долгая, кровавая осада Севастополя. Въ октябрѣ 1854 года Грановскій посылаетъ другу своему Фролову, жившему тогда въ деревнѣ, строки, смыслъ которыхъ будетъ понятенъ читателю послѣ предпосланнаго объясненія о толкахъ и мнѣніяхъ, которыя слышалъ Грановскій въ Москвѣ. «А какъ часто и тяжело недостаетъ мнѣ тебя именно теперь, Фроловъ, пишетъ онъ. Такъ много совершается кругомъ, такъ много противорѣчій въ головѣ и въ сердцѣ, что подъ часъ не знаешь куда дѣваться съ этою ношею. Образованныхъ отголосковъ на собственныя мысли слышится мало. Встрѣчаешься съ людьми просвѣщенными, мыслящими, которыхъ знаешь давно, и съ удивленіемъ замѣчаешь безконечное разстояніе, раздѣляющее васъ въ самыхъ коренныхъ понятіяхъ и убѣжденіяхъ. Я засѣлъ дома, и кромѣ университета, почти нигдѣ не бываю».

Въ такомъ настроеніи, подъ бременемъ противорѣчій въ головѣ и сердцѣ встрѣтилъ Грановскій новый 1855 годъ, въ которомъ Московскій Университетъ праздновалъ столѣтній юбилей свой.

«Юбилей Московскаго Университета отпразднованъ великолѣпно, писалъ онъ послѣ этого торжества, Фролову. Изъ одного Петербурга было человѣкъ 300 и болѣе, 18 депутацій отъ высшихъ учебныхъ заведеній Русскихъ. Вся ученая и учебная Россія принимала участіе въ праздникѣ и тепло выражала свое сочувствіе къ намъ».

Говоря о сочувствіи, заявленномъ со всѣхъ сторонъ университету во время юбилея, Грановскій не упоминалъ о томъ вниманіи и сочувствіи, предметомъ которыхъ былъ

самъ при этомъ случаѣ. Лучшіе представители ученой и мыслящей Россіи, съѣхавшіеся въ Москву въ это время, искали личнаго съ нимъ знакомства, его бесѣды, его мнѣній по занимавшимъ ихъ вопросамъ. При этомъ можно было замѣтить, что Грановскій становился уже центромъ умственныхъ и нравственныхъ стремленій лучшихъ людей мыслящей Россіи, самъ не сознавая того и не стараясь о томъ. «Его легко было найдти въ толпѣ, не справляясь гдѣ онъ; въ ту сторону, гдѣ находился онъ, обращалось много глазъ, туда сильнѣе было движеніе», говорилъ о Грановскомъ, когда его уже не было въ живыхъ, товарищъ его по каѳедрѣ [1]).

На юбилеѣ присутствовалъ новый министръ просвѣщенія А. С. Норовъ. Онъ произвелъ на членовъ университета доброе впечатлѣніе и возбудилъ отрадныя надежды на лучшую будущность для русскаго просвѣщенія. Министръ высказалъ много вниманія къ Грановскому и пригласилъ его въ Петербургъ для совѣщаній и переговоровъ. Послѣ торжества, бесѣдъ, разнообразныхъ знакомствъ и впечатлѣній, возникшихъ по поводу юбилея Грановскій пишетъ Фролову: «Много и много накопилось мыслей и фактовъ, которые хотѣлось бы передать тебѣ, братъ мой. Подъ часъ желаніе это становится даже мучительно».

Какія же мысли занимали тогда Грановскаго? Съ этого времени онъ находился въ особенно возбужденномъ состояніи. Грозныя событія, переживаемыя тогда Россіею начали вызывать въ лучшихъ умахъ русскаго общества сознаніе положенія и недостатковъ общественнаго устройства Россіи. Для Грановскаго такое сознаніе становилось мучитель-

---

[1]) С. М. Соловьевъ въ Некрологѣ Т. Н. Грановскаго, читанномъ на университетскомъ актѣ 1856 года.

нѣе, чѣмъ когда нибудь. Въ то тяжкое время мысль его обращается чаще всего къ великому преобразователю Россіи, къ Петру. Вскорѣ послѣ юбилея онъ пишетъ Фролову (январь 1855): «На дняхъ я былъ у Погодина и вынесъ оттуда глубокое впечатлѣніе. У Погодина есть портретъ Петра Великаго, написанный съ мертваго современнымъ художникомъ и доставшійся недавно Погодину отъ Макаровыхъ, которыхъ предокъ былъ при Петрѣ во время его кончины. Я не знатокъ въ живописи и вообще она на меня почти никогда не дѣйствовала. Но передъ этимъ портретомъ я готовъ бы стоять цѣлые дни. Я отдалъ бы за него половину моей библіотеки, любимыя книги мои. Я едва не зарыдалъ, глядя на это божественно-прекрасное лице. Спокойную красоту верхней части нельзя описать. Только великая, безконечно благородная и святая мысль можетъ положить на чело печать такого спокойствія. Но губы сжаты скорбію и гнѣвомъ. Онѣ будто дрожатъ еще. Онѣ еще причастны тревогамъ и волненіямъ жизни. Что за человѣкъ былъ этотъ Петръ!»

Около того же времени и о томъ же впечатлѣніи онъ пишетъ другому изъ друзей своихъ, К. Д. Кавелину: «Цѣлый вечеръ смотрѣлъ я на это изображеніе человѣка, который далъ намъ право на исторію и едвали не одинъ заявилъ наше историческое призваніе. Цѣлый вечеръ голова была полна имъ».... Грановскій побуждалъ друга своего къ труду по исторіи Петровскихъ учрежденій: «Мнѣ кажется ты одинъ у насъ можешь совершить съ честію такой трудъ. Сто тридцать лѣтъ ждетъ Петръ себѣ цѣнителя. Неужели ты не выполнишь когда-то задуманнаго плана?»

Вслѣдствіе своего общительнаго характера, Грановскій бывалъ въ личныхъ сношеніяхъ съ самыми разнородными людьми всѣхъ слоевъ русскаго общества и составилъ о немъ

вѣрное, вполнѣ опредѣленное понятіе. Онъ горячо любилъ Русскихъ и Россію, онъ зналъ и высоко цѣнилъ многія стороны русскаго характера, но понималъ и всѣ ихъ недостатки. Съ горечью замѣчалъ онъ, что русскій народъ умѣетъ славно умирать за отечество, но жить для него не умѣетъ. Россіи нужны преобразованія, ей нуженъ преобразователь — вотъ что глубоко сознавалъ и глубоко чувствовалъ онъ въ послѣднее время своей жизни.

Среди тяжелыхъ думъ и гаданій о будущемъ Россіи въ утро 19 февраля 1855 года Грановскій былъ потрясенъ нежданною вѣстію о кончинѣ Монарха, при которомъ онъ началъ свою дѣятельность, въ царствованіе котораго минули его лучшіе годы, минули его лучшія чаянія и надежды на собственныя силы, теперь уже ослабленныя многими неудачами, нравственными страданіями и физическими недугами. Съ горестнымъ раздумьемъ обращался онъ къ своему прошлому на порогѣ новаго будущаго. Онъ былъ тогда еще на 43-мъ году своей жизни, но ему оставалось уже жить только нѣсколько мѣсяцевъ....

Въ концѣ февраля болѣзненные припадки его усилились до такой степени, что въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ онъ не могъ выходить изъ своей комнаты, не могъ продолжать своихъ лекцій въ университетѣ. Въ это время онъ получилъ письмо отъ студентовъ, слушавшихъ въ этотъ годъ его курсъ Средней исторіи. Они просили Грановскаго продолжать его у себя дома для нѣсколькихъ изъ нихъ, съ тѣмъ, чтобы они могли передавать записанныя чтенія остальнымъ товарищамъ. Книги и историческія руководства, указанныя студентамъ ихъ преподавателемъ, писали студенты, не могутъ замѣнить для нихъ его лекцій. «Мы съ грустнымъ чувствомъ, писали студенты Грановскому, говоримъ себѣ: печатныя руководства и историческія сочиненія оста-

нутся съ нами вездѣ и навсегда, но не вездѣ и не всегда будемъ имѣть возможность слушать Грановскаго» [1]). Больной наставникъ не захотѣлъ отказать просьбѣ слушателей и преодолѣвая свой недугъ, продолжалъ для нихъ чтеніе курса у себя на дому.

Едва оправившись отъ двухмѣсячныхъ страданій, въ маѣ онъ спѣшилъ выѣхать въ Петербургъ. Здѣсь министръ А. С. Норовъ поручилъ ему составленіе учебника всеобщей исторіи. Грановскій принималъ на себя этотъ трудъ неохотно. Учебникъ могъ быть необходимъ для учащихся и преподавателей, но требуя отъ Грановскаго усиленнаго и настойчиваго труда, требовалъ отъ него и отреченія отъ занятій тѣми историческими вопросами и изслѣдованіями, которые преимущественно занимали его мысль. Онъ однакоже не рѣшился отказаться отъ предложенія министра, незная никого, кто бы могъ написать учебникъ исторіи, какого Грановскій желалъ для нашихъ учебныхъ заведеній. Возвратясь изъ Петербурга, онъ уступилъ также желанію своихъ товарищей, профессоровъ историко-филологическаго факультета, согласившись быть деканомъ послѣдняго. Время и обстоятельства вызывали Грановскаго все на бóльшую дѣятельность именно тогда, когда его болѣзненное состояніе возбуждало въ близкихъ ему людяхъ опасенія и желанія для него отдыха. Онъ старался успокоить эти опасенія, старался показать, будто обязанности, которыя онъ принималъ на себя, не потребуютъ вредныхъ ему усилій. Онъ, казалось, извинялся передъ заботливыми друзьями въ томъ, что не отказывался отъ налагаемыхъ на него трудовъ, ссылаясь на смягчающія обстоятельства въ оправданіе свое.

---

[1]) Письмо студентовъ словеснаго и юридическаго факультетовъ 2 марта 1855 года.

«Дней через 10 или 12 надѣюсь выбраться отсюда, писалъ онъ изъ Москвы Е. К. С—ъ (19 мая), сбираясь провести лѣто въ деревнѣ. Везу съ собою много работы. Авось успѣю сдѣлать задуманное. Отъ деканства не могъ никакъ отдѣлаться, но принялъ его на весьма удобныхъ для меня условіяхъ, оставляя за собою право располагать августомъ мѣсяцемъ. Теперь пока хлопотно»....

Среди товарищей своихъ по университетской службѣ Грановскій въ это время пользовался большимъ довѣріемъ. Кромѣ людей искренно любившихъ и уважавшихъ его, между ними были люди не питавшіе сочувствія къ нему, нерѣдко доказывавшіе ему это на дѣлѣ, если не явно, то тайно. Такимъ людямъ онъ умѣлъ мстить по своему. Многіе изъ нихъ, при постигавшихъ ихъ невзгодахъ, находили съ его стороны участіе, иногда серьезную помощь словомъ и дѣломъ. Слишкомъ замѣтные таланты и нравственныя достоинства признаются охотно не всѣми людьми и уже сами по себѣ вызываютъ недоброжелательство, мелкую зависть, глухую интригу со стороны ограниченности и бездарности. Но, отсутствіе всякой себялюбивой, личной цѣли, полная и безусловная преданность добру и общей пользѣ были такъ ясны, такъ несомнѣнны въ Грановскомъ, что ихъ не могли не признать наконецъ и тѣ, которые всего менѣе имѣли способности къ такому признанію. Когда оживилась надежда на лучшую будущность для университета, когда нуженъ былъ способнѣйшій ходатай за потребности университетскаго преподаванія мысль товарищей Грановскаго остановилась на немъ. Онъ былъ единогласно избранъ еще разъ деканомъ историко-филологическаго факультета, и на этотъ разъ избраніе его было утверждено министромъ.

Въ началѣ іюня Грановскій выѣхалъ изъ Москвы къ своимъ родственникамъ въ деревню Воронежской губерніи. Онъ

провелъ тамъ лѣто до конца августа въ постоянномъ трудѣ, прерываемомъ только болѣзнію. Здѣсь онъ окончилъ для учебника исторію древняго Востока (Египетъ, Ассирія, Финикія, Персія, Индія, Китай и исторія Евреевъ) и написалъ статью, представленную имъ министру народнаго просвѣщенія «Объ ослабленіи классическаго преподаванія въ гимназіяхъ».

Здѣсь же онъ написалъ біографическую статью о покойномъ другѣ своемъ, Н. Г. Фроловѣ, скончавшемся въ январѣ 1855 года.

Въ оконченной имъ части учебника Грановскій старался сжато, но не опуская характеристическихъ чертъ, представить историческое развитіе и значеніе странъ и народовъ въ возможной полнотѣ, пользуясь результатами новѣйшихъ изслѣдованій [1]).

Въ статьѣ объ ослабленіи классическаго преподаванія въ гимназіяхъ Грановскій указывалъ, что мѣры принятыя въ 1851 году противъ преподаванія древнихъ языковъ въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, остановили правильное развитіе системы, зрѣло обдуманной и превосходно приводимой въ исполненіе. Онъ указывалъ также на несправедливость тѣхъ обвиненій противъ классическаго преподаванія, къ которымъ подали поводъ революціонныя движенія въ Европѣ, на то, что такія движенія возникаютъ вообще не изъ школъ, а изъ различныхъ историческихъ причинъ. Грановскій не думалъ возставать вообще противъ реальнаго образованія и противъ естественныхъ и математическихъ наукъ, но указывалъ на вредъ и опасность ихъ *преобла-*

[1]) Написанная часть учебника, приготовленная уже къ печати, по кончинѣ Грановскаго не нашлась въ его бумагахъ. Не была ли она передана имъ покойному А. С. Норову? Мы не знаемъ ничего положительнаго на этотъ счетъ.

данія въ системѣ воспитанія. Упоминая объ увеличеніи числа реальныхъ учебныхъ заведеній, о введеніи естественныхъ и математическихъ наукъ даже въ общеобразовательныхъ заведеніяхъ Европы съ 1815 года подъ вліяніемъ небывалаго развитія промышленности, онъ замѣчалъ: «Безразсудно было бы возставать противъ явленій, въ которыхъ выражалась существенная потребность, но удовлетворяя этой потребности, не слѣдуетъ терять изъ виду другихъ, быть можетъ, высшихъ благъ и цѣлей воспитанія. Не о единомъ хлѣбѣ сытъ *человѣкъ*.

«Задача педагогіи, писалъ онъ, состоитъ въ равномѣрномъ (гармоническомъ) развитіи всѣхъ способностей учащагося, изъ которыхъ ни одна не должна быть принесена въ жертву другой. Знакомя юношу только съ внѣшнею природою и съ ея механическими и химическими законами, естествознаніе, отрѣшенное отъ ученій, имѣющихъ предметомъ духовныя стороны бытія, неминуемо приводитъ къ матеріализму. Само по себѣ оно не въ состояніи удовлетворить нравственнымъ потребностямъ человѣка. Шлецеръ, говоря о вліяніи отдѣльныхъ наукъ на просвѣщеніе народовъ, сказалъ, что можно представить себѣ цѣлый народъ отличныхъ математиковъ, погруженный въ глубокое варварство. Почти тоже можно сказать и о естествознаніи. Можно ли предположить существованіе народа натуралистовъ, безъ всякихъ опредѣленныхъ и твердыхъ понятій о добрѣ и злѣ? Прибавимъ, что въ настоящую минуту естественныя науки находятся на особенной ступени развитія. Гордясь недавними дѣйствительно блестящими успѣхами, онѣ присвоиваютъ себѣ право окончательнаго рѣшенія вопросовъ, въ продолженіе тысячелѣтій занимающихъ разумъ человѣческій и постоянно вынуждающихъ у него сознаніе собственнаго безсилія. Такое самоупоеніе науки

конечно не можетъ быть продолжительно. Рано или поздно она должна признать снова существованіе роковыхъ граней, за которыя не дано перешагнуть нашей любознательности. Но въ ожиданіи неизбѣжнаго возврата къ болѣе трезвымъ и согласнымъ съ законами разума воззрѣніямъ, естествовѣдѣніе сообщаетъ юнымъ умамъ холодную самоувѣренность и привычку выводить изъ недостаточныхъ данныхъ рѣшительныя заключенія. Оно много содѣйствовало къ развитію безотрадной и безсильной на великіе нравственные подвиги положительности, которая принадлежитъ къ числу самыхъ печальныхъ явленій нашей эпохи» [1]).

Грановскій указывалъ, что не только непреходящая красота искусства классическаго міра, но и наука его сохраняютъ вѣчное значеніе для человѣчества. Мало наукъ, которыхъ начала не примыкаютъ къ трудамъ греческихъ мыслителей и ученыхъ.

Всѣ мѣткія замѣчанія, высказанныя Грановскимъ, указывали на необходимость для здравой педагогіи ставить на первомъ планѣ древнюю филологію, какъ незамѣнимое никакимъ другимъ средство нравственнаго, эстетическаго и логическаго образованія.

Замѣчая въ современной эпохѣ безсиліе на великіе нравственные подвиги, которое отчасти развилось подъ вліяніемъ преобладанія естественныхъ наукъ въ системѣ современнаго воспитанія, Грановскій не могъ не сознавать особенной опасности для русскаго юношества, если бы такое преобладаніе получило мѣсто въ его воспитаніи. Онъ нерѣдко высказывалъ замѣчаніе, что здравый смыслъ Русскаго народа переходитъ у него въ недостатокъ, дѣлая его мало способнымъ къ увлеченію и энтузіазму, что его поражаетъ

---

[1]) Сочин. Грановскаго Изд. 2, Т. II. стр. 385.

способность русскаго человѣка къ отрицанію. Понятно, какъ такое воззрѣніе усиливало въ немъ желаніе видѣть въ своемъ отечествѣ систему воспитанія, которая развивала бы гармонически всѣ способности учащагося, не принося ни одной изъ нихъ въ жертву другой, воспитанія, изъ котораго юноша выносилъ бы чистое понятіе о красотѣ и возвышенныя чувства нравственнаго долга и человѣческаго достоинства.

На немногихъ страницахъ своей статьи Грановскій высказалъ по вопросу о классическомъ образованіи всѣ существенныя истины, толки о которыхъ продолжаются донынѣ въ русскихъ журналахъ и газетахъ.

Трудясь надъ составленіемъ историческаго учебника, занятый мыслію о воспитаніи будущихъ поколѣній отечества, Грановскій съ горестнымъ смущеніемъ слѣдилъ за великой борьбой, которую вела тогда Россія и за всѣми явленіями, сопровождавшими ее. Живя въ деревнѣ, онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ прихода почты, приносившей вѣсти съ мѣста, гдѣ длился упорный бой. Что-то узнаемъ завтра, повторялъ онъ наканунѣ дня, въ который ожидалъ газетъ. Съ глубокимъ сочувствіемъ и уваженіемъ говорилъ онъ о черноморскомъ флотѣ о морякахъ его. «Былъ же уголокъ въ русскомъ царствѣ, гдѣ собрались такіе люди», повторялъ онъ. Корниловъ и Истоминъ уже пали въ бою. Пришла вѣсть и о смерти Нахимова. «Легъ и онъ, говорилъ растроганный Грановскій. Что же? Такая смерть хороша; онъ умеръ въ пору. Передъ концемъ своего поприща вызвать общее сочувствіе къ себѣ и заключить его такою смертію... Чего же желать болѣе, да и чего бы еще дождался Нахимовъ? Его недоставало возлѣ могилъ Корнилова и Истомина. Тяжела потеря такихъ людей, но страшнѣе всего, чтобы вмѣстѣ съ ними не погибло въ русскомъ флотѣ пре-

даніе о нравахъ и духѣ такихъ моряковъ, какихъ умѣлъ собрать вокругъ себя Лазаревъ».

Проницательная мысль, для которой не была скрыта связь между разнообразными проявленіями одного порядка вещей, внушала Грановскому интересъ и внимательность ко всему, что̀ дѣлалось вокругъ него, даже въ самыхъ тѣсныхъ кругахъ провинціальный жизни, въ предѣлахъ уѣзда, гдѣ проводилъ онъ лѣто. Отъ его наблюдательности не ускользали характеристическія мелочи и подробности. Онъ видѣлъ какъ приводились здѣсь въ исполненіе распоряженія администраціи, вызываемыя современной войной, какъ готовилось продовольствіе для крымской арміи, какъ отправлялись въ Крымъ обозы, какъ составлялось ополченіе; онъ прислушивался къ мѣстнымъ толкамъ и мнѣніямъ людей разныхъ слоевъ общества. Все это занимало его наблюдательность и участіе, а порой вызывало опасенія, негодованіе или горькій смѣхъ. Возвратясь изъ деревни въ Москву, онъ пишетъ въ сентябрѣ К. Д. К—ну: «Еще годъ войны, и вся южная Россія разорена; надобно самому съѣздить, да посмотрѣть и послушать что̀ тамъ дѣлается. Когда правительство требуетъ копѣйку, мѣстное начальство распорядится такъ, что заставитъ народъ заплатить три, и все это безсмысленно и подло» (19-го сентября 1851 г.).

Иногда Грановскій переживалъ мрачные, тяжелые часы, въ которые будущность Россіи являлась ему въ страшномъ видѣ. Онъ вспоминалъ тогда, что исторія представляетъ примѣры народовъ и обществъ, ослабленыхъ гибельными вліяніями и уже не находящихъ въ себѣ достаточно силъ для обновленія, для возрожденія къ лучшей жизни. Онъ припоминалъ Испанію послѣ Филиппа II-го, вспоминалъ долгія, напрасныя усилія Италіи возродиться для незави-

симости и политической жизни. Опасенія Грановскаго смѣнялись однакоже въ душѣ его надеждами на лучшую будущность отечества, которую должны приготовить ему уроки настоящаго, общественныя преобразованія и просвѣщеніе. На престолѣ Русскаго царства былъ уже преобразователь его, но еще лилась русская кровь, силы Россіи напрягались и истощались въ тяжелой борьбѣ, будущее было неопредѣленно, неясно. Понятны сомнѣнія и мучительныя колебанія, овладѣвавшіе въ такое время душою Грановскаго.

Прошлое и будущее Россіи, русскія историческія явленія и лица были въ это лѣто часто предметомъ думъ и бесѣдъ Грановскаго. Иногда его замѣчанія, его воспоминанія и разсказы о замѣчательныхъ людяхъ среди живой бесѣды превращались въ прекрасныя характеристики и біографіи лицъ. Такъ, говоря о кавказской войнѣ и вспоминая труды и подвиги нашихъ солдатъ и генераловъ, онъ живо и ярко представилъ личность и жизнь кавказскаго героя— генерала Котляревскаго. Его воспоминанія о Барклаѣ-де-Толли были исполнены подробностей и анекдотовъ изъ его жизни, обрисовывавшихъ античныя доблести этого мужа. Съ радостію вспоминалъ Грановскій о всякомъ прекрасномъ явленіи, о всякомъ замѣчательномъ лицѣ русской исторіи и жизни. Неразъ высказывалъ онъ желаніе, чтобы лица, посвящающіе себя трудамъ по исторіи Россіи были подготовлены къ нимъ общимъ образованіемъ и изученіемъ исторіи другихъ народовъ, замѣчая, что исключительное занятіе русской исторіей оказываетъ неблагопріятное вліяніе даже на людей, одаренныхъ большимъ умомъ, дѣлаетъ неясными ихъ историческія воззрѣнія и узкими или односторонними ихъ симпатіи и мнѣнія. При этомъ онъ высказывалъ глубокое сожалѣніе о томъ, что другъ его К. Д. К—ъ оставилъ свои научные труды для иной дѣятельности и что

изслѣдованія по русскому праву и русской исторіи лишились въ лицѣ его даровитаго и образованнаго дѣятеля. Любовь къ своему, основанная только на незнаніи или непониманіи чужаго, не имѣла достоинства въ глазахъ Грановскаго. Онъ не могъ высоко цѣнить національнаго чувства, если оно основывалось только на невѣжествѣ. Онъ не думалъ, чтобы образованность подрывала въ людяхъ любовь къ отечеству. Грановскій замѣчалъ, что высшее сословіе Россіи временъ Александра I-го было образованнѣе, чѣмъ въ современную ему эпоху, и что хотя образованность его носила слѣды французскаго вліянія, но это не помѣшало образованнымъ людямъ того времени бороться и умирать за Россію. Способность русскаго человѣка къ смѣлымъ и рѣшительнымъ приговорамъ надъ чужими національностями непріятно поражала Грановскаго [1]).

Мысль Грановскаго въ лѣто, среди котораго проходили послѣдніе мѣсяцы его жизни, часто обращалась къ его собствен-

---

[1]) Приведемъ здѣсь строки Грановскаго, написанныя по прочтеніи имъ замѣчаній объ Америкѣ одного молодаго русскаго путешественника: «Что за удивительная способность у Русскаго человѣка судить и рядить о томъ, чего онъ не знаетъ и на все смотрѣть съ высока. Н—у не нравится Америка. Это дѣло вкуса и внутренняго расположенія. Вѣроятно и мнѣ невесело было бы тамъ жить. Но какъ можно произносить такіе смѣлые и рѣзкіе приговоры объ образованности Американцевъ, которыхъ онъ видѣлъ въ продолженіи трехъ недѣль, не понимая въ добавокъ и языка ихъ. Онъ возстаетъ противъ денежнаго направленія, господствующаго въ Америкѣ и повторяетъ избитыя общія мѣста по этому поводу. Но вѣдь его оскорбляетъ не цѣль, а средство, т. е. упорный и прозаическій трудъ, посредствомъ котораго Американецъ добываетъ богатство. Французъ не лучше, не безкорыстнѣе Американца въ настоящее время, но Н. снисходителенъ къ нему, потому что Французъ утромъ играетъ на биржѣ, а вечеромъ наслаждается на легко добытыя деньги». Письмо къ Е. К. С—ъ Лѣто 1854.

ной судьбѣ, къ его собственному прошлому. Въ немъ пробуждались строгія требованія отъ самого себя. Богатый запасъ собранныхъ свѣдѣній и вполнѣ зрѣлая мысль призывали его къ болѣе обширнымъ и значительнымъ трудамъ, къ болѣе усиленной и постоянной дѣятельности сравнительно съ тѣми, которые наполняли его минувшіе годы. Онъ съ грустію смотрѣлъ на свое прошлое и съ недовѣріемъ на свое будущее, на свои силы. «Чувствую, говорилъ онъ въ раздумьи о своей научной дѣятельности, что выработался опредѣленный взглядъ на предметы, своя метода для науки, и все это».... онъ не доканчивалъ фразы, но тонъ глубочайшей грусти, какимъ произносилась она, дѣлалъ понятнымъ печальный смыслъ ея. Напрасно близкіе Грановскому люди, замѣчая тоску, овладѣвавшую имъ въ минуты такого раздумья, старались утѣшить его указаніемъ на благотворность его профессорской дѣятельности и его обширнаго личнаго вліянія. «Мнѣ пріятно слушать васъ, отвѣчалъ онъ съ грустною улыбкою, хоть и не вѣрю вамъ».

Ни труды, ни грустное душевное настроеніе, ни ослабѣвшія уже физическія силы, не уменьшали въ Грановскомъ свойственной ему необыкновенной участливости ко всему, что̀ окружало его: къ людямъ и обстановкѣ, среди которыхъ проводилъ онъ свое послѣднее лѣто. Онъ былъ одаренъ способностію при случаѣ принимать участіе въ интересахъ и даже въ забавахъ самыхъ разнородныхъ людей будто безъ всякихъ усилій надъ собою, будто по собственному влеченію. Люди, совершенно отличные отъ него своими привычками, образомъ жизни, занятіями, сходясь съ нимъ, часто не могли замѣтить этого различія. Онъ былъ такъ простъ, такъ добродушенъ, такъ живъ и общителенъ, даже въ обществѣ недавнихъ или случайныхъ знакомыхъ,

что всѣмъ имъ было съ нимъ легко и пріятно, всѣ видѣли въ немъ только веселаго товарища и интереснаго собесѣдника.

Въ часы свободные отъ труда Грановскій отъ души наслаждался деревенскою жизнію. Онъ любилъ ходить среди засѣянныхъ полей, гулялъ въ лѣсу, купался въ рѣкѣ и иногда сидѣлъ съ удочкой надъ водою, или отдыхалъ валяясь на травѣ. Онъ говорилъ, что мирный характеръ окружавшей его природы производилъ на него успокоительное вліяніе, и послѣ отдыха принимался за трудъ съ освѣженными силами. Можно было надѣяться, что среди деревенскаго покоя силы его возстановятся хоть на нѣкоторое время, но въ августѣ онъ внезапно слегъ въ постель. Въ одну ночь онъ почувствовалъ сильную боль въ боку, не захотѣлъ никого будить; къ утру у него оказалось воспаленіе. Онъ спокойно и терпѣливо, какъ всегда въ болѣзни, переносилъ мучительныя страданія. Участіе и заботы о немъ близкихъ людей встрѣчалъ онъ такъ, какъ будто онъ не имѣлъ на нихъ никакого права. Чѣмъ я это заслужилъ? говорилъ больной. Во время своего выздоровленія онъ былъ очень шутливъ и веселъ; въ немъ забавно выказывались тогда какія-то дѣтскія стороны его характера. Докторъ запретилъ ему занятія и чтеніе, а онъ тайкомъ овладѣвалъ листкомъ какой нибудь газеты, и если заставали его въ чтеніи, спѣшилъ скрыть его подъ изголовьемъ какъ мальчикъ, пойманный въ шалости.

Послѣ выздоровленія въ Грановскомъ, казалось, ожили и вѣра въ свои силы и надежды на успѣшную дѣятельность. Онъ думалъ начать по возвращеніи въ Москву изданіе историческаго сборника, думалъ о трудахъ своихъ и другихъ лицъ для этого изданія, говорилъ о своемъ намѣреніи читать публичныя лекціи и избрать для нихъ предметомъ

пуническія войны, или же тридцатилѣтнюю войну. Онъ будто готовился къ какой-то важной и рѣшительной перемѣнѣ, къ какому-то обновленію своей жизни. Въ одинъ вечеръ въ немъ было замѣтно особенно возбужденное состояніе: «Я чувствую себя такимъ бодрымъ, говорилъ онъ, какимъ давно не былъ,—въ такомъ настроеніи, въ какомъ бывалъ обыкновенно передъ coups-de-tête. Coups de tête мнѣ всегда удавались; все главное въ моей жизни рѣшалось ими; я и теперь готовъ на coup de tête, который совершенно измѣнитъ мою жизнь». На вопросъ въ чемъ онъ будетъ состоять Грановскій отвѣчалъ, что и самъ еще этого не знаетъ.

Въ послѣднее для Грановскаго лѣто въ немъ часто и живо воскресали его личныя воспоминанія. Онъ припоминалъ и разсказывалъ многое изъ своего дѣтства и своей юности. Онъ посѣтилъ могилу Н. В. Станкевича, и припоминалъ много подробностей о своихъ отношеніяхъ къ нему, разныя мелкія событія лѣтъ проведенныхъ ими вмѣстѣ въ Берлинѣ. Онъ самъ удивлялся часто пробуждавшимся въ немъ воспоминаніямъ. Никогда я такъ много не говорилъ о себѣ, замѣчалъ онъ женѣ и роднымъ, которымъ высказывалъ ихъ.

Бесѣды Грановскаго въ тѣсномъ кругу родныхъ, нерѣдко касались литературы вообще и новыхъ ея произведеній, новыхъ историческихъ сочиненій. Онъ высказывалъ, что послѣдніе годы бѣдны самостоятельными и значительными трудами въ исторической литтературѣ. Замѣчательнѣйшимъ изъ послѣднихъ ея произведеній считалъ онъ Исторію Англіи Маколея. Историческія сочиненія Грота и Дункера, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, по словамъ его, представляютъ только сводъ всѣхъ изслѣдованій, всего, что было разработано по предметамъ ихъ сочиненій. Съ боль-

шимъ сочувствіемъ отзывался Грановскій о нѣкоторыхъ статьяхъ Эдгарда Кинэ. Онъ сочувствовалъ въ нихъ порицаніямъ той исторической системы, по которой успѣхъ сообщаетъ уже законность и оправданіе событіямъ и которая исключаетъ справедливую оцѣнку благородныхъ началъ или явленій, если они были заглушены или побѣждены другими. Вообще изъ словъ Грановскаго можно было замѣтить, что, слѣдя постоянно за европейской литературой, онъ начиналъ чувствовать въ ней застой; онъ ждалъ и желалъ для нея новыхъ стремленій, новаго живительнаго направленія. Изъ его отрывочныхъ сужденій, изъ его случайныхъ замѣчаній можно было замѣтить, что онъ чувствовалъ въ современной литературѣ недостатокъ твердыхъ началъ, тѣхъ чистыхъ упованій, той любви, той силы вѣрованій и убѣжденій, какими такъ была богата собственная душа его. «Жду новаго, говорилъ онъ, отъ американской литературы. По пріѣздѣ въ Москву выпишу себѣ новыхъ американскихъ авторовъ». Изъ послѣднихъ Грановскій особенно любилъ Эмерсона. Поэтическій строй мысли, юношески свѣжія воззрѣнія и чаянія этого автора были по душѣ ему. Словамъ и понятіямъ Эмерсона объ исторіи онъ высказывалъ большое сочувствіе. До послѣднихъ дней жизни Грановскій сохранилъ глубокую впечатлительность и восріимчивость къ произведеніямъ поэзіи. Онъ часто перечитывалъ стихотворенія русскихъ поэтовъ, особенно Пушкина. Онъ нерѣдко вспоминалъ любимыя изъ стиховъ Шиллера и Гёте, читалъ ихъ наизусть или искалъ книги, чтобы прочесть ихъ въ дружескомъ кругу. Отличаясь способностію отъ души наслаждаться остроуміемъ книгъ и людей, часто самъ блиставшій увлекательнымъ остроуміемъ и веселостью, Грановскій не придавалъ однако же лишней цѣны ни книгамъ, ни людямъ, если ихъ существеннымъ содер-

жаніемъ была иронія, острота ума или сухое отрицаніе. Припоминая многое изъ стихотвореній Гейне, изъ его произведеній, онъ говорилъ, что не смотря на несомнѣнную поэзію и остроуміе ихъ, значеніе этого поэта преходящее. Свѣжая поэзія Уланда въ глазахъ его имѣла болѣе живучести и будущности. Стихотвореніе Уланда «Der Rosenkranz», было одно изъ любимыхъ Грановскаго, и онъ въ послѣднее лѣто часто вспоминалъ и перечитывалъ его [1]).

Рѣдко встрѣчаются люди, которые бы такъ постоянно и такъ прочно во всю свою жизнь сохраняли всѣ свои способности, вкусы, наклонности и даже мнѣнія, отличавшіе ихъ еще въ началѣ жизни, въ юности, какъ сохранялось все это въ Грановскомъ. Годы не уносили, не заглушали его стремленій и симпатій, а только развивали и укрѣпляли ихъ.

---

[1]) Вотъ содержаніе этого стихотворенія: на аренѣ среди блеска засіявшаго майскаго дня борятся юные борцы за дорогую награду, за вѣнокъ розъ, украшающій голову невиданной еще красавицы. Среди нихъ вдругъ появляется всадникъ съ исхудалымъ лицемъ и сѣдѣющими кудрями, на больномъ конѣ. Копье усталаго бойца опускается, голова его склоняется будто въ тяжкой дремотѣ. Но какъ бы пробудясь отъ страшнаго сна, онъ привѣтствуетъ благородныхъ бойцевъ и прелестнѣйшую изъ дѣвъ. Онъ посѣдѣлъ съ копьемъ и мечемъ въ рукѣ, онъ боролся на сушѣ и на моряхъ, онъ не зналъ никогда покоя, но дни и ночи его подвиговъ погибли безъ награды. Не было еще той красавицы, которая теперь въ первый разъ сіяетъ передъ нимъ, какъ звѣзда. О, еслибъ онъ могъ сдѣлаться юнымъ! Увы! онъ родился слишкомъ рано! Золотое время только что начинается, весна засіяла. Настаетъ владычество красавицы, увѣнчанной розами, а для него готовы ночь и тлѣніе, надъ нимъ опускается могильный камень. Блѣдныя уста стараго воина смолкли, глаза закрылись, онъ падаетъ съ коня. Юные бойцы спѣшатъ къ нему и кладутъ его среди весенней зелени. Въ печали склоняется надъ старцемъ красавица и увѣнчиваетъ его вѣнкомъ изъ розъ: да будешь ты королемъ майскаго праздника! Никто не свершилъ того, что свершилъ ты, хоть и напрасенъ цвѣтущій вѣнокъ для тебя, мертваго мужа.

Глубокое религіозное чувство сохранялъ онъ также во всю жизнь [1]). Для него всегда были дороги свобода совѣсти, свобода мнѣній и свобода науки, научныхъ изслѣдованій и направленій. Его глубоко возмущало всякое посягательство на эту свободу, чѣмъ бы оно ни оправдывалось и изъ какого бы источника оно не исходило. Онъ былъ убѣжденъ, что заблужденія и увлеченія науки устраняются и исправляются ея собственною жизнію, ея развитіемъ. Онъ зналъ, что заносчивыя и смѣлыя рѣшенія вопросовъ, «въ продолженіи тысячелѣтій занимающихъ разумъ человѣческій и постоянно вызывающихъ у него признаніе собственнаго безсилія», рано или поздно уступаютъ мѣсто болѣе трезвымъ воззрѣніямъ. Онъ зналъ, что положительное знаніе имѣетъ роковыя грани, за которыя не дано перешагнуть нашей любознательности. Съ уваженіемъ выслушивая мнѣнія или сомнѣнія серьезныхъ людей, несогласныя съ его убѣжденіями, онъ съ улыбкою встрѣчалъ противорѣчія дилетантовъ знанія и рѣшительныя отрицанія самоувѣренной ограниченности, способной признавать только то, что̀ доступно осязанію. Онъ признавалъ истину изрѣченія: «поверхностное знаніе отдаляетъ насъ отъ религіи, основательное возвращаетъ къ ней снова». Онъ зналъ, что эпохи сомнѣнія

---

[1]) Въ предисловіи ко второму тому Сочиненій А. С. Хомякова, изданному въ прошломъ году въ Прагѣ, Ю. Ѳ. Самаринъ причисляетъ Грановскаго къ идеалистамъ, учтиво выпроваживающимъ вѣру. Способенъ ли былъ Грановскій выпроваживать вѣру — предоставляемъ судить читателямъ этой книги. Впрочемъ, вѣра Грановскаго, конечно, была не такова, чтобы онъ могъ признавать учителя церкви въ покойномъ А. С. Хомяковѣ. Ужь не потому ли Ю. Ѳ. Самаринъ причисляетъ его къ людямъ, выпроваживающимъ вѣру?—Выше мы приводили слова Грановскаго о томъ, что отчасти по милости Славянъ онъ ославленъ врагомъ церкви. Эта милость пережила Грановскаго.

и безвѣрія—эпохи преходящія. Свои собственныя мнѣнія и вѣрованія по вопросамъ, вынуждающимъ у разума сознаніе своего безсилія, онъ повѣрялъ воззрѣніями замѣчательныхъ людей науки и мысли. Намъ памятна одна изъ бесѣдъ Грановскаго во время прогулки въ лѣсу въ іюльскій вечеръ 1855 года. Грановскій говорилъ о Вильгельмѣ Гумбольдтѣ. Онъ вспоминалъ, между прочимъ, что Гумбольдтъ, глубоко любившій жену свою, переживъ ее, вѣрилъ въ свиданіе съ нею за гробомъ. Грановскій при этомъ вспомнилъ также и воззрѣнія Гёте на безсмертіе, высказанныя имъ въ разговорахъ съ секретаремъ своимъ Эккерманомъ. «Для меня, продолжалъ Грановскій, относительно подобныхъ вопросовъ важны мнѣнія замѣчательныхъ людей. Для меня это отдѣльные огоньки, изъ которыхъ въ будущемъ загорятся новыя вѣрованія для человѣчества. Я знаю, въ настоящее время человѣчество будто успокоилось насчетъ подобныхъ вопросовъ, но вѣдь это ничего не значитъ; оно успокоивалось уже не разъ. Говорить объ этомъ конечно трудно. Можно упрекать меня въ мистицизмѣ.... да что же дѣлать!»

Оправившись отъ болѣзни, Грановскій спѣшилъ возвратомъ въ Москву, гдѣ надѣялся теперь найти болѣе простора для своей дѣятельности. Здѣсь онъ долженъ былъ видѣться съ министромъ просвѣщенія и представить ему написанную часть историческаго учебника, здѣсь онъ намѣренъ былъ, какъ деканъ историко-филологическаго факультета, хлопотать о перемѣнахъ и улучшеніяхъ въ распредѣленіи преподаванія въ кругу факультетскихъ наукъ. Въ Москвѣ онъ намѣревался приняться за задуманные труды и начать изданіе историческаго сборника. Онъ замѣтно находился въ состояніи нравственнаго возбужденія и торопливаго, порывистаго стремленія къ труду.

19*

Въ концѣ августа онъ выѣхалъ изъ деревни. Проѣзжая Воронежъ онъ засталъ здѣсь мѣстные выборы офицеровъ и начальниковъ готовившагося ополченія. По дорогѣ далѣе онъ повстрѣчался съ проходившимъ резервнымъ войскомъ и узналъ, отъ офицеровъ о паденіи Севастополя. «Вѣсть о паденіи Севастополя заставила меня плакать, писалъ онъ изъ Москвы А какія новыя утраты и позоры готовитъ намъ будущее! Будь я здоровъ — я ушелъ бы въ милицію безъ желанія побѣды Россіи, но съ желаніемъ умереть за нея. Душа наболѣла за это время» [1]). Во время перемѣны лошадей на одной изъ станцій между Тулою и Москвою, Грановскій вошелъ въ почтовый домъ. Здѣсь его узнали бывшіе его слушатели, офицеры нижегородскаго ополченія, двигавшагося по этой дорогѣ на югъ Россіи. Съ восторгомъ окружили они бывшаго своего наставника, жали его руки, говорили о томъ, что память о немъ живо сохранилась въ нихъ, что она и въ настоящее время одушевляла и поддерживала ихъ въ рѣшимости служить отечеству. Они толпою проводили его до экипажа. Глубоко взволнованный и растроганный простился съ ними Грановскій и разсказывая женѣ подробности этой встрѣчи, не забылъ, по своему обыкновенію прибавить, чтобъ она никому не сообщала того, что было отраднаго и лестнаго при этой встрѣчѣ лично для него. Изъ Москвы онъ писалъ: «Былъ свидѣтелемъ выборовъ въ ополченіе. Трудно себѣ представить что нибудь болѣе отвратительное и печальное. Я не признавалъ большаго патріотизма и благородства въ русскомъ дворянствѣ, но то, что я слышалъ далеко превзошло мои предположенія. Богатые или достаточные дворяне безъ зазрѣнія совѣсти откупались отъ выборовъ; кандидаты въ должности на-

---

[1]) Письмо къ К. Д. К—у. 19 сентября 1855.

чальниковъ дружинъ еще до избранія проповѣдывали о необходимости предоставить начальникамъ ополченія обмундировку ратниковъ и не скрывали своихъ видовъ на поправленіе обстоятельствъ, и при этомъ такая тупость, такое отсутствіе понятій о чести и правдѣ. Крестьяне же идутъ въ ратники безропотно. Въ другихъ губерніяхъ средней и южной Россіи дѣло шло не лучше. Только въ Нижнемъ, да отчасти въ Орлѣ дворянство показалось съ лучшей стороны. Я самъ видѣлъ (по дорогѣ сюда) Нижегородское ополченіе и толковалъ съ офицерами. Между ними очень много бывшихъ нашихъ студентовъ. Вотъ что сказалъ мнѣ одинъ изъ нихъ, Х—ъ: «ни одинъ изъ проживающихъ въ Нижегородской губерніи воспитанниковъ Московскаго Университета не уклонился отъ выборовъ. Мы всѣ пошли. За то другіе надъ нами смѣялись». Я гордился въ эту минуту званіемъ Московскаго профессора.... Вообще эта нечаянная, отрадная встрѣча съ Нижегородскимъ ополченіемъ произвела на меня глубокое и свѣтлое впечатлѣніе. За то какъ мало хорошаго во всемъ остальномъ!»

Съ сентября мѣсяца Грановскій началъ свои лекціи въ университетѣ и вступилъ въ должность декана. Онъ совѣщался съ своими товарищами о перемѣнахъ, которыя желательно было ввести въ факультетское преподованіе. Въ сентябрѣ Министръ Просвѣщенія А. С. Норовъ посѣтилъ Москву, и присутствовалъ на лекціи Грановскаго. Послѣдній еще изъ деревни доставилъ ему свою записку «о классическомъ преподаваніи въ гимназіяхъ», и послѣ свиданія съ нимъ въ Москвѣ писалъ къ А. С—у (5 сентября), что статья пошла въ ходъ, что «она, повидимому, принесетъ пользу». Надежды Грановскаго длились однакожь недолго. Въ другомъ его письмѣ къ К. Д. К—у отъ 19 сентября читаемъ, что министръ показываетъ къ нему большое расположеніе

и остался доволенъ присланною запискою, но что онъ не ожидаетъ отъ этого никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій.

«Для факультета, пишетъ Грановскій тамъ же, я надѣялся выпросить его согласіе на подраздѣленіе на филологическое и историческое отдѣленія. Въ историческое отдѣленіе мы внесли бы и юридическій элементъ. Слово министра здѣсь необходимо, потому что только оно одно могло бы зажать ротъ Б—у и Ш—у, которые, враждуя между собою, всегда согласны, когда дѣло идетъ о противодѣйствіи какому нибудь полезному и разумному предпріятію. Я впрочемъ дѣйствую на основаніи желаній большинства профессоровъ. Лично отъ себя я, разумѣется, не сталъ бы призывать вмѣшательство начальства. На студентовъ нашихъ грѣхъ пожаловаться. Есть между ними отличные юноши. Тѣмъ болѣе жаль видѣть хаотическое распредѣленіе занятій на нашемъ факультетѣ».

Въ это время цензура измѣнила свой прежній притязательный характеръ, и въ различныхъ кружкахъ московскихъ литтераторовъ, вмѣстѣ съ надеждами на бо̀льшую свободу для ихъ дѣятельности, появились предпріятія новыхъ изданій и журналовъ. «К—ъ, Л—ъ и многіе другіе, читаемъ въ письмѣ Грановскаго къ А. С—у отъ 5 сентября, хлопочутъ объ изданіи журнала литературно-политическаго. Послѣдній отдѣлъ едвали можетъ быть хорошъ у нихъ». Литературный кружекъ славянофиловъ приступалъ тогда также къ изданію журнала, явившагося въ послѣдствіи подъ названіемъ «Русской Бесѣды».

Намъ уже извѣстно отношеніе Грановскаго къ мнѣніямъ и направленію этого кружка. Въ виду событій, переживаемыхъ Россіею, выказывавшихъ всѣ недостатки ея общественнаго устройства и вызывавшихъ настоятельныя потребности преобразованія ея быта, Грановскій болѣе чѣмъ

когда нибудь относился нетерпѣливо и раздражительно къ фантастическимъ воззрѣніямъ, затемняющимъ ясный взглядъ на состояніе Россіи, на ея потребности для настоящаго и будущаго. Наступило время, когда обществу нужна была трезвая мысль, а не забава на досугѣ создаваемыми антикварными идеалами. «Эти люди противны мнѣ какъ гробы, пишетъ Грановскій о славянофилахъ съ одра болѣзни, за два дни до своей кончины. Отъ нихъ пахнетъ мертвечиною. Ни одной свѣтлой мысли, ни одного благороднаго взгляда. Оппозиція ихъ безплодна, потому что основана на одномъ отрицаніи того, что̀ сдѣлано у насъ въ полтора столѣтія новѣйшей исторіи. Я до смерти радъ, что они затѣяли журналъ... я радъ, потому что этому воззрѣнію надо высказаться до конца, выступить наружу во всей красотѣ своей. Придется поневолѣ снять съ себя либеральныя украшенія, которыми морочили они дѣтей. Надобно будетъ сказать послѣднее слово системы, а это послѣднее слово—православная патріархальность, несовмѣстная ни съ какимъ движеніемъ впередъ» [1]).

Хлопоты и разъѣзды по дѣламъ университета, объясненія съ разными лицами не давали Грановскому досуга приняться въ сентябрѣ за продолженіе начатаго имъ историческаго учебника. «На этой же недѣлѣ сажусь крѣпко за работу, писалъ онъ къ Е. К. С—ъ 22 сентября... Я право не виноватъ и рвусь душею къ работѣ». Между тѣмъ онъ уже съ трудомъ ходилъ отъ боли въ ногѣ и слегъ въ постель. У него оказалось воспаленіе вѣнъ ноги. Больному поставили піявки, и съ недѣлю боль заставляла его лежать почти неподвижно. Болѣзнь его не казалась опасною, но онъ на этотъ разъ сносилъ ее нетерпѣливо, порываясь къ задер-

---

[1]) Письмо къ К—у 2 октября.

жаннымъ ею занятіямъ. Не покидая постели, онъ толковалъ съ покойнымъ профессоромъ исторіи П. Н. Кудрявцевымъ объ историческомъ сборникѣ, который надѣялся издавать вмѣстѣ съ нимъ. Онъ надѣялся на содѣйствіе нѣскольких изъ своихъ товарищей профессоровъ и бывшихъ слушателей. Самъ онъ намѣревался приготовить для сборника нѣсколько статей подъ названіемъ «Историческія письма», желая изложить здѣсь рядъ мыслей о своей наукѣ и высказаться полнѣе и отчетливѣе о тѣхъ вопросахъ, которыхъ коснулся въ своей рѣчи «о современномъ состояніи и значеніи всеобщей исторіи». Въ статьѣ «Городъ» онъ надѣялся исполнить давно задуманный планъ, представивъ картину городской европейской жизни въ древней, средней и новой исторіи. Онъ надѣялся въ сборникѣ представлять также публикѣ свои отчеты и рецензіи по поводу новыхъ произведеній исторической литературы. Онъ торопилъ своихъ сотрудниковъ составленіемъ программы изданія и за два дня до смерти выслушалъ и одобрилъ ее, высказывая желаніе какъ можно скорѣе приступить къ самому дѣлу. Изданіе должно было обнимать современное движеніе исторической науки, а также литературы и политики. 2 октября, Грановскій, немогши писать самъ, диктовалъ женѣ своей письмо къ К. Д. К—у, въ которомъ читаемъ: «еще нужно было бы мнѣ поговорить съ министромъ о затѣваемомъ мною съ Кудрявцевымъ историческомъ сборникѣ. Мы думаемъ издавать двѣ-три книжки въ годъ. Эластическое слово «историческій» дало бы намъ возможность касаться самыхъ жизненныхъ вопросовъ». Онъ намѣревался самъ ѣхать въ Петербургъ, чтобы испросить разрѣшеніе для задуманнаго изданія, но уже не довѣрялъ своимъ силамъ. «Если только болѣзнь не помѣшаетъ снова, я буду въ декабрѣ въ Петербургѣ», читаемъ въ томъ же письмѣ.

Среди болѣзни, приковавшей его къ постели, Грановскій сохранилъ полное участіе къ своимъ обычнымъ интересамъ, много читалъ и съ любопытствомъ освѣдомлялся у посѣтителей о современныхъ новостяхъ и событіяхъ, о толкахъ и сужденіяхъ общества въ тѣ тревожные дни. За два дня до смерти онъ со скорбію вспоминалъ о своемъ далекомъ другѣ, и вотъ что диктовалъ въ своемъ послѣднемъ письмѣ къ одному изъ друзей своихъ по поводу появившейся въ Лондонѣ книги Герцена: «Утѣшительнаго и хорошаго мало. Личность осталась та же, не старѣющая, горячая, благородная, остроумная, но дѣятельность ничтожная и пониманіе вещей самое дѣтское. Для изданія такихъ мелочей не стоило заводить типографіи. Сотрудники у него настоящіе ослы, не знающіе ни Россіи, ни русскаго языка. Еслибы эти жалкія произведенія и проникли къ намъ, то конечно не вызвали бы ничего, кромѣ смѣха и досады. Его собственныя статьи напоминаютъ его остроумными выходками и сближеніями, но лишены всякаго серьезнаго значенія. И что за охота пришла человѣку разыгрывать передъ Европою роль московскаго славянофила, клеветать на Петра Великаго и увѣрять французскихъ réfugiés въ существованіи сильной либеральной партіи въ Россіи. У меня чешутся руки отвѣчать ему печатно въ его же изданіи (которое называется Полярной Звѣздою). Незнаю сдѣлается ли это».

Въ томъ же письмѣ онъ упоминаетъ о часто появлявшихся въ то время письмахъ М. П. П—а, обсуждавшаго различные современные и несовременные вопросы: «а П—ъ не перестаетъ писать свои безконечныя и безполезныя письма. Теперь избралъ темою проэктъ соединенія Россіи съ Индіей посредствомъ желѣзной дороги. Это что-то въ родѣ Александра Ивановича (Герцена): говорятъ изъ двухъ противуположныхъ лагерей, а выходитъ одинъ и тотъ же вздоръ».

Мысль о положеніи Россіи не была отрадною для Грановскаго на его смертномъ одрѣ. «Не только Петръ Великій былъ бы намъ полезенъ теперь, продолжалъ онъ въ томъ же письмѣ, но даже и палка его, учившая русскаго дурака уму-разуму. Со всѣхъ сторонъ бѣда; не хорошо и снаружи и внутри, а ни общество, ни литература не отзываются на это положеніе разумнымъ словомъ. Московское общество страшно возстаетъ противъ правительства, обвиняетъ его во всѣхъ неудачахъ и притомъ обнаруживаетъ, что стоитъ несравненно ниже правительства по пониманію вещей. На дняхъ здѣшніе сенаторы выражали сильное негодованіе за извѣстіе о Корфѣ. Какъ можно, говорятъ они, такъ компрометировать генерала. Вообще наша публика боится гласности»....

Дня за два до своей кончины Грановскій читалъ «La Réforme» Мишеле, и закрывъ книгу, сказалъ: «Я бы не желалъ написать такой книги. Это легкомысленно; такъ писать нельзя». Онъ признавалъ однакоже, что книга не безъ достоинства и что найдетъ болѣе читателей и произведетъ болѣе эффекта, чѣмъ иныя дѣльныя произведенія нѣмецкихъ историковъ, лишенныхъ таланта изложенія.

3 октября онъ перечелъ послѣднюю часть статьи «О чтеніяхъ Нибура», приготовленной имъ для печати въ «Пропилеяхъ». Онъ остался ею доволенъ и съ улыбкой сказалъ женѣ: «а знаешь, Лиза, эту статью писалъ не глупый человѣкъ». Статья, по богатству идей, глубинѣ и мѣткости замѣчаній и вѣрности характеристикъ дѣйствительно могла удовлетворить весьма взыскательнаго къ себѣ автора.

Наканунѣ 4 октября Грановскій принималъ своихъ друзей, бесѣдовалъ и шутилъ съ ними. Всѣ ожидали его скораго выздоровленія.

4 октября съ утра больной читалъ книгу Перренса «Jérome Savanarole» и по обыкновенію своему, дѣлалъ отмѣтки

карандашемъ на поляхъ. Онъ кончалъ пятую главу книги и надъ страницей, гдѣ авторъ говоритъ о средствахъ, избранныхъ Саванаролою для нравственной реформы между братьями монастыря святаго Марка, о его рѣчахъ, совѣтахъ и примѣрахъ, подаваемыхъ собственною его жизнію, Грановскій почувствовалъ усталость и закрылъ книгу. Онъ говорилъ съ женою о публичномъ курсѣ, который намѣревался читать зимою и ожидалъ нѣсколькихъ студентовъ, которыхъ пригласилъ въ этотъ день къ себѣ на обѣдъ. Больной приподнялся и сѣлъ въ постели, но вдругъ опустился на изголовье. Онъ приблизилъ къ устамъ руку жены, поцѣловалъ ее и сказалъ: «Бѣдная!» Призванный медикъ немедленно прибылъ, но больной былъ уже въ агоніи. Грановскій тяжело вздохнувъ скончался, все держа руку жены въ холодѣющей рукѣ своей.

Ударъ положилъ конецъ жизни, драгоцѣнной для многихъ. Друзья, спѣшившіе навѣстить Грановскаго, люди, пріѣзжавшіе къ нему въ это утро за совѣтомъ и по дѣламъ, нашли его бездыханнымъ. Вѣсть о его кончинѣ быстро разнеслась по городу. Отъ утра до вечера въ скромной квартирѣ Грановскаго толпились вокругъ его остатковъ друзья его, университетскіе товарищи, знакомые покойнаго, многочисленные его слушатели, и прежде никогда не виданныя здѣсь лица. Всѣ были поражены, всѣ, будто, не могли понять, что Грановскаго нѣтъ болѣе. Усопшій, казалось, покоился въ глубокомъ и тихомъ снѣ. Смерть не измѣнила благороднаго лица. Закрывъ его блестящіе глаза она положила только печать величаваго спокойствія на энергическую и мужественную красоту его.

6 октября къ остаткамъ покойнаго собрались многочисленные почитатели его. Гробъ изъ дома былъ вынесенъ профессорами университета. На улицѣ было тѣсно отъ толпы,

прибывшей проводить его. Она сыпала цвѣты на можжевельникъ, устилавшій путь печальнаго шествія. Слушатели покойнаго приняли на свои руки и несли гробъ до университетской церкви.

7 октября въ 10 часовъ утра университетская церковь была уже полна. Здѣсь были всѣ члены Университета, студенты и толпа постороннихъ лицъ. Послѣ литургіи прощаніе съ тѣломъ длилось долго; всѣ хотѣли взглянуть въ послѣдній разъ на дорогое лицо и принести ему послѣднее цѣлованіе. Еще разъ товарищи Грановскаго подняли гробъ и вынесли его изъ церкви. Далѣе по длинному пути отъ Университета до Пятницкаго кладбища студенты несли до могилы своего наставника. Толпа двигалась за ними и развертывалась на разстояніи около версты. Встрѣчавшіеся съ гробомъ измѣняли свой путь и присоединялись къ погребальному шествію. На возвышенности, предъ которою разстилается зеленое поле, окаймленное съ другой стороны Сокольницкой рощей, тѣло было предано землѣ подъ вѣтвями высокихъ старыхъ деревъ. Осеннее солнце бросало лучи на увядающую окрестность и свѣжую могилу, окруженную толпою въ глубоко скорбномъ и торжественномъ настроеніи. «На древнихъ саркофагахъ встрѣчаемъ изображенія погребальныхъ процессій, изъ которыхъ можно узнать о значеніи покойника: еслибы на надгробномъ памятникѣ Грановскаго можно было живописать его погребеніе, можно было изобразить вполнѣ скорбь, слезы многочисленной семьи чужихъ людей, то этотъ памятникъ далъ бы понятіе о значеніи человѣка подъ нимъ сокрытаго». Такими словами вспоминалъ это погребеніе одинъ изъ достойныхъ товарищей Грановскаго, С. М. Соловьевъ въ Некрологѣ Грановскаго, произнесенномъ на актѣ университетскомъ 1856 года.

Журналы и газеты наполнились по смерти Грановскаго статьями, воспоминаніями о немъ его товарищей и слушателей. Появлявшіяся замѣчательнѣйшія книги украшались на первыхъ страницахъ посвященіемъ его памяти, благодарнымъ воспоминаніемъ объ учителѣ и руководителѣ. Изъ далекихъ, глухихъ уголковъ Россіи раздавались по поводу его кончины полныя благодарности и печали слова никому неизвѣстныхъ лицъ, питавшихся памятью его ученія, радовавшихся его личнымъ участіемъ къ судьбѣ ихъ, тяжко чувствовавшихъ съ его смертію лишеніе нравственной опоры въ борьбѣ и трудѣ ихъ скромнаго, безвѣстнаго поприща. При извѣстіи о его кончинѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ Россіи раздавались подаянія бѣднымъ въ память его. Въ Харьковѣ, въ лазаретъ, гдѣ лѣчились раненые въ Крыму, было прислано значительное приношеніе на нужды больныхъ, и на вопросъ отъ кого оно, доставившимъ позволено было только отвѣчать: отъ Грановскаго. Много лѣтъ прошло, со дня когда его не стало, а память о Грановскомъ жива въ стѣнахъ Московскаго Университета среди молодыхъ поколѣній учащихся и въ русскомъ обществѣ.

Въ русскомъ обществѣ около того времени, когда скончался Грановскій, начинало пробуждаться сознаніе. Оно начинало чувствовать со времени Крымской компаніи необходимость перемѣнъ, невозможность оставаться въ прежнемъ порядкѣ вещей. Общественная нравственность, справедливость робко, неясно начинала поднимать свой голосъ, заявлять свои требованія въ душѣ лучшихъ людей. Современному человѣчеству нельзя жить, забывая о добрѣ, нравственности, чести, о началахъ, на которыхъ зиждутся христіанскія общества—это начинало и чувствовать и понимать все большее и большее число людей. Послѣ мрачной ночи занималась прекрасная заря, а Грановскій отошелъ къ вѣч-

ному сну. Смерть избрала эту пору, чтобъ унести того, кто былъ обиленъ любовію, добромъ, нравственными убѣжденіями, знаніемъ, горячимъ, страстнымъ желаніемъ успѣховъ своему отечеству, безграничною преданностію всѣмъ лучшимъ интересамъ человѣчества. Смерть унесла *человѣка* въ лучшемъ чистѣйшемъ смыслѣ этого слова. Въ эти дни такая утрата не могла не вызвать общественной скорби и слезъ, сожалѣній, горькихъ и благотворныхъ воспоминаній, порывовъ къ добру во имя человѣка. Это былъ великолѣпный и заслуженный вѣнокъ на могилѣ Грановскаго.

Пятнадцать лѣтъ занималъ Грановскій каѳедру всеобщей исторіи въ Московскомъ Университетѣ. Нѣсколько поколѣній испытали вліяніе его ученія, Между учениками и слушателями Грановскаго образовались люди, имена которыхъ пріобрѣли извѣстность на поприщѣ русской науки [1]).

---

[1]) Слушателями Грановскаго были покойные профессоря Всеобщей Исторіи П. Н. Кудрявцевъ и С. В. Ешевскій, и занимающій въ настоящее время въ Московскомъ Университетѣ каѳедру Русской исторіи С. М. Соловьевъ. И. К. Бабстъ, профессоръ политической экономіи того же университета началъ свои историческія занятія подъ руководствомъ Грановскаго. Б. Н. Чичеринъ, оставившій каѳедру Государственнаго права въ минувшемъ году, окончилъ еще до вступленія въ Университетъ свое воспитаніе подъ руководствомъ Грановскаго и будучи его слушателемъ, также какъ и по окончаніи университетскаго курса, постоянно пользовался его дружескимъ участіемъ и совѣтами въ своихъ трудахъ. Мы не перечисляемъ здѣсь еще многихъ учениковъ Грановскаго, ограничиваясь именами ученыхъ изъ ближайшихъ Грановскому слушателей его.

Въ числѣ его слушателей были многіе изъ нашихъ литераторовъ и писателей. Многіе изъ его учениковъ, вступивъ на разнообразные пути гражданской дѣятельности, сохранили о Грановскомъ память, какъ о наставникѣ, вліяніе котораго опредѣлило характеръ ихъ дѣятельности, ихъ нравственныя убѣжденія. Не оставивъ по себѣ обширныхъ или значительныхъ историческихъ трудовъ, Грановскій тѣмъ не менѣе своею дѣятельностію на каѳедрѣ положилъ начало серьезному изученію всеобщей исторіи въ Россіи. Онъ не только привлекъ къ этому изученію нѣсколькихъ изъ учениковъ своихъ, но въ нѣкоторой степени успѣлъ и въ русскомъ обществѣ пробудить вниманіе и сочувствіе къ исторической наукѣ. Онъ не признавалъ, что исторія существуетъ только для ученыхъ. «Какъ будто исторія можетъ допустить такое ограниченіе, какъ будто она по самому существу своему не есть самая популярная изъ всѣмъ наукъ, призывающая къ себѣ всѣхъ и каждаго», писалъ онъ [1]). Силою своего таланта онъ успѣлъ пробудить въ обществѣ по крайней мѣрѣ предчувствіе связи исторической науки съ жизнію, предчувствіе того, что въ историческихъ судьбахъ человѣчества кроется для современнаго человѣка объясненіе собственной судьбы. Такого успѣха Грановскій достигъ преимущественно широко гуманнымъ характеромъ своего историческаго созерцанія, способностію во всѣхъ вѣкахъ, у всѣхъ народовъ открывать родное, человѣческое, способностію переселяться въ минувшее не только фантазіею, но и сердечнымъ участіемъ. Въ Россіи и до Грановскаго были ученые и болѣе или менѣе даровитые преподаватели всеобщей исторіи [2]), но никто изъ предшественни-

[1]) Сочиненія Грановскаго. Изд. 2. Т. I, стр. 46.

[2]) Между ними памятенъ всѣмъ своимъ слушателямъ покойный профессоръ исторіи въ Харьковскомъ Университетѣ М. М. Лунинъ.

ковъ Грановскаго на каѳедрахъ исторіи въ Россіи не обладалъ такимъ живымъ и цѣльнымъ взглядомъ на науку, такимъ органическимъ пониманіемъ исторіи, такимъ талантомъ разгадывать смыслъ ея явленій и представлять ихъ въ связи, въ цѣломъ, какими обладалъ Грановскій. «Тотъ не историкъ, говорилъ онъ, кто неспособенъ перенести въ прошедшее живаго чувства любви къ ближнему и узнать брата въ отдѣленномъ отъ него вѣками иноплеменникѣ». Никто въ Россіи не вносилъ въ историческую науку столько любви къ этому брату, какъ Грановскій. Независимое и своеобразное теченіе исторической жизни въ его изложеніи не искажалось никакими личными желаніями и произвольными намѣреніями историка. Наука не была для него орудіемъ для какой нибудь односторонней цѣли. Ко всѣмъ историческимъ явленіямъ и дѣятелямъ, ко всѣмъ орудіямъ Провидѣнія въ судьбахъ человѣчества хранилъ онъ одинаково правдивое отношеніе. Онъ говорилъ: «разсматривая съ вершины настоящего погребальное шествіе народовъ къ великому кладбищу исторіи, нельзя не замѣтить на вождяхъ этого шествія двухъ особенно рѣзкихъ типовъ, которые встрѣчаются преимущественно на распутіяхъ народной жизни, въ такъ называемыя переходныя эпохи. Одни отмѣчены печатью гордой и самонадѣянной силы. Эти люди идутъ смѣло впередъ, не спотыкаясь на развалины прошедшаго. Природа одаряетъ ихъ особенно чуткимъ слухомъ и зоркимъ глазомъ, но нерѣдко отказываетъ имъ въ любви и поэзіи. Сердце ихъ не отзывается на грустные звуки былаго. За то за ними право побѣды, право историческаго успѣха. Бóльшее право на личное сочувствіе историка имѣютъ другіе дѣятели, въ лицѣ которыхъ воплощается вся красота, все достоинство отходящаго времени. Они его лучшіе представители и доблестные защитники.... Но ни тѣмъ, ни другимъ, ни побор-

никамъ старыхъ, ни водворителямъ новыхъ началъ, не дано совершить ихъ подвига во всей его чистотѣ и задуманной опредѣленности. Изъ ихъ совокупной дѣятельности Провидѣніе слагаетъ нежданный и невѣдомый имъ выводъ» [1]). Въ лицѣ Грановскаго явилось оправданіе истины его собственныхъ словъ: «Исторія, развиваетъ въ насъ вѣрное чувство дѣйствительности и ту благородную терпимость, безъ которой нѣтъ истинной оцѣнки людей.... При каждомъ историческомъ проступкѣ она приводитъ обстоятельства, смягчающія вину преступника, кто бъ ни былъ онъ — цѣлый народъ или отдѣльное лице.... Въ самыхъ позорныхъ періодахъ жизни человѣчества есть искупительныя, видимыя на растояніи столѣтій стороны и на днѣ самаго грѣшнаго предъ судомъ современниковъ сердца таится какое нибудь одно лучшее и чистое чувство» [2]). Грановскій былъ по преимуществу представителемъ гуманныхъ началъ и идей на каѳедрѣ и въ жизни, какъ историкъ и какъ человѣкъ.

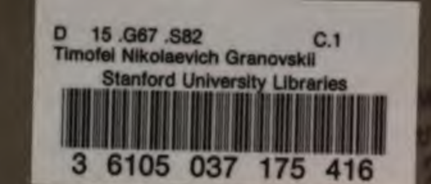
Русское общество въ эпоху, когда жилъ и дѣйствовалъ Грановскій въ его горячемъ сочувствіи къ лучшимъ, благороднѣйшимъ цѣлямъ человѣка было наклонно видѣть исключительно либеральное направленіе, видѣть въ самомъ Грановскомъ по преимуществу либерала и поборника свободы. Несомнѣнно, что Грановскій любилъ свободу, но ему были дороги также и всѣ другія начала и цѣли гражданскаго и политическаго общества. Ему были дороги всѣ интересы и успѣхи человѣка, всѣ условія его развитія, все въ чемъ выражается его сознаніе духа и природы—религія, искусство, наука. Любовь къ свободѣ не затемняла въ его глазахъ значенія власти для цѣлей общественной судьбы че-

---

[1]) Сочиненія Грановскаго. Изд. 2 Т. I, стр. 377.
[2]) Тамъ же, стр. 45 и 46.

ловѣка. Онъ благоговѣлъ передъ нею, когда она являлась въ лицѣ Великаго Петра. Память Грановскаго нельзя связывать съ какимъ нибудь одностороннимъ научнымъ стремленіемъ, съ какимъ нибудь рѣзко опредѣленнымъ политическимъ направленіемъ или ученіемъ. Ему были дороги все человѣческое, всѣ возвышенныя стремленія и цѣли человѣка и понятны всѣ пути, которые ведутъ къ этимъ цѣлямъ. Повторяемъ: Грановскій былъ лучшимъ представителемъ въ Россіи гуманныхъ идей и стремленій. Въ распространеніи гуманности въ русскомъ обществѣ заключались значеніе его жизни и цѣль его дѣятельности.

КОНЕЦЪ.

Date Due

